

**ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ДРУЖБЫ НАРОДОВ
СЕРИЯ:
ЛИНГВИСТИКА**

2017 Том 21 № 4

**Научный журнал
Издается с 1997 г.**

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) **Свидетельство о регистрации** ПИ № ФС 77-61212 от 30.03.2015 г.
Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

**RUSSIAN JOURNAL
OF LINGUISTICS**

2017 Volume 21 No. 4

**Founded in 1997
by the Peoples' Friendship University of Russia**

DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-4

4 выпуска в год.

Языки: русский, английский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Включен в каталог периодических изданий Web of Science Core Collection (ESCI), DOAJ, Ulrich (Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>).

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka, Google Scholar, WorldCat.

Подписной индекс издания в каталоге агентства Роспечать: 36436.

Цели и тематика

Журнал Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика — периодическое международное рецензируемое научное издание в области междисциплинарных лингвистических исследований. Журнал является международным как по составу редакционной коллегии и экспертного совета, так и по авторам и тематике публикаций.

Цели журнала:

- ◆ способствовать научному обмену и сотрудничеству между российскими и зарубежными лингвистами, а также специалистами смежных областей;
- ◆ знакомить читателей с новейшими направлениями и теориями в области лингвистических исследований, разрабатываемых как в России, так и за рубежом, и их практическим применением;
- ◆ публиковать результаты оригинальных научных исследований по широкому кругу актуальных лингвистических проблем междисциплинарного характера, касающихся языка, культуры, сознания и коммуникации;
- ◆ освещать научную деятельность как российского, так и международного научного сообщества.

Будучи международным по своей направленности, журнал нацелен на обсуждение теоретических и практических вопросов, касающихся взаимодействия культуры, языка и коммуникации. Особый акцент делается на междисциплинарные исследования. Основные рубрики журнала: *язык и культура, сопоставительное языкознание, социолингвистика, психолингвистика, когнитивная лингвистика, прагматика, анализ дискурса, межкультурная коммуникация, теория и практика перевода*. Кроме научных статей публикуется хроника научной жизни, включающая рецензии, научные обзоры, информацию о конференциях, научных проектах.

Перечень отраслей науки и групп специальностей научных работников в соответствии с номенклатурой ВАК РФ: Отрасль науки: 10.00.00 — филологические науки; Специальности научных работников: 10.02.01 — русский язык, 10.02.04 — германские языки, 10.02.05 — романские языки, 10.02.19 — теория языка, 10.02.20 — сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание.

Журнал строго придерживается международных стандартов публикационной этики, сформулированных в документе *COPE (Committee on Publication Ethics)* <http://publicationethics.org>.

Правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/linguistics>.

Электронный адрес: lingj@rudn.university; vestnik_linguistics@mail.ru.

4 issues per year

Languages: Russian, English.

Indexed/abstracted in Web of Science Core Collection (ESCI), DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>, Electronic Journals Library Cyberleninka, Google Scholar, WorldCat.

Aims and Scope

The Russian Journal of Linguistics is a peer-reviewed international academic journal publishing research in Linguistics and related fields. It is international with regard to its editorial board, contributing authors and thematic foci of the publications.

The aims of the journal:

- ◆ to promote scholarly exchange and cooperation among Russian and international linguists and specialists in related areas of investigation;
- ◆ to disseminate theoretically grounded research and advance knowledge pertaining to the field of Linguistics developed both in Russia and abroad;
- ◆ to publish results of original research on a broad range of interdisciplinary issues relating to language, culture, cognition and communication;
- ◆ to cover scholarly activities of the Russian and international academia.

As a Russian journal with international character, it aims at discussing relevant intercultural/linguistic themes and exploring general implications of intercultural issues in human interaction in an interdisciplinary perspective. The most common topics include *language and culture, comparative linguistics, sociolinguistics, psycholinguistics, cognitive linguistics, pragmatics, discourse analysis, intercultural communication, and theory and practice of translation*. In addition to research articles, the journal welcomes book reviews, literature overviews, conference reports and research project announcements.

The Journal is published in accordance with the policies of *COPE (Committee on Publication Ethics)* <http://publicationethics.org>.

The editors are open to thematic issue initiatives with guest editors.

Further information regarding notes for contributors, subscription, open access and back volumes is available at <http://journals.rudn.ru/linguistics>.

E-mail: lingj@rudn.university; vestnik_linguistics@mail.ru.

Подписано в печать 10.11.2017. Выход в свет 17.11.2017. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 32,09. Тираж 500 экз. Заказ № 1601. Цена свободная.

Отпечатано в типографии ИПК РУДН: 115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, 3

Printed at the RUDN Publishing House: 3, Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russia,

+7 (495) 952-04-41; E-mail: ipk@rudn.university

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Т.В. Ларина, РУДН, Россия. E-mail: larina_tv@rudn.university

ПОЧЕТНЫЙ РЕДАКТОР

Иштван Кечкеш, Университет Штата Нью-Йорк, Олбани, США. E-mail: ikecskes@albany.edu

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

А.С. Борисова, РУДН, Россия. E-mail: borisova_as@rudn.university

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ

Альба-Хуэс Лаура, Национальный университет дистанционного образования UNED (Мадрид, Испания)

Биби Стивен А., Университет штата Техас (Сан Маркос, США)

Богданова Людмила Ивановна, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия)

Гусман Тирадо Рафаэль, Гранадский университет (Гранада, Испания)

Деваеле Жан-Марк, Лондонский университет (Лондон, Великобритания)

Дементьев Вадим Викторович, Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского (Саратов, Россия)

Еленевская Мария, Технион — Израильский политехнический институт (Хайфа, Израиль)

Еслами Зохранэ, Техасский университет А&М в Катаре (Доха, Катар / Техас, США)

Жельвис Владимир Ильич, Ярославский государственный педагогический университет (Ярославль, Россия)

Зализняк Анна Андреевна, Институт языкознания РАН (Москва, Россия)

Иванова Светлана Викторовна, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина (Санкт-Петербург, Россия)

Ирисханова Ольга Камалудиновна, Московский государственный лингвистический университет, Институт языкознания РАН (Москва, Россия)

Карасик Владимир Ильич, Волгоградский государственный социально-педагогический университет (Волгоград, Россия)

Карбо Донал, Массачусетский университет (Амхерст, США)

Лассан Элеонора, Вильнюсский университет (Вильнюс, Литва)

Леонтович Ольга Аркадьевна, Волгоградский государственный социально-педагогический университет (Волгоград, Россия)

Миллс Сара, Университет Шеффилд Холлэм (Шеффилд, Великобритания)

Ойши Етсуко, Токийский исследовательский университет (Токио, Япония)

Павленко Анета, Университет Осло (Осло, Норвегия)

Понтон Дуглас Марк, Университет Катании (Катания, Италия)

Путц Мартин, Университет Кобленц-Ландау (Ландау, Германия)

Сифьяну Мария, Афинский национальный университет им. Каподистрии (Афины, Греция)

Сунь Юйхуа, Даляньский университет иностранных языков (Далянь, КНР)

Сурьянараян Нилакши, доктор, профессор, Делийский университет (Дели, Индия)

Шнайдер Клаус, Боннский университет (Бонн, Германия)

Эбзеева Юлия Николаевна, РУДН (Москва, Россия)

Литературный редактор *К.В. Зенкин*
Компьютерная верстка *Е.П. Довголевская*

Адрес редакции:

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: ipk@rudn.university

Почтовый адрес редакции:

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2
Тел.: (495) 434-20-12; e-mail: lingj@rudn.university; vestnik_linguistics@mail.ru

EDITOR-IN-CHIEF

Tatiana Larina, RUDN University, Moscow, Russia. E-mail: larina_tv@rudn.university

HONORARY EDITOR

Istvan Kecskes, State University of New York at Albany, USA. E-mail: ikecskes@albany.edu

EXECUTIVE SECRETARY

Anna Borisova, RUDN University, Moscow, Russia. E-mail: borisova_as@rudn.university

EDITORIAL BOARD

Laura Alba-Juez, National Distance Education University (Madrid, Spain)

Steven A. Beebe, Texas State University (San Marcos, USA)

Liudmila Bogdanova, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Donal Carbaugh, University of Massachusetts (Amherst, USA)

Vadim Dementyev, Saratov State University (Saratov, Russia)

Jean-Marc Dewaele, Birkbeck, University of London (London, UK)

Julia Ebzeeva, RUDN University (Moscow, Russia)

Zohreh Eslami, Texas A&M University at Qatar (Doha, Qatar / Texas, USA)

Rafael Guzman Tirado, University of Granada (Granada, Spain)

Olga Iriskhanova, Moscow State Linguistic University (Moscow, Russia)

Svetlana Ivanova, Pushkin Leningrad State University (St. Petersburg, Russia)

Vladimir Karasik, Volgograd State Socio-Pedagogical University (Volgograd, Russia)

Eleonora Lissan, Vilnius University (Vilnius, Lithuania)

Olga Leontovich, Volgograd State Socio-Pedagogical University (Volgograd, Russia)

Sara Mills, Sheffield Hallam University (Sheffield, UK)

Etsuko Oishi, Tokyo University of Science (Tokyo, Japan)

Aneta Pavlenko, University of Oslo (Oslo, Norway)

Douglas Mark Ponton, University of Catania (Catania, Italy)

Martin Pütz, University of Koblenz-Landau (Landau, Germany)

Klaus Schneider, University of Bonn (Bonn, Germany)

Maria Sifianou, National and Kapodistrian University of Athens (Athens, Greece)

Sun Yuhua, Dalian University of Foreign Languages (Dalian, China)

Neelakshi Suryanarayan, Delhi University (New Delhi, India)

Maria Yelenevskaya, Technion — Israel Institute of Technology (Haifa, Israel)

Anna Zalizniak, the Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Review Editor *Konstantin V. Zenkin*
Computer Design *Ekaterina P. Dovgolevskaya*

Editorial office:

10/2 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russia
Tel.: +7 (495) 434-20-12;
e-mail: lingj@rudn.university; vestnik_linguistics@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА. АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА

- Gunter Senft (Неймеген, Нидерланды)** Absolute Frames of Spatial Reference in Austronesian Languages (Абсолютные фреймы пространственных отношений в австронезийских языках) 686
- Алефиренко Н.Ф. (Белгород, Россия), Нуртазина М.Б. (Астана, Казахстан)** Системная панорама когнитивной репрезентации семантики таксиса 706
- Богданова Л.И. (Москва, Россия)** Оценки и ценности в зеркале словарей русского языка 729
- Chen Huan (Гуанчжоу, Китай)** Модные слова в современном русском и китайском газетном тексте: происхождение, семантика, функции 749

ПРАГМАТИКА И ДИСКУРС-АНАЛИЗ

- Martina Cremona, Stavros Assimakopoulos and Alexandra Vella (Мальта)** Expression of Politeness in a Bilingual Setting: the Case of Maltese English (Выражение вежливости в условиях билингвизма на примере мальтийского варианта английского языка) 767
- Леонтович О.А., Симоненко Н.Ю. (Волгоград, Россия)** Chinese Narrative Song: Structure, Language and Historical Dynamics (Китайская нарративная песня: структура, язык, историческая динамика) 789
- Синельникова Л.Н. (Ялта, Россия)** Ризома и дискурс интермедиальности 805
- Чанышева З.З. (Уфа, Россия)** Корпоральная прагматика субъекта политического дискурса 822
- Уланова С.Б. (Москва, Россия)** От грамматической семантики к грамматике дискурса 833
- Хабибуллина Ф.Я., Иванова И.Г. (Йошкар-Ола, Россия)** Выражение футуральности в афоризмах политического дискурса разноструктурных языков .. 844
- Абдулхамидова П.Ш., Юсуфбеков Ш.П. (Хорог, Таджикистан)** Создание дискурса публичной сферы шугнанского языка в СМИ и социальных сетях 858

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ПЕРЕВОД

- Robin Cranmer (Лондон, Великобритания)** Intercultural Communicative Competence — a Further Challenge (Межкультурная коммуникативная компетенция — новые вызовы) 870
- Michael Hinner (Фрайберг, Германия)** Cultural Misunderstandings: Causes and Solutions (Непонимание в межкультурной коммуникации: причины и поиски решений) 885

- Ремхе И.Н. (Челябинск, Россия), Нефедова Л.А. (Челябинск, Россия), David C. Gillespie (Bath, Great Britain)** Rethinking the Translator's Role within the GILT project: an integrated approach (К вопросу о роли переводчика в условиях реализации проекта GILT (глобализация, интернализация, локализация, перевод): интегрированный подход) 910

ХРОНИКА

Рецензии

- Збенович К. (Иерусалим, Израиль)** Рецензия на книгу *Эволюция ценностей в языках и культурах* (Отв. редактор И.А. Седакова). — М.: Пробел 2000, 2011. — 240 с. 927
- Шаховский В.И. (Волгоград, Россия)** Рецензия на учебник В.А. Пищальниковой и А.Г. Сониной «Общее языкознание». — М.: Р.Валент, 2017. — 480 с. 934

Конференции

- Горшкова В.Е. (Иркутск, Россия)** Седьмая международная научная конференция «Русский язык и культура в зеркале перевода. Мировое кино: вчера, сегодня, завтра...», Афины, Греция, 28 апреля — 3 мая 2017 г. 941
- Недопекина Е.М. (Москва, Россия)** Международная конференция «Approaches to Migration, Language and Identity» Лозанна, Швейцария, 4—6 мая 2017 г. 947

Юбиляры

- Зинаида Яковлевна Тураева. К 95-летию со дня рождения 951

CONTENTS

COGNITIVE LINGUISTICS.

AXIOLOGICAL SEMANTICS

- Gunter Senft (Nijmegen, The Netherlands)** Absolute Frames of Spatial Reference in Austronesian Languages 686
- Nikolay Alefirenko (Belgorod, Russia), Maral Nurtazina (Astana, Kazakhstan)** The System Panorama of Cognitive Representation for Taxis Semantics 706
- Ludmila Bogdanova (Moscow, Russia)** The Reflection of Evaluation in Russian Language Dictionaries 729
- Chen Huan (Guangzhou, China)** Buzzwords in Modern Russian and Chinese Newspapers: Origin, Semantics, Functions 749

PRAGMATICS AND DISCOURSE ANALYSIS

- Martina Cremona, Stavros Assimakopoulos and Alexandra Vella (Malta)** Expression of Politeness in a Bilingual Setting: the Case of Maltese English 767
- Olga Leontovich, Natalya Simonenko (Volgograd, Russia)** Chinese Narrative Song: Structure, Language and Historical Dynamics 789
- Синельникова Л.Н. (Yalta, Russia)** Rhizome and Discourse of Intermediality 805
- Zulfira Z. Chanysheva (Ufa, Russia)** Corporeal Pragmatics of the Subject of Political Discourse 822
- Svetlana Ulanova (Moscow, Russia)** From Grammatical Semantics to Discourse Grammar 833
- Flera Ya. Khabibullina, Iraida G. Ivanova (Yoshkar-Ola, Russia)** Aphorisms with the Meaning of Future in Political Discourse in Languages of Different Structure 844
- Parvina Sh. Abdulkhamidova, Shodikhon P. Yusufbekov (Khorugh, Tajikistan)** Creation of the Shughnani Discourse of Public Sphere in the Media and Social Networks 858

INTERCULTURAL COMMUNICATION AND TRANSLATION

- Robin Cranmer (London, Great Britain)** Intercultural Communicative Competence — a Further Challenge 870
- Michael Hinner (Freiberg, Germany)** Cultural Misunderstandings: Causes and Solutions 885

Irina N. Remkhe (Chelyabinsk, Russia), Liliya A. Nefedova (Chelyabinsk, Russia), David C. Gillespie (Bath, Great Britain) Rethinking the Translator's Role within the GILT project: an Integrated Approach	910
---	-----

CHRONICLE

Book reviews

Claudia Zbenovich (Jerusalem, Israel) Review of I.A. Sedakova (Ed.) <i>Evolution of Values in Languages and Cultures</i> . — М.: Probel-2000, 2011. — 240 p.	927
--	-----

Vladimir I. Shakhovsky (Volgograd, Russia) Review of V.A. Pishchalnikova and A.G. Sonin's textbook "General Linguistics". — Moscow: R.Valent, 2017. — 480 p.	934
--	-----

Conferences

Vera Gorshkova (Irkutsk, Russia) The 7th International Conference "Russian Language and Culture via the cross-cultural translation. World cinema: yesterday, today, tomorrow..." Athens, Greece, 28 April — 3 May 2017	941
---	-----

Ekaterina Nedopekina (Moscow, Russia) International Conference "Approaches to Migration, Language and Identity", Lausanne, 4—6 May 2017	947
--	-----

Anniversaries

Tribute to Zinaida Turaeva	951
----------------------------------	-----

Дорогие авторы и читатели нашего журнала,

Мы рады сообщить, что журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика» включен в Web of Science (WoS) Core Collection's Emerging Sources Citation Index (ESCI).

Мы выражаем вам благодарность за интересные статьи, постоянную поддержку и внимание. Включение журнала в международную базу данных Web of Science — важный этап в его развитии и признание его высокого качества. В этом достижении есть и ваша заслуга. Надеемся, что с вашей помощью он станет еще более интересным, содержательным и привлекательным для взыскательной читательской аудитории и все вместе мы добьемся новых успехов.

Редколлегия

Dear authors and readers of the Russian Journal of Linguistics,

We are happy to inform you that the Russian Journal of Linguistics has been accepted for coverage in the Web of Science (WoS) Core Collection's Emerging Sources Citation Index (ESCI).

We are expressing our gratitude to you for your informative and insightful articles and never-ending support. The fact that the journal is included in the Web of Science database is a significant stage in its development and acknowledgement of its high quality publications. That is your achievement as well. Hope that with your contribution the journal will be even more interesting, thought-provoking and catering to a demanding audience and we will all achieve mutual success.

Editorial Board

КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА. АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ СЕМАТИКА COGNITIVE LINGUISTICS. AXIOLOGICAL SEMANTICS

DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-4-686-705

ABSOLUTE FRAMES OF SPATIAL REFERENCE IN AUSTRONESIAN LANGUAGES

Gunter Senft

Max Planck Institute for Psycholinguistics
PB 310
NL-6500 AH Nijmegen The Netherlands

Abstract. This paper provides a brief survey on various absolute frames of spatial reference that can be observed in a number of Austronesian languages — with an emphasis on languages of the Oceanic subgroup. It is based on research of conceptions of space and systems of spatial reference that was initiated by the “space project” of the Cognitive Anthropology Research Group (now the Department of Language and Cognition) at the Max Planck Institute for Psycholinguistics and by my anthology “*Referring to Space*” (Senft 1997a; see Keller 2002: 250). The examples illustrating these different absolute frames of spatial reference reveal once more that earlier generalizations within the domain of “SPACE” were strongly biased by research on Indo-European languages; they also reveal how complex some of these absolute frames of spatial reference found in these languages are. The paper ends with a summary of Wegener’s (2002) preliminary typology of these absolute frames of spatial reference.

Keywords: *space, absolute frames of spatial reference, Austronesian languages, Oceanic languages, typology of absolute systems*

1. INTRODUCTION

In 1991 I joined Stephen Levinson’s “Cognitive Anthropology Research Group” at the Max Planck Institute for Psycholinguistics in Nijmegen. The central aim of this group, now the Language and Cognition Department of the Max-Planck-Institute for Psycholinguistics, has been to further research into the relationships between language, culture and cognition by conducting fieldwork on issues of common interest to anthropology, psychology, and linguistics (see Levinson, Senft 1991, Senft: 2001: 522). There are many important questions about the nature and extent of universal human intellectual endowments in various domains, for which there has been little reliable cross-cultural data so far. The goal of the department was — and still is — to fill some of these gaps and to contribute to the development of more sophisticated theories about the relationship between learned and native abilities, about the contribution of culture to cognition, and about the nature and transmission of culture itself and its relation to social structure and process. Our initial major goal of research was to investigate the conceptualization of space and spatial reference in a cross-cultural/cross-linguistic perspective (see Pederson et al. 1998; Levinson and Wilkins 2006).

Before we started our “space project”, Kant’s ideas about the central coordinate system the reference planes of which we use for spatial references were believed to hold

universally (see Miller and Johnson-Laird 1976: 395): In 1768 Immanuel Kant stated the following in his pamphlet against Gottfried Wilhelm Leibniz titled “Von dem ersten Grunde des Unterschiedes der Gegenden im Raume” (On the First Ground of the Distinction of Regions in Space):

In dem körperlichen Raume lassen sich wegen seiner drei Abmessungen drei Flächen denken, die einander insgesamt rechtwinklicht schneiden. Da wir alles, was außer uns ist, durch die Sinnen nur in so fern kennen, als es in Beziehung auf uns selbst steht, so ist kein Wunder, daß wir von dem Verhältnis dieser Durchschnittsflächen zu unserem Körper den ersten Grund hernehmen, den Begriff der Gegenden im Raume zu erzeugen. Die Fläche, worauf die Länge unseres Körpers senkrecht steht, heißt in Ansehung unser horizontal; und diese Horizontalfläche giebt Anlaß zu dem Unterschiede der Gegenden, die wir durch *O b e n* und *U n t e n* bezeichnen. Auf dieser Fläche können zwei andere senkrecht stehen und sich zugleich rechtwinklicht durchkreuzen, so daß die Länge des menschlichen Körpers in der Linie des Durchschnitts gedacht wird. Die eine dieser Verticalflächen theilt den Körper in zwei äußerlich ähnliche Hälften und giebt den Grund des Unterschieds der *r e c h t e n* und *l i n k e n* Seite ab, die andere, welche auf ihr perpendicular steht, macht, daß wir den Begriff der *v o r d e r e n* und *h i n t e r e n* Seite haben können.

(Immanuel Kant 1768)¹

One of the central findings of our early research was that this coordinate system for spatial reference is not universal at all. First analyses of the data gathered in the languages researched by members of our project revealed fundamental differences in how these languages refer to space (see Senft 1994; 1995; 2001: 526f.). For describing these differences we have been using a typology of spatial systems or frames of spatial reference. This typology defines three such systems (see Senft 2001; Levinson 2003: 24—61; also Terrill and Burenhult 2008). We refer to them as ‘relative’, ‘absolute’, and ‘intrinsic’. They differ with respect to how angles are projected from the ‘ground’ (or ‘relatum’) in order to situate the location of the ‘figure’ (or ‘theme’) that is referred to (see also Talmy 1978: 627).

Relative systems are viewpoint-dependent: Localizations in space are derived from, and described on the basis of, the position and orientation of the speaker. In these systems a sentence like

— ‘The ball is to the right of the man.’ —

is understood from the speaker’s point of view only — i.e., this reference completely neglects the orientation of the man.

¹ Van Cleve and Frederick (1991: 28—29) provide the following English translation of Kant’s statement:

In physical space, on account of its three dimensions, we can conceive three planes which intersect one another at right angles. Since through the senses we know what is outside us only in so far as it stands in relation to ourselves, it is not surprising that we find the relation of these intersecting planes to our body the first ground from which to derive the concept of regions in space. The plane to which the length of our body stands perpendicular is called, in reference to us, horizontal; it gives rise to the distinction of the regions we indicate by *above* and *below*. Two other planes, also intersecting at right angles, can stand perpendicular to this horizontal plane, in such manner that the length of the human body is conceived as lying in the line of their intersection. One of these vertical planes divides the body into two outwardly similar parts and supplies the ground for the distinction between *right* and *left*; the other, which is perpendicular to it, makes it possible for us to have the concept of *before* and *behind*.

Intrinsic systems utilize inherent, intrinsic features of an object to derive a projected region or to anchor the spatial reference to an object in these features. In these systems a sentence like

— ‘The ball is to the man’s right.’ —

is understood as follows: A man is an object with a front and back, a left and right side assigned to it. Thus, in intrinsic systems this sentence refers to the position of the ball on the basis of the orientation of the man — the ball is at the right side of the man, then — the orientation of the speaker does not play any role whatsoever and is — within this system — completely irrelevant for the understanding of this sentence. However, we want to note here that speakers using intrinsic systems for their spatial references also refer to the same configuration with the sentence we already mentioned above, namely:

— ‘The ball is to the right of the man.’

Thus, languages can be ambiguous with respect to whether they use an intrinsic or a relative perspective in their spatial references. Sentences like the last one presented can only be disambiguated in the actual situation and context.

Absolute systems operate on absolute concepts of direction (which may be linear or defined by quadrants). They are based on conventionalized directions or other fixed bearings that can be derived from meteorological, astronomical, or landscape features. In these systems (and in our data) we find sentences like

— ‘The ball is to the west of the man/uphill from the man/seawards to the man.’

Note that this absolute frame of reference was not acknowledged — and even assumed to be non-existent — in previous linguistic research on conceptions of space and forms of spatial reference.

All three systems can be found in a given language, and they can be utilized for spatial reference; however, many of the languages we have been studying so far prefer one frame of reference in a particular context (see also Senft 2014: 45ff; 114ff).

In 1997 I published the anthology “*Referring to Space — Studies in Austronesian and Papuan Languages*” which turned out to be — according to Janet Dixon Keller (2002: 250) — the “initial publication ... to include a focus on spatial analyses in ... Austronesian ... as well as Non-Austronesian languages”. In the introduction to this volume I summarized recent findings on conceptualizations of space and spatial reference in Australian Aboriginal, Austronesian, Papuan, and some Mayan languages and showed that we must give up many of our notions of universals with respect to space and spatial reference. This insight was further supported by contributions to this volume. I will neither repeat (all) these findings here, nor will I present my own follow-up research on spatial reference and conceptions of space in Kilivila, the language of the Trobriand Islanders (see Senft 2004, 2006, 2007, 2008). This paper provides a brief overview of research results on various absolute frames of spatial reference that can be observed in a number of Austronesian languages — with an emphasis on languages of the Oceanic subgroup — as well as a summary of Claudia Wegener’s (2002) preliminary typology for these absolute frames of spatial reference.

2. CONCEPTS OF SPACE AND FRAMES OF SPATIAL REFERENCE IN AUSTRONESIAN LANGUAGES

In this section I briefly present a survey on the contributions in Giovanni Bennardo's (2002a) anthology "*Representing Space in Oceania*", highlighting Bill Palmer's contribution to this anthology which is partly based on papers published in my 1997 volume. Then I present some of Gaby Cablitz's findings on absolute frames of spatial reference in Marquesan, feature Alexandre Francois' research on space in Vanuatu, and briefly present the geocentric reference system Mary Chambers found in the North West Solomonic language Kubokota.

2.1. Giovanni Bennardo's anthology "Representing Space in Oceania"

In 2002 Giovanni Bennardo, a former PhD student in our group in Nijmegen, published the anthology "*Representing Space in Oceania*". This volume contributes to research on space in Austronesian languages and cultures, in particular to the linguistic, mental, and cultural representations of spatial relationships. And it attempts to prove the value of "cross-linguistic and cross-cultural research" (Bennardo 2002b: 1) for the domain of space in an areal survey (see also Senft 2003).

The first section of the book is entitled 'Language and space'. Margaret Florey's and Barbara F. Kelly's survey on "Spatial reference in Alune", an Austronesian language of the Malayo-Polynesian subgroup spoken on Seram in Eastern Indonesia, emphasizes that elicited data on spatial reference need to be confronted with data that document their actual use in discourse. Catriona Hyslop's analyses of Ambae, entitled "Hiding behind trees on Ambae: spatial reference in an Oceanic language of Vanuatu" as well as Wolfgang B. Sperlich's article "Inside and outside Niuean space" in which he compares Niuean and Tongan prepositions, directionals and spatial nouns, and Kenneth W. Cook's research on "The case markings of Hawaiian locative nouns and place names" provide extensive linguistic data and sophisticated linguistic analyses. All these contributions "highlight the privileged status of nouns over other parts of speech" (Bennardo 2002b: 4) in languages spoken in Oceania.

Section two, entitled 'Space in mind', starts with Bill Palmer's comprehensive survey of Oceanic languages with respect to "Absolute spatial reference and the grammaticalisation of perceptually salient phenomena". In subsection 2.2 below I present Palmer's study in detail. Giovanni Bennardo's paper "Mental images of the familiar: cultural strategies of spatial representations in Tonga" introduces a 'radial' subtype of the absolute frame of reference. However, the system Bennardo presents is a possible analysis of directionals, but not a frame of reference as defined by Levinson (2003) and the members of the Cognitive Anthropology Research Group (Pederson et al.: 1998). Moreover, Bennardo's attempt to support his linguistic claim with psychological experiments (also developed by our Group; see Senft 2007) only shows that his consultants solve non-linguistic problems by remembering certain spatial configurations in an absolute way. However, the proposed principle of radially is supported by cultural patterns in Tonga and by observations with respect to how Tongans draw maps of their surroundings and their islands. In their paper "On the relevance of point field for spatiality in Oceania"

F.K. Lehman and David J. Herdrich contrast ‘point fields’ — a notion that regards space as an unbound field defined on any point — with bounded containers as alternative views of space and they illustrate their ideas with Samoan spatial concepts.

The third section on ‘Space and culture’ starts with Elizabeth Keating’s anthropological linguistic paper on “Space and its role in social stratification in Pohnpei, Micronesia”, which ties the ethnographic use of space to verbal practices. Christina Toren’s cognitive anthropological analyses of “Space-time coordinates of subjectivity in Fiji” reveal how gender, seniority, and morality are projected onto and expressed by spatial language and by behavioural repertoires. And Anne E. Guernsey Allen’s research on “The house as social metaphor: architecture, space, and language in Samoan culture” shows that the same terms that indicate social relations are used to describe architectural features of the Samoan house and thus highlights the significant spatial dimensions of spatial cognition and spatial reference in language and nonverbal practice.

The volume closes with Janet Dixon Keller’s chapter on “Spatial representations of islands worlds”. Keller critically discusses the contributions to this volume. She addresses the cultural and conceptual constraints on spatial relations as they are demonstrated in Oceanic systems of thought and practice and rightly points out that the contributions to this volume strongly support the claim that spatial reference, spatial arrangements and spatial concepts are critical components of cultural events and artefacts.

2.2. Bill Palmer’s summary of, and research on, systems of absolute spatial reference and the grammaticalisation of perceptually salient phenomena in Oceanic languages

In this subsection I present Bill Palmer’s (2002) study “Absolute spatial reference and the grammaticalisation of perceptually salient phenomena” in more detail. On the basis of our frames of reference typology, Palmer presents a variety of absolute frame of reference systems in Oceanic languages, starting with the system of Longgu, a South East Solomonian language, described by Deborah Hill in my 1997 anthology. Hill provides a detailed example of how a spatial system based on geographical reference points is used (see Senft 1997b: 26). Her paper demonstrates that a close description of the use of this system adds to our knowledge of the discourse functions and the cultural import of such a system. Moreover, in her description of the Longgu system Hill shows that it can be used both on small and large scales on the vertical as well as on the horizontal axis. The Longgu system has a sea-inland and a sunrise-sunset axis. The two horizontal axes represent conventionalized directions. The northwest-southeast line represents a conventionalized coastline (actually 45 degrees off the cardinal east and west directions). This line is expressed by the directional terms *toli* — glossed as “west” — and *ala’a* — glossed as “east”. This axis is based on the path of the sun; however, it is slightly skewed to allow it to run orthogonal to the land-sea axis. Palmer (2002: 127) defines such an axis which is “directly motivated by a perceptually salient physical world phenomenon [as] primary [and] ‘traverse’ as a secondary axis ... which has no motivating physical world phenomenon of its own, and which derives its bearing from another, primary, axis”. The *toli-ala’a* axis in Longgu is unbounded and can be used on land and

at sea. The landward-seaward axis, oriented in cardinal terms northeast-southwest, is expressed by the terms *longa* — glossed as “inland”, coding a direction away from the coast towards the inland — and *asi* — glossed as “sea”, coding the direction from the inland towards the coast. This axis is highly constrained. The terms *longa* and *asi* only refer to directions within two areas inhabited by Longgu speakers. *Asi* only refers to the seaward direction on land; *longa* only refers to the inland edge of the Longgu speaking area and the inland boundary of Honiara, the capital of the Solomon Islands. Longgu can be seen as a language that has two primary axes operating together in a single system. Other terms can be used to refer to areas beyond this; however, these are ordinary nouns and not grammaticalised directions. Palmer points out that such constraints on the scope of landward-seaward axes occur in a number of Oceanic languages and he emphasizes that the constraints that Hill reports for Longgu are not a universal feature of landward-seaward axes. The Longgu terms refer to quadrants and not to vectors as the directions in the English cardinal system. It is interesting to see the differences between these two directional axes and to realize that these differences are reflected in the use of the directional terms within the language. Hill emphasizes that the use of a system based on geographical reference points requires and depends not only on knowledge of the environment in which this language is spoken, but also on knowledge of people’s daily routines within their environment. However, there are other linguistic means for spatial reference in this Oceanic language, namely prepositions, local nouns, terms for left and right, and particles indicating direction towards and away from the speaker. These systems do not take their points of reference from the environment but depend on a human (or animal) body as their point of reference. Hill describes these means as competing systems of spatial reference within Longgu. But she also points out that the geographical reference system has the widest range of use of these competing systems in Longgu.

The next system that Palmer discusses is the Nemi system which Francoise Ozanne-Rivierre described in my 1997 anthology. Ozanne-Rivierre presents in her paper on “Spatial References in New Caledonian Languages” descriptive sketches of systems of orientation and spatial reference putting the emphasis on sets of non-deictic and deictic directionals and on locatives (see Senft 1997a: 25). She points out that in many Oceanic languages systems of orientation consist of a combination of geographic/topographic reference points like sea/land, upriver/downriver, or the direction of prevailing winds on the one hand, and reference points centering on ego on the other hand. It is quite interesting to note that we find in many New Caledonian languages systems of spatial reference that are quite similar to systems that can be found in some Mayan languages. As already mentioned above, these systems differentiate between an up/down-axis on the one hand and an across-axis on the other hand. Ozanne-Rivierre emphasizes that the use of spatial reference terms in New Caledonian languages is highly context dependent. In certain contexts of speech, social factors may transcend geographic space. Thus, to properly understand spatial reference terms (in many Oceanic languages) asks for the hearer’s ability to accurately set these terms in their context of utterance. Ozanne-Rivierre therefore concludes that the use of locatives, deictics, directional markers, etc. is not only dependent on the given material situation but that it can also be a function “of

a social context of which space is an essential component”. Nemi also has an axis that corresponds with the coastal line and an axis that runs at right angles to it (Palmer 2002: 128f). Nemi distinguishes two scales of reference and uses different reference systems on these two scales. One system is only used for relations across the whole island and for inter-island travel. The other system applies to smaller-scale relations, for example within a single valley or a village or a house. The large-scale system also uses a conventionalized, regularized coastline and an axis orthogonal to that line. The northwest-southeast line is constituted by the terms *-dic* — glossed as “northwest” — and *-da* — glossed as “southeast”. And the landward-seaward axis uses the same terms *-dic* — now glossed as “seaward” — and *-da* — now glossed as “landward”. Whether these axes reflect quadrants or vectors is unclear. Palmer (2002: 128, fn.22) points out that “co-lexification of one non-vertical axis with the vertical axis is common in Oceanic languages”. The seaward direction is unbounded, the landward direction is bounded, extending from out at sea towards the coast and into the island till the west coast, but not further. The coastline axis is unbounded again. The small scale system uses the landward-seaward axis and an axis which is orthogonal to it; however, this axis is an undifferentiated traverse derived from a primary landward-seaward axis, and constituted by the term *-en*, which is glossed as “across”. Palmer (2002: 129) also points out that “[t]he axis corresponding to the coastline is defined in terms of the path of the trade winds that blow from southeast to northwest. In the small scale, wind direction appears to play no part”.

In contrast to the Nemi system of spatial reference, Tolai — a language spoken around Rabaul on the island of New Britain in Papua New Guinea — only uses one system that consists of a directionally differentiated land-sea axis with *-a* — glossed as “seaward” (“downward”) and *-ā* — glossed as “landward” — and an undifferentiated traverse represented by the suffix *-o* — glossed as “same level” (see Mosel 1982).

On the basis of these three systems Palmer (2002: 130) summarizes the comparative statuses of a landward-seaward axis and a coastal axis as follows:

- ◆ Where the boundary between land and sea motivates only one axis in a system, that axis is the landward-seaward axis (as in Longgu and large scale Nemi).
- ◆ Where the boundary between land and sea underlies both axis, but only one axis is differentiated for direction, that axis is the landward-seaward axis (as in Tolai and small scale Nemi).

Palmer (2002: 130) continues as follows:

These points suggest that the boundary between land and sea will motivate a landward-seaward axis as a primary axis, and that where an axis orthogonal to the landward-seaward axis is not motivated by its own separate perceptually salient phenomenon, it will be a secondary and derived axis.

Based on Ozanne-Rivierre (1997), Palmer then refers to the systems of Iaa, a language spoken on Ouvea, one of the Loyalty Islands. Iaa also has a small-scale system consisting of a landward-seaward axis (*hoot* — “landward”, *hnyiköio* — “seaward”) with an undifferentiated traverse (*-lee* — “traverse”/“there”) — like Tolai and small scale Nemi. The large-scale system, however, which is used for travel between islands and on the island as a whole to situate villages on the east and west coast consists of an east-

west axis (-*ü* — “west”, -*iö* — “east”) which is defined with respect to the path of the sun and an undifferentiated traverse (-*lee* — “traverse”/“there”). Thus we have two co-existing distinct systems, one of which is motivated by the boundary between land and sea and the other by the path of the sun.

All these systems of spatial reference discussed above are systems of languages that are spoken on sections of a coast along one side of a long island. What about systems of spatial reference used by speakers of languages which are spoken on both sides of an island, on a round island, and on an atoll?

Kokota, spoken on Santa Isabel, one of the Solomon Islands, has a system of spatial reference consisting of a landward-seaward axis, and orthogonal to that axis an east-west axis (actually running northwest-southeast). Both axes are differentiated and there are directionals referring to all four directions. Kokota is spoken in two villages on the northeast coast and in one village on the south-west coast. In the northeast coast villages the term which refers to the direction from the interior of the island towards the coast, from the village to the shore and away from the shore out to the sea is *rauru*. The term that refers to the direction from the sea towards the land and then into the interior of the island is *rhuku*. On the east-west axis the term referring to northwest is *paka* and the term referring to the southeast is *fona*. However, the system used by speakers of Kokota who live on the southwest coast cannot be identical. The term *fona* must continue to mean “east” and *rauru* must also mean “seaward”. Thus, the system used by speakers living on the southwest coast constitutes the mirror image of the system of speakers living on the northeast coast. This means, that when you are living on the northeast coast and you are facing *rauru*, *fona* is on your right. However, when you are living on the southwest coast, and you are facing *rauru*, *fona* is on your left. Palmer (2002: 136) concludes, that this example

...demonstrates two facts about absolute spatial reference. Firstly, where two axes are each motivated by separate perceptually salient phenomena, and consequently are to a degree conceptually independent, they will interact differently in locations where the interaction of the motivating phenomena differs. Secondly, it demonstrates that this can occur within a single language, where what is fundamentally a single conceptual system can be manifest differently in different parts of the language locus. This is not dialect difference, but the effect of the environmental constraints on an environmentally sensitive system.

Now what about reference systems on a round island? Palmer illustrates this situation with the system that is found in Manam, a language spoken on Manam Island in Papua New Guinea. Based on Lichtenberk (1983), Palmer (2002: 137ff) points out that in the Manam system of spatial reference, the sea-land boundary is the only motivating phenomenon for this absolute system (which is only used for large scale spatial reference (see Wegener 2002: 22)). Manam thus has a landward-seaward axis which

radiates out from the centre of the island, apparently in every direction, crossing a regularised but curved coastline orthogonally at every point... The axis which crosses the landward-seaward axis, crosses it at right angles at every point on the regularised coast. Since the coast is curved, so too is the axis. One direction on this curved axis follows the coast in a clockwise direction [*ata*], the other anticlockwise [*awa*].

(Palmer 2002: 137f).

Thus, as Palmer points out, one could walk around the whole island without changing the direction. Lichtenberk (1983: 572) lists the following directionals for Manam:

- ilau* seaward
- auta* inland (landward)
- ata* to one's right when one is facing the sea, to one's left when one is facing inland
- awa* to one's left when one is facing the sea, to one's right when one is facing inland

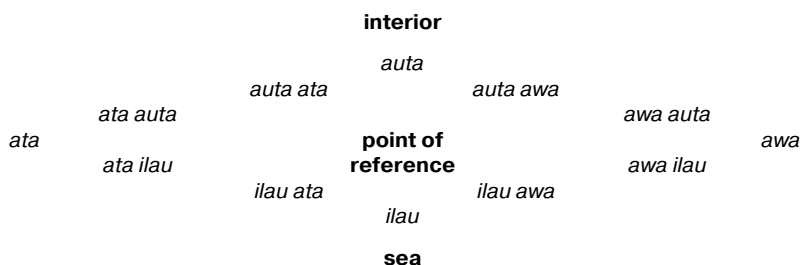
Together with these directionals Manam has motion verbs which indicate motion in each of these directions (see Lichtenberk 1983: 576):

- oti* move in **ilau** direction
- oro* move in **auta** direction
- ra'e* move in **ata** direction
- bala* move in **awa** direction.

At first sight this system does not seem to constitute an absolute frame of spatial reference. However, Palmer (2002:139) points out the following:

Using these directional terms, a referent is located by projecting a search domain of the relatum in a direction determined arbitrarily and by convention among speakers of the language. The system is not intrinsic — there is no requirement that the relatum [!] have an agreed asymmetry, and when a relatum is asymmetrical it does not matter how it is oriented. Nor is the system relative — no viewpoint is explicit or implicit in references within the system, and the presence of a viewer has no impact on the process of identifying the search domain. It is the binary and arbitrary nature of the system that makes it absolute.

Lichtenberk (1983; 572) illustrates the use of the directionals in Figure 1:

Figure 1: The use of directionals in Manam (lichtenberk 1983: 572)

Palmer then presents a (slightly modified) summary of Ingjerd Hoem's (1993) description of the spatial reference system of Tokelauan, the language spoken on the atoll Tokelau. Atolls usually have the land in a ring or fragments of a ring around a central lagoon. Tokelauan also encodes a landward-seaward axis. Hoem (1993: 141ff) points out that the orientation of interest in the Tokelau village is centripetal, toward the lagoon and not toward the ocean and the world beyond. The lagoon side is seen as the front of the village; the open ocean is at its back. The noun *moana* refers to the open ocean. The lagoon is called *namo*, and as a locative noun it means the lagoon's side of the village.

Hoem (1993: 141ff) describes the Tokelauan spatial orientation as seen from the village as follows:

The locative noun *gatai* denotes direction towards the lagoon. The locative noun *gauta*, from *ga-* and *uto* meaning the islets on the far side of the lagoon, denotes “towards land”, “on land” or “further inland”. The islets on the far side of the lagoon where the coconut plantations are, are called *uta* ... The lagoon side of the village is commonly referred to as *gatai*, the open ocean side as *i tua*, and any direction further inland, i.e. away from the shore, as *gauta*. ... If one is out on the open sea fishing, *gatai* is used about “further out towards the ocean” and *gauta* about “towards land”.

As mentioned above, Palmer (2002: 139ff) represents the Tokelauan system somewhat differently, but this does not really matter for understanding this absolute system of spatial reference.

In a paper published in 2007, Palmer compares the Tokelauan system with absolute spatial terms in Marshallese and Kiribati. Marshallese, the language of the Marshall Islanders, uses absolute directional/locative terms which are “anchored in three distinct phenomena: the path of the sun; the boundary between lagoon and ocean, and the boundary between land and sea” (Palmer 2007: 101). Moreover, Marshallese also has a NSEW-system. Kiribati (also: Gilbertese) is the language of the islanders of the Republic of Kiribati which consists of more than 30 atolls and a raised coral island. Kiribati also differentiates between an east-west and a lagoon-oceanward axis and uses a fully-fledged NSEW-system, but lacks a landward-seaward axis (Palmer 2007: 109). Comparing these systems with the Tokelauan system (see above) he comes to the following conclusions which he claims to be extendable — at least in part — to all Oceanic languages (Palmer 2007: 115f.):

- ◆ All these languages have terms for referring to a vertical axis.
- ◆ All these languages employ NSEW systems; this may be specific for languages that are spoken “in environments lacking phenomena more salient than the path of the sun” and by “populations practicing sea voyaging” (Palmer 2007: 115).
- ◆ It is remarkable that Kiribati does not differentiate a landward-seaward axis — an axis which is “pervasive throughout Oceanic” (Palmer 2007: 116).
- ◆ All three languages employ

“a unique terrestrial system tailored to the topography of an atoll. All employ grammaticalised terms referring to directions and locations on an axis crossing at right angles the perimeter of an atoll lagoon. Moreover, two of these languages [Marshallese and Tokelau, G.S.] co-lexify the ocean side of an atoll island and the back of an entity, expressing a psychologically real association. This system has not been described for any other language” (Palmer 2007: 116).

These examples from Palmer’s papers should suffice for the purposes pursued here². I just want to point out that he discusses the implications of these systems for understanding cognition in the last section of his 2002 paper, emphasizing the following:

The linguistic absolute systems present in these ... languages attend to certain physical world phenomena because for humans those phenomena dominate the environment of the language locus...

---

² Palmer (2010) presents latest results on the Kiribati spatial reference system.

... The fact that linguistic systems, regardless of their original nature, modify to correspond to features of the physical world in new loci, strongly suggests that it is the features of the physical world which motivate the linguistic systems.

This raises questions about the interrelationship between perceptual and linguistic modalities. Whatever the nature of the interface between these modalities may be, and whatever conceptual structure or processes may intervene, the evidence of absolute spatial reference suggests very strongly that perceptual input can determine linguistic structure, and that perceptually accessed phenomena may be grammaticalised as components of a linguistic system.

(Palmer 2002: 150)

2.3. Gabriele Cablitz's Marquesan grammar of space

In her seminal Marquesan grammar of space, Gabriele Cablitz describes and analyses in detail locative constructions and their usage in large- and small-scale reference. The Marquesan within-valley absolute system for spatial reference is based on a sea/inland-axis and a lexically undifferentiated across-axis that can be lexically differentiated by using place names of the neighbouring valleys. Cablitz proposes that the “landmark SEA is the only real landmark upon which the within-valley-system is based” (Cablitz 2006: 518), because the local landmark noun for “sea” is distinguished from the other two nouns for “inland” and “across” on morphosyntactic properties. Moreover, the term for “sea” denotes a landmark and a quadrant, whereas the terms for “inland” and “across” just denote valley quadrants. This geocentric system is used for references in large scale spatial arrays as well as in small scale spatial arrays to locate, for example, an object in a house, or on a table, or even on a person's cheek. The adequate use of this system requires that speakers keep track of their own current positions in relation to the fixed local landmarks all the time and in all places, be they familiar or not. The sea-, inland- and across-expressions are “nominals occurring as lexical heads in complex noun-phrase constructions which are marked by different locative prepositions ... These locative NPs can be combined with three different types of attributive NPs and several modifiers ... in varied and complex ways” (Cablitz 2002: 42f.). Navigation on sea — at least as far as intra-island navigation is concerned — is based on local and equatorial sea currents — but not on the prevailing trade winds which constitute an east-west axis (see Cablitz 2006: 510—519).

2.4. Alexandre Francois' research on space in Mwotlap, an Oceanic language of Vanuatu

In his paper “Of men, hills and winds: Space directionals in Mwotlap” Alexandre Francois (2003: 407) points out that in this language “the principle device for referring to space is a paradigm of six directionals ... [which] ... define three ways to draw a vector in space”.

Two of these morphemes — *me* and *van* — which can be glossed as “hither, toward speaker” and “thither, toward nonspeaker” constitute a vector to “vectorize an event toward a specific participant, provided the latter is salient and relevant in the reference situation” (Francois 2003: 414). The morpheme for “hither” can only be used in situations in which the participant belongs to the speaker's sphere. Both morphemes define co-

ordinates which Francois calls ‘participant-oriented coordinates’ or simply ‘personal coordinates’.

The other four directionals are defined “by reference to an asymmetry perceptible within the immediate local setting” (Francois 2003: 407). The two directionals *hag* and *how* express the vertical asymmetry “up/down”. They are required whenever an event is vectorized in space; thus, the directional “up” is required to express an event like “growing up” and the directional “down” is required to express events like “plant, be night, finish” etc. The other two directionals *hay* and *yow* express the container asymmetry “in/out”. In situations where speakers have the option of using either the “in/out”-(container)-contrast or the vertical contrast, the perceptually more salient dimension is used. However, these 4 directionals cannot cover situations “when a vector extends on the horizontal plane — so that the up/down contrast becomes irrelevant — and it cannot easily be associated with any containing figure — which makes the in/out pair useless, too” (Francois 2003: 416). In these situations a system of geocentric coordinates is used for spatial reference.

These geocentric coordinates consist of a fixed cardinal axis — an east/west-axis (*hag* — *how*) and a variable landward/seaward axis (*hay* — *yow*) which changes depending on which side of the island speakers are when using this system for spatial references. They divide the horizontal plane in four quadrants. Note that the four expressions used in this geocentric system are homophones with the 4 local directionals presented above. I will come back to this issue later.

Francois points out that the Mwotlap system of directionals “exploits three different cognitive strategies ... the PERSONAL STRATEGY ... the LOCAL STRATEGY ... and ... the GEOCENTRIC STRATEGY” (Francois 2003: 419). He shows that the selection of one of these strategies is rule governed:

- ◆ Whenever a direction can be represented by reference both to a participant *and* to a cardinal direction, the personal strategy ... will take priority over the geocentric one (Francois 2003: 421).
- ◆ When both the personal strategy and the local strategy may be relevant, the personal set ... will always take priority (Francois 2003: 421).
- ◆ If a movement in space corresponds both to a local asymmetry and a geocentric axis, the former will always have priority over the latter (Francois 2003: 422). However, this priority rule “only holds if a local asymmetry (in/out or up/down) can actually be perceived in the geometry of the current situation” (Francois 2003: 424).

This means that the geocentric strategy is only used when the other two strategies are not available (and this relativizes the importance of geocentric reference — very much in line with Roger Keesing's (1997: 127) caveat with respect to the “search of the exotic”!).

Above I pointed out that the four expressions used in this geocentric system are homophones with the 4 local directionals. Francois explains this phenomenon as follows: He argues that the formal similarity between the local directions “in/out” and the geocentric directions “landward/seaward” goes back to the fact that Mwotlap speakers perceive their island(s) as a container. (Francois 2003: 425) The fact that “east” (or rather

“southeast”) is “up” and “west” (or rather “northwest”) is “down” can be explained with the directions of prevailing winds (Francois 2003: 433). According to Francois (2003: 434) this cardinal axis can be used in two different ways:

When the speaker is at sea, or refers to a long-distance relation between islands, then the cardinal axis regularly points southeast, dividing space into two equal halves, one ‘down’ and one ‘up’... But when the speaker is on dry land, or on a boat close to an island, then the cardinal axis combines with the land/sea axis, defining four equal quarters. If the system has to be applied to a novel landscape, then the land-sea axis is always assigned in priority, whereas the up/down axis is secondarily mapped onto the contours of the island. This adaptive process may involve pivoting the cardinal up away from the actual southeast, though never more than 90 degrees on either side.

In more recent research Francois (2010) has verified his finding with material collected for 17 languages spoken in the Torres and Banks Islands: Thus, the fact that “southeast” is “up” and “northwest” is “down” in Vanuatu can be explained with the directions of prevailing winds.

2.5. Mary Ruth Chambers’ research on the syntactic and semantic behaviour of motion verbs in Kubokota

In her 2009 PhD thesis “*Which way is up? Motion verbs and paths of motion in Kubokota, an Austronesian language of the Solomon Islands*” Mary Ruth Chambers describes and analyses the motion verbs of Kubakota, a North West Salomonic language of the Oceanic subgroup. These motion verbs also operate within an absolute frame of reference. In the first part of her thesis, Chambers presents information on the language and a first sketch grammar of Kubakota. The second part describes the syntactic and semantic behaviour of motion verbs, and the third part examines how these verbs are used to express motion and orientation in real physical space. For the purposes pursued here I will concentrate on Chambers’ research results on geocentric directions presented in chapter 7 of her thesis (Chambers 2009: 359—401).

Kubakota has a geocentric system that is based on a coastal axis in which up-down as well as undifferentiated terms are available, and an inland-seaward axis, in which up-down terms as well as specific bushward-seaward terms can be used (see Chambers 2009: 362f). There are four geocentric scales: a local and an intermediate scale in the land domain and the navigational and land-sea boundary scales in the sea domain. Chambers (2009: 400) points out that

[e]ach of these scales use the terms *zae* ‘go up’ and *gore* ‘go down’ and the corresponding ‘come’ terms on their primary axis, such that, from a given point on the Tranongga coastline, three or four different directions can potentially be described as ‘up’.

However, these multiple up-down axes do not create problems for the speakers of this language; they resolve possible ambiguities “on the basis of contextual information and sociocultural knowledge” (Chambers 2009: 401). As to the usage of the scales in the land and in the sea domain, Chambers (2009: 401) emphasizes the following:

Within the land and sea domains there is considerable interaction between scales ..., and variation in the ways that they are applied. The choice of scale, and its interpretation depends on the terrain of the village, the salience of the sea, the nature of the activity being described, and a variety of other sociocultural and contextual factors.

These other sociocultural and contextual factors include “the distance over which a part extends, ... the use of landmarks to differentiate scales, and the physical location and orientation of the speakers themselves”. Chambers' points out (and illustrates extremely well) that this — for an outsider — incredibly complex geocentric system “can only be understood in the pragmatic context in which utterances are produced, and with reference to the sociocultural and environmental space occupied by the Kubokota people”. She also points out that “without an understanding of the pragmatic context in which a geocentric system operates, it is impossible to provide an adequate account of the semantics of the system” (Chambers 2009: 401).

3. CLAUDIA WEGENER'S PRELIMINARY TYPOLOGY OF ABSOLUTE SYSTEMS OF SPATIAL REFERENCE

In this section I provide a summary of Claudia Wegener's unpublished Master's Thesis “*Absolute frames of spatial reference: a preliminary typology of absolute systems*” (Wegener 2002). Wegener based her typology of absolute frames of spatial reference mainly on publications by members of our research group in Nijmegen and on Bill Palmer's 2002 paper (discussed in subsection 2.2 above). Note that she looked not only on absolute systems in Oceanic languages, but also on these frames of reference in other Austronesian languages, in Australian Aboriginal and in Mayan languages.

In her preliminary typology Claudia Wegener first differentiates between languages that use only one absolute coordinate system and languages that use more such coordinate systems.

Languages that use only one absolute coordinate system are differentiated into languages with a rather simple system of coordinates that are based on just one phenomenon like for example Manam with its land-sea axis — other languages that fall into this category are Mpartnwe Arrernte (Paama-Nyungan, Australia; see Wilkins (1989)) and Melanau (Austronesian, Sarawak, Borneo; see Clayre (1973)) — and languages that consist of a complex system of coordinates that are based on more phenomena like for example Longgu and Kokota with their east-west and inland-sea or landward-seaward axes — another language that falls into this category is Balinese (Austronesian, Bali; see Adelaar (1997: 56f.); Wassmann and Dasen (1998)).

Languages that use more coordinate systems can be differentiated in the following way: On the one hand, there are languages that use more coordinate systems in parallel like Aralle-Tabulahan (Austronesian, Malayo-Polynesian subgroup, South Sulawesi; see Mc Kenzie (1997) and below) — other languages that fall into this category are Guugu Yimithirr (Pama-Nyungan, Australia; see Haviland (1993; 1998)) and Tzeltal (Maya, Mexico; see Brown, Levinson (1993)). On the other hand, there are languages that use more coordinate systems in a complimentary way for reference to different distance scales like for example Nemi (Oceanic, New Caledonia) and Iaii (Oceanic, Loyalty Islands); these languages differentiate a small-scale reference system from a large-scale reference system — other languages that fall into this category are Marquesan (Austronesian, Marquesas Islands; see Cablitz (2006) and subsection 2.3 above) and Taba (Austronesian, Moluccas; see Bowden (1997)).

So far we have not discussed languages that use more coordinate systems in parallel, therefore I will briefly describe the systems that are used by speakers of Aralle-Tabulahan, the West Austronesian language spoken in South Sulawesi (McKenzie 1997). Geographic as well as social and historical knowledge is important for the understanding of locatives and directionals in this language. Aralle-Tabulahan offers its speakers two absolute coordinate systems for spatial reference. Both these systems consist of a primary differentiated axis and an undifferentiated traverse. One system is based on geographic contour, i.e. height differences, the other system is based on the course of rivers (see Wegener 2002 43ff). In his paper “Downstream to here: Geographically determined spatial deictics in Aralle-Tabulahan” (see Senft 1997a: 29ff) Robin McKenzie outlines the spatial deictic system of this language with particular emphasis on its geographically determined forms. In most cases the usage of the six locatives and directionals in Aralle-Tabulahan relate to geographic contour (with expressions equivalent to what we gloss with “up(wards), down(wards), level(wards)”), and to river(s) (with expressions equivalent to what we gloss with “upstream/in(wards), downstream out(wards), across(wards)”). After a description of the grammatical usage and meaning of these terms, McKenzie discusses how the system (of directionals) is used for spatial reference when more than one geographic factor could apply, either sequentially or concurrently. If more than one geographical factor is operative concurrently, forms that refer to the ‘river(s)’ seem to take precedence over forms referring to geographical ‘contour’. If several geographic factors are to be considered in sequence for the choice of a directional, “the factor representing the final stage of a journey”, e.g., “is the relevant one for choosing an appropriate directional”. McKenzie calls this “the principle of the ultimate factor” and points out that this principle holds especially for references to short range travel sequences. However, if a speaker’s perception of a route takes into account the relative positions of his starting point and his destination, “the principle of relative position” holds, especially for references over longer distances. This principle only cares for the relative positions of start and goal, and thus relates to the overall geographic contour of the geographical environment. However, McKenzie also illustrates that speakers of Aralle-Tabulahan will in certain contexts also select locatives and directionals that run counter to geographic considerations. The author shows that in these cases social and/or historical factors influence a speaker’s choice and usage of locatives and directionals in Aralle-Tabulahan.

After this first classification of different types of absolute frames of reference and after the illustration of these systems as they are used in the languages mentioned above, Wegener develops three approaches towards a typological classification of absolute systems for spatial reference:

1. Languages with absolute frames of spatial reference can be classified according to the characteristic features of the coordinate systems used (this approach is documented in the presentation above).
2. Languages with absolute frames of spatial reference can be classified according to social and environmental phenomena that are basic and motivating for their reference axes, like, for example, local height, course of rivers, boundary between land and sea, the path of the sun, sea currents and wind directions.

3. Languages with absolute frames of spatial reference can be classified according to the degree of their dependence on immediate environmental phenomena (like the ones mentioned in 2.).

The first type of classification results in a discrete division of languages with absolute frames of spatial reference, the third type of classification introduces a scalar ordering of the phenomena (mentioned in 2. above) based on their dependence or independence of their immediate environment. This allows, of course, for a multiple classification of languages with absolute systems. However, Wegener requires that the respective motives for the typological classification of such a language are made explicit.

4. CONCLUDING REMARKS

In her study Claudia Wegener first classified different types of absolute systems for spatial reference based on their usage and then developed three approaches towards a typological classification of these systems. She points out

- ◆ that the different characteristic features of the coordinate systems that constitute these absolute frames of reference,
- ◆ that social and especially environmental phenomena that are basic and motivating for these reference axes (like local height, course of rivers, boundary between land and sea, the path of the sun, sea currents and wind directions),
- ◆ and that the degree of dependence of the absolute frames of reference on immediate environmental phenomena

are fundamental for developing such a typology. In his 2002 paper Bill Palmer also emphasized that his survey on absolute spatial frames of reference in Oceanic languages reveals that features of the physical world motivate these linguistic systems; he concludes that therefore perceptual input can determine linguistic structure.

Studies like the ones by Cablitz (2002; 2006), Francois (2003; 2010) and Chambers (2009) indicate that approaches to a linguistic typology of absolute systems also have to take into account that spatial references of speakers who have more complex geocentric systems available in their language — that is the speakers actual utterances — are anchored in the overall pragmatic context in which these utterances are produced. The understanding of the pragmatic context in which a geocentric system operates is fundamental for providing an adequate account of the semantics of the system.

This illustrates again that researching the interface between the semantics and pragmatics of geocentric systems in Austronesian languages forces us to frame our research within the complex interface between language, culture and cognition. This requires multidisciplinary approaches involving linguistics, anthropology and the cognitive sciences.

I would like to end this survey on space research in Austronesian languages with a personal remark: In her contribution to Giovanni Bennardo's (2002) anthology "*Representing Space in Oceania*" Janet D. Keller (2002: 250) kindly acknowledged the influence the research program of the Cognitive Anthropology Research Group and my anthology "*Referring to Space: Studies in Austronesian and Papuan Languages*" (Senft: 1997a) had on space research especially in Oceanic languages. As one of the first mem-

bers of Stephen Levinson's research team I cannot suppress some pride in realising that our research program not only contributed to initiate innovative interdisciplinary approaches to the research of spatial reference, spatial representations and conceptualizations in natural languages, but that we also managed to help set up a framework for researching the relationship between language, culture and cognition within this fundamental domain.

© Gunter Senft, 2017

REFERENCES

- Adelaar, K. A. (1997) An Exploration of Directional Systems in West Indonesia and Madagascar. In Gunter Senft (Ed.), *Referring to Space. Studies in Austronesian and Papuan Languages*, 53—81. Oxford: Clarendon Press.
- Bennardo, G. (Ed.), (2002) *Representing Space in Oceania — Culture in Language and Mind*. Canberra: Pacific Linguistics.
- Bowden, J. (1997) The meanings of directionals in Taba. In Gunter Senft (Ed.), *Referring to Space. Studies in Austronesian and Papuan Languages*, 251—268. Oxford: Clarendon Press.
- Brown, P. and Levinson, S. C. (1993) “Uphill” and “downhill” in Tzeltal. *Journal of Linguistic Anthropology* 3: 46—74.
- Cablitz, G. H. (2002) The acquisition of an absolute system: learning to talk about SPACE in Marquesan. In Eve Clark (Ed.), *The Proceedings of the 31st Stanford Child Language Research Forum: Space in Language—Location, Motion, Path, and Manner*. 40—49. <http://csli-publications.stanford.edu/CLRF/2002/CLRF-2002-title.shtml>.
- Cablitz, G. H. (2006) *Marquesan — a Grammar of Space*. Berlin: Mouton de Gruyter.
- Chambers, M. R. (2009) *Which way is up? Motion verbs and paths of motion in Kubokota, an Austronesian language of the Solomon Islands*. PhD thesis. London: Endangered Languages Academic Programme, School of Oriental and African Studies.
- Clayre, In. (1973) Notes on spatial deixis in Melanau. *Anthropological Linguistics* 15: 71—86.
- Francois, A. (2003) Of men, hills, and winds: Space directionals in Mwotlap. *Oceanic Linguistics* 42: 407—437.
- Francois, A. (2010) *A comparison of geocentric directionals across Banks and Torres languages*. Talk presented at the 8th International Conference on Oceanic Linguistics, COOL 8, University of Auckland, 4—9 January 2010.
- Haviland, J. B. (1993) Anchoring, iconicity and orientation in Guugu Yimithirr pointing gestures. *Journal of Linguistic Anthropology* 3: 3—45.
- Haviland, J. B. (1998) Guugu Yimithirr cardinal directions. *Ethos* 26: 7—24.
- Hill, D. (1997) Finding your way in Longgu: geographical reference in a Solomon Island language. In Gunter Senft (Ed.), *Referring to Space. Studies in Austronesian and Papuan Languages*, 101—126. Oxford: Clarendon Press.
- Hoem, I. (1993) Space and morality in Tokelau. *Pragmatics* 3: 137—153.
- Kant, I. (1768 [=1968]) Von dem ersten Grunde des Unterschiedes der Gegenden im Raume. *Kants Werke. Akademie Textausgabe. Band II. Vorkritische Schriften II, 1757—1777*, 377—383. Berlin: Walter de Gruyter.

- Keesing, R. M. (1997) Constructing Space in Kwaio (Solomon Islands). In Gunter Senft (Ed.), *Referring to Space. Studies in Austronesian and Papuan Languages*, 127—141. Oxford: Clarendon Press.
- Keller, J. D. (2002) Spatial representation of island worlds. In Giovanni Bennardo (Ed.), *Representing Space in Oceania*, 249—260. Canberra: Pacific Linguistics.
- Levinson, S. C. (2003) *Space in Language and Cognition. Explorations in Cognitive Diversity*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Levinson, S. C. and Gunter Senft. (1991) Research Group for Cognitive Anthropology — A new research group of the Max Planck Society. *Cognitive Linguistics* 2: 311—312.
- Levinson, S. C. and David Wilkins (Eds.), (2006) *Grammars of Space. Explorations in Cognitive Diversity*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Lichtenberk, F. (1983) *A Grammar of Manam*. Honolulu: University of Hawai'i Press.
- McKenzie, R. (1997) Downstream to here: Geographically determined spatial deictics in Aralle-Tabulahan. In Gunter Senft (Ed.), *Referring to Space. Studies in Austronesian and Papuan Languages*, 221—249. Oxford: Clarendon Press.
- Miller, G. A. and Johnson-Laird, Ph. N. (1976) *Language and Perception*. Cambridge: Belknap Press.
- Mosel, U. (1982) Local deixis in Tolai. In Jürgen Weissenborn and Wolfgang Klein (Eds.), *Here and There. Cross-Linguistic Studies on Deixis and Demonstration*. Amsterdam: John Benjamins.
- Ozanne-Rivierre, F. (1997) Spatial References in New Caledonian Languages. In Gunter Senft (Ed.), *Referring to Space: Studies in Austronesian and Papuan Languages*, 83—100 Oxford: Clarendon Press.
- Palmer, B. (2002) Absolute spatial reference and the grammaticalisation of perceptually salient phenomena. In Giovanni Bennardo (Ed.), *Representing Space in Oceania — Culture in Language and Mind*. 107—157. Canberra: Pacific Linguistics.
- Palmer, B. (2007) Pointing at the lagoon: Directional terms in Oceanic atoll-based languages. In Jeff Siegel, John Lynch and Diana Eades (Eds.), *Language Description, History and Development. Linguistic Indulgence in Memory of Terry Crowley*, 101—117. Amsterdam: John Benjamins.
- Palmer, Bill. (2010) *Route description tasks and spatial terminology in Kiribati*. Talk presented at the 8th International Conference on Oceanic Linguistics, COOL 8, University of Auckland, 4—9 January 2010.
- Pederson, E., Danziger, E., Wilkins, D. Levinson, S., Sotaro Kita, and Senft. G. (1998) Semantic typology and spatial conceptualization. *Language* 74: 557—589.
- Senft, G. (1994) Ein Vorschlag, wie man standardisiert Daten zum Thema „Sprache, Kognition und Konzepte des Raumes“ in verschiedenen Kulturen erheben kann. *Linguistische Berichte* 154: 413—429.
- Senft, G. (1995) Sprache, Kognition und Konzepte des Raums in verschiedenen Kulturen. *Kognitions-wissenschaft* 4: 166—170.
- Senft, G. (Ed.). (1997a) *Referring to Space: Studies in Austronesian and Papuan Languages*. Oxford: Clarendon Press.
- Senft, G. (1997b) Introduction. In Gunter Senft (Ed.), *Referring to Space: Studies in Austronesian and Papuan Languages*, 1—38. Oxford: Clarendon Press.
- Senft, G. (2001) Frames of spatial reference in Kilivila. *Studies in Language* 25: 521—555.
- Senft, G. (2003) Review of “Representing space in Oceania — Culture in language and mind” edited by Giovanni Bennardo. *Journal of the Polynesian Society* 112: 169—171.

- Senft, G. (2004) Aspects of spatial deixis in Kilivila. In Gunter Senft (Ed.), *Deixis and Demonstratives in Oceanic Languages*, 59—80. Canberra: Pacific Linguistics.
- Senft, G. (2006) Prolegomena to a Kilivila grammar of space. In Stephen C. Levinson and David P. Wilkins (Eds.), *Grammars of Space: Explorations in Cognitive Diversity*, 206—229. Cambridge: Cambridge University Press.
- Senft, G. (2007) The Nijmegen space games: Studying the interrelationship between language, culture and cognition. In Jürg Wassmann and Katharina Stockhaus (Eds.), *Person, Space and Memory in the Contemporary Pacific: Experiencing New Worlds*, 224—244. New York: Berghahn Books.
- Senft, G. (2008) Landscape terms and place names in the Trobriand Islands — The Kaile'una subset. *Language Sciences* 30(2/3): 340—361.
- Senft, G. (2014) *Understanding Pragmatics*. London: Routledge.
- Terrill, A. and Burenhult, N. (2008) Orientation as a strategy of spatial reference. *Studies in Language* 32: 93—136.
- Talmy, L. (1978) “Figure and Ground in Complex Sentences”. In Greenberg, Joseph H. (Ed.), *Universals of Human Language, Vol iv: Syntax*, 625—649. Stanford: Stanford University Press.
- Van Cleve, James and Robert E. Frederick. (1991) *The Philosophy of Right and Left. Incongruent Counterparts and the Nature of Space*. Dordrecht: Kluwer, Wassmann, J. and Dasen, P. R. (1998) Balinese spatial orientation: some empirical evidence of moderate linguistic relativity. *The Journal of the Royal Anthropological Institute (Incorporating Man)* 4: 689—711.
- Wegener, C. (2002) *Absolute Referenzrahmen zum Raumverweis — Eine vorläufige Typologie absoluter Systeme*. Magisterarbeit betreut von Gunter Senft und Dieter Metzger. Universität Bielefeld: Fakultät für Linguistik und Literaturwissenschaft.
- Wilkins, D. P. (1989) *Mparntwe Arrernte (Aranda): Studies in the Structure and Semantics of Grammar*. PhD Dissertation. Canberra: Australian National University.

Article history:

Received: 10 September 2017

Revised: 07 October 2017

Accepted: 08 October 2017

For citation:

Senft, G. (2017) Absolute Frames of Spatial Reference in Austronesian Languages. *Russian Journal of Linguistics*, 21 (4), 686—705. doi 10.22363/2312-9182-2017-21-4-686-705.

Bio Note

Gunter Senft is senior investigator at the Max Planck Institute for Psycholinguistics in Nijmegen (The Netherlands) and extraordinary professor of general linguistics at the University of Cologne (Germany). He has been studying the language and the culture of the Trobriand Islanders of Papua New Guinea since 1982 and conducted field research on the Trobriand Islands for 45 months during 16 long- and short term field-trips between 1982 and 2012. *Research interests*: Austronesian and Papuan languages, anthropological linguistics, pragmatics, semantics, the interface between language, culture, and cognition, the conceptualization of space and spatial reference, serial verb constructions and systems of nominal classification. Among his publications figure more than 150 articles in journals, handbooks and anthologies and 20 books. *Contact information*: e-mail: Gunter.Senft@mpi.nl; *Website*: <http://www.mpi.nl/people/senft-gunter> Publications: <http://www.mpi.nl/people/senft-gunter/publications>

DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-4-686-705

АБСОЛЮТНЫЕ ФРЕЙМЫ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В АВСТРОНЕЗИЙСКИХ ЯЗЫКАХ

Гюнтер Сенфт

Институт психолингвистики Макса Планка,
PB 310
NL-6500 AH Nijmegen
Нидерланды

Статья представляет собой краткий обзор абсолютных фреймов пространственных отношений в некоторых австронезийских языках, главным образом в языках подгруппы островов Океании. В ее основе — исследования концептуализации пространства и способов выражения пространственных отношений, которые были инициированы Исследовательской группой когнитивной антропологии (ныне Факультет языка и когниции) в составе Института психолингвистики Макса Планка, а также антология автора (Senft 1997a, см. Keller Келлер 2002: 250). Примеры, иллюстрирующие различные фреймы пространственных отношений, в очередной раз доказывают, что предшествующие обобщенные представления о пространстве складывались под влиянием исследований индоевропейских языков; они также показывают, насколько сложны некоторые из этих фреймов в рассматриваемых языках. Статья завершается кратким описанием предварительной типологии фреймов пространственных отношений, разработанной К. Вегенер (Wegener 2002).

Ключевые слова: *пространство, абсолютные фреймы пространственных отношений, австронезийские языки, языки Океании, типология абсолютных систем*

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 10 сентября 2017

Дата принятия к печати: 08 октября 2017

Для цитирования:

Senft, G. (2017) Absolute Frames of Spatial Reference in Austronesian Languages. *Russian Journal of Linguistics*, 21 (4), 686—705. doi 10.22363/2312-9182-2017-21-4-686-705.

Сведения об авторе:

Гюнтер Сенфт — старший научный сотрудник Института психолингвистики Макса Планка (Нидерланды), почетный профессор лингвистики Кельнского университета. С 1982 г. изучает языки и культуру жителей Тробрианских островов (Папуа—Новая Гвинея), где провел в общей сложности около 4 лет, совершив 16 исследовательских поездок. *Сфера научных интересов:* австронезийские и папуасские языки, антропологическая лингвистика, прагматика, семантика, взаимодействие языка, культуры и сознания, концептуализацию пространства и пространственных отношений. Список публикаций насчитывает более 150 статей и 20 монографий. *Контактная информация:* e-mail: Gunter.Senft@mpi.nl; Вебсайт: <http://www.mpi.nl/people/senft-gunter>; Публикации: <http://www.mpi.nl/people/senft-gunter/publications>

DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-4-706-728
УДК 81'373.4

СИСТЕМНАЯ ПАНОРАМА КОГНИТИВНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СЕМАНТИКИ ТАКСИСА*

Н.Ф. Алефиренко¹, М.Б. Нуртазина²

¹Белгородский государственный национальный исследовательский университет
308015, Белгород, Россия ул. Победы, 85

²Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева
010008, Астана, Казахстан, ул. К. Сатпаева, 2

Обосновывается необходимость исследования различных способов интерпретации семантики таксиса на примере механизма восприятия широкого диапазона видо-временных соотношений действий в рамках единого временного периода. Предложенный ракурс позволяет учитывать интерпретационный аспект языкового сознания, когда чрезвычайно важно опираться на языковую компетенцию говорящего, насколько он творчески модифицирует язык. Все выдвигаемые положения иллюстрируются конкретными примерами. Цель настоящей работы — доказать необходимость проведения интерпретационного анализа семантики таксиса; проанализировать механизм когнитивного взаимодействия говорящего и слушающего в структуре общения; описать структуру когнитивной характеристики субъекта деятельности. Методология моделирования таксисной семантики позволяет выявить ее основные когнитивные признаки: 1) динамичность и активность точки зрения самого говорящего; 2) многоаспектность характеристики; 3) взаимосвязь мыслительных и языковых структур. Обнаружено, что выражение хронологических отношений в сфере таксиса отличаются высокой степенью субкатегоризации и передаются разветвленной системой средств выражения. Доказано, что собранный иллюстративный материал из художественного текста наглядно свидетельствует о расплывчатости границ между временными соотношениями дифференцированного и недифференцированного типов. Описывается, что рассматриваемые реальные действия и состояния объективно могут находиться в отношениях одновременности/разновременности. Однако в языковой интерпретации данного отношения присутствует имплицитность, которую бывает трудно отграничить от неопределенно-временного типа совмещенности действий в едином периоде времени. Процесс формирования характера протекания и распределения действий во времени рассматривается сквозь призму работы таких когнитивных механизмов, как репрезентация, интерпретация, интенция, метафора, сравнение, эксплицитность/имплицитность выражения. Результаты исследования обладают лингвометодическим потенциалом: позволяют осуществить смысловую компрессию учебного материала при овладении способами представления сжатой информации в виде моделей и схем в процессе обучения языкам.

Ключевые слова: *интерпретация таксиса, дискурсивные стратегии, когнитивно-дискурсивный подход, метафора, оценочная интерпретация, интенция*

1. ВВЕДЕНИЕ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

В отечественной когнитивной лингвистике за последнее время появился ряд работ, направленный на изучение феномена понимания и порождения языка с учетом таких важных параметров, как реализация мыслительных особенностей

---

* Работа выполнена в рамках реализации научного проекта «Разработка методологии и научно-методических основ формирования лингвистических компетенций студентов в контексте модернизации профессионального образования в Республике Казахстан» на основе Грантового финансирования МОН РК на 2015—2017 гг. № 0555/ГФ4-15.

человека, социальный контекст, в том числе социально-культурные показатели, процесс создания речевого творчества в аспекте выявления стратегии планирования и управления самим текстом (Алефиренко 2010; 2011; Болдырев 2009: 34—36; Демьянков 1994: 24; Кубрякова 2001: 6—7; Гусман Тирадо 2004; Петрухина 2009; Храковский 2003; Bruner 1990; Gumperz 1982; Swoyer 2011). В проведенном исследовании (Алефиренко 2010) было обнаружено, что отличительная черта когнитивной лингвистики «обуславливается некоторым методологическим сдвигом и заключается в новых эвристических программах. Это связано с общелингвистическим интересом к имплицитным, недоступным непосредственному наблюдению явлениям, к их теоретическому и гипотетическому моделированию» (Алефиренко 2010: 72).

Неоднократно отмечалось, что одной из базовых категорий, характеризующих человеческое существование, является категория времени, которая входит в концептуальную картину мира индивида (Бондарко 2002: 176; Золотова 2002; Зализняк, Шмелев 2000; Нуртазина 1989: 25—26; 2016: 142—146; Dornyei 2007). Как и другие объективно существующие элементы вселенной, время отображается человеком через механизм его восприятия, причем его преломление в человеческом сознании допускает максимум свободного выражения, яркую психологическую окраску.

В этом ракурсе дальнейшее рассмотрение семантики выражения одновременности/последовательности действий в рамках единого временного периода с учетом аспектуальной характеристики речевых актов (по существу это всегда аспектуально-таксисные ситуации — см. об этом: Петрухина 2009; Гусман Тирадо 2004; Нуртазина 2016: 25—28) представляется достаточно актуальным аспектом современной когнитологии, если речь идет о процессе формирования и восприятия семантики таксиса с функционально-когнитивной точки зрения в текстовой перспективе. Таксисное значение (далее — ТЗ) отражает видо-временную характеристику целого комплекса действий: хронологической одновременности/разновременности действий, включая облигаторно и аспектуальную семантику, тем самым выражает, как отмечал еще А.А. Потебня, «характер протекания и распределения действий во времени» (Потебня 1977: 176) в рамках целостного временного периода. Субъект же в языковом сознании передает в речи не изменение этого характера действия, а свойства и качество восприятия и представления коммуникантом как минимум двух действий в едином периоде временного отрезка. В это контексте вполне справедливо мнение Г.А. Золотовой о том, что таксис следует рассматривать в рамках проблемы «соотношения событий в тексте», где «каждый предикат в тексте выступает в релятивные связи по линии времени, лица и модальности» (Золотова 2002: 12).

Все вышеизложенное подтверждает, что акцент на когнитивном аспекте в нашем исследовании не противоречит коммуникативно-функциональному подходу к интерпретации ТЗ, а логично и правомерно гармонизирует с таким его направлением, так как когнитивный характер заключается в ментальной генерализации концептуальной сущности языкового представления ТЗ.

В таком случае анализ аспектуально-таксисных ситуаций может проводиться в таких форматах, как: 1) в высказывании; 2) фрейме, или типовой ситуации;

3) в таксисной когнитивной модели. Научные изыскания вокруг ТЗ как полимодальной когнитивной категории, широкий диапазон значений которой проявляется в высказываниях и текстовой структуре с использованием лингвистических средств выражения разных уровней системы языка, вполне реализуется именно в тексте, что, на наш взгляд, обоснованно согласуется с такими версиями когнитивного анализа, которую Е.С. Кубрякова назвала когнитивно-дискурсивной (Кубрякова 2001).

1.1. Концептуальные основы исследования

Цель настоящей работы — доказать необходимость проведения интерпретационного анализа семантики таксиса. Отсюда вытекают важные задачи исследования: 1) проанализировать механизм когнитивного взаимодействия говорящего и слушающего в структуре общения; 2) описать структуру когнитивной характеристики субъекта деятельности; 3) показать взаимосвязь адресанта и адресата в многокомпонентной структуре высказывания как результат процесса интерпретации. Моделирование ТЗ позволяет выявить ее основные когнитивные признаки, такие как: 1) динамичность и активность точки зрения самого говорящего при реализации ТЗ; 2) многоаспектность характеристики; 3) взаимосвязь мыслительных и языковых структур.

Методы и методология исследования. Когнитивный аспект представляется достаточно новым и перспективным, дающим возможность ставить неизученные ранее цели в исследованиях, и, соответственно, может быть выбран в качестве метода исследования. Перспективный подход к рассмотрению ТЗ опирается на ономаσιологический взгляд на его природу, а потому, развивая идеи когнитивного направления в лингвистике, возможно описание фреймовых моделей ТЗ, которые строятся на основе базовых понятий когнитивных исследований. Последовательное описание интерпретационных типов таксиса, таких как: результативные/нерезультативные действия, контролируемые/неконтролируемые, длительные/недлительные: процессные/непроцессные действия и состояния, контролируемые, конативные действия способствует выявлению «режимов интерпретации». Кроме того, такой взгляд на язык, с одной стороны, снимает противоречия между структурно-семантической моделью предложения и типом ситуации, парадигмой предложения и лингвистикой текста, с другой стороны, меняет и принципы, и приоритеты исследования. На первое место выходит описание генерирования целого высказывания, когда такая характеристика строится на базе конкретного «добавочного» содержания.

1.1.1. Краткий обзор научной литературы

Несмотря на высокую изученность категории времени на материале разных языков, ее различные аспекты заслуживают самого серьезного внимания как в силу онтологической значимости временных отношений, представляющих собой наиболее типичные и наиболее существенные связи объективной действительности, так и в силу фундаментальности, глубины, разветвленности и сложности взаимосвязи языковых средств выражения временных характеристик, их неотъемлемого включения в систему языка и речи.

Для обозначения данной временной характеристики Р.О. Якобсоном был предложен термин «таксис», который «характеризует сообщаемый факт по отношению к другому сообщаемому факту и безотносительно к факту сообщения» (Якобсон 1972: 101), в соответствии с терминами «order» (порядок) у Л. Блумфильда (Bloomfield 1946: 97) и «mode» (вид) у Б. Уорфа (Whorf 1956: 176).

Необходимо подчеркнуть значимость и непреходящую актуальность концепций ученых (Бондарко 2002; Золотова 2002; Минский 1979; Филлмор 1988; Храковский 2003) для осмысления проблемы ТЗ, которые стимулируют дальнейшие поиски возможных решений. Так, по справедливому замечанию Г.А. Золотовой, «текст и становится главным источником исследования языка, осмысления его грамматических форм, категорий в воплощенных их значениях, возможностях, условиях и назначения. Антропоцентричность таксисных отношений, темпоральных ритмов текста воссоздает общее неразделимое единство времени и пространства, моделируя тот физический, социальный и ментальный мир — хронотоп, в котором реализуются окружение и кругозор воспринимающего человека» (Золотова 2002: 13; см. также: Золотова, Онипенко, Сидорова 1998: 144—147).

А.В. Бондарко, опираясь на предшествующую традицию в разработке проблемы общих значений (Бондарко 2002; Wertsch 1990), изложил свою концепцию проблем ТЗ с позиций интегративной теории репрезентации, которая основывается на трактовке ТЗ как процесса представления и интерпретации мира человеком, как ментальной репрезентации разных отношений между действиями, тем самым придав этой проблематике эксплицитное общетеоретическое направление.

Когнитивный подход позволил увидеть, что ТЗ есть объединение нескольких разнородных и вместе с тем взаимосвязанных явлений: аспектуальности, темпоральности, временной локализованности и временного порядка («возникновение новой ситуации»). В таблице 1 показана возможность реализации семантического временного комплекса в разных семантических категориях. Все эти категории производны от аспектуальной характеристики глагольных форм (Бондарко 2002; Зализняк, Шмелев, 2000; Schiffrin 1995).

Таблица 1 / Table 1

Реализация семантического временного комплекса в разных структурах
Implementation of the semantic time complex in different structures

Семантические категории, связанные с идеей времени	Общая временная ориентация	Связь с аспектуальностью	Тип синтаксической конструкции		Текст
			Полипредикативная	Монопредикативная	
Таксис	предшествование-следование и одновременность	+ (облигаторная)	+	–	+
Аспектуальность	характер протекания и распределения действия во времени	+	+	+	+
Темпоральность	ориентация на момент речи, временной дейксис	–	+	+	+
Временная локализованность	единичность/повторяемость, конкретность/абстрактность	+ –	+	+	+
Временной порядок	динамичность «наступлений фактов» (смены ситуаций) и статичность длительностей	+ –	+	+	+

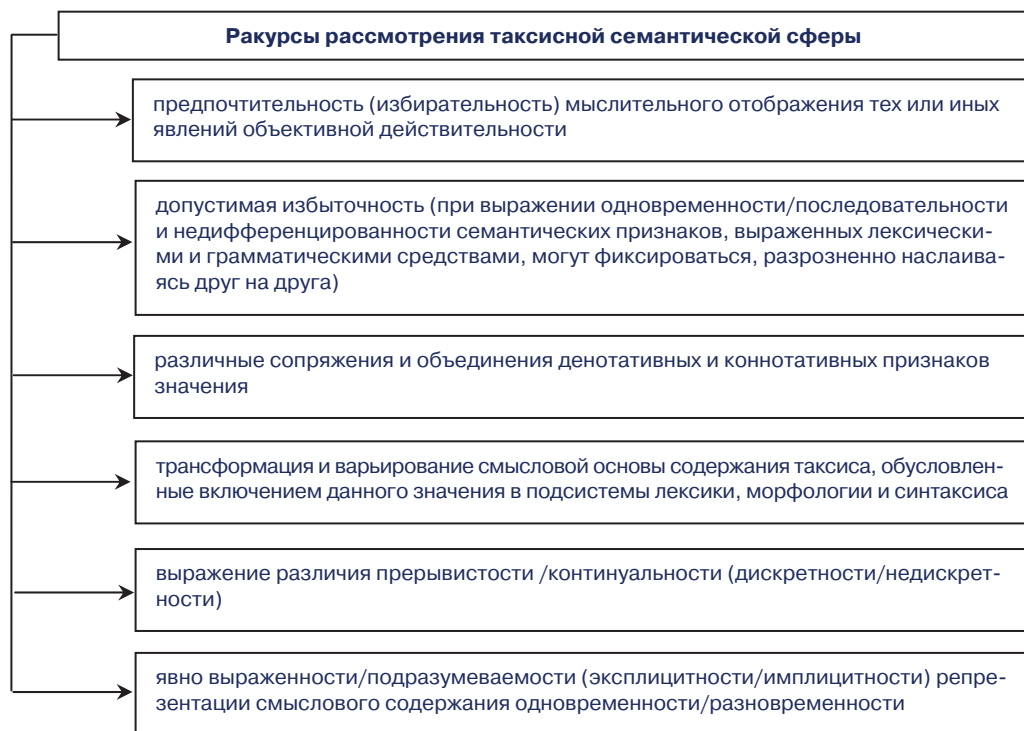
2. ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

2.1. Параметризация полиаспектной характеристики семантики таксиса с учетом интерпретационной зоны

Как известно, осуществляемая коммуникантом интерпретация предстает как многоаспектный процесс, который регулируется общими прагматическими и коммуникативными целями, иерархиями ценностей, структурой проблемной области, социально-ролевыми и индивидуально-психологическими характеристиками участников коммуникации. Н.Н. Болдырев отмечает, что когнитивные идеи интерпретационной зоны, высказанные в работах ряда зарубежных и отечественных ученых (см. работы Ч. Филлмора, М. Минского, Гусман Тирадо, Дж. Лакоффа, В.З. Демьянкова, А.В. Бондарко, Е.С. Кубряковой), способствовали усилению социальной составляющей когнитивных исследований (Болдырев 2009: 34—36). Соответственно, результат процесса интерпретации в идеале представляет собой многокомпонентную структуру, включающую все возможные «проекции» языкового содержания высказывания на структуру знаний интерпретатора. В этом контексте содержание ТЗ подчеркивает неоднородность к его подходу и полиморфизм потенциала его интерпретации. Связано оно с тем, что ТЗ представляет собой разнохарактерное явление. При ее рассмотрении важны такие факторы, как регистрация отчетливых связей и явлений объективной действительности, своеобразие языковой интерпретации понятийного содержания, динамичность и активность точки зрения самого говорящего как в процессе познания, так и в процессе речевой деятельности и коммуникативно-прагматического результата реализации данной грамматической формы.

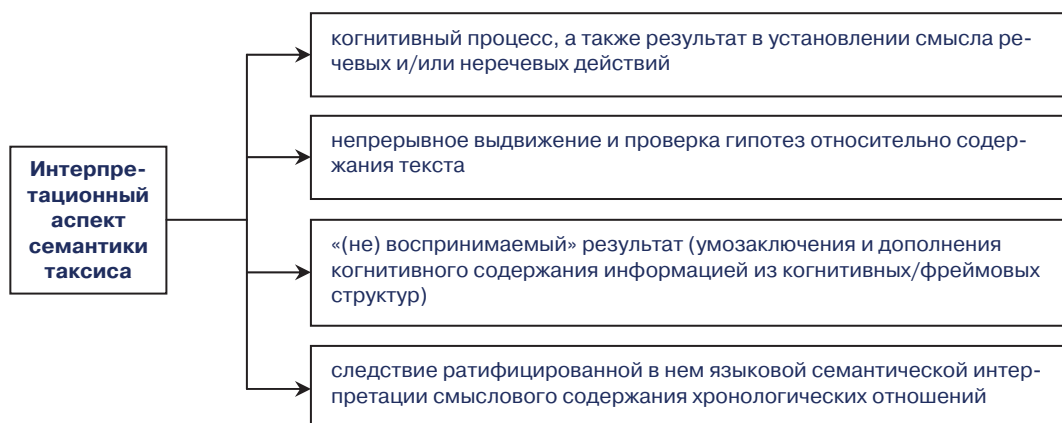
Последовательная ориентация на интерпретационный аспект реализации ТЗ в нашем исследовании не противоречит «принципу избирательности языковых значений внеязыковой действительности» (Бондарко 2002: 533). Соотносясь с явлениями окружающей нас реальной действительности через их отражение в сознании и мышлении, значения грамматических средств выражения, передающих ТЗ, несут в себе характерные атрибуты языковой категоризации, системно-структурной организации языковых единиц. Ведь именно язык служит средством передачи неязыкового содержания, причем, по выражению А.А. Потемби, слово может «сгущать» мысль и в этом смысле представлять собой «свернутое» суждение, а может и «разряжать» ее, оставляя многие ее аспекты за пределами обозначения (Потембня 1977: 231—232).

Интерпретационный аспект ТЗ есть следствие ратифицированной в нем языковой семантической интерпретации смыслового содержания хронологических отношений одновременности/разновременности, а также без их актуализации (Нургазина 2016: 28—33), и потому может включать в себя множество ракурсов рассмотрения. Для целей нашего анализа важны идеи А.В. Бондарко о том, что «смысловая основа содержания высказывания не дана „в чистом виде“, а проходя сквозь призму языковой формы, передаваемый смысл всегда получает ту или иную языковую интерпретацию» (Бондарко 2002: 109; см. также: Нургазина 1989: 27), в связи с чем можно предположить, что ТЗ включает несколько аспектов рассмотрения, см. рис. 1.

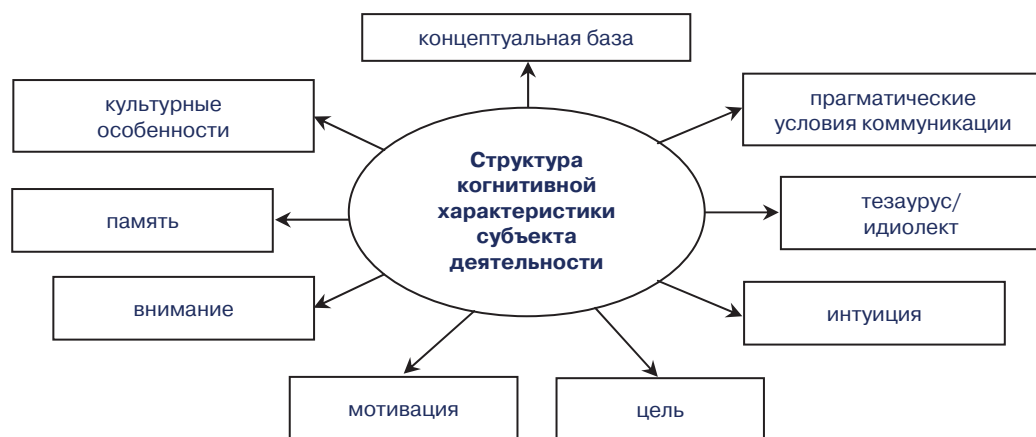
Рис. 1. Аспекты рассмотрения таксисной семантической сферы
Fig. 1. Aspects of taxis semantic sphere

Интерпретационный подход к языковой семантике предусматривает исследование взаимосвязей мыслительных и языковых структур, когда в центре анализа оказываются вопросы языковой «упаковки» (термин У.Л. Чейфа): как смысл связан с имплементацией той или иной языковой формы. Именно такая функция языка дает возможность по-разному представлять внеязыковое содержание. В проведенных исследованиях (Демьянков 1994; Кубрякова 2001; Бондарко 2002) были описаны семантические составляющие процесса интерпретации, а потому вполне можно эти идеи проецировать на изучение интерпретационного аспекта ТЗ, см. рис. 2.

Рис. 2. Интерпретационный аспект семантики таксиса
Fig. 2. Interpretation aspect of taxis semantics

По справедливому утверждению В.З. Демьянкова, ранжирование интерпретационного феномена по степени целенаправленности и контроля цели над процессами есть «переменная величина, зависящая от многих факторов, из которых личностные (характер и способности человека-интерпретатора) играют далеко не последнюю роль» (Демьянков 1984: 28—29). Субъективность как один из факторов когниции и результат когнитивной деятельности человека обладает неповторимым субъекта деятельности, см. рис. 3.

Рис. 3. Структура субъекта в таксисных конструкциях
Fig. 3. Structure of the subject in taxis designs

Субъект речи и деятельности в силу дифференциальной когнитивной характеристики всегда обладает индивидуальными особенностями. Индивид речи выделяет из целого релевантные для него элементы, повышая значимость того или иного признака действия, выражения, усиливая в самом тексте свою собственную версию в соответствии со своими индивидуализирующими качествами и признаками объекта. Таким образом, в процессе восприятия какого-либо события происходит не просто перекодирование информации, выраженной в знаках языка, в знаки концептуальной системы, а интерпретация и толкование смысла в аспекте привнесения и расширения чего-то нового, объяснения, развертывания или устранения чрезмерного факта, селективности и опущения. «Идею интерпретации» А.В. Бондарко определяет как «обращение к ситуации, т.е. к знанию о типичном событии, хранящемся в структурах когниции», отмечая важность учета «соотношения универсальных и идиоэтнических аспектов семантики», так как «внутренний мир интерпретируется в виде речи, а если речь задана как объект восприятия, то интерпретируется и она» (Бондарко 2002: 108—110).

Рассматривая свойства базового уровня интерпретации, Дж. Лакофф и М. Джонсон (Лакофф, Джонсон 2008: 72) делают вполне обоснованные и аргументированные заключения о важности для разных уровней толкования смысла всего высказывания и принципа отбора значимой информации, см. рис. 4.

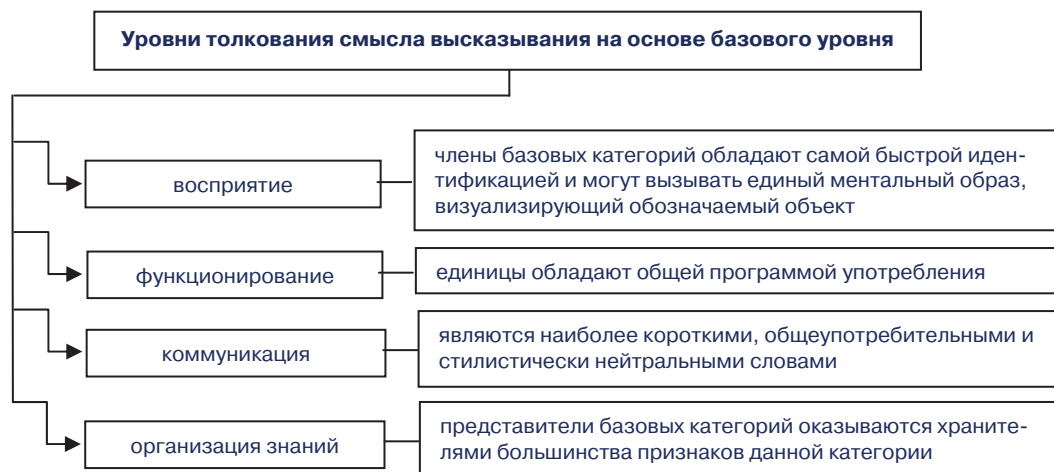

Рис. 4. Уровни толкования таксисной семантики
 Fig. 4. Levels of interpretation of taxis semantics

2.2. Роль интерпретирующей функции языка в стратификации семантики таксиса

По нашему мнению, действие *интерпретирующей функции языка* (далее — ИФЯ) по отношению к структурам, передающим ТЗ, проявляется в следующем:

а) ИФЯ способствует избирательности ТЗ. Если для описательных значений избирательность означает, что не все признаки реальной ситуации рефлексированы в структуре значения, то по отношению к прототипическим ТЗ это значит, что в них отражаются не все компоненты ментальной структуры оценки (остаются невыраженными, например, такие семантические процессы, как интенция и готовность говорящего к совершению действия, перцептивность, контролируемость/неконтролируемость действия и т.п.);

б) ИФЯ предполагает вероятность и перспективу дискретной или недискретной имплементации смыслового содержания (сложноподчиненные предложения (далее — СПП) в независимом таксисе и предложно-падежные сочетания в зависимом таксисе);

в) благодаря ИФЯ появляются различные сочетания имплицитного и эксплицитного факторов в структуре речевого общения (например, стадия прагматической коррекции в процессе речи и четкие выражения хронологических значений одновременности/разновременности действий и др.);

г) ИФЯ раскрывается в различной дистрибуции смыслового содержания между лексическими, грамматическими, комбинированными и др. средствами в связи с функционально-семантическими возможностями того или иного уровня языковой системы (совершенного и несовершенного видов глагола (далее — СВ и НСВ), способы глагольного действия, лексико-семантические разряды глаголов и их семантические группировки и др.);

д) ИФЯ способствует ранжированию специфических свойств ядерных и периферийных компонентов функционально-семантического поля (далее — ФСП) таксиса. Так, значение хронологии может входить в «интенционал» значения, а недифференцированные разновидности — в «экстенционал»;

е) ИФЯ четко выявляется в таких различных семантических процессах, как подключение фактора адресата, этап контроля и эмоциональности результата речевого воздействия и др.;

ж) ИФЯ акцентируется в возможности особой актуализации и конкретизации ТЗ (имплицитной или эксплицитной);

з) ИФЯ способствует истолкованию способности ТЗ репрезентировать объективный или субъективный модус оценки ситуации с точки зрения релевантности;

и) вследствие значимости фактора ИФЯ появляется возможность провести «тонкий» анализ показа сочетания смыслов в структуре ТЗ и распределения их в разных синтаксических структурах и их «метакогнитивных моделированиях» (Болдырев 2009), системная панорама взаимодействия парадигм когнитивной семантики, семалогии и лингвосинергетики (Алефиренко 2011).

Центральную роль среди интерпретирующих средств выражения ТЗ играют синтаксические значения.

Таким образом, с одной стороны, в лингвистике сложилась традиция обращения к универсальным мыслительным основам категоризации лингвистических явлений вместе с признанием идиоэтнического характера способа отражения мыслительного содержания в языковой семантике, а с другой — прослеживается «стратификация семантики» (Бондарко 2002: 99).

Интерпретационные типы ТЗ (результативные/нерезультативные, контролируемые/неконтролируемые, длительные/недлительные: процессные/непроцессные действия и состояния, достигнутость предела, контролируемость ситуации и др.) в большей или меньшей степени обусловлены типами категоризации и «режимами интерпретации», или контекстом употребления. Языковая интерпретация глубинной семантики находит отражение в различных аспектах системно-структурной организации языковых значений, в частности, в «соотношении семантических прототипов и их окружения» (Бондарко 2002: 263), в явлениях избирательности и избыточности в сфере форм и их значений, в соотношении значения, импликации и пресуппозиции, в различных комбинациях грамматических и лексических значений в их взаимодействии с контекстом (Болдырев 2009).

Прототип понимается как «наиболее репрезентативный (канонический, эталонный) вариант определенного инвариантного системного объекта, характеризующийся наибольшей специфичностью (концентрацией специфических признаков данного объекта), способностью к воздействию на производные варианты (признак „источник производности“) и (во многих случаях) наиболее высокой степенью регулярности функционирования» (Бондарко 2002: 263).

Рассмотрим примеры. Ср.:

- (1) *Балаганов заметался. Сначала он подскочил слишком близко к месту действия, потом отбежал слишком далеко. И лишь после всего этого занял удобную для наблюдений позицию у фруктового киоска* (И. Ильф, Е. Петров. Золотой теленок);
- (2) *Мягко застрекотал аппарат, погас свет, постепенно на небольшом экране замелькали синие волны моря и розовые пески берегов* (И. Ефремов. Торжество тигра);

- (3) *Прошли еще три огромные, как три жизни, ночи и три призрачных дня, и вдруг я вижу на четвертый день Бутонов приходит в неурочное время и говорит, что уезжает* (Л. Улицкая. Медея и ее дети).

Эти высказывания вполне сходные с точки зрения смысла: в обоих случаях речь идет о ТЗ прошлого, однако интерпретация этого смысла различна. В одном случае (1) и (2) смысл «отнесенность к прошлому» непосредственно передается формой, имеющей значение прошедшего времени «предшествование-следование» и «цепь последовательных фактов», тогда как в другом (3) смысловая отнесенность к прошлому сочетается с образной актуализацией (в плане настоящего исторического), детерминированный категориальным значением формы настоящего времени (настоящее транспозиции, настоящее историческое время).

Учитывая и принимая во внимание факт, что настоящее время представлено на временной оси не точкой (совпадением с моментом речи), а некоторым интервалом, включающим момент речи, именно интервал как модальная рамка в настоящем историческом может быть определен следующим образом: действие относится к прошлому; говорящий хочет, чтобы слушающий мысленно описал действие, как бы совершающееся перед его взором; он говорит о нем так, как будто он сам находится в том времени, к которому относится действие, и оно как бы разыгрывается у него на глазах. Общий смысл высказывания не нарушает принципа транспозиции, так как передается та же денотативная ситуация, но добавляется особенный нюанс (интерпретационный компонент) красочности и образности, тем самым устанавливается своеобразный «тонкий тюнинг», несмотря на то, что значение грамматической формы вступает в противоречие с контекстом и всей речевой ситуацией.

2.3. Интерпретационные типы таксисных значений в системе инвариантности/вариативности и прототипического подхода

Анализируя соотношение инвариантности/вариативности и прототипического подхода к фактам языка, А.В. Бондарко вводит в характеристику «лингвистических инвариантов» указание на то, чем обусловлена вариативность, и полагает: «инвариант как элемент определенной системы подвергается преобразованиям в результате взаимодействия системы и среды» (Бондарко 2002: 5). Среда здесь трактуется как «множество языковых элементов, которые играют по отношению к исходной системе роль окружения, во взаимодействии с которым она выполняет свою функцию» (Бондарко 2002: 5—6). Применительно к анализу ТЗ роль среды выполняют элементы контекста и речевой ситуации; к среде относятся лексические значения глаголов и лексико-грамматические разряды слов, влияющие на реализацию ТЗ, а также элементы «категориального окружения» — другие грамматические категории, взаимодействующие с таксисом как исходной системой. Так, варианты значений, выражаемых при употреблении форм СВ и НСВ при выражении ТЗ, зависят от элементов контекста (1), (2), (3) типа *вдруг, медленно, постепенно, иногда, часто* и т.п., от лексического значения глагола, его принадлежности к разряду предельных или непредельных глаголов и к тому или иному способу действия, от воздействия со стороны категорий времени, вида, наклонения, лица и залога.

Вместе с тем следует учитывать, если рассматривается соотношение общих значений форм СВ и НСВ (инвариантов) и частных значений (ср. *конкретно-фактическое, наглядно-примерное, потенциальное и суммарное значения*), выражаемые при употреблении СВ, и такие частные значения НСВ, как *конкретно-процессное, неограниченно-кратное и обобщенно-фактическое*, то в центре внимания находится отношение глубинного основания рассматриваемой семантики (категориальных значений СВ и НСВ) и значений, которые выражаются в различных условиях речи в вариантах, зависящих от лексики, контекста, речевой ситуации, т.е. от разных типов окружающей среды.

Если рассматривать соотношение инварианта и прототипа как сущность и явление, то, поскольку явление богаче сущности, оно содержит не только необходимые «идеальные» признаки, но и второстепенные, которые могут находиться на более низком уровне стратификации. Примером проявления признака «источник производности» может служить конкретно-фактическое значение СВ при реализации таксисных хронологических значений:

- (4) *Бенедикт натянул валенки, потопал ногами, чтобы ладно пришлось, проверил печную вьюшку, хлебные крошки смахнул на пол — для мышей, окно заткнул тряпницей, чтоб не выстудило, вышел на крыльцо и потянул носом морозный чистый воздух. Эх и хорошо же!* (Т. Толстая. Кысь. Аз).

Другие частные значения СВ —

— суммарное:

- (5) *Я отворил дверь, откуда тотчас же рванул, хлынул зловонный пар и гомон. Шум, ругань, драка, звон посуды* (В. Гиляровский. Москва и москвичи);

— наглядно-примерное:

- (6) *Париж стал совершенно невыносим. Гранд-опера, а в ней кто-то показывает кукиш. Сложит, покажет и спрячет опять. Опять сложит, покажет* (М. Булгаков. Театральный роман);

— потенциальное:

- (7) *Тургеневский герой, однодворец Овсянников, вспоминал: «Пока не знаешь его, не взойдешь к нему — боишься точно, робеешь; а войдешь — словно солнышко тебя пригреет, и весь повеселеешь»* (В. Пикуль. Этюды о былом);

— являются производными по отношению к конкретно-фактическому значению — основному прототипическому варианту общего значения СВ, важного признака для целостного представления ТЗ. Признак «целостность действия» является инвариантным для форм СВ, что проявляется в ТЗ типа «предшествование-следование», однако это не значит, что говорящий употребляет ту или иную форму СВ только для того, чтобы выразить неделимую целостность действия.

Иной характер имеет признак «источник воздействия» в сфере прототипов и их окружения. Прототипы в сфере семантики по своей природе интенциональны. Функции прототипов неразрывно связаны с актуальным сознанием участников речевого акта. Прототипические значения связаны с намерениями говорящего, с коммуникативными целями речемыслительной деятельности: «они являются одним из актуальных элементов речевого смысла» (Бондарко 2002: 266).

Инвариантное значение ТЗ — это выражаемая в полипредикативных конструкциях временная соотнесенность как минимум двух действий в рамках единого временного плана, а отношения семантики одновременности/разновременности есть один из вариантов. Поэтому инвариантное значение таксиса выступает в таких вариантах:

1) отношение одновременности/предшествования-следования:

- (8) *Катя сунула ноги в остывшие домашние чуни. Вышла на кухню. Вернулась. Постояла немного, кутаясь в синий байковый халатик. Затем оторвала листок календаря, стала читать* внимательно и медленно, так, словно от этого зависело многое (С. Довлатов. Зона) — значение последовательности;
- (9) *В Копенгагене я сделал сделку. Заработанные лекциями деньги сунул в свою книжку, а книжку подарил журналистке из газеты с трудновоспроизводимым названием. После чего пошел по магазинам* (М. Веллер. Ножик Сережи Довлатова) — значение последовательности;
- (10) *На маленькой площадке, как раз посередине между крыльцом дома и летней кухней, Георгий распаковывал две привезенные им коробки, а Медея распоряжалась, что куда нести* (Л. Улицкая. Медея и ее дети) — значение одновременности;

2) временная соотнесенность действий в сочетании с отношениями обусловленности (причинными, следственными, целевыми, условными, уступительными):

- (11) *Вспомнив о своей Иринушке, с которой за последнее время так мало приходилось ей бывать, Христина бросила старика, пошла к себе* (А. Ремизов. Часы) — отношение предшествования—следования связано с отношением причины и следствия;

3) взаимосвязь действий в рамках единого временного плана при неактуализованности хронологических отношений, например:

- (12) *На листе почтовой бумаги, данном ему Митюшиным, Антон Петрович написал Бергу письмо, трижды называя Берга подлецом, и кончил бессильной фразой: один из нас должен погибнуть* (В. Набоков. Возвращение Чорба).

В этом случае для смысла высказывания существенно не хронологическое отношение одновременности двух действий, а значение сопряженности двух взаимосвязанных компонентов обозначаемой ситуации в рамках единого временного плана.

Такие высказывания относятся не к центру таксиса, а к периферии, перед нами не прототип ТЗ, а один из элементов окружения прототипа.

Следует отметить факт, что инвариантные признаки ТЗ (хронологические отношения) являются глубинным источником воздействия на подчиненные ему варианты, т.е. не зависят от интенций говорящего, а являются данностью значения. Прототипические признаки (акцентирование значения одновременности/разновременности, временного периода времени, псевдоодновременности) относятся к сфере семантики, напрямую связаны с когнитивным выбором говорящего, поэтому функционирование таких единиц может быть в прототипическом или непрототипическом значении, причем реализация зависит от установок говорящего.

Однако прототипичными для ТЗ являются именно акциональные глаголы (Бондарко 2002: 123—124; Нуртазина 2016: 78) как обладающие наиболее полным набором характерных для данной категории признаков. На уровне категории акциональных глаголов инвариантом выступает признак акциональности, а прототипом будут являться глаголы зрительного и слухового восприятия, физического действия и др., хотя они могут проявлять значительную вариативность при реализации инвариантного значения вплоть до его утраты и перехода в другую категорию.

Так, например, протекание процесса может специально подчеркиваться с помощью обстоятельственных актуализаторов типа «*все*», «*все еще*», выступающих в роли своеобразных расширителей временного плана. Эти «аспектуально-временные детерминаторы» (Нуртазина 1989: 25—26), характеризую процесс протекания действия во времени, усиливают значение несоответствия и употребляются в сочетании с такими действиями, которые имеют внутренне обусловленную логическую возможность развития, продолжения. Выражается при помощи СВ некоторая исходная ситуация, а далее после паузы в определенный момент наблюдатель застаёт процесс в той «прогрессирующей фазе», когда он уже успел развернуться в полной мере:

- (13) *Поставив машину в гараж, я долго еще возился возле нее. В душе у меня все было натянуто до предела* (Ч. Айтматов. Тополек мой в красной косынке);
(14) *С ним расставишь, долго не мог я забыть старого смотрителя, долго думал я о бедной Дуне* (А. Пушкин. Станционный смотритель).

Вместе с тем возможны случаи нецеленаправленного (неволевого) действия, описывающие природные явления, абстрактные отношения, любые спонтанные процессы, рассматриваемые как неконтролируемые, например:

- (15) *Старый Харлампий по мере рождения внуков слабел, добрел и утратил к концу жизни вместе с богатством даже образ властного, жесткого и талантливого купца* (Л. Улицкая. Медя и ее дети).

Примечательно, что инвариантные свойства ТЗ проявляются на разных уровнях языковой системы и реализуются в прототипических значениях, которые включают в себя следующие компоненты: *процессность, результативность, длительность, перцептивность, динамичность, предельность, интенциональность, контролируемость, локализованность* и др. Прототип репрезентирует прототипический фрейм, который отличается от других единиц когнитивной системы человека тем, что наиболее полно отражает сущность и свойства единиц, принадлежащих категории, т.е. содержит информацию, применимую для большинства единиц данной категории. Являясь наиболее общим представителем «своей» категории, прототипический фрейм, который М. Минский называет «активной формой восприятия» (Минский 1979: 62), становится эффективным средством исследования ТЗ и позволяет выявить их прототипическое и инвариантное значения, а также индивидуализирующий компонент.

2.4. Анализ когнитивной структуры семантики таксиса

Одним из постулатов когнитивной лингвистики является утверждение о модельном образе мышления, а также о наличии когнитивных структур разного свойства и разного уровня в когнитивной системе человека, так как именно с когнитивной семантики и ее подходов (прототипическая семантика и фреймовая семантика) началось развитие когнитивной лингвистики. Ученые, которые развивали грамматические воззрения в рамках когнитивной лингвистики, всегда учитывали семантический аспект. С точки зрения В.В. Красных (Красных 1998: 273), когнитивное пространство человека представлено в виде «магического шара» или заполненной сферы, где каждая точка имеет определенное множество векторов деятельности: вербальной, ментальной, физической, эмоциональной. Когда субъект воздействует на сознание по одному из векторов, то это вызывает определенную реакцию из той же точки, которая идет по другому вектору деятельности. Все это способствует вычленению различных коммуникативных типов высказываний и коммуникативную целенаправленность или различные виды воздействия.

2.5. Возможность использования фреймового анализа к семантике таксиса

Интерпретация непосредственно связана с познанием и есть процесс и результат структурализации и опоры на коллективные и субъективные схемы знаний: фреймы как наиболее лингвистически ориентированные в связи с возможностью языковой репрезентации знаний и результатов опыта субъекта, скрипты, когнитивные модели (Филлмор 1988: 89—92). Важен и исследовательский потенциал фрейма, в связи с чем все больше исследований демонстрируют привлечение фреймовых структур и использование методов фреймовой семантики и моделирования. Так, Н.Ф. Алефиренко отмечает в ракурсе «когнитивно-дискурсивной парадигмы языкового знака» важность универсально-предметного кода как «первой когнитивной структуры, уже во внутренней речи закладывающая мыслительный базис языковой семантики. В его основании лежит достаточно информативное содержание, формирующееся в процессе осмысления и обобщения денотативной ситуации» (Алефиренко, Корина 2011: 38).

Структуры знаний фрейма также представляют собой так называемые «пакеты информации», которые хранятся в памяти и могут создаваться по мере необходимости из содержащихся в памяти элементов, которые обеспечивают адекватную когнитивную обработку стандартных ситуаций (Бондарко 2002: 111—113). Кроме того, фрейм рассматривается как «схема смысловых опор» (Минский 1979: 24; Лакофф 2008: 121—122; Филлмор 1988: 97), как обобщенные когнитивные репрезентации того, что может быть увидено в некоторой части статического пространства, отдельное единичное действие, состояние, результат, представляя стереотипную информацию, что делает его важным инструментом в процессе познания, а следовательно, категоризации и концептуализации, в процессе узнавания и идентификации.

Развивая эти воззрения, отметим факт того, что понятие «фрейм» можно проецировать на знание языка как одного из видов человеческого знания. Так, приме-

нительно к нашему исследованию ТЗ может быть одним из компонентов более сложного смыслового комплекса, где доминирующим при определении конкретного характера связи между ситуациями (помимо хронологической упорядоченности) являются «не хронологические связи, а семантические отношения другого типа» (Якобсон 1972: 98—99). В таких случаях временная соотнесенность действий, хронологические отношения вторичны, производны:

- (16) *Моя возлюбленная очень изменилась, похудела и побледнела, перестала смеяться и все просила меня простить ее за то, что она советовала мне напечатать отрывок* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита);
- (17) *Прикажи слово молвить, — сказал Хлопуша хриплым голосом. — Ты поторопился назначить Швабрина в коменданты крепости, а теперь торопишься его вешать. Ты уже оскорбил казаков, посадив дворянина им в начальники; не пугай же дворян, казня их по первому наговору* (А. Пушкин. Капитанская дочка);
- (18) *Нет! Мастер ошибался, когда с горечью говорил Иванушке в больнице в тот час, когда ночь переваливалась через полночь, что она позабыла его. Это быть не могло* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

В высказывании (16) представлен комплекс совмещенных результативных фактов, относящихся к одному периоду времени, при возможном изменении последовательности глагольных форм без существенного изменения общего смысла. Перфектное значение включает в себе аспектуальный элемент характера осуществления действий во времени, так и темпоральный элемент актуальности последствий действия для более позднего временного плана. В высказываниях (17) и (18) глаголы СВ и НСВ и деепричастие СВ не выражают значения предшествования в хронологическом смысле; временные отношения сводятся к совмещенности, «наложенности» действий в одном и том же периоде времени: личная форма глагола передает действие констатирующего плана, а деепричастие дает определенную характеристику основного действия, квалифицирует его.

2.6. Интенциональность как существенный признак для характеристики таксисных отношений

Когнитивный подход к речевому взаимодействию, реализующийся, в частности, в аспектуально-таксисных ситуациях, подчеркивает взаимосвязь между дескриптивной, когнитивной и коммуникативной функциями языка. Основой такого подхода является понятие модуса интенциональности. Исследование семантики таксиса целесообразно соотнести с понятиями интенциональности и релевантности.

Интенциональность как возможность направленности сознания на объект действительности с определенной точки зрения; как средство манипуляции и речевого воздействия и как способности гармонизировать общение коммуникантов, как «актуальная связь с намерениями говорящего в акте речи, с коммуникативной целью, с целенаправленной деятельностью говорящего» (Бондарко 2002: 145—148; Нургазина 2016: 182) в речевой интеракции говорящего сталкивается с интенциональностью слушающего. Как отмечает В.З. Демьянков, «акт понимания имеет своей целью выдвинуть в данном предмете одни стороны и отодвинуть, затемнить

другие с целью так или иначе понять этот предмет и в том или ином свете сообщить его другому сознанию. Этот акт можно назвать интерпретацией предмета, или интерпретативным актом» (Демьянков 1994: 22—23).

С интенциональностью тесно связаны и такие семантические признаки, как релевантность и возможности их нарушения в речи. При этом специфика принципа релевантности как неперемного условия эффективности, успешности и уместности информации с учетом механизмов когнитивного взаимодействия говорящего и слушающего в структуре общения заключается в том, что при его выполнении коммуникация в большинстве случаев должна протекать без сбоев.

Известно, что коммуникация может быть успешной или неуспешной. Успешная коммуникация — это прежде всего адекватная коммуникация, при которой достигается достаточное, с точки зрения коммуникантов, взаимопонимание. Неуспешная коммуникация, или коммуникативный сбой, соответственно, представляет собой недостаточно полное понимание участников коммуникации. Поэтому для достижения взаимопонимания необходимо, чтобы коммуниканты обладали общностью лингвистических когнитивных структур, т.е. знаниями об использовании языка и навыками речевого общения, а также общностью знаниями о мире в форме образов сознаний:

- (19) *Открыл было рот владыко, чтобы дать волю праведному гневу, но вдруг остановил себя. В последнее время вел он борьбу с грехом сердечной свирепости* (Б. Акунин. Пелагея и белый бульдог);
- (20) *Наташа молчала. Андрей Николаевич уже хотел передать поклон супругу, к чему его обязывало чувство вежливости, но сейчас это было неудобно* (Л. Андреев. У окна);
- (21) *Виргинский всю ночь на коленях умолял жену о прощении, но прощения так и не вымолил* (Ф. Достоевский. Бесы).

В приведенных высказываниях наблюдается смена ситуации: действия прерываются на стадии намерения или на стадии начальной реализации. Специфика функционирования форм прошедшего времени (могут использоваться и глаголы специально-результативного способа действия) здесь заключается в том, что время каждого действия соотносится с соответствующим моментом плана повествования (условного прошлого). Налицо лишь связь между моментами совершения действий (19) «открыл было ... но остановил себя»; (20) «уже хотел ... но...»; (21) «умолял, но так и не...» («попытка-результат» как разновидность потенциальной модальности в плане безуспешной попытки достижения цели), образующих временную последовательность.

В высказываниях (19, 20, 21) наступление целостного акта СВ прерывает действие с компонентами «было», «уже хотел» и др. Необходимым семантическим компонентом таких высказываний является внезапность. Скачкообразный характер повествования подчеркивает лексема «вдруг» (19), которая указывает, что внезапность, скачкообразность наступления факта, перехода в новое состояние сопровождается прерванностью того, что уже реализуется, и обозначает границу временного предела, являясь одновременно «сигналом» к прекращению действия предыдущего. В таком случае все высказывание приобретает экспрессивно-

эмоциональную окраску: значение внезапности и прерванности действия совмещается в рамках высказываний с частицей «*было*» (19) и фразеологизированных структур типа «*хотел было ... но*» (20); с инфинитивом в данном случае сочетаются лексемы, обозначающие модально-видовые оттенки, которые связаны со степенью участия психической или физической энергии деятеля в осуществлении собственного действия (целенаправленные каузативы) (21). Значение интенциональности заключается в намерении говорящего «наполнить» грамматическую языковую лакуну; так как он исходит из чисто речевых потребностей для передачи тонких смысловых нюансов ситуации, а на глубинном уровне желанием полностью контролировать ситуацию.

Подобные ситуации являются сопряженными с точки зрения результативности речевого акта. По своему семантическому характеру они относятся к числу модальных ситуаций, поскольку в качестве иерархически доминирующего семантического компонента выступает именно модальный компонент. Он непосредственно связан с таксисным, аспектуальным и темпоральным значениями, которые также играют важную роль в ситуации данного типа, но они находятся на более низкой ступени в семантической иерархии для выражения интенции как модальной перспективы говорящего.

Модальный оттенок пресуппозиции ожидания и конативности выводится из взаимодействия отрицания и видовой семантики. Значение потенциальной возможности осуществления действий сосредоточивает внимание на дальнейшем ходе событий. Средством связи выступает противительная конструкция с союзом «*но*». Отрицается осуществление действия вопреки объективным предпосылкам его реализации. Лексическое значение глаголов, связанное с желанием, намерением субъекта совершить действие, способствует проявлению конативности в плане «стремление-успех». Говорящий, создавая речевое произведение, осуществляет контроль над тем, что и как он говорит.

Слушающий также интерпретирует высказывание говорящего, и его интерпретация может не совпадать с содержанием, заложенным в данный текст говорящим. Так возникают факторы конфликтного риска, релевантности высказывания, обусловленные противоречиями порождения высказывания и его восприятия. Предметом анализа в данном случае становятся смыслы, которые определяются не только тем, что сказано, эксплицировано языковыми структурами, но и тем, что имелось в виду, а именно: скрытые смыслы, которые намеренно или случайно возникают в тексте.

Такие ситуации можно назвать ситуациями «обманутого ожидания», важную роль в оформлении которых играют частицы типа «*уже*», «*еще*». Такие ситуации обладают способностью автоматически вызывать в сознании адресата целый ряд смыслов в речемыслительной деятельности и имеют отношение к предмету речи, но чаще всего не эксплицируются говорящим. Эти скрытые смыслы возникают в сознании коммуникантов в связи с ситуацией коммуникации, значением предмета беседы, а также при наличии в контексте высказывания, содержащего частицы, тех или иных лексико-грамматических индикаторов. Нереализованный резуль-

тат — это воздействие, которое говорящий оказал на слушающего, т.е. перлокутивный акт как изменения, которые речевой акт вызывает в ситуации общения, в мыслях, чувствах и поведении адресата.

Собранный и проанализированный нами иллюстративный материал позволяет говорить о том, что таксис являет собой набор семи концептов-примитивов, служащих для модификации ситуации и передающихся в языке тремя типами фреймов: поверхностным синтаксическим, поверхностным семантическим и тематическим, — осмысление которых происходит с помощью трех когнитивных моделей: пропозициональной, образно-схематической и метафорической. Проведенное исследование позволяет утверждать, что в период с XIX в. вплоть до начала XXI в. наблюдается эволюция лингвокогнитивных возможностей человека для более пластичной передачи временной соотнесенности действия с учетом характера протекания и распределения действий во времени. Это подтверждается увеличением количества когнитивных моделей, задействованных в передаче таксисных значений одновременности/разновременности и темпорально нехарактеризованного таксиса. В частности, в XX—XXI вв. одним из достаточно продуктивных способов выражения различных видов таксиса стала метафорическая когнитивная модель (см. табл. 2).

Таблица 2 / Chart 2

Когнитивные модели передачи таксисной семантики
Cognitive models of transfer of taxis semantics

№	Структуры	Количество	% соотношение
1	нейтральная одновременность/разновременность, лишенная модальной оценки	134	16,98%
2	сопряженность действий в едином временном плане	79	10,01%
3	закономерность совершения действия / возникновение ситуации («цепь», «предшествование-следование», «строгая одновременность»)	189	23,95%
4	оценка степени вероятности осуществления действия, связанная с контролируемостью	93	11,79%
5	временная граница, или временной предел ситуации (целостность, завершенность, результативность, смена ситуации, начало новой ситуации и др.)	81	10,27%
6	желательность совершения действия с модальной оценкой	102	12,93%
7	коммуникативная программа говорящего	111	14,07%

Так, из 789 проанализированных нами примеров, эксцерпированных из русской художественной литературы XIX—XXI вв., наибольшее количество примеров соответствует типу высказываний, когда на передний план выдвигается отношение, связанное с ментальной генерализацией концептуальной сущности языкового представления семантики таксиса («желательность совершения действия с модальной оценкой»; «коммуникативная программа говорящего»; «оценка степени вероятности осуществления действия, связанная с контролируемостью»).

Таким образом, моделирование таксисной семантики позволило выявить ее основные когнитивные признаки, такие как: 1) динамичность и активность точки зрения самого говорящего при реализации значений таксиса; 2) многоаспектность

характеристики; 3) взаимосвязь мыслительных и языковых структур. Такой подход способствует регистрации отчетливых связей и явлений объективной действительности, помогает выявлению своеобразия языковой интерпретации понятийного содержания, охарактеризовать коммуникативно-прагматический результат реализации грамматических форм для понимания смысла таксиса.

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ДАЛЬНЕЙШИХ НАУЧНЫХ ИЗЫСКАНИЙ

Рассмотрение аспектуально-таксисных ситуаций в свете идей и версий когнитивной лингвистики позволяет представить основные способы организации комбинированных языковых средств выражения (лексических, морфологических и синтаксических). Интерпретационный подход к семантике таксиса предполагает исследование мыслительных и языковых структур, которые обуславливаются принципом избирательности: в ТЗ отражаются не все компоненты ментальной структуры, некоторые элементы остаются невыраженными в зависимости от коммуникативных намерений говорящего.

Проведенный анализ семантики таксиса открывает перспективы для продолжения исследования в области установленной проблематики, темами которых могут стать, например, сопоставительное изучение ТЗ по нескольким индивидуально-авторским и функциональным стилям, анализ с опорой на психолингвистический эксперимент (опрос информантов), рассмотрение таксисных конструкций в аспекте их внутренней типологии, комплекс исследовательских явлений на базе коммуникативного синтаксиса и теории речевых актов.

Перспективным для дальнейших научных изысканий видится лингво-методическое использование предложенного подхода в практике преподавания языка в вузе. В этом плане лингводидактическую привлекательность приобретают вопросы фреймового подхода к организации знаний (в нашем случае представления хронологических отношений одновременности/последовательности действий в структуре текста), тем более что фреймовая модель предполагает включение в состав, помимо лингвистической составляющей (языковых знаний), экстралингвистической и прагматической составляющей, что, несомненно, чрезвычайно важно при освоении иноязычной культуры. Обладая большим лингводидактическим потенциалом, такая методика позволяет осуществить смысловую компрессию учебного материала при овладении способами представления сжатой информации в виде моделей и схем. Важно это и потому, что фрейм предполагает какую-либо селекцию-отбор языкового представления знаний с использованием лингвистических средств разных уровней языковой системы.

© Н.Ф. Алефиренко, М.Б. Нуртазина

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка: учебное пособие. Москва: Флинта: Наука. 2010. [Alefirenko, N.F. (2010). *Lingvokulturologiya: cen-
nostno-smyslovoe prostranstvo yazyka: uchebnoe posobie*. Moscow: Flinta: Nauka. (In Russ).]

- Алефиренко Н.Ф., Корина Н.Б. Проблемы когнитивной лингвистики: Научная монография. Нитра: УКФ. 2011 [Alefirenko, N.F., Korina, N.B. (2011) *Problemy kognitivnoy lingvistiki: Nauchnaya monografiya*. Moscow: Nitra: UKF. (In Russ).]
- Болдырев Н.Н. Концептуальная основа языка // Когнитивные исследования языка. Вып. IV. Концептуализация мира в языке: коллектив. монография. М.—Тамбов: Ин-т языкознания РАН / Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина. 2009. [Boldyrev, N.N. (2009) *Konceptualnaya osnova yazyka // Kognitivnye issledovaniya yazyka*. Вып. IV. Konceptualizaciya mira v yazyke: kolektiv. monografiya. Moscow—Tambov. (In Russ).]
- Бондарко А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики: На мат. рус. языка. М.: Языки славянской культуры. 2002. [Bondarko, A.V. (2002) *Teoriya znacheniya v sisteme funkcionalnoy grammatiki: Na mat. rus. yazyka*. Moscow: Yazyki slavyanskoj kultury. (In Russ).]
- Гусман Тирадо, Рафаэль. К проблеме категории таксиса в русском и испанском языках, en: *Język rosyjski w konforntacji z językami Europy w aspekcie lingwokulturoznawczym*, Katowice (Polonia), Universidad de Silesia, 2004, Vol. III, págs. 239—255. [Gusman Tirado, Rafael (2004) *K probleme kategorii taksisa v ruskom i ispanskom yazyikah, v Język rosyjski w konforntacji z językami Europy w aspekcie lingwokulturoznawczym*, Katowice (Polonia), Universidad de Silesia, Vol. III. (In Russ).]
- Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 17—33. [Demyankov, V.Z. (1994) *Kognitivnaya lingvistika kak raznovidnost interpretiruyuschego podhoda // Voprosy yazykoznanija*. № 4. (In Russ).]
- Зализняк А.А., Шмелев А.Д. Введение в русскую аспектологию. М.: Языки русской культуры, 2000. 226 с. [Zaliznyak, A.A., Shmelev, A.D. (2000) *Vvedenie v russkuyu aspektologiyu*. Moscow: Yazyki russkoj kul'tury. (In Russ).]
- Золотова Г.А. Категория времени и вида с точки зрения текста // Вопросы языкознания. 2002. № 3. С. 7—29. [Zolotova, G.A. (2002) *Kategoriya vremeni i vida s toчки zreniya teksta. Voprosy yazykoznanija*. № 3. (In Russ).]
- Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М.: Наука, 1998. 528 с. [Zolotova, G.A., Onipenko, N.K., Sidorova, M.Yu. (1998) *Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka*. Moscow: Nauka. (In Russ).]
- Красных В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация): Монография. М.: МГУ. 1998. [Krasnyh, V.V. (1998) *Virtualnaya realnost ili realnaya virtualnost? (Chelovek. Soznanie. Kommunikaciya)*: Monografiya. Moscow: MGU. (In Russ).]
- Кубрякова Е.С. О когнитивной лингвистике и семантике термина «когнитивный» // Вестник ВГУ. Серия Лингвистика и Межкультурная коммуникация. Вып.1. 2001. [Kubryakova, E.S. (2001) *O kognitivnoy lingvistike i semantike termina "kognitivnyy"*. *Vestnik VGU. Seriya Lingvistika i Mezhkulturnaya kommunikaciya*. Вып. 1. (In Russ).]
- Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. Изд. 2-е. М.: Изд-во ЛКИ. 2008. [Lakoff, Dzh., Dzhonson, M. (2008) *Metafory, kotorymi my zhivem*. Izd. 2-e. Moscow: Izd-vo LKI. (In Russ).]
- Минский М. Фреймы для представления знаний. М.: Прогресс, 1979. [Minskiy, M. (1979) *Freymy dlya predstavleniya znaniy*. Moscow: Progress. (In Russ).]
- Нуртазина М.Б. Недифференцированная разновидность аспектуально-таксисной ситуации // Функционирование языковых единиц и категорий в синхронии и диахронии: Сб. науч. ст. Таллинн: ТГПИ им. Э.Вильде. 1989. [Nurtazina, M.B. (1989) *Nedifferencirovannaya*

raznovidnost aspektualno-taksisnoy situacii. *Funkcionirovanie yazykovykh edinic i kategoriy v sinhronii i diahronii: Sb. nauch. st.* Tallinn. (In Russ).]

Нуртазина М.Б. Синергетическая модель функциональной грамматики: Научное издание. Санкт-Петербург—Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева. 2016. [Nurtazina, M.B. (2016) *Sinergeticheskaya model funktsionalnoy grammatiki*: Nauchnoe izdanie. Sankt-Peterburg—Astana: ENU im. L.N. Gumileva. (In Russ).]

Петрухина Е.В. Когнитивные аспекты изучения русского глагола и категории вида // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство. М.: Языки славянских культур. 2009. [Petruhina, E.V. (2009) *Kognitivnye aspekty izucheniya russkogo glagola i kategorii vida. Gorizonty sovremennoy lingvistiki: Tradicii i novatorstvo*. Moscow: Yazyki slavyanskikh kultur. (In Russ).]

Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. М.: Просвещение, 1977. Вып. 2. Т. IV: Глагол. [Potebnya, A.A. (1977) *Iz zapisok po russkoy grammatike*. Moscow: Prosveschenie, Vyp. 2. T. IV: Glagol. (In Russ).]

Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII: Когнитивные аспекты языка. М.: Прогресс. 1988. [Fillmor, Ch. (1988) *Freymy i semantika ponimaniya. Novee v zarubezhnoy lingvistike*. Vyp. XXIII: Kognitivnye aspekty yazyka. Moscow: Progress. (In Russ).]

Храковский В.С. Категория таксиса (общая характеристика) // Вопросы языкознания. 2003, № 2. С. 32—54. [Khrakovskii, V.S. (2003) *Kategoriya taksisa (obshchaya kharakteristika). Voprosy yazykoznaniiya*. № 2. (In Russ).]

Якобсон Р.О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. М.: Наука. 1963. [Yakobson, R.O. (1963) *Shiftery, glagolnye kategorii i russkiy glagol. Principy tipologicheskogo analiza yazykov razlichnogo stroya*. Moscow: Nauka. (In Russ).]

Bloomfield L. (1946) *Algonquian. Linguistic Structures of Native America (Viking Fund Publication in Anthropology)*. New York, 1946. № 6. P. 94—102.

Bruner, J. (1990) *Acts of meaning*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Dörnyei, Zoltán (2007) *Research methods in applied linguistics*. Oxford: Oxford University Press.

Gumperz, J. (1982) *Discourse Strategies*. Cambridge, MA: Cambridge University.

Schiffirin, D. (1995) *Approaches to discourse*. Cambridge, MA: Blackwell Publishers.

Steffensen, S.V., Michiko, U., & Kramersch, C. (2014) The ecology of intercultural interaction: Timescales, temporal ranges and identity dynamics. *Language Sciences*, 41A, 41—59. doi:10.1016/j.langsci.2013.08.006.

Swoyer, C. (2011) How does language affect thought? In V. Cook & B. Bassetti (eds.). *Language and Bilingual Cognition*. New York, NY: Psychology Press.

Vygotsky, L. S. (1978) *Mind in Society: Development of Higher Psychological Processes*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Wertsch, J. (1990) The voice of rationality in a sociocultural approach to mind. In L.C. Moll (Ed.), *Vygotsky and education: Instructional implications and applications of sociohistorical psychology* (pp. 111—126). Cambridge, MA: Cambridge University.

Whorf, B.L. (1940/1956) In J.B. Carroll (Ed.), *Language, thought and reality: Selected writings of Benjamin Lee Whorf*. Cambridge, MA: MIT Press.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 10 августа 2017

Дата принятия к печати: 10 октября 2017

Для цитирования:

Алефиренко Н.Ф., Нуртазина М.Б. Системная панорама когнитивной репрезентации семантики таксиса // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2017. Т. 21. № 4. С. 706—728. doi 10.22363/2312-9182-2017-21-4-706-728.

Сведения об авторах:

Алефиренко Николай Федорович — Заслуженный деятель науки РФ, доктор филологических наук, профессор кафедры филологии Белгородского государственного национального исследовательского университета. *Сфера научных интересов:* специалист в области общего языкознания, когнитивной семантики, лингвокультурологии и фразеологии; член фразеологической комиссии при Международном комитете славистов, действительный член РАСН (Российской академии социальных наук). *Контактная информация:* e-mail: alefirenko@bsu.edu.ru

Нуртазина Марал Бекеновна — Почетный работник образования РК, доктор филологических наук, профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева. *Сфера научных интересов:* межкультурная коммуникация, полилингвальное образование, прагматика, семантика, анализ дискурса. *Контактная информация:* e-mail: nurtazina2@gmail.com

DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-4-706-728

THE SYSTEM PANORAMA OF COGNITIVE REPRESENTATION FOR TAXIS SEMANTICS

N.F. Alefirenko¹, M.B. Nurtazina²

¹Belgorod State National Research University
85 Pobedy str. 308015, Belgorod, Russia

²L.N. Gumilyov Eurasian National University
2 K. Satpayev str. 010008, Astana, Kazakhstan

Abstract. Various approaches to the necessity of semantic/taxis interpretation have been substantiated. The perspective of the current paper allows us to take into account the interpretative aspect of linguistic consciousness, where it is extremely important to rely on the speaker's language competence, and the degree to which s/he creatively modifies the language. All the proposed provisions are illustrated by concrete examples. The main aims of the paper are, firstly to demonstrate the necessity of carrying out semantic/taxis interpretation analysis, and analysis of the speaker and listener cognitive interaction mechanism, in the structure of communication; secondly, to describe the structure of the cognitive characteristics of subject activity. Taxis/semantics modelling methodology allows for the exploration of basic cognitive features: 1) the dynamism and activity of the speaker's point of view; 2) characteristic multidimensionality, and 3) the structure of the relationship between thought and language. It is shown that the chronological relation expression, in the sphere of taxis, is differentiated by a high degree of sub-categorization, and is transmitted through a branched system means of expression. Illustrative material from the fictional text clearly demonstrates the vagueness of the boundaries between the temporal correlations of the differentiated and undifferentiated types. It is suggested that the represented real actions and states can objectively exist in relations of simultaneity / diversity. However, in the linguistic interpretation of the relationship, there is an implication which can be difficult to distinguish from the vaguely temporal type of action combination, in a single period of time. The processes of action direction, and the distribution of character formation over time, are considered through the prism of such cognitive mechanisms as representation, interpretation, intention, metaphor, comparison, and explicitness / implicitness of expression. The results of the investiga-

tion have a lingua-methodic potential: they allow us to carry out the semantic compression of educational material by mastering pathways of compressed information presentation, through models and diagrams in the process of teaching languages.

Keywords: *taxis interpretation, discursive strategies, cognitive-discursive approach, metaphor, evaluation interpretation, intention*

Article history:

Received: 10 August 2017

Revised: 15 September 2017

Accepted: 10 October 2017

For citation:

Alefirenko, N., Nurtazina, M. (2017) The System Panorama of Cognitive Representation for Taxis Semantics. *Russian Journal of Linguistics*, 21 (4), 706—728. doi 10.22363/2312-9182-2017-21-4-706-728.

Bio Notes:

Nikolay Alefirenko — Honorary Worker of Science of the Russian Federation, Doctor of Philology, Professor at the Department of Philology of the Belgorod National Research University, Belgorod, Russia, member of the phraseological commission of the International Committee of Slavists; full member of the Russian Academy of Social Sciences (Russian Academy of Social Sciences). *Research Interests:* general linguistics, cognitive semantics, linguoculturology and phraseology; *Contact information: e-mail:* alefirenko@bsu.edu.ru

Maral Nurtazina — Honorary Education Worker of the Republic of Kazakhstan, Doctor of Philology, Professor at the Department of Theoretical and Applied Linguistics of the L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan. *Research Interests:* Intercultural Communication, Bilingual education, Pragmatics, Semantics, Discourse Analysis. *Contact information: e-mail:* nurtazina2@gmail.com

DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-4-729-748
УДК 811.161

ОЦЕНКИ И ЦЕННОСТИ В ЗЕРКАЛЕ СЛОВАРЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА*

Л.И. Богданова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
119192, Россия, г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 31, корп. 1

В статье рассматриваются оценочные характеристики лексики, обозначающей культурно значимые для общества понятия, получившие различное отражение в толковых словарях русского языка. Обобщение опыта изучения оценок и ценностей (Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, Е. Бартминский, А. Вежицкая, Е.М. Вольф, Т.В. Ларина, Н.В. Уфимцева и др.) показывает, что одним из наиболее результативных является коммуникативно-деятельностный подход, который ставит перед исследователями задачу представить оценочные характеристики с позиций реципиента и продуцента речевых произведений. В данной статье отражены результаты исследования, связанные с рецептивным аспектом изучения ценностей. Цель работы состоит в том, чтобы, выявив способы обозначения оценки в толковых словарях, показать, каким образом происходит рецепция оценок и ценностей, зафиксированных в лексикографических источниках. В ходе исследования использовались различные методы и операциональные процедуры, среди которых анализ дефиниций, компонентный анализ, трансформация контекстов, эквивалентная замена, моделирование, лингвистический эксперимент и др. При изучении способов обозначения оценок и ценностей в толковых словарях русского языка были выявлены эксплицитные и имплицитные средства выражения оценочных характеристик лексических единиц, которые влияют на рецепцию оценок, осуществляемую пользователями словарей. Особое внимание уделяется изучению проблемы конфликта ценностей как в межкультурной коммуникации, так и внутри одной культуры. Структура представлений об одном и том же явлении может не совпадать у разных культурных сообществ, что подтверждает тезис о существовании основополагающих кодов культуры, которые управляют ее языком и ее схемами восприятия (М. Фуко). В результате было установлено, что толковые словари непоследовательно фиксируют оценочный компонент слов с помощью помет, а словарная дефиниция зачастую не проясняет вопрос об оценке и содержании определяемого понятия, что затрудняет рецепцию ценностей пользователями словарей. Нередко словарная дефиниция не согласуется с реальным употреблением слова в речи. Полученные результаты позволяют поставить вопрос об оптимизации словарных толкований, а также создать предпосылки для подготовки специального словаря русских ценностей.

Ключевые слова: *оценки, ценности, деятельностный подход, толковый словарь русского языка, дефиниция, словарная статья, рецепция ценностей*

1. ВВЕДЕНИЕ. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

На современном этапе развития науки классификационный подход к языку утрачивает свои позиции. Все более важным становится подход, связанный с изучением речевой деятельности участников коммуникации как в рецептивном, так

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 17-04-00053 «Перспектив грамматика русского языка для активных речевых действий».

и в продуктивном плане. Языковые описания, ориентированные на точно обозначенного адресата — либо слушающего (читающего), воспринимающего ту или иную информацию, либо говорящего (пишущего), строящего речевые произведения, — значительно отличаются друг от друга, поскольку имеют разные исходные данные и разные цели и задачи (Щерба 1974; Милославский 2015). Последовательное решение вопроса о представлении русского языка для конкретно обозначенных речевых действий и участников коммуникации не может обойти стороной и такой важный предмет описания, как оценки и ценности в рецепции и продукции. Совершенно очевидно, что ценности должны рассматриваться не только как компонент культуры и духовная доминанта личности, но и как объект восприятия, понимания, постижения их глубинного смысла, и, кроме того, как способ выражения потребности человека в оценке и оценивании. Следовательно, стремящееся к максимальной полноте выявление и описание оценочных средств и установление правил их выбора в решении задач обозначения тех или иных смыслов — важнейшая цель современной аксиологической лингвистики. Следует подчеркнуть, что «в эпоху глобализации и одновременного поиска национальной идентичности требуется осмысление культурной и когнитивной роли русского языка как орудия постижения окружающего мира» (Богданова 2015: 50), носителя русской ментальности и транслятора культурных ценностей. В настоящей работе отражены результаты исследования, связанные только с рецептивным аспектом изучения оценок и ценностей. Цель данной статьи состоит в том, чтобы на основе анализа словарных статей из толковых словарей русского языка выявить способы обозначения оценки. При этом важно получить ответы на следующие вопросы: 1) каким образом авторы словарей фиксируют ценности? 2) какие признаки характеризуют ту или ценность? 3) может ли пользователь словаря на основе словарной статьи определить, есть ли в данном слове оценочный компонент (положительный/отрицательный)?

В современной науке особое внимание обращают на проблему практической значимости лингвистических исследований. Вопросы, поставленные в настоящей работе, имеют непосредственную связь с общественной практикой. Эффективное общение, к которому стремятся современные люди, не может быть обеспечено, если коммуниканты не освоили оценочно-ценностный потенциал языковых единиц, используемых во взаимодействии друг с другом. Различия в оценочном знаке важных для общения слов могут привести к конфликту ценностей, возникающему как между представителями разных культур, так и внутри одной культуры. Оценки и ценности, с одной стороны, достаточно устойчивы в определенном социокультурном пространстве, с другой стороны, эти значения текучи и изменчивы. Динамические процессы в экономической, общественной и культурной жизни приводят к изменениям, а нередко и к деформации ценностного универсума. По-видимому, ни одно значение не может быть зафиксировано раз и навсегда, что создает предпосылки для постоянной борьбы за определение понятий, важных для общества, для человека, для его идентичности (Laclau, Mouffe 1985).

Писатели, поэты, деятели культуры, обращая внимание на исчезновение тех или иных слов из лексикона, нередко приравнивают этот факт к утрате тех ценностей, которые эти слова обозначают. Так, Д.С. Лихачёв среди уходящих слов от-

мечал *любезность, воспитанность, порядочность*: порядочный человек — тот, кто *«не украдет из статьи своего товарища, не выступит с его разоблачением, не зачитает книгу, не обидит женщину, не нарушит слова»* (из интервью с Д.С. Лихачёвым). В.С. Высоцкий писал: *«Досадно мне, что слово „честь“ забыто...»*. Б.Ш. Окуджава прославлял *совесть, благородство и достоинство*: *«Совесть, благородство и достоинство — вот оно, святое наше воинство»*.

Однако современная молодежь нередко затрудняется при попытке дать определение этим культурно значимым понятиям. И, как показывает практика, словари далеко не всегда помогают определить, какие закрепленные обществом оценки зафиксированы в словарях, каков оценочный знак представляемого понятия, какие признаки включены в его содержательный объем и где проходит граница со смежными понятиями.

Итак, можно ли, основываясь на данных толковых словарей, уяснить, каков комплекс ценностных признаков, в том числе и в различительном аспекте, напр., у таких сложных понятий, как *честь, достоинство, совесть*? Хорошо ли в русском коллективе быть *прагматичным, честолюбивым, амбициозным*? Радоваться или огорчаться, если тебя назвали *индивидуалистом*? Эти и другие вопросы, связанные с реальной жизнью современного человека, далеко не столь просты, как может показаться на первый взгляд. В школьных сочинениях, проверкой которых автор был занят летом 2017 г., ученики пытаются ответить на вопросы, что такое *честь* и *достоинство*, как они понимают *бесчестие* и др. Нередко их ответы показывают, что *человек чести* в их понимании всего лишь *честный* человек, который говорит правду. Вот примеры, позволяющие в этом убедиться: *Честь является стимулом честных поступков. Честный человек говорит правду и старается поступать справедливо. Бесчестными поступками можно назвать насилие, ложь в адрес других людей* (отрывки из школьных сочинений).

Именно поэтому роль толковых словарей, которые по своей сути ориентированы на понимание, на использование их в рецептивных видах речевой деятельности, на наш взгляд, должна повышаться именно в плане общекультурного образования молодых людей.

2. МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Материалом исследования послужили данные толковых словарей русского языка (Даль 1999, СОШ, БТС). Следует отметить, что указанные словари не сравниваются друг с другом, а их данные используются в качестве материала для выявления средств выражения оценки в лексикографических источниках. Отбор материала основывался на нескольких принципах. На первом этапе из тех ценностно ориентированных параметров, которые представили в своих работах Ф. Клакхон и Ф. Стродтбек (Kluckhohn, Strodtbeck 1961), был выбран параметр, связанный с взаимоотношениями между людьми, признаваемый большинством исследователей наиболее значимым для русской культуры. Таким образом, для анализа были отобраны из толковых словарей русского языка те лексические единицы, которые имеют отношение к данному параметру. Далее из этого массива, вслед за Е. Бартминьским (Бартминьский 2005: 125), были выделены те наименования, анализ значения которых требует обращения к поведению человека. И, наконец, из этой

группы были выбраны лексические единицы, которые могут иметь неоднозначную оценочную интерпретацию как в межкультурном, так и внутрикультурном контексте, поскольку структура представлений об одном и том же явлении может не совпадать у разных культурных сообществ, что говорит о существовании основополагающих кодов культуры, которые управляют ее языком и ее схемами восприятия (Фуко 1994).

В данной работе (в связи с большим объемом рассматриваемого материала) представлена лишь часть отобранной лексики с указанными оценочными характеристиками. В качестве иллюстративного материала использовались данные Национального корпуса русского языка (НКРЯ), современных СМИ, опросов и анкетирования.

Методы исследования включают в себя как индуктивный подход к анализируемой лексике, состоящий в систематизации и обобщении данных, так и дедуктивный, когда на основании ряда фактов выдвигается гипотеза, проверяемая впоследствии на более обширном материале. В ходе исследования использовались дефиниционный и компонентный анализ, различные операциональные процедуры, среди которых трансформация контекстов, эквивалентная замена, лингвистическое моделирование, эксперимент.

3. ЧЕЛОВЕК В МИРЕ ОЦЕНОК И ЦЕННОСТЕЙ

Человек, живущий в контексте культуры, не может существовать вне системы оценок, ценностей, ценностных установок и ориентиров. Именно в системе идей и оценок отображается в языке и культуре коллективная личность. В соответствии с концепцией Питирима Сорокина, культура понимается не только как совокупность значений, ценностей и норм, которыми владеют взаимодействующие лица, но и как совокупность носителей, которые объективируют, социализируют и раскрывают эти значения (Сорокин 1992). Именно ценности служат основой и фундаментом единой культуры.

Воспринимающий мир человек, определяя значимость объекта, входящего в сферу его интересов, оценивая его тем или иным образом, способен возводить данный объект в статус ценности (Абишева 2002: 142). При этом важно подчеркнуть, что в аксиологии ценность понимается не только и не столько как свойство объекта, сколько как отношение между мыслью и действительностью (Ивин 2010). Человек как носитель культуры не может воспринимать мир абсолютно объективно. Язык, являясь инструментом оценивания мира и человека, служит для выражения оценки, содержит средства для обозначения ценностей.

Объектом оценки может быть практически все, что окружает человека. Но для субъекта оценки главным объектом является он сам. Процесс оценивания неизбежно включает в себя субъективный фактор. Относительность дескриптивного содержания оценочных суждений подчеркивали многие философы. Аристотель отмечал зависимость их значения от рода объектов, Т. Гоббс — от различий в мнениях субъекта оценки, Дж. Локк — от их компаративной природы, а Б. Спиноза выявил их зависимость от нестабильности критериев оценки (Арутюнова 1998: 137—145).

По мнению Н.Д. Арутюновой, для предикатов, включающих в свое значение оценочную сему, характерен наибольший отрыв от объективных свойств предме-

тов: их содержание прямо определяется основанием оценки, которая в целом «обусловлена субъективными вкусами, интересами и взглядами (социальными, этическими, эстетическими) говорящего, группы говорящих, определенной части общества, и только по отношению к ним оценочное высказывание может рассматриваться как истинное или ложное» (Арутюнова 1998: 50). Из этого утверждения следует, что одни и те же явления могут оцениваться как положительно, так и отрицательно. То, что для одного человека *трусость*, для другого — *осторожность*, то, что один называет *жестокостью*, другой — *справедливостью*, один называет что-л. *смелостью*, другой — *лихачеством* и *безрассудством*, *мотовство* может кем-либо характеризоваться как *щедрость* и т.д. Ср. также: *Как это все назвать, господа? Лакейством или деликатностью перед Европой?* (Ф.М. Достоевский).

В современной лингвистике оценочность рассматривается как свойство языковой/речевой единицы, связанное с установлением ценностного отношения (оценки) субъекта речи к объекту в широком смысле (явлению материального или духовного порядка) (Себепова, Онгарбаева 2015: 66). Следует отметить, что концепт оценки, «...являясь „интуитивно ясным“, с трудом поддается дефиниции, которая могла бы удовлетворить хотя бы большинство, если не всех исследователей» (Дридзе 1971: 69). Оценка достаточно часто выражает одобрение или неодобрение говорящего по отношению к какому-либо объекту, передавая тем самым субъективный план речи (Аврамова 2003: 214). Для задач настоящей работы существенным является содержательное различие «внешней» и «внутренней» оценки (Булыгина, Шмелёв 1994). «Внешняя» оценка связана с «интерпретативным» компонентом значения, требует «взгляда со стороны» и нередко проявляется в стилистической маркированности слова (*фискал, стукач*). «Внутренняя» оценка инкорпорирована в глагольную семантику. Для нашего материала важно, что слова «внутренней» высокой самооценки одновременно являются словами низкой, отрицательной «внешней» оценки, что обнаруживает одно из правил «наивной» этики по Ю.Д. Апресяну (Апресян 1995): русский языковой коллектив негативно воспринимает высокую самооценку субъектом своих поступков, свойств, качеств (*бахвальство, хвастовство, зазнайство* и др.). Таким образом, и внутренние, и внешние оценки будут предметом рассмотрения в настоящей работе. Особое внимание будет уделено оценке как фактору формирования ценностей.

Не останавливаясь подробно на анализе природы оценки и оценочных языковых механизмов, рассмотренных и в философской, и в лингвистической литературе (Арутюнова 1998; Вольф 2002; Ивин 2010; Телия 1996 и др.), перейдем к краткому обзору основных направлений, связанных с ценностным подходом к описанию лексики и ее лексикографическим представлением.

4. ЦЕННОСТНЫЙ ПОДХОД К ОПИСАНИЮ ЛЕКСИКИ

Слово, выступая в качестве классификатора человеческого опыта, является необходимым инструментом познания мира. Значение слова, как считает американский исследователь Х. Патнэм, есть вектор, направляющий внимание пользователей языка в сторону действительности, отсылающий к знаниям о мире (Putnam 1975). Именно поэтому слово нуждается в адекватном истолковании и полном

лексикографическом представлении. Существующие словарные дефиниции по разным причинам достаточно часто не удовлетворяют пользователей словарей. Причиной неудачных, неполных и даже ошибочных истолкований нередко бывает невнимание к веками складывающейся «наивной картине мира» (по Ю.Д. Апресяну), которая не только получает отражение в значениях слов, но и влияет на их употребление. Как отмечает Ю.Д. Апресян, «задача лексикографа, если он не хочет покинуть почвы своей науки и превратиться в энциклопедиста, состоит в том, чтобы вскрыть эту наивную картину мира в лексических значениях и отразить ее в системе толкований» (Апресян 1995: 39).

Лексические значения, создающие языковую картину мира, представляют собой интерпретацию действительности в ее измерениях физических, психологических, социальных, духовных, ценностных (Бартминьский 2005: 32). Именно поэтому глубокое изучение лексической семантики предполагает учет ценностного компонента значения слова. Ценностно-оценочный аспект в изучении лексики представлен в исследованиях Н.Д. Арутюновой, в работах по когнитивной семантике (Ю.Д. Апресян, Е. Бартминьский, А. Вежицкая, Е.В. Урысон и др.), в исследованиях по лингвокультурологии (Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, М.Л. Ковшова, В.А. Маслова, Ю.С. Степанов, В.Н. Телия и др.), этнопсихолингвистике и коммуникативистике (Т.В. Ларина, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева, Р.М. Фрумкина и др.) и др.

Особенно значимыми становятся аксиологические исследования психолингвистического направления (Сорокин, Марковина 1998; Уфимцева 2001; Фрумкина 2001; Красных 2002; Джамбаева 2013), в рамках которого экспликация оценки в национальных языках приобретает решающее значение, поскольку именно оценка формирует ценностную картину того или иного этноса.

На современном этапе ценностный аспект должен включаться в образовательный процесс в качестве необходимого компонента. Обучение языку, как родному, так и неродному/иностранному, немислимо без изучения его ценностной системы, поскольку социокультурная компетенция включает в себя умение правильно пользоваться «культурными правилами», которые основываются на знании ценностей этой культуры (Дерен 2012: 131; Себепова, Онгарбаева 2015; Логутенкова 2016: 47).

Ценности получают непосредственное отражение в прессе, поскольку журналисты достаточно часто обращаются к ценностным составляющим общекультурного фонда, «надеясь на „коммуникативное соавторство“ с читателем» (Ремчукова, Шевченко 2014: 75). В мире политики ориентация на ценности, путем умелого рефрейминга, может привести к победе на выборах, и в этом плане особое внимание, на наш взгляд, обращают на себя исследования когнитивного направления, раскрывающие связь фрейма и набора соответствующих ценностей (Lakoff 2004; Плисецкая, Филимонов 2015). В политике фреймы позволяют объединить людей (избирателей) вокруг определенных ценностей и идей.

В ходе исследований учеными получены важные результаты, связанные с изучением ментальности, с экспликацией национальной системы ценностей. Однако интерес к изучению ценностей не ослабевает и будет расти на фоне укрепления позиций коммуникативного подхода к языку, который предполагает диалогич-

ческий ракурс в исследовании и семантики, и прагматики (Kecskes 2016). Именно в коммуникации, особенно в межкультурном общении, раскрываются ценностные компоненты значений слов, о чем свидетельствуют, в частности, работы Т.В. Лариной и В.И. Озюменко (Ларина 2013; Ларина, Озюменко 2016 и др.). Таким образом, аксиологическая лингвистика предстает на современном этапе как особая сфера междисциплинарного знания, предметом которой являются ценности, зафиксированные в языке и коммуникативном поведении.

5. ОБОЗНАЧЕНИЕ ОЦЕНКИ В СЛОВАРЯХ С ПОМОЩЬЮ ПОМЕТ

Язык, являясь «путеводителем к социальной реальности» (Сепир 2002: 282—284), служит для выражения оценки, содержит средства для обозначения ценностей, тем самым определяя наш образ мысли и обрабатывая наши чувства. Ценности определенным образом «складированы» в языке и, будучи связанными со значениями слов, получают отражение в словарях. При решении задачи по определению характера и способов лексикографического отражения оценок и ценностей возникает вопрос, должны ли оценочные семы в обязательном порядке найти способ фиксации в словарях?

На наш взгляд, если значение слова в имплицитной форме не указывает на оценку, но речевая практика убеждает в том, что эта оценка есть, то знак оценки должен получить отражение в соответствующей словарной статье, возможно, в иллюстративном материале. Неминуемо возникает еще один вопрос: относится ли этого рода знание к компетенции говорящего как носителя языка или как члена определенной культурной общности, т.е. имеет ли знание об оценке лингвистический или экстралингвистический характер? Ответить на этот вопрос однозначно достаточно сложно. Лексикографы обычно не проводят строгую границу между лингвистической и энциклопедической информацией (Fillmore 1969: 124; Vendler 1967).

Наиболее доступным для наблюдения способом выражения оценки в словарях можно не без оснований считать пометы. Так, в частности, «Толковый словарь русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой (СОШ 1999) предваряет вводный раздел «Сведения, необходимые для пользующихся словарем», в котором разъясняется характер помет. В этом разделе подчеркивается, что такие пометы, как (*презр.*), т.е. презрительное, (*неодобр.*), т.е. неодобрительное, (*пренебр.*), т.е. пренебрежительное, (*шутл.*), т.е. шутливое, (*ирон.*), т.е. ироническое, (*бран.*), т.е. бранное, (*груб.*), т.е. грубое, — «означают, что в слове содержится соответствующая эмоциональная, выразительная **оценка** обозначаемого явления» (СОШ: 8). При этом важно отметить, что поле отрицательной оценки представляется очень сложным в плане дифференциации. Лексикографы не дают точных критериев для разграничения того, к чему можно относиться просто *неодобрительно*, что оценивать с *презрением*, а к чему относиться *пренебрежительно*. Выбор пометы для отрицательной оценки из шести имеющихся в распоряжении авторов Словаря (*презр.*, *неодобр.*, *бран.*, *пренебр.*, *груб.*, *ирон.*) скорее всего основан на языковой интуиции лексикографов. Какие-либо другие мотивировки не обозначены.

Для положительной оценки в Словаре не предусмотрено помет. Стилистическая помета (*высок.*), т.е. *высокое*, означает, что слово придает речи «оттенок

торжественности, приподнятости; свойственно публицистической, ораторской, а также поэтической речи» (там же: 8). Однако эта помета может интенсифицировать выраженную положительную оценку. Так, например, слово *доблесть* сопровождается пометой (*высок.*), что подчеркивает, усиливает положительную оценку такого комплекса качеств, как ‘мужество, отвага, храбрость’ (СОШ).

Отрицательная оценка может однозначно выражаться с помощью рассмотренных выше помет. Так, напр., разговорное слово *чинодрал* имеет помету (*презр.*), что указывает на отрицательную оценку человека, склонного к бюрократизму и формализму: *чинодрал* определяется как ‘бюрократ, формалист’. В данном случае отрицательная оценка выводит на осознание русских ценностей апофатическим способом, но определение не согласуется с внутренней формой этого слова, что было подтверждено в специальном опросе студентов, в ходе которого не было зафиксировано отраженное в словаре понимание данного слова.

Словари иногда непоследовательно указывают на оценку с помощью помет, что можно продемонстрировать на примере слов *жадина*, *жлоб*, *скупердяй* и *скряга*. Разговорное *жадина* и просторечное *жлоб* сопровождаются пометой (*презр.*), указывающей на отрицательную оценку жадного, стремящегося к наживе человека (*жадина*) и скупого, скрягу (*жлоб*), но слова *скряга* (‘очень скупой человек’, разг.) и *скупердяй* (‘то же, что скряга’, прост.) оценочных помет не имеют, в то время как однокоренной просторечный глагол *скупердяйничать* — ‘вести себя скупердяем, скарעדничать’ — снабжен пометой (*неодобр.*) (СОШ).

В результате можно сделать предварительный вывод о том, что пометы в словарях, хотя и служат определенным сигналом оценки, но не являются точным и последовательным ее отражением. Отсутствие пометы не говорит о том, что оценка нейтральная.

6. АНАЛИЗ СЛОВАРНЫХ ДЕФИНИЦИЙ

6.1. Честь, честолюбие, совесть

Представление об оценках и ценностях достаточно легко декодируется из значений лексических единиц, в дефинициях которых содержится эксплицитное указание на положительное качество. Так, например, *честь* определяется как ‘достойные уважения и гордости моральные качества человека’ (СОШ), следовательно, из определения легко вычленяется общий ценностный смысл: пользователь словаря однозначно понимает, что *честь* — это хорошо. Правда, при этом остается загадкой, какие конкретно качества достойны уважения и гордости. Очевидно, что в данном случае авторы словаря апеллируют к оценке обществом и самим субъектом данного качества, не определяя конкретно, какие именно моральные качества достойны уважения и гордости.

Более детально это понятие рассмотрено в Большом толковом словаре русского языка (далее — БТС), где *честь* определяется как ‘совокупность высших морально-этических принципов личности (честность, порядочность, добросовестность и т.п.); сохранение собственного достоинства и уважение личного достоинства другого’ (БТС). Однако если обратиться к толкованию тех понятий, через которые определяется *честь* (*честность, порядочность, добросовестность*),

то полной и ясной картины не получится. Так, *честность* толкуется через обращение к прилагательному *честный*, которое в первом значении определяется как ‘отличающийся неспособностью врать, открытостью, прямоотой’ (о человеке); свойственный такому человеку; ‘искренний, правдивый’ (о человеке, его характере, мыслях, поступках). *Порядочный* человек определяется как ‘честный и благородный, ведущий себя в соответствии с принятыми в обществе нормами поведения; неспособный на низкие поступки’. *Добросовестный* человек — честно, старательно выполняющий свои обязанности, обязательства.

Основываясь на этих лексикографических данных, можно было бы предположить, что *человек чести* — это открытый, прямой человек, говорящий исключительно правду, не нарушающий принятые в обществе нормы поведения, старательно выполняющий свои обязанности. Но согласуется ли такое представление, извлеченное из словарей, с интуитивным пониманием чести, имеющим до сих пор романтический ореол? В данном случае мы видим иллюстрацию того положения, что ценность целого не равна сумме ценностных характеристик составляющих его частей. Надо отметить, что современные школьники легко вычленивают положительный оценочный компонент значения слова *честь*, однако не всегда могут объяснить, в каких поступках проявляет себя такое качество, как честь.

В словаре В.И. Даля, созданном, как известно, в середине XIX в., *честь* определяется как ‘внутреннее нравственное достоинство человека, доблесть, честность, благородство души и чистая совесть’ (Даль 1999), т.е. в словаре дается толкование слову *честь* через набор слов с безусловно положительной оценкой. Во всех трех случаях из приведенных определений однозначно можно заключить, что *честь* — это безусловная ценность. Человек, характеризующийся отсутствием данного качества, оценивается отрицательно: *Бесчестный* — ‘нарушающий требования чести, непорядочный’. *Бесчестный поступок* (СОШ).

Итак, честь — это ценность для русского коллектива. Но занимает ли эта ценность такое же высокое место в иерархии ценностей, как, например, польское понятие *honor* (‘честь’) в польской культуре?

В научных исследованиях уже неоднократно отмечалось, что даже сходные условия жизни и сходная история народов далеко не всегда предполагают сходство менталитета. По мысли Б.Ю. Нормана, русское *честь* в советское время обесценилось и десакрализовалось, частотно используясь, например, в лозунге «Партия — ум, честь и совесть нашей эпохи», который сейчас цитируется исключительно в иронических контекстах. Поэтому считать «польское *honor* и русское *честь* синонимами можно только условно, первое из них имеет сильную традицию в шляхетской культуре и культивировалось веками практически без перерыва» (Норман 2013: 12). Примечательно, что слово *гонор* в русском языке имеет отрицательную оценку, что отмечается в словарях: *Гонор* — ‘самоумнение, заносчивость’: *Сбить с кого-н. гонор* (СОШ). Данный факт, безусловно, отражает общую картину лексических и ценностно-оценочных несоответствий между близкородственными языками.

Внутренняя форма слова *честолюбие*, на первый взгляд, предполагает своего рода «протозначение», понимаемое как ‘любовь к чести’. Желание обладать таким положительным качеством, казалось бы, должно оцениваться положительно. Но *честолюбие* реализует значение слова *честь*, осмысляемое не как внутреннее

качество, а как внешние атрибуты — почести, слава. При этом дефиниция слова *честолюбие*, определяемого как ‘жажда известности, почестей, стремление к почетному положению’ (СОШ), не сообщает напрямую о положительной или отрицательной оценке этого качества, однако имплицитно оценка все же содержится, причем отрицательная, так как слово *жажда* (‘сильное, страстное желание’) дает возможность предположить, что излишнее проявление даже положительного качества или стремления к нему может оцениваться обществом как отрицательная черта (ср. *щедрость*, но *расточительность*).

Слово *честолюбивый*, определяемое как ‘склонный к честолюбию, вызываемый честолюбием’ (СОШ), также не имеет помет, а толкование не содержит ни эксплицитной, ни имплицитной информации об оценке данного качества. Словарь В.И. Даля, напротив, в словарной статье слова *честь* эксплицитно и имплицитно выражает оценку качеств, представленных словами *честолюбие* и *честолюбивый*. *Честолюбие* определяется как ‘искательство внешней чести, уваженья, почета, почестей’, где определение *внешняя* для слова *честь* намекает на отрицательную оценку этого качества. Иллюстративный материал словарной статьи эксплицитно выражает отрицательную оценку: *Похвала и награды подстрекают только честолюбие, побужденье внешнее и низкое* (Даль 1999). *Честолюбивый* определяется как ‘человек, страстный к чинам, отличиям, ко славе, похвалам и потому действующий не по нравственным убеждениям, а по сим видам’ (там же). Нетрудно заметить, что дефиниция в своей заключительной части содержит эксплицитную негативную оценку чрезмерного стремления к чинам.

Как отмечает В.В. Колесов, «для русского коллективного бессознательного честь и совесть равноценны и равнозначны по нескольким признакам», поскольку отражают проявление «личной ответственности в общественной среде» (Колесов 2004: 110). Обратимся к толкованию понятия, обозначаемого словом *совесть* с целью выяснения ценностной составляющей и ее отражения в словарях.

В Словаре С.И. Ожегова *совесть* — это ‘чувство нравственной ответственности за свое поведение перед окружающими людьми, обществом’. *Люди с чистой совестью* (СОШ). Из словарной статьи не совсем ясно, как оценивается это качество. Определение слова *бессовестный* (‘не имеющий совести’) проясняет оценочную направленность: *Бессовестный* — ‘нечестный и наглый’. *Бессовестный обман. Бессовестный лжец* (там же).

В.И. Даль определяет *совесть* как ‘нравственное сознание, нравственное чутье или чувство в человеке; внутреннее сознание добра и зла; тайник души, в котором отзывается одобрение или осужденье каждого поступка; способность распознавать качество поступка; чувство, побуждающее к истине и добру, отвращающее ото лжи и зла; невольная любовь к добру и к истине; прирожденная правда, в различной степени развития’ (Даль 1999). Иллюстративный материал словарной статьи подтверждает безусловно положительную оценку данного качества: *Добрая совесть — глаз Божий (глас Божий). Богатый совести не купит, а свою погубляет. От человека утаишь, от совести не утаишь* (там же). Такое лексикографическое представление согласуется с тем, как понимал *совесть* И. Ильин: «Совесть нужна каждому человеку. Совесть есть живая и цельная воля к совершенству» (цит. по: Колесов 2004: 112).

6.2. Широта, простор и удаль

Коллективная общественная оценка того или иного качества далеко не всегда находит отражение в значении слова, закреплённом в словаре. Так, напр., *русская широта натуры*, *русская широкая душа* интуитивно осмысляются носителями русского языка как безусловно положительные качества, как ценности (ср. название ресторана в Санкт-Петербурге: «Ресторан широкой русской души»). Но современные словари толкуют *широту* в основном как нейтральное понятие, хотя в одном из переносных значений *широкий* толкуется в словаре С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой как ‘не стесненный в проявлении, в обнаружении чего-н., с размахом’ (СОШ), что дает возможность благодаря контекстуальному антониму (*стесненный*, т.е. ‘с ограниченной свободой в чем-н., затруднительный, трудный’) предположить, что *широкий* имеет потенциальную положительную оценку.

Приведенные в словаре в качестве примеров словосочетания *широкий образ жизни*, *широкая натура* дают представление о том, что говорится о щедром, не стесняющемся в тратах или открытом и общительном человеке (СОШ), что в русском социуме высоко ценится. В словаре В.И. Даля объясняется, что *жить широко* — это жить ‘богато, таровато, хлебосольно’, а понятие *ширь* связывается с *простором*, что также оценивается положительно. Примечательно, что в словаре В.И. Даля *простор*, с одной стороны, подразумевает ‘простое, пустое, ничем не занятое место’, с другой стороны, *простор* — это ‘свобода, воля, раздолье’, чему противопоставляются ‘гнёт, стесненье’. В.И. Даль выделяет «простор в местности, простор во времени и простор духовный и нравственный»: *Ум простор любит* (Даль 1999).

В словаре С.И. Ожегова, хотя и нет оценочных помет у слова *простор*, но толкование (через слова *свобода*, *свободный*) и иллюстративный материал однозначно указывают на положительную оценку: *простор* — 1. Свободное, обширное пространство. *Стенные просторы*. 2. Свобода, раздолье. *Ребятам на даче простор* (СОШ).

С широтой и простором нередко ассоциируется такое понятие, как удаль. *Удадь* воспринимается как качество, присущее русским (ср. *русская удадь*) и определяется изнутри, с позиций русской культуры, как бесспорно положительное. Однако толковый словарь в дефиниции не дает однозначного представления о положительной оценке данного качества: Ср.: *удаль* — ‘безудержная, лихая смелость’ (СОШ). Смелость без участия рассудка, разума далеко не всеми культурными сообществами оценивается положительно. Неслучайно Н.С. Трубецкой отмечал, что «удаль, ценимая русским народом в его героях, есть добродетель чисто степная, понятная тюркам, но непонятная ни романогерманцам, ни славянам» (Трубецкой 1921: 10)]. Однако примеры, приводимые в толковом словаре, однозначно указывают на положительную оценку данного качества: *удаль молодецкая; промчатся с удалью по селу; любить кого-л. за удадь*. Синтаксическая конструкция поговорки, приведенной в качестве иллюстрации (*Мал, да удал*), также указывает на то, что компенсировать недостаток (*мал*) можно с помощью положительного качества (*удал*). О положительной оценке удали говорит и поговорка *И стар, да удал: за двоих стал*.

В.И. Даль рассматривает слово *удаль* в составе словарной статьи глагола *уда-вать* (*удаваться*), характеризуя его положительно через набор других положительных качеств: *удаль*, *удальство* — ‘удатность, смелость, решимость, отвага, отважность, отчаянная храбрость, при сметливости, находчивости; удачная отвага; молодечество’. *Удаль города берет* (Даль 1999).

6.3. Общительный, прямой, эмоциональный

По наблюдениям ученых, основное различие в ценностных приоритетах русской и западных культур заключается в том, что в западных (особенно протестантских) культурах в центр ценностной иерархии ставится личность, а в русской культуре таким центром являются человеческие взаимоотношения. Одной из важнейших русских ценностей в этом плане многими исследователями признается *общение*. А. Вежбицкая называет *общение* ключевым словом русской культуры (Вежбицкая 2005: 469). Общаться по-русски значит «разговаривать с кем-то в течение некоторого времени ради поддержания душевного контакта», причем русское общение может предполагать также некоторую «бесцельность этого занятия» и получаемые от него «удовольствия и радости» (Зализняк 2005: 280—281). Легко предположить, что людям прагматического склада будет непонятно, что может быть хорошего и ценного в «бесцельном» занятии, каким является общение. Рассмотрим, отражается ли ценностный потенциал данного слова в словарях русского языка.

СОШ и БТС дают однотипное толкование этому понятию. *Общение* определяется в этих словарях как ‘взаимные сношения, деловая или дружеская связь’. *Коммуникация* в одном и своих значений практически приравнивается к *общению*, отличаясь от него лишь сферой употребления: *Коммуникация* (книжн.) — ‘сообщение, общение’ (СОШ). Ценностный потенциал слова *общение* в такой дефиниции не раскрывается. Частично это компенсируется за счет иллюстративного материала: *Тесное, дружеское общение* (СОШ); *В общении с людьми есть особая радость* (БТС). Рассмотрим, как характеризуется человек, обладающий склонностью к общению.

В толковании слова *общительный* — ‘легко вступающий в общение с другими, не замкнутый’ (СОШ) положительная оценка проясняется благодаря антониму *замкнутый*, в дефиниции которого отражена отрицательная оценка этого качества: 1. Обособленный; отъединенный от общества, занятый своими узкими интересами. 2. Необщительный, скрытный (СОШ). Примечательно, что для характеристики человека с точки зрения его способности к общению есть еще одно прилагательное — *коммуникабельный*, т.е. ‘такой, с которым легко общаться, иметь дело, устанавливать контакты’ (СОШ). Полезное с точки зрения речевых действий разграничение лиц, активно вступающих в общение (*общительный* — субъект общения) и лиц, с которыми легко общаться (*коммуникабельный* — адресат общения), в речевой практике на самом деле не соблюдается: *Мой попутчик оказался коммуникабельным человеком: он охотно вступил со мной в общение*.

Своего рода «спутники» общения по-русски — *русская прямота* и *откровенность* — в рамках русской культуры также ценятся высоко. В словарях *прямой*

эксплицитно толкуется как положительное качество: ‘правдивый, откровенный, нелицемерный’ (СОШ). В БТС указывается, что *прямой* в устойчивых словосочетаниях *прямая дорога, прямой путь* используется тогда, когда говорится «о правильных и честных средствах достижения чего-л.; о честной жизни кого-л.». Однако с позиций иной культуры эти качества могут быть не всегда привлекательными. Воспользуемся свежим примером, связанным с широко обсуждаемым выступлением на заседании ООН российского дипломата В. Сафронкова, который, эмоционально комментируя выступление представителя Великобритании Р. Райкрофта, призывал его смотреть в глаза, не отводить взгляд, что в русской культуре является сопутствующим признаком правды, прямоты, искренности, честности.

Выступление Сафронкова, при всей его эмоциональности и конфликтогенности, оценивалось многими носителями русской культуры, именно в человеческом плане, положительно, как прямое и честное, хотя оценка его речи как дипломата, с профессиональной стороны, была в основном отрицательной.

Другой пример, иллюстрирующий прямоту как русское качество, связан с неформальной встречей министров ОБСЕ в Австрии, где глава МИД России Сергей Лавров возмутился тем, что представители СМИ столпились вокруг стола, не обращая внимания на сидящих. Возмущение С.В. Лаврова выразилось в открытых, прямых замечаниях журналистам: «*Дайте мне воздуха. Вокруг стола сидят люди, а вы повернулись к ним спиной. Это не очень вежливо*» (РИА Новости, 11 июля 2017 г.). Т.В. Ларина подчеркивает, что, в отличие от английской культурной традиции, в русском общении прямолинейность и императивность не являются угрозой или помехой гармоничным взаимоотношениям: более короткая горизонтальная дистанция между людьми, характерная для русской культуры, «позволяет собеседникам вести себя более свободно, открыто, говорить прямо о том, чего они хотят и что думают» (Ларина, Озюменко 2016: 63).

Быть прямым, открытым, эмоциональным в сознании русских совсем неплохо, поскольку эти качества свидетельствуют об искренности. Так, например, БТС дает такое определение прилагательному *эмоциональный* в одном из его значений: ‘способный остро чувствовать, живо реагировать на что-л., не рассудочный, легко возбуждающийся’. *Эмоциональный характер. Эмоциональная натура. Эмоционально богатый человек* (БТС).

Толкование слова *эмоциональный* указывает на потенциальную положительную оценку, так как живая реакция на события противопоставляется рассудочности, которая в русском социуме не ценится высоко. В сознании англичан, как известно, эмоциональность, напротив, — отрицательное качество. Согласно теории Г. Хофстеде, свободное, открытое выражение эмоций является одной из характеристик культур, избегающих неопределенности, а эмоциональная сдержанность характерна для культур, терпимых к неопределенности (Hofstede 1991: 125).

6.4. Скромный и кроткий

Даже внутри русской культуры слово *скромный* репрезентирует амбивалентную ценность. *Скромность* как человеческое качество, пожалуй, даже и в современном мире большинством носителей русской культуры оценивается положительно, но *скромное жилье, скромная зарплата, скромные интеллектуальные воз-*

возможности вряд ли можно оценить позитивно. Толковый словарь С.И. Ожегова, не сопровождая данное слово оценочными пометами, так определяет прилагательное *скромный* — 1. Сдержанный в обнаружении своих достоинств, заслуг, нехвастливый; 2. Сдержанный, умеренный, простой и пристойный. *Скромное поведение. Скромная внешность. Скромно одеваться. Скромная квартира*. 3 перен. Небольшой, ограниченный, едва достаточный. *Скромный заработок. Весьма скромный результат* (СОШ), где в третьем значении *скромный* характеризует не человека, а результат его деятельности, и при этом понимается скорее как недостаток, чем достоинство.

В БТС *скромный* определяется в первом значении как ‘лишенный тщеславия, высокомерия, не выставляющий напоказ своих достоинств’, где положительная оценка выражена более четко.

В словаре В.И. Даля *скромный* характеризует только личность, поэтому качество представлено как позитивное: ‘умеренный во всех требованиях, смиренный; кроткий и невзыскательный; не ставящий личность свою наперед; приличный, тихий в обращении’: *Скромность всякому к лицу* (Даль 1999). В Словаре приводятся антонимы к слову *скромный*: *самоуверенный, самонадеянный, самолюбивый, себялюбивый; гордый, заносчивый, наглый, нахальный*, что усиливает положительную оценку слова *скромный*. Это понимание скромности подтверждают и некоторые примеры употребления (НКРЯ): *Ленивый, зато не нахальный. Скромный. А эти «не ленивые» прут, как носороги, попирая все человеческие ценности* (Токарева Виктория. *Своя правда* // «Новый Мир», 2002).

Еще более сложная ситуация с представлением такой традиционной русской ценности, как *кротость*: *кроткий* определяется как ‘незлобивый, покорный, смиренный’ (СОШ). Однако *покорность*, связанная с подчинением чужой воле, далеко не положительное качество. Словарь В.И. Даля, в свою очередь, описывает данное качество путем перечисления слов с близким значением: *кроткий* — ‘тихий, скромный, смиренный, любящий, снисходительный; не вспыльчивый, негневливаемый, многотерпеливый’: *Кроткое обращение* — ровное и доброжелательное; *Кроткое слово гнев побеждает; Не ищи мудрости, ищи кротости* (Даль 1999), и этот комплекс качеств характеризует человека однозначно положительно. Ценностную составляющую русского культурного понятия *кротость* подтверждают литературные примеры (НКРЯ): *Он был добрый, кроткий человек, я любил его...* (А.П. Чехов. *Крыжовник*, 1898); *Перевод я сделал, как мог: не хотелось огорчать Якова Мироновича — он был такой милый, кроткий и весь светлый, голубоглазый, с еще не седевшим, совсем светлым пушком волос на висках* (И.М. Дьяконов. *Книга воспоминаний*, 1995).

7. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, информация о коллективных оценках и ценностях может извлекаться из интерпретации помет, словарной дефиниции, иллюстративного материала. О ценностях могут сообщать также значения слов с отрицательной оценкой. Так, в русской культуре высоко ценится умение быть собой, не притворяться, не выдавать себя за другого, отсюда и негативная оценка таких действий, как *скромни-*

чатъ — ‘быть сознательно, намеренно скромным и нередко для виду’ (Даль 1999), *умничать* (разг., неодобр.) — ‘стараться выказать свой ум’ (СОШ).

Как показывает проведенное исследование, ответить с помощью словарей на такой, казалось бы, детский вопрос: «Что такое хорошо, а что такое плохо», — не всегда бывает просто. В выбранном аспекте необходимо дальнейшее изучение способов лексикографического представления оценок и ценностей, что поможет дополнить и усовершенствовать структуру словарной статьи и создаст предпосылки для подготовки фундаментального словаря русских ценностей, построенного с учетом когнитивных процессов формирования значения слова.

© Л.И. Богданова, 2017

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Абишева А.К. О понятии «ценность» // Вопросы философии. 2002. № 3. С. 139—147. [O ponyatii «tsennost»] [On the concept of “value”]. *Voprosy filosofii*. № 3, 139—147. (In Russ.)]
- Аврамова В. Концептосфера оценочности в национальной картине мира // Проблемы когнитивного и функционального описания русского и болгарского языков, 2003. № 2. С. 17—31. [Kontseptosfera otsenochnosti v natsionalnoy kartine mira [Conceptuality of evaluation in the national picture of the world]. *Problemy kognitivnogo i funktsionalnogo opisaniya russkogo i bolgarskogo yazykov*. № 2, 17—31. (In Russ.)]
- Апресян Ю.Д. Интегральное описание языка и системная лексикография. Избр. труды в 2-х тт. Т. 2. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. 767 с. [Apresyanyan, Yu.D. (1995) *Integral'noye opisaniye yazy'ka I sistemnaya leksikografiya* [Integral description of the language and systemic lexicography]. *Izbr. trudy' v dvux t.t. Vol. 2*. Moscow: Shkola «Yazy'ki russkoj kul'tury'», 1995. (In Russ.)]
- Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1998. 896 с. [Arutyunova, N.D. (1998) *Yazyik i mir cheloveka* [Language and world of man]. М.: Yazyiki russkoj kulturyi. (In Russ.)]
- Бартми́нский Е. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике / Перевод с польского. Составитель и отв. редактор С.М. Толстая. М.: Индрик, 2005. 528 с. [Bartmin'skiy, E. (2005) *Yazykovoy obraz mira: ocherki po etnolingvistike* [Linguistic image of the world: essays on ethnolinguistics]. *Perevod s pol'skogo. Sostavitel' i otv. redactor S.M. Tolstaya*. Moscow: Indrik, 2005. (In Russ.)]
- Богданова Л.И. Ценностный аспект в описании семантики языковых единиц // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2017. № 1 (25). С. 50—57. [Bogdanova, L.I. (2017) *Tsennostnyiy aspekt v opisaniy semantiki yazyikovyih edinit* [Value aspects of the description of the semantics of language units]. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoye obrazovanie»*. № 1 (25), 50—57. (In Russ.)]
- Булыгина Т.В., Шмелёв А.Д. Оценочные речевые акты извне и изнутри // Логический анализ языка. Язык речевых действий / Под ред. Арутюновой Н.Д. М.: Наука, 1994. 188 с. [Bulyigina, T.V., Shmelyov, A.D. (1994) *Otsenochnyie rechevyie aktyi izvne i iznutri* [Speech acts from outside and from within]. *Logicheskyy analiz yazyika. Yazyik rechevyih deystviy*. Pod red. Arutyunovoy N.D. Moscow: Nauka.]

- Вежбицкая А. Русские культурные скрипты и их отражение в языке // Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелёв А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М., 2005. С. 467—499. [Wierzbicka, A. (2005) *Russkie kulturnye skripty i ih otrazhenie v yazyke* (Russian cultural scripts and their reflection in the language) // Zaliznyak A.A., Levontina I.B., Shmel'ov A.D. *Klyuchevyie idei russkoy yazykovoy kartiny mira*. Moscow, 467—499. (In Russ).]
- Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М.: Едиториал УРСС, 2002. 280 с. [Volf, E.M. (2002) *Funktsionalnaya semantika otsenki*. (Functional evaluation semantics). Moscow: Editorial URSS. (In Russ).]
- Дерен Б. Формирование культурной компетенции с использованием польско-русского идиоматикона под редакцией Войцеха Хлебды // *Cuadernos de Rusística Española*. 2012. № 8. С. 29—36. [Deren, B. (2012) *Formirovanie kulturnoy kompetentsii s ispolzovaniem polsko-russkogo idiomatikona pod redaktsiey Voytseha Hlebdy* (Formation of cultural competence using the Polish-Russian idiomatik dictionary edited by Voytseh Hlebda). *Cuadernos de Rusística Española*. № 8, 29—36. (In Russ).]
- Джамбаева Ж.А. К вопросу о разработке психолингвистического направления аксиологической лингвистики // *Cuadernos de Rusística Española*. 2013. № 9. С. 29—36. [Dzhabaeva, Zh.A. (2013) *K voprosu o razrabotke psiholingvisticheskogo napravleniya aksiologicheskoy lingvistiki* (On the development of the psycholinguistic direction of axiological linguistics). *Cuadernos de Rusística Española*. № 9, 29—36. (In Russ).]
- Дридзе Т.М. Ассоциативный эксперимент в конкретном социологическом исследовании // Семантическая структура слова. Психологические исследования. Москва: Наука, 1971. [Dridze, T.M. (1971) *Associativnyj jeksperiment v konkretnom sociologicheskom issledovanii* (Associative experiment in a specific sociological study). *Semanticheskaja struktura slova. Psihologicheskie issledovaniya*. Moskva: Nauka. (In Russ).]
- Зализняк Анна. Заметки о словах: общение, отношение, просьба, чувства, эмоции // Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелёв А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М., 2005. С. 280—288. [Zaliznjak, A.A. (2005) *Zametki o slovah: obshhenie, otnoshenie, pros'ba, chuvstva, jemocii* (Notes about words: obshhenie, otnoshenie, pros'ba, chuvstva) // Zaliznjak A.A., Levontina I.B., Shmel'ov A.D. *Kljuchevyie idei russkoy jazykovoy kartiny mira*. Moscow, 280—288. (In Russ).]
- Ивин А.А. Современная аксиология: некоторые актуальные проблемы // *Философский журнал Института философии РАН*. 2010. № 1 (4). С.66—78. [Ivin, A.A. (2010) *Sovremennaja aksiologija: nekotorye aktual'nye problemy* (Modern axiology: some topical issues). *Filosofskij zhurnal Instituta filosofii RAN*. № 1 (4), 66—78. (In Russ).]
- Колесов В.В. Язык и ментальность. СПб.: Петербургское востоковедение, 2004. 240 с. [Kolesov, V.V. (2004) *Jazyk i mental'nost'*. (Language and mentality). SPb.: Peterburgskoe vostokovedenie. (In Russ).]
- Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. М.: Гнозис, 2002. 284 с. [Krasnyh, V.V. (2002) *Jetnopsiholingvistika i lingvokul'turologija*. (Ethnopsycholinguistics and linguoculturology). Moscow: Gnozis. (In Russ).]
- Ларина Т.В. Коммуникативный этностиль как способ систематизации этнокультурных особенностей поведения // *Cuadernos de Rusística Española*. 2013. № 9. С. 193—204. [Larina, T.V. (2013) *Kommunikativnyj jetnostil' kak sposob sistematizacii jetnokul'turnyh osobennostej povedenija* (Communicative ethnostyle as a way of systematizing ethno-cultural features of behavior). *Cuadernos de Rusística Española*. № 9, 193—204. (In Russ).]
- Ларина Т.В., Озюменко В.И. Этническая идентичность и ее проявление в языке и коммуникации // *Cuadernos de Rusística Española*. 2016. № 12. С. 57—68. [Larina, T.V., Ozyumenko, V.I.

- (2016) Ethnic identity in language and communication. *Cuadernos de Rusística Española*. № 12, 57—68. (In Russ).]
- Логутенкова О. Отражение фольклорной картины мира в языковом сознании русско-греческих билингвов (на материале русских и новогреческих загадок) // *Cuadernos de Rusística Española*. 2016. № 12. С. 47—56. [Logutenkova, O. (2016) Otrazhenie fol'klornoj kartiny mira v jazykovom soznanii rusско-grecheskih bilingvov (na materiale russkih i novogrecheskih zagadok) (The folklore picture of the world reflected in the language consciousness of the Greek-Russian bilinguals (on the material of Greek and Russian traditional riddles)). *Cuadernos de Rusística Española*. № 12, 47—56. (In Russ).]
- Милославский И.Г. Краткая практическая грамматика русского языка. М.: Либроком, 2015. 284 с. [Miloslavskij, I.G. (2015) *Kratkaja praktičeskaja grammatika russkogo jazyka* (Practical Grammar of the Russian Language). Moscow: Librokom. (In Russ).]
- Норман Б.Ю. Когнитивный синтаксис русского языка. Москва: Флинта. Наука, 2013. 254 с. [Norman, B.Ju. (2013) *Kognitivnyj sintaksis russkogo jazyka*. (Cognitive syntax of the Russian language). Moskva: Flinta. Nauka. (In Russ).]
- Плисецкая А.Д., Филимонов К.В. Фрейминг и рефрейминг в речевых стратегиях американских политических лидеров // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление, 2015. № 4. С. 160—176. [Pliseckaja, A.D., Filimonov, K.V. (2015) Frejming i refrejming v rečevykh strategijah amerikanskih političeskikh liderov (Framing and reframing in rhetorical strategies of American political leaders). *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 21. Upravlenie*. № 4, 160—176. (In Russ).]
- Ремчукова Е.Н., Шевченко О.А. Прецедентные тексты как одно из лингвокреативных средств в современных печатных СМИ России и Испании // *Cuadernos de Rusística Española*, 2014. № 10. С. 71—75. [Remchukova, E.N., Shevchenko, O.A. (2014) Precedentnye teksty kak odno iz lingvokreativnyh sredstv v sovremennyh pechatnyh SMI Rossii i Ispanii (Precedent texts as one the linguocreative means of contemporary print media in Russia and Spain). *Cuadernos de Rusística Española*. № 10, 71—75. (In Russ).]
- Себепова Р.М., Онгарбаева А.Т. О роли клишированных формул оценки в развитии рефлексивно-коммуникативной субкомпетенции студентов // *Cuadernos de Rusística Española*, 2015. № 11. С. 61—68. [Seberova, R.M., Ongarbaeva, A.T. (2015) O roli klisirovannyh formul ocenki v razvitií refleksivno-kommunikativnoj subkompetencii studentov (The role of the formulas cliché in the development of the comunicativj-reflective subcompetences of students). *Cuadernos de Rusística Española*. № 11, 61—68. (In Russ).]
- Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии: перевод с английского. М.: Прогресс, 2002. [Sepir, Je. (2002) *Izbrannye trudy po jazykoznaniju i kul'turologii: perevod s anglijskogo*. (Selected works on linguistics and culturology). Mscow: Progress. (In Russ).]
- Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. 543 с. [Sorokin, P.A. (1992) *Chelovek. Civilizacija. Obshhestvo* (Human. Civilization. Society). Moscow: Politizdat. (In Russ).]
- Сорокин Ю.А., Марковина И. Ю. Культура и ее этнопсихологическая ценность // Этнопсихоллингвистика. М., 1998. [Sorokin, Ju.A., Markovina, I. Ju. (1998) Kul'tura i ejo jetnopsihologičeskaja cennost' (Culture and its ethno-psychological value). *Jetnopsiholingvistika*. Moscow. (In Russ).]
- Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с. [Telija, V.N. (1996) *Russkaja frazeologija. Semantičeskij, pragmatičeskij i lingvokul'turologičeskij aspekty*. (Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects) Moscow: Shkola «Jazyki russkoj kul'tury». (In Russ).]

- Трубецкой Н.С. Верх и низы русской культуры (Этническая основа русской культуры) // Исход к Востоку. София, 1921. [Trubeckoj, N.C. (1921) *Verhi i nizu ruskoj kul'tury* (Jetriche-skaja osnova ruskoj kul'tury) (Tops and bottoms of Russian culture (Ethnic basis of Russian culture)). *Ishod k Vostoku*. Sofija. (In Russ).]
- Уфимцева Н.В. Сопоставительное исследование языкового сознания славян // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж, 2001. С. 65—71. [Ufimceva, N.V. (2001) *Sopostavitel'noe issledovanie jazykovogo soznanija slavjan* (Comparative study of the linguistic consciousness of the Slavs). *Metodologicheskie problemy kognitivnoj lingvistiki*. Voronezh, 65—71. (In Russ).]
- Фрумкина Р.М. Психолингвистика. М.: Академия, 2001. 320 с. [Frumkina, R.M. (2001) *Psiholingvistika* (Psycholinguistics) М.: Akademija. (In Russ).]
- Фуко М. Слова и вещи. СПб.: А-сэд, 1994. 408 с. [Foucault, M. (1994) *Slova i veshhi*. (Words and things) SPb.: A-cad. (In Russ).]
- Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. [Shherba, L.V. (1974) *Jazykovaja sistema i rechevaja dejatel'nost'*. (Language system and speech activity). L. (In Russ).]
- Fillmore, Ch. (1969) Types of lexical information // *Studies in Syntax and Semantics*. Dordrecht.
- Hofstede, G.H. (1991) *Cultures and Organizations: Software of the Mind*. L.: McGraw-Hill Book Company (UK) Limited.
- Kecskes, I. (2016) A Dialogic Approach to Pragmatics // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. Т. 20. № 4. С. 26—42.
- Kluckhohn, F., Strodtbeck, F.L. (1961) *Variations in Value Orientations*. Connecticut: Greenwood Press.
- Laclau, E., Mouffe, C. (1985) *Hegemony and Socialist Strategy*. L.
- Lakoff, G. (2004) *Don't Think of an Elephant! Know Your Values and Frame the Debate*. The Essential Guide for Progressives. White River Junction, VT.
- Putnam, H. (1975) *Mind, Language and Reality. Philosophical Papers*. Cambridge Univ. Press. Vol. 2.
- Vendler, Z. (1967) *The Grammar of Goodness* // *Linguistics and Philosophy*. Ithaca. N.Y.

Словари и интернет-ресурсы / Dictionaries and Internet Recourses

- БТС — Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с. [BTS *Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazy'ka*. SPb.: Norint, 2000.]
- Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х тт. М.: Русский язык, 1999. [Dal', V.I. (1999) *Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo yazy'ka*. V chety'ryox tomax. Moscow: Russkij jazy'k.]
- СОШ — Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1999. [SOSh — Ozhegov, S.I., Shvedova, N.Yu. (1999) *Tolkovyj slovar' russkogo yazy'ka*. Moscow: Azbukovnik.]
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка: www.ruscorpora.ru [Nacional'nyj korpus russkogo yazy'ka *NKRYa* // www.ruscorpora.ru]
- Из интервью с Д.С. Лихачёвым [Электронный ресурс]: <http://litirus.ru/lektcii/intervyu-d.-shevarova-s-d.s.-lihachevyim.html>.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 28 мая 2017

Дата принятия к печати: 05 июля 2017

Для цитирования:

Богданова Л.И *Оценки и ценности в зеркале словарей русского языка // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2017. Т. 21. № 4. С. 729—748. doi 10.22363/2312-9182-2017-21-4-729-748.*

Сведения об авторе:

Людмила Ивановна Богданова, доктор филологических наук, профессор; профессор кафедры сопоставительного изучения языков факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова; член редколлегии журнала «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика». *Сфера научных интересов:* грамматика, семантика, когнитивная лингвистика, выявление субъективных смыслов и способов их реализации в речи, деятельностный подход к формированию текстовой компетенции. Разрабатывает направление, связанное с описанием русского языка для речевых действий. Автор более 180 научных трудов, среди которых монографии, учебные пособия и научные статьи. *Контактная информация:* libogdanova1@mail.ru

DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-4-729-748

THE REFLECTION OF EVALUATION AND VALUES IN RUSSIAN LANGUAGE DICTIONARIES*

Ludmila Bogdanova

Lomonosov Moscow State University (MSU)
31-1, Lomonosovsky Pr., 119192, Moscow, Russia

Abstract. The article deals with the evaluative characteristics of lexis which denotes concepts which are culturally significant for society, and have been reflected in various ways in Russian dictionaries. Experience of research in this area (Yu.D. Apresyan, N.D. Arutyunova, E. Bartminsky, A. Wierzbicka, E.M. Wolf, T.V. Larina, N.V. Ufimtseva, etc.) demonstrates that one effective direction is a communication-activity approach which allows researchers to explore evaluation characteristics from the perspectives of both recipient and producer of the speech. This article represents the fruit of research into the receptive aspect of the study of values; its aim is to show how evaluation markers are dealt with in dictionaries, and describe the representation of evaluations and values in lexicographical sources. During the research, various methods and operational procedures were used, including the analysis of definitions, component analysis, context transformation, equivalent replacement, modelling, linguistic experiment, etc. While studying the ways of denoting estimations and values in Russian dictionaries, we found explicit and implicit means of expressing the evaluative characteristics of lexical units, which affect the reception of estimates by users of dictionaries. Special attention is paid to research into the problems of cultures in contact situations. The structure of views about the same event cannot correspond across different cultural communities, which confirms the thesis on the existence of fundamental culture codes which manage linguistic and perceptual codes (Foucault). It was found that evaluative components are inconsistently reproduced, in explanatory dictionaries, and dictionary definitions frequently fail to clarify the question of evaluation of the content in question, which makes it difficult for users to process the evaluative significance of dictionary entries. The dictionary defini-

---

* The research is supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), Project № 17-04-00053 «Prospectus of Russian grammar for productive speech activity».

tion, therefore, often fails to reflect the actual use of the word in speech. The results obtained entail a reflection on the optimisation of dictionary definitions, and argue for the creation of a special dictionary of Russian evaluation.

Keywords: *evaluation, cultural values, activity approach, culture contact, definition, dictionary entry, reception of values*

Article history:

Received: 28 May 2017

Revised: 20 June 2017

Accepted: 05 July 2017

For citation:

Bogdanova, L. (2017) The Reflection of Evaluation in Russian Language Dictionaries. *Russian Journal of Linguistics*, 21 (4), 729—748. doi 10.22363/2312-9182-2017-21-4-729-748.

Bio Note

Ludmila I. Bogdanova — Doctor of Philology, Professor of the Department of Comparative Analysis of Languages of the Faculty of Foreign Languages and Area Studies of Lomonosov Moscow State University, editorial board member of the “Russian Journal of Linguistics”. *Research interests:* grammar, semantics, cognitive linguistics, identification of subjective meanings and ways of their realization in speech, the activity approach to the formation of text competence. Develops a research area connected with the description of the Russian language for speech acts. The author of over 180 publications. *Contact information: e-mail:* libogdanova1@mail.ru

DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-4-749-766

МОДНЫЕ СЛОВА В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ГАЗЕТНОМ ТЕКСТЕ: ПРОИСХОЖДЕНИЕ, СЕМАНТИКА, ФУНКЦИИ

Чэнь Хуань

Гуандунский университет иностранных языков и международной торговли
510420, Гуанчжоу, Китай, ул. Бай юнь да дао бэй, д. 2

Мода распространяется на разные сферы человеческой жизни, в том числе на язык. В последнем случае речь идет о феномене языковой моды, которая стала объектом исследования российской лингвистики на рубеже XX—XXI вв. Данное исследование посвящено феномену модных слов в современном русском и китайском газетном тексте в аспекте сопоставительного анализа. В статье даны определения языковой моды и модных слов, рассмотрены существенные признаки модных языковых явлений, выделены классы модных слов, охарактеризованы основные пути пополнения данной группы лексических единиц, семантические и функциональные особенности этих единиц. Материал для анализа отобран из газетных текстов, размещенных в сетевых версиях российских и китайских СМИ за 2016 и 2017 г. Результаты исследования показали, что между модными словами двух языков существуют общие черты. Во-первых, с точки зрения происхождения, у модных слов форма или значение ассоциируется с новизной и разрывом с традицией. Во-вторых, в семантическом отношении имеются лексические совпадения в корпусах модных слов двух языков. В-третьих, в функциональном аспекте модное слово в том или ином языке может выступать как продуктивная модель для создания новых слов и стимул для реализации новых идей и замыслов. В заключении предлагается вывод о перспективности изучения модных слов и языковой моды в целом.

Ключевые слова: *языковая мода, модные слова, русский язык, китайский язык*

1. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

При выборе языковых, в том числе лексических, средств всегда наблюдается личное предпочтение говорящего. Однако в определенное время, особенно когда в большом объеме появляются новые слова и выражения в языке, такие «симпатии» нередко приобретают общий характер, т.е. люди будто сговорившись, добровольно выбирают одни и те же языковые средства. Такое массовое частотное употребление некоторых слов и выражений в какой-то ограниченный период позволяет говорить о том, что существует определенная мода в языке, точнее — в речи, в речевом поведении. На данный аспект обратили внимание такие ученые, как В.Г. Костомаров (1999), И.Т. Вепрева (2006), Н.Г. Журавлева (2010), М.М. Рипяхова (2013), О.А. Дмитриева (2014), О.В. Врублёвская (2015), М.А. Кронгауз (2017) и др. Исследования последних лет убедительно доказали, что мода распространяется на многие сферы человеческой жизни, в том числе и на язык. В последнем случае речь идет о феномене языковой моды.

Понятие языковой моды рассматривается в работе В.Г. Костомарова как «меняющееся представление о правильном и эффективном использовании языка, доводимое порой до абсурда... иными словами, крайнее проявление вкуса, более индивидуальное, быстро проходящее, бросающееся в глаза и обычно вызывающее раздражение у старшей и консервативной части общества» (Костомаров 1999: 34).

По мнению М.М. Рипяховой, языковая мода — это «специфическая форма проявления языковой культуры посредством языковых привычек и вкусов, коммуникативных ценностей и тенденций, господствующих в каком-либо обществе в определенный период времени» (Рипяхова 2013: 162).

Под языковой модой понимается также «предпочтения автора речи в выборе тех или иных языковых единиц, представляющие престижное и новое речевое использование языковых средств. Данные предпочтения доминируют в определенный промежуток времени в определенном социуме и выражаются в употреблении модных слов, реже словосочетаний» (Врублёвская 2015: 88).

Эти наблюдения, уточняющие понятие моды в языке, исключительно важны, поскольку «мода понимается как один из механизмов социальной регуляции и саморегуляции человеческого поведения» (Гофман 2000: 10). Но одновременно мы замечаем, что вышеизложенные представления о языковой моде связаны преимущественно с дефиницией самой лексемы «мода», а лингвокультурологическая сущность языковой моды обнаруживает себя, как правило, лишь при рассмотрении явления моды в целом. Именно этому и посвящается данная работа.

А.Б. Гофман предлагает социологическую модель моды, представляющую собой комплекс взаимосвязанных элементов. К элементам данной системы относятся: модные стандарты, модные объекты, модные ценности, поведение участников моды. По Гофману, ядро модели моды составляют модные ценности — реальные регуляторы поведения, названные автором атрибутивными или внутренними. Лишь в том случае, когда какие-либо стандарты и объекты соответствуют набору этих внутренних, глубинных для моды ценностей, можно говорить о том, что они обладают модной значимостью, т.е. являются модными. К этим ценностям относятся современность, универсальность, демонстративность и игровой характер (Гофман 2000: 16).

И.Т. Вепрева и А. Мустайоки применяют социологическую модель моды Гофмана к языку. Они показывают, как преломляются внутренние признаки модного объекта в слове, которое обыденное языковое сознание определяет как модное. По их мнению, модные слова также обладают фундаментальными признаками модного объекта — современностью, универсальностью, демонстративностью и игровым характером (Вепрева, Мустайоки 2006). В настоящей статье мы ограничимся лишь одним из данных существенных признаков — современностью, и на примере модных слов русского и китайского языков покажем, как формируются и функционируют лексические инновации.

А.Б. Гофман полагает, что современность — основополагающая ценность в структуре моды (Гофман 2000: 20). По мнению И.Т. Вепревой и Арто Мустайо-

ки, с одной стороны, современность как внутренняя ценность моды принципиально применима для характеристики модного слова, но, с другой стороны, по отношению к слову данный параметр предпочтительнее обозначить как признак новизны и свежести (Вепрева, Мустайоки 2006: 50). Современность ассоциируется со стремлением человека к новизне. Так, американский социальный психолог Э. Богардус отмечает: «Стремление человека к новому опыту имеет в моде основное значение. Люди устают от старого и страстно желают нового» (Гофман 2000: 22). Немецкий психолог Р. Кёниг тоже подчеркивает присущее человеку стремление к новизне — «неофилию» — и утверждает, что мода — одна из форм проявления любопытства (Гофман 2000: 22).

Таким образом, можно сказать, что сущность моды заключается прежде всего в новизне. Любая новая мода — это отказ от предшествующей моды и стремление к «новому». При этом «языковую моду» можно понимать как процесс языковых инноваций, в рамках которого непрерывно происходит освобождение от ранее сложившихся традиций употребления языковых средств и — часто — от самих этих средств.

В современных лингвистических исследованиях понятие моды применяется по отношению к разным языковым явлениям: ср., например, модные слова, модные обороты, модные фразы, модный дискурс, модный стиль и др. Например, модные слова и фразы из диалогов музыкальных каналов анализирует О.И. Максименко; новомодные термины велнеса изучает И.И. Валуйцева; анализ модной словообразовательной модели делает О.И. Северская; находки в новой фразеологии представляют А.Н. Баранов и Д.О. Добровольский; фольклорные новинки расследуют М.Р. Шумарина и А.В. Рачковская; о новой сочетаемости существительных пишет О.Е. Фролова; модный дискурс в современных русских речевых стратегиях исследует Р. Ратмайр; интернет-моду и интернет-мем рассматривают О.С. Иссерс и Т.В. Базжина; над речевой модой молодежной тусовки и молодежных СМИ наблюдают Э. Бялэк и О.И. Колесникова (см. Кронгауз, Крейдлин, Шаронов 2014: 225—235, 258—269, 154—165, 114—121, 299—307, 281—298, 133—144, 169—186, 214—224, 207—213, 236—257, 197—206). Но большая часть исследований посвящена рассмотрению модных слов, поскольку модное слово — категория в высшей степени динамическая, которая очевиднее всего проявляет обсуждаемый сущностный признак языковой моды — «современность».

2. МОДНЫЕ СЛОВА В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

По лингвистическим характеристикам можно разделить «модные слова» в современном русском языке на два класса: а) новые слова, находящиеся вне русского литературного языка; б) слова, уже существующие в литературном языке, но развившие новые значения. В настоящей статье использованы лексические единицы, содержащиеся в «Словаре модных слов» В.И. Новикова, который представляет собой первый в России опыт лексикографической презентации современной речевой моды и рассмотрены некоторые случаи их функционирования в газетных текстах.

2.1. Новые слова, находящиеся вне русского литературного языка

В данный класс модных слов входят три подгруппы: слова, заимствованные из нелитературных форм существования русского языка; слова, заимствованные из других языков и слова-неологизмы. Рассмотрим каждую из них в отдельности.

2.1.1. Слова, заимствованные из нелитературных форм существования русского языка

В последние десятилетия резко возросло заимствование единиц литературным языком из нелитературных вариантов языка — таких, как жаргоны, просторечие, диалекты (так называемые внутренние заимствования). Одной из заметных тенденций, характеризующих современное состояние русского языка, является жаргонизация литературной речи. При этом особенно важно подчеркнуть, что носители языка нередко прибегают к жаргонизмам, несмотря на то, что большинство жаргонных слов в общеупотребительной литературной лексике имеют аналоги. Такое стремление к антинорме можно объяснить тем, что сниженная жаргонная лексика обладает высоким экспрессивным потенциалом, который иногда отсутствует в литературном языке. С одной стороны, как пишет Н.С. Валгина, «идеально нормативная речь психологически создает ощущение сухости, пресности, она не задевает эмоциональных струн» (Валгина 2001: 48), жаргонизмы же в большей степени способствуют выражению чувств, эмоционально окрашивая речь; с другой стороны, «игровая функция жаргонизмов приносит ощущение свободы речевой деятельности, удовольствия от комических эффектов и своеобразных эстетических впечатлений от новизны» (Химик 2000: 238). Именно поэтому сфера использования жаргонизмов постепенно расширяется, сегодня даже в продукции СМИ часто встречаются жаргонные слова, которые помогают «оживить», разнообразить текст и тем самым способствует привлечению внимания целевой аудитории.

В данную группу модных слов попадают такие жаргонизмы, как *бабки*, *бабло*, *беспредел*, *глики*, *гнобить*, *голимый*, *заморачиваться*, *кайф*, *колбасить*, *отморозок*, *пацаны*, *понт*, *попса*, *прибамбасы*, *прикид*, *прикол*, *стёб*, *тусовка*, *улёт*, *фиолетово*, *шняга* и др. (Новиков 2016). Приведем примеры употребления некоторых из этих слов из сетевой версии газеты «Аргументы и факты», «Коммерсантъ», «Московский комсомолец», «Ведомости» и т.д.:

- (1) Когда **понты** так называемых слуг народа становятся тенденцией, у этого самого народа возникает недоуменный вопрос: из каких карманов они достают такие деньги? («АиФ», 27.07.2017).
- (2) Ради чего раньше люди стремились попасть в Госдуму? Туда или ради статуса, бонусов, связанных с мандатом депутата, каких-то **понтов**, атрибутов красивой жизни («Коммерсантъ», 08.06.2017).
- (3) Покупатели автомобилей стали экономить на **понтах** («МК», 22.05.2017).
- (4) Экспорт **гнобят**? Минэкономразвития признало: экспорт из России продолжает сокращаться («АиФ», 15.07.2016).
- (5) «То, что у нас цены ниже и качество выше, не повод для того, чтобы нас **гнобить** и не пускать на рынок», — подчеркнул президент Белоруссии («Коммерсантъ», 06.04.2017).

- (6) «Сначала мы были несколько наивными, думали, что дяди в Москве, может, просто не понимают, что здесь происходит, когда нас, местных, здесь **гнобили** московские товарищи...», — сказал один из трех бывших лидеров [украинских] сепаратистов («Ведомости», 11.05.2017).

Слово *понт* из уголовного жаргона и означает «стремление человека показать себя в лучшем свете, выпендриваться», *гнобить* — из молодежного жаргона, где оно имеет значение «угнетать, притеснять, унижать» (см. Новиков 2016: 53—54, 202—205).

2.1.2. Слова, заимствованные из других языков

Современный русский язык находится под сильным влиянием иностранных языков, о чем свидетельствует непрерывно растущее количество внешних лексических заимствований. Как отмечает М.Е. Жукова, «одной из бросающихся в глаза примет современной российской реальности являются стремительное нарастание и необратимость процесса заимствования иноязычной лексики и фразеологии» (Жукова 2011: 92). В настоящее время особенно наглядно активное заимствование английских слов, в русский язык хлынул поток англицизмов. Значительную их часть составляют те слова, которые имеют аналоги в русском языке, т.е. они оказываются просто дублетами русских слов.

При выявлении причин активного использования в русской речи англицизмов, с одной стороны, нельзя сбрасывать со счетов фактор доминирующей роли английского языка в современном мире (Phillipson 1992: 5—10). Глобальное влияние и мировое господство английского языка также описывает английский лингвист Д. Кристал в книге «English as a Global Language», отмечая при этом роль СМИ в продвижении и распространении английского языка и англоязычной массовой культуры (Crystal 1997). Как пишет Т.Г. Добросклонская, «расширение сферы влияния английского языка в мировом информационном пространстве заметно усиливает его воздействие на другие языки, что, в частности, проявляется в большом количестве англоязычных заимствований» (Добросклонская 2005: 44).

С другой стороны, столь массовое предпочтение иноязычного варианта можно объяснить тем, что экзотичность формы, фонетического облика иностранного слова дает человеку ощущение новизны и свежести. Как отмечают И.Т. Вепрева и Арто Мустайоки, «культурно отдаленное, чужое для модного объекта всегда позитивно окрашено» (Вепрева, Мустайоки 2006: 54). В.В. Колесов тоже замечает, что «русская ментальность воспринимает такие слова как слова высокого стиля речи — необычные, часто непонятные и почему-то важные — ритуально. Это тысячелетняя традиция русского языка» (Колесов, 2004: 245). Можно сказать, что именно такая необычность, непривычность формы способствует включению слов в разряд модных, например, *глэмур*, *дедлайн*, *драйв*, *клип*, *креативный*, *лайк*, *лузер*, *мейнстрим*, *месседж*, *нюсмейкер*, *пиар*, *прайвеси*, *промоутер*, *селебрити*, *селфи*, *спойлер*, *стартап*, *тренд*, *тролль*, *фейк*, *экслюзив*, *экстрим* и др. (Новиков В.И., 2016). Приведем примеры:

- (7) *На острове Русский уже идет процесс локализации наиболее перспективных российских технологических стартапов* («АиФ», 03.08.2017).

- (8) *Хіаоті в 2016 г. стала вторым по оценке **стартапом** в мире. Компания оценивалась в \$46 млрд* («Ведомости», 24.08.2017).
- (9) *Берлин попал на 4-е место в рейтинге самых притягательных для **стартапов** мест в мире* («МК», 23.08.2017).
- (10) *Депутат Госдумы РФ Наталья Поклонская сказала, что с удовольствием участвовала в съемках **клипа** группы «Скрэтч» на песню «Корабли», передает РИА Новости* («АиФ», 22.08.2017).
- (11) *На сегодняшний день самый популярный рэп-баттл ... набрал с момента выхода в апреле 2015 года более 38 млн просмотров, что делает его одним из самых популярных шоу и **клипов** на русском языке, загруженных на Youtube* («Коммерсантъ», 14.08.2017).
- (12) *Вместо этого Snap и NBCUniversal создали версию шоу «Голос» специально для Snapchat: пользователи приложения могли отправлять на прослушивание собственные 10-секундные **клипы*** («Ведомости», 05.05.2017).

2.1.3. Слова, относящиеся к новообразованиям

Современная русская речь отличается раскованностью, индивидуальностью изэкспрессивно-эмоциональной оценочностью. Поэтому неудивительно, что в корпусе модных слов представлено немало неологизмов, свободно формирующихся в повседневной речи. Главным свойством таких языковых новшеств является эффект новизны слова для большинства носителей языка. По мнению В.И. Новикова, язык иногда ищет способы остранения (термин, введенный В.Б. Шкловским), т.е. номинации знакомого явления словом странным, нестандартным, служащим преодолению автоматизма узнавания [Новиков 2016: 85]. В некоторой степени привычная обиходно-бытовая речь в силу своей повторяемости становится автоматической, не вполне осознаваемой, в результате чего человек может потерять ощущение ее «жизненности». В таком случае лексические новообразования, которые используются в основном с креативной целью и свидетельствуют об оценочной экспрессии, способны возратить человеку чувственное восприятие мира.

Данную функцию выполняют такие модные слова, как *досвидос*, *копиаст*, *няшка*, *улыбнуло*, *сфоткать* и др. (Новиков, 2016). Рассмотрим примеры.

Слово *копиаст* (от англ. *copy* — *копировать*, *paste* — *вставить*) означает «метод создания текста путем копирования и вставки цитат из нескольких источников» (см. Новиков 2016: 122), а в повседневном общении слово приобрело более широкий смысл — использование чужих материалов или идей:

- (13) *Хочется, чтобы люди писали не то, что говорят им по телевизору, а то, что они думают, искренне и свободно. В эпоху **копиаста**, когда индивидуальное мнение ценится мало, это какая-то очень правильная идея* («Коммерсантъ», 17.04.2017).
- (14) *Каждый склад примерно 3—4 тыс. кв. м. Площадь такая же, как у наших объектов в Казани и Екатеринбурге. Выход в эти регионы был успешен, оборот в обоих городах растет больше чем на 100%. И сейчас мы делаем **копиаст** в Краснодаре, Новосибирске, Воронеже* («Коммерсантъ», 15.06.2017).
- (15) *Реальных дизайнеров в мире мало. Большинство итальянских, например, просто стилисты. Хороший стилист — тоже высокий уровень, но это **копиаст** отчасти. А настоящих маэстро мало* («Ведомости», 20.03.2017).

Еще один пример — слово *няшка* (*ня* + суффикс *-шка* = *няшка*), означает «что-то крайне милое, приятное, привлекательное» (см. Новиков 2016: 171—172):

- (16) *Meitu* позволяет превратить любое селфи в «**няшку**»: оно увеличивает глаза, делает цвет лица более ровным, избавляет кожу от неровностей и накладывает на лицо различные эффекты («Ведомости», 20.01.2017).
- (17) Вот и марсианская **няшка**, став Келвином, пошла вразнос, мутировав в чудовище, чья генеалогия восходит к «Нечто» из фильма времен холодной войны и «Чужому» Ридли Скотта («Коммерсантъ», 24.03.2017).
- (18) Регулярные тренировки в спортзале — это залог сохранения и приумножения шикарных природных данных. Но все же любая фитнес-**няшка**, может позавидовать внушительным тылам Тани («КП», 18.01.2016).

Как видно из вышеприведенных примеров, все эти модные слова — жаргонные (1—6), иноязычные (7—12) и новообразования (13—18) — могут формировать у людей ощущение новизны и свежести посредством своей необычной формы, которая отличается от формы лексических единиц литературного языка. Например, слово *няшка*, по замечанию М. Кронгауз, появилось в общении поклонников аниме и восходит к японскому слову-звукоподражанию *ня*, что соответствует русскому *мяу*. Популярность этого слова можно объяснить тем, что, с одной стороны, такой звук *ня*, который издает кошка, может выразить человеческие эмоции: нежность, умиление, хорошее настроение; с другой стороны, это слово очень русское по духу благодаря своим русским суффиксам (Кронгауз 2013: 310).

Однако на включение слова в ряд модных влияет не только формальная, но и содержательная сторона слова. В этом случае речь идет о словах, уже существующих в литературном языке, но употребляющихся с новыми значениями.

2.2. Слова, существующие в литературном языке и развившие новые значения

В данный класс модных слов входят: слова с новыми значениями, возникшими в результате семантической деривации; слова с новыми значениями, возникшими в результате семантического калькирования и др.

2.2.1. Семантические дериваты

В настоящее время среди семантических процессов, приводящих к изменению значений слов, к появлению новых значений, наиболее активны метафоризация, метонимизация, расширение, сужение. Результаты этих процессов наблюдаются в таких словах, как *актуальный*, *вменяемый*, *востребованный*, *знаковый*, *культотворный*, *матрица*, *отдыхает*, *пафосный*, *прорыв*, *сценарий*, *самодостаточный*, *фигуранты*, *формат*, *элита* и др. (Новиков 2016). Рассмотрим слова *формат* и *пафосный* в качестве примеров.

Раньше говорили только о *формате* книг, потом слово распространилось на аудио- и видеотексты и возник *формат* файлов, а теперь уже формат появился едва ли не у каждого объекта: у радиопередач и телеканалов, у мероприятий и магазинов, у шоколадок, напитков и даже у девушек (Левонтина 2016: 74). В общем, в современном русском языке *формат* представляет собой семантически очень

емкое слово. Возможные его синонимы в этом смысле — «образец, модель, парадигма, стиль, жанр». Например:

- (19) *Кроме лидеров пяти государств, а также руководителей целого ряда международных организаций на саммите будут присутствовать руководители еще нескольких стран в так называемом **формате** outreach — встречи лидеров стран «пятерки» с представителями других государств («Коммерсантъ», 28.08.2017).*
- (20) *Нужно понимать, что к отелям в России и Турции предъявляются разные требования. Это два разных **формата** отдыха, которые сложно сравнивать («АиФ», 12.05.2017).*
- (21) *Государство стремится привлечь как можно больше частных инвестиций в отрасль, делая акцент на концессионных проектах как наиболее подходящем **формате** инфестижий («Ведомости», 25.08.2017).*

Слово *пафосный* было книжным словом, очень близким по смыслу слову «патетический». Раньше можно было услышать, например, выражение «*пафосная* речь», а теперь говорят *пафосные* бренды, *пафосный* автомобиль, *пафосная* вечеринка, *пафосный* клуб, *пафосный* ресторан (Новиков 2016: 190; Левонтина 2016: 26). В таких случаях слово *пафосный* употребляется в новом значении — «престижный, статусный, элитарный». Например:

- (22) *Так, хорошо сбалансированная машина из низших сегментов рынка могла победить слишком **пафосную**, но неинтересную новинку люксового мира («АиФ», 29.05.2017).*
- (23) *Ваш заказ не принесут через десять минут, даже если вы сидите в самом **пафосном** заведении побережья, зато с массажа вас великодушно отпустят минут на пять да пораньше и так же стремительно вернут к исходной точке после катания на водном мотоцикле или парашуте («Коммерсантъ», 01.07.2017).*
- (24) *Песков прокомментировал **пафосный** заезд выпускников ФСБ на Gelandewagen («КП», 04.07.2016).*

2.2.2. Семантические кальки

Семантическая калька — это слово, которое получило новое, переносное значение под влиянием иностранного слова. В современном русском языке появляется все больше семантических калек, главным их источником опять же является английский язык. По мнению Л.П. Крысина, основными сферами появления калек являются сферы политики, дипломатии, спорта, моды и др. [Крысин, 2008: 181]. Сегодня такими модными словами являются *вызов*, *амбициозный*, *мотивировать*, *продвинутый*, *специальный*, *успешный* и др. [Новиков, 2016]. Рассмотрим слова *вызов* и *амбициозный* в качестве примеров.

Вызов — это калька с английского слова *challenge*, которое имеет значение «сложная задача, проблема». Как пишет В.И. Новиков, «*вызов* как термин политического языка недавно появился у нас и означает серьезную общегосударственную проблему, требующую безотлагательного радикального решения» [Новиков 2016: 50]. Вот некоторые примеры функционирования этого слова в речи СМИ:

- (25) *Как использовать современные образовательные технологии, в том числе в робототехнике, для воспитания готового к новым технологическим **вызовам**, образованного, критически мыслящего человека? («АиФ», 24.05.2017).*

- (26) *Есть объективные вещи — общее состояние экономики страны, давление мирового кризиса, санкций, но с этими вызовами мы жили всегда в той или иной мере* («Коммерсантъ», 28.08.2017).
- (27) Столкновение с астероидом — самый большой **вызов** для человечества в XXI веке («КП», 28.06.2017).

Слово *амбициозный* раньше связывалось с завышенной самооценкой и безосновательными притязаниями на выдающееся положение в обществе. Теперь это слово под воздействием английского *ambitious* приобрело новое значение: «претендующий на высокую оценку, на успех» [Левонтина 2016: 30; Новиков 2016: 13]. Сейчас данное слово звучит вполне позитивно. Когда речь идет о чем-нибудь или ком-нибудь *амбициозном*, под данным словом подразумевается «смелый, отважный, дерзновенный, многообещающий, перспективной». Например:

- (28) *Сегодня Московская область развивается очень активно, и на будущее есть амбициозные планы — некоторые из них еще только в разработке, другие уже всю выполняются* («АиФ», 31.01.2017).
- (29) *Это не первое космическое соглашение между Пекином и Москвой, но оно охватывает пятилетний период, что позволит достичь более амбициозных целей* («Коммерсантъ», 28.08.2017).
- (30) *Российским представителям в Лиге Европы достались клубы не столь популярные у болельщиков, но тоже амбициозные и нацеленные на результат* («МК», 27.08.2017).

3. МОДНЫЕ СЛОВА В КИТАЙСКИХ МЕДИЙНЫХ ТЕКСТАХ

Как и любой современный язык, китайский язык непрерывно пополняется новыми словами и значениями, соответствующими массовым эстетическим предпочтениям нашей эпохи. В китайском языке, как и в русском, в разряд модных входят:

1) слова, заимствованные из периферийных сфер китайского языка, таких, как жаргоны, просторечие и диалекты, например:

老炮儿 (lǎo pào) — пекинский жаргонизм (изначально — криминальный), обозначающий человека, у которого с возрастом накопился богатый жизненный опыт, знание жизни и авторитет в обществе. Приведем примеры употребления этого слова из китайских медийных текстов:

- (31) *看过来! 军营“老炮儿”在这里 (Смотрите сюда! Вот здесь авторитет в армии)* (news.ifeng.com, 21.06.2017).
- (32) *编剧周梅森——也是股市“老炮儿” (Сценарист Чжоу Мэйсэнь — одновременно авторитет на фондовом рынке)* (news.163.com, 12.04.2017).
- (33) *“老炮儿”艺术 (Авторитет в искусстве)* (news.163.com, 17.04.2017).

辣眼睛 (là yǎn jīng) — из южного диалекта (первоначально обозначает, что запах настолько резкий, что режет глаза), теперь употребляется в ситуации, когда человек становится невольным свидетелем чего-то отвратительного, неприятного:

- (34) *电影院3D眼镜到底有多脏? 看完后觉得“辣眼睛” (Насколько грязны 3D-очки? Просто хочется это развидеть)* (news.sina.com.cn, 30.08.2017).

- (35) 有点**辣眼睛**, iPhone8 的新衣竟然长这样(iPhone 8 выпускают в новом цвете, который хочется развидеть) (news.sohu.com, 14.08.2017).
- (36) **辣眼睛的** 2017 伦敦秋冬男装周 (Мы хотим это развидеть — в Лондоне состоялась Неделя мужской моды 2017) (news.sohu.com, 11.01.2017).

2) слова, заимствованные из других языков, например, 萌 (*méng*) — из японского языка «МОЭ» — «МИЛЫЙ, СИМПАТИЧНЫЙ»:

- (37) 菲律宾宠物节上演宠物时装秀, 各色**萌宠**华丽登场 (На Филиппинах прошел Фестиваль домашних животных, где были представлены разнообразные милые питомцы) (news.xinhuanet.com, 22.06.2017).
- (38) 95 后大三学生绘制 Q **萌**漫画, 讲述实习经历 (Родившаяся после 1995 года третьекурсница рисует милые комиксы о своей стажировке и практике) (people.com.cn, 17.01.2017).
- (39) **萌**校长毕业典礼上吐槽学校: 龟网速、男女比例失调 (Милый ректор подиучивает над своим университетом на церемонии вручения дипломов, жалуясь на медленную скорость Интернета и гендерный разрыв) (news.163.com, 22.06.2017).

3) слова, относящиеся к новообразованиям, например:

слово 扎心 (*zhā xīn*: 扎 — колоть, 心 — сердце) — «обижать, ранить душу, причинять страдания, вызывать грусть»:

- (40) **扎心**了! 最新房价数据出炉 (Последние данные по ценам на жилье ранят в самое сердце) (news.sohu.com, 19.06.2017).
- (41) 《速8》剧情逆转节奏带感, 只是有点**扎心** (Сюжет «Форсаж8» динамичный, повернулся неожиданно, но немножко обидел) (news.sina.com.cn, 20.04.2017).
- (42) 钉子扎脚更**扎心**! 谁能快些运走济南的这些拆违垃圾? (Гвозди причиняют не только колотые раны на ногах, но и душевную боль! Кто сможет как можно скорее вывезти этот мусор после сноса незаконных построек?) (news.163.com, 20.06.2017).

懒癌 (*lǎn ái*: 懒 — лень, 癌 — рак) — «неисправимый лентяй» (крайняя степень лени):

- (43) **懒癌**发作! 男子下雨天直接开小轿车进便利店购物 (Неисправимый лентяй в дождливый день въехал за покупками прямо в магазин!) (cankaoxiaoxi.com, 14.06.2017).
- (44) “**懒癌**”患者的福音: 全自动叠衣机今年内或能买到 (Хорошие новости для «неисправимых лентяев»: робот для складывания одежды будет в этом году выпущен в продажу) (xsgou.com, 15.06.2017).
- (45) 大学生“**懒癌**”发作成就“懒人经济”? (Большое количество «неисправимых лентяев» среди студентов приведет к бизнесу на ленивых?) (finance.21cn.com, 09.05.2017).

小鲜肉 (*xiǎo xiān ròu*: 小 — маленький, 鲜 — свежий, 肉 — мясо) — «красавец, красавчик» — о молодом привлекательном мужчине:

- (46) 打破 20 岁以下球员转会费纪录, 皇马钟情“**小鲜肉**” (Предпочитая молодым красавцам, «Реал Мадрид» подписал игрока моложе 20 лет за рекордную сумму) (people.com.cn, 25.05.2017).

- (47) 编剧批小鲜肉演技渣 (Сценарист упрекнул молодых красавцов-актеров в отсутствии актерского мастерства) (news.sina.com.cn, 07.07.2016).
- (48) 观众影商提高了! 暑期档“小鲜肉”不再是票房保险 (Культура зрительской аудитории повышается! Молодой красавец-актер уже не служит гарантией кассового успеха) (news.sina.com.cn, 30.08.2016).

4) семантические дериваты, к которым можно отнести такие слова, как:

醉了 (*zuì le*) — изначально «пьяный», но в настоящее время это слово используется в качестве междометия — как показатель беспомощности, растерянности, часто сближается с русским «нет слов». Например:

- (49) 小孩入学需父母无犯罪证明, 又见奇葩证明也是醉了 (Для зачисления ребенка в школу нужна справка о невиновности со стороны родителей, просто нет слов!) (jlonline.com, 20.06.2017).
- (50) 为买车网上卖儿子, 也是醉了 (Отец продал своего сына через Интернет ради покупки машины, просто нет слов!) (jlonline.com, 20.06.2017).
- (51) 高速逆行18公里, 真是醉了! (Проехал 18 км на скоростном шоссе во встречном направлении, просто нет слов!) (news.163.com, 16.05.2017).

老司机 (*lǎo sī jī*) — изначально «опытный водитель», но теперь речь идет не только о водителе, но и о любом человеке, который прекрасно разбирается в какой-нибудь сфере, «мастер, специалист в чем-либо»:

- (52) 老司机带你认识 iOS 11 beta 2 的 25 个新特性和变化 (Знарок Айфона покажет 25 нововведений и изменений новой бета версии iOS 11) (news.zol.com.cn, 23.06.2017).
- (53) 今儿财务老司机带你逛逛三大报表 (Знарок финансовых дел расскажет о трех основных видах отчетности) (news.sohu.com, 15.06.2017).
- (54) 老司机教你看剧学英语的正确姿势! (Знарок английского языка расскажет, как учить английский язык по фильмам и сериалам правильно и продуктивно!) (news.sohu.com, 28.07.2016).

套路 (*tào lù*) — исходно «набор стандартных методов, приемов», сейчас используется в значениях «коварный план, махинация» или «отработанный сценарий, схема»:

- (55) 电信诈骗老套路, 杭州阿姨差点被骗 360 万 (Это просто схема мобильного мошенничества, женщину в Ханчжоу чуть не обманули на 3,6 млн юаней) (news.163.com, 22.06.2017).
- (56) 十万额度信用卡交三百就能办, 然而这是套路 (За 300 юаней можно получить кредитную карту с лимитом 100 000 юаней — это просто схема кредитного мошенничества) (news.163.com, 12.05.2017).
- (57) 揭开网络主播圈钱套路 (Раскрытие мошеннических схем заработка на стримах) (news.163.com, 16.03.2017).

4. СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МОДНОГО СЛОВА В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Из вышеизложенного явствует, что между модными словами двух языков существуют общие черты. Во-первых, с точки зрения происхождения, у модных слов либо форма, либо значение ассоциируется с новизной и разрывом с традицией.

Основными источниками модного слова в обоих языках являются слова, заимствованные из нелитературных форм языка; слова, заимствованные из других языков; новообразования; семантические дериваты и т.д. Различие состоит в том, что в корпусе русских модных слов представлены преимущественно иноязычные единицы (такое состояние отражает «Словарь модных слов» В.И. Новикова, в котором иноязычные слова занимают большую часть от всех словарных статей), а в китайском языке — новообразования, рожденные в социальных сетях. Думается, это объясняется тем, что иероглифы более свободно сочетаются между собой и более сложно ассимилируют иноязычные элементы (особенно латинские), чем русские буквы. Можно предположить, что одной из важнейших тенденций развития современной языковой моды китайского языка является ориентация на слова и выражения из свободного сетевого общения.

Во-вторых, в семантическом отношении имеются лексические совпадения в корпусах модных слов двух языков. Например, слово 吐槽 (*tù cáo*) — *смеб/смебать* (издеваться, иронизировать); 辣眼睛 (*là yǎn jīng*) — *развидеть* (это тогда, когда говорящий увидел что-то настолько отвратительное, что мечтал бы забыть это); 萌萌哒 (*méng méng dā*) — *мимими* (милый, умилительно-трогательный); 么么哒 (*mō mō dā*) — *чмоки* (словесный аналог поцелуя); 心塞 (*xīn sāi*) — *печалька* (печаль, расстроенное положение); 呵呵 (*hē hē*) — *кек* (ироничный, зачастую недобрый, злорадный, издевательский смех); 喷子 (*pēn zi*) — *троль* (человек, который размещает грубые или провокационные сообщения в Интернете) и т.д. [см. Новиков 2016: 258—259, 274—276; Кронгауз 2016: 70—71, 94—95, 149—150, 160—161]. Это можно объяснить тем, что на сегодняшний день и в Китае, и в России распространены такие субкультуры, как айтишники, анимешники, геймеры, девочки (*ванильки* — 文青), чья языковая активность влияет не только на интернет-коммуникации, но и на язык в целом.

В-третьих, в функциональном аспекте модное слово в том или ином языке может выступать как продуктивная модель для создания новых слов. Например, хотя на сегодняшний день слово *няшка* уже не так модно, как раньше (в начале десятых годов), данная словообразовательная модель значительно активизируется в современном русском языке: образуется от *вкусн(ый)*, *стройн(ый)*, *нежн(ый)*, *умн(ый)* с помощью суффикса *-яшк-* в его уменьшительно-ласкательном значении существительные *вкусняшка*, *стройняшка*, *нежняшка*, *умняшка*, и они в контексте могут приобретать оценочное значение «нечто хорошее, приятное» (Северская 2014: 164). В отношении китайского языка в качестве примера можно привести такое весьма модное слово, как 互联网+ (*hù lián wǎng+*), которое может быть переведено как «Интернет+». Очевидно, в отличие от других, это новообразование включает в себя еще и знак сложения, что означает: а) внедрение интернет-технологий в другие традиционные отрасли, б) ориентацию на рост инновационного процесса. Всплеск популярности слова 互联网+ пришелся на 2015 год, вследствие чего все больше наблюдается активизация словообразовательной модели «N+» в китайском языке, например, 创意+ (креативность+), 文化+ (культура+), 健康+ (здоровье+), 语言+ (язык+) и т.д.

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Приведенные в статье языковые факты свидетельствуют о том, что хотя два языка сильно отличаются друг от друга, но их модные слова имеют больше сходств, нежели отличий. Это можно объяснить тем, что самым главным производителем, носителем и потребителем той или иной языковой моды является молодежь, у которой есть общее эстетическое предпочтение для выражения — это стремление к свежести, нетривиальности, оригинальности, демонстративности, и разрыву с предшествующей традицией. И вследствие этого языки этих «реформаторов и новаторов» нередко приобретают общий характер, как в аспекте их происхождения, так и семантики и функции.

Неоспорим тот факт, что сегодня в современном русском и китайском языках наблюдается подлинный языковой «карнавал». Тем не менее, на это люди смотрят по-разному: одни поддерживают, другие выступают категорически против. Нам представляется, что язык, как живой и живучий организм, вполне способен сам себя защитить, а популярность подобных модных слов легко объяснима тем, что это нужно самому языку: в нашем сознании, в культуре появляются новые смыслы, новые понятия, для которых недостает словесной оболочки (Левонтина 2016: 18). Именно в таком смысле можно сказать, что языковые инновации могут способствовать реализации новых идей и замыслов, отчего нам представляется перспективным изучение модных слов и языковой моды в целом.

© Чэнь Хуань, 2017

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Базжина Т.В. Сетевой русский: мода на комментарии // *Мода в языке и коммуникации*: Сб. ст. / Сост. и отв. ред. Л.Л. Федорова; Редкол.: М.А. Кронгауз, Г.Е. Крейдлин, И.А. Шаронов. М.: РГГУ, 2014. С. 207—213. [Bazzhina, T.V. (2014) Setevoi russkii: moda na kommentarii. *Moda v yazyke i kommunikatsii*: (Russian on-line. Fashion on comments / Fashion in Language and Communication) Sb. st. / Sost. i otv. red. L.L.Fedorova; Redkol.: M.A. Krongauz, G.E. Kreidlin, I.A. Sharonov. M.: RGGU. S. 207—213. (In Russ).]
- Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Мода во фразеологии // *Мода в языке и коммуникации*: Сб. ст. / Сост. и отв. ред. Л.Л. Федорова; Редкол.: М.А. Кронгауз, Г.Е. Крейдлин, И.А. Шаронов. М.: РГГУ, 2014. С. 114—121. [Baranov, A.N., Dobrovolskii D.O. (2014) Moda vo frazeologii // *Moda v yazyke i kommunikatsii* (Fashion in Phraseology / Fashion in Language and Communication). Sb. st. Sost. i otv. red. L.L.Fedorova; Redkol.: M.A. Krongauz, G.E. Kreidlin, I.A. Sharonov. M.: RGGU. S. 114—121. (In Russ).]
- Бялэк Э. Язык молодежной тусовки: вкусы и тенденции // *Мода в языке и коммуникации*: Сб. ст. / Сост. и отв. ред. Л.Л. Федорова; Редкол.: М.А. Кронгауз, Г.Е. Крейдлин, И.А. Шаронов. М.: РГГУ, 2014. С. 236—257. [Byalek, E. (2014) Yazyk molodezhnoi tusovki: vkusy i tendentsii // *Moda v yazyke i kommunikatsii*. (Language of Youth Crowd / Fashion in Language and Communication). Sb. st. Sost. i otv. red. L.L. Fedorova; Redkol.: M.A. Krongauz, G.E. Kreidlin, I.A. Sharonov. M.: RGGU. S. 236—257. (In Russ).]
- Валгина Н.С. *Активные процессы в современном русском языке*. М.: Логос, 2001. [Valgina, N.S. (2001) *Aktivnye protsessy v sovremennom russkom yazyke* (Active process in Russian Language). M.: Logos. (In Russ).]

- Валуйцева И.И. Велнес: особенности терминологии // *Мода в языке и коммуникации*: Сб. ст. / Сост. и отв. ред. Л.Л. Федорова; Редкол.: М.А. Кронгауз, Г.Е. Крейдлин, И.А. Шаронов. М.: РГГУ, 2014. С. 258—269. [Valuitseva, I.I. (2014) Velnes: osobennosti terminologii // *Moda v yazyke i kommunikatsii* (Velnis: particularities of terminology / Fashion in Language and Communication). Sb. st. Sost. i отв. red. L.L. Fedorova; Redkol.: M.A. Krongauz, G.E. Kreidlin, I.A. Sharonov. M.: RGGU. S. 258—269 (In Russ).]
- Вепрева И.Т., Мустайоки А. Какое оно, модное слово: к вопросу о параметрах языковой моды // *Русский язык за рубежом*. 2006. № 2. С. 45—62. [Vepreva, I.T., Mustaioki, A. (2006) Какое оно, modnoe slovo: k voprosu o parametrah yazykovoi mody (What is a fashion word: on language fashion issues). *Russkii yazyk za rubezhom*. 2006. № 2. S. 45—62. (In Russ).]
- Врублёвская О.В. Модные имена и названия: подходы к исследованию // *Ученые записки Орловского государственного университета. Серия. Гуманитарные и социальные науки*. 2015. № 5. С. 88—91. [Vrublevskaya, O.V. (2015) Modnye imena i nazvaniya: podkhody k issledovaniyu (Fashionable names and nominations: research approaches). *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya. Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*. № 5. S. 88—91. (In Russ).]
- Гофман А.Б. *Мода и люди. Новая теория моды и модного поведения*. М.: Наука, 2000. [Gofman, A.B. (2000) *Moda i lyudi. Novaya teoriya mody i modnogo povedeniya*. (Fashion and People. New theory of fashion and fashionable behaviour). M.: Nauka, 2000. (In Russ).]
- Дмитриева О.А. Языковая мода как поведенческий регулятив // *Гуманитарные и социальные науки*. 2014. № 2. С. 535—538. [Dmitrieva, O.A. (2014) Yazykovaya moda kak povedencheskii regul'yativ (Language fashion as behaviour regulator) *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*. № 2. S. 535—538. (In Russ).]
- Добросклонская Т.Г. Роль СМИ в динамике языковых процессов // *Вестник МГУ. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2005. № 3. С. 38—54. [Dobrosklonskaya, T.G. (2005) Rol' SMI v dinamike yazykovykh protsessov (Mass Media in language process). *Vestnik MGU. Seriya 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. № 3. S. 38—54. (In Russ).]
- Жукова М.Е. Иноязычные заимствования в русском языке как симптом нового мироощущения (о лузерах, «хромых утках» и «сбитых летчиках») // *Вестник Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого*. 2011. No 63. С. 92—95. [Zhukova, M.E. (2011) Inoyazychnye zaimstvovaniya v russkom yazyke kak simptom novogo mirooshchushcheniya (o luzerakh, «khromykh utkakh» i «sbitykh letchikakh»). *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Yaroslava Mudrogo*. No 63. S. 92—95. (In Russ).]
- Журавлёва Н.Г. Феномен «модного» слова: лингвопрагматический аспект (на материале современного русского языка). дисс. канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2010. [Zhuravleva, N.G. (2010) Fenomen «modnogo» slova: lingvopragmaticheskii aspekt (na materiale sovremennogo russkogo yazyka). (Phenomena of Fashion Word in Russian: linguopragmatic aspect) diss. kand. filol. nauk. Rostov-na-Donu, 2010. (In Russ).]
- Иссерс О.С. Лингвокогнитивные игры как интернет-мода нового века (на примере демотивационных постеров) // *Мода в языке и коммуникации*: Сб. ст. / Сост. и отв. ред. Л.Л. Федорова; Редкол.: М.А. Кронгауз, Г.Е. Крейдлин, И.А. Шаронов. М.: РГГУ, 2014. С. 214—224. [Issers, O.S. (2014) Lingvokognitivnye igry kak internet-moda novogo veka (na primere demotivatsionnykh posterov) / *Moda v yazyke i kommunikatsii*. (Linguocognitive games as Internet fashion of new century (on the material of demotivated posters / Fashion in Language and Communication). Sb. st. Sost. i отв. red. L.L. Fedorova; Redkol.: M.A. Krongauz, G.E. Kreidlin, I.A. Sharonov. M.: RGGU. S. 214—224. (In Russ).]

- Колесникова О.И. Афористика как вечно модный способ интеллектуализации речи (на материале молодежных изданий) // *Мода в языке и коммуникации*: Сб. ст. / Сост. и отв. ред. Л.Л. Федорова; Редкол.: М.А. Кронгауз, Г.Е. Крейдлин, И.А. Шаронов. М.: РГГУ, 2014. С. 197—206. [Kolesnikova, O.I. (2014) Aforistika kak vechno modnyi sposob intellektualizatsii rechi (na materiale molodezhnykh izdaniy) // *Moda v yazyke i kommunikatsii* (Aphorism as a fashionable way of speech intellectualisation (on the material of fashion press). Sb. st. / Sost. i отв. red. L.L.Fedorova; Redkol.: M.A. Krongauz, G.E. Kreidlin, I.A. Sharonov. M.: RGGU. S. 197—206. (In Russ).]
- Колесов В.В. Риторические основы президентской речи (Послесловие к послесловию) // *Когнитивные и риторические основы президентской речи (на материале выступлений В.В. Путина и Б.И. Ельцина)*. М.В. Гаврилова. СПб.: СПбГУ, 2004. С. 242—246. [Kolesov, V.V. (2004) Ritoricheskie osnovy prezidentskoi rechi (Posleslovie k poslesloviyu) // *Kognitivnye i ritoricheskie osnovy prezidentskoi rechi (na materiale vystuplenii V.V. Putina i B.I. El'tsina)*. (Rhetoric basis of president's speech). M.V. Gavrilo. SPb.: SPbGU, 2004. S. 242—246. (In Russ).]
- Костомаров В.Г. *Языковой вкус эпохи*. М.: СПб., Златоуст, 1999. [Kostomarov, V.G. (1999) *Yazykovoï vkus epokhi*. (Language taste of the Era). M.: SPb., Zlatoust. (In Russ).]
- Кронгауз М.А. *Русский язык на грани нервного срыва*. М.: АСТ: CORPUS, 2017. [Krongauz, M.A. (2017) *Russkii yazyk na grani nervnogo sryva*. (Russian language is on the verge of a nervous breakdown). M.: AST: CORPUS, 2017. (In Russ).]
- Кронгауз М.А. *Самоучитель Олбанского*. М., АСТ:CORPUS, 2013. [Krongauz, M.A. (2013) *Samouchitel' Olbanskogo* (Oblanskii's Self-instruction). M.: AST: CORPUS. (In Russ).]
- Кронгауз М.А., Литвин Е.А., Мерзлякова В.Н., Пиперски А.Ч., Сомин А.А., Черненко Ю.А. *Словарь языка интернета.ru* / Под ред. М.А. Кронгауз. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2016. [Krongauz, M.A., Litvin, E.A., Merzlyakova V.N., Piperski A.Ch., Somin A.A., Chernenko Yu.A. (2016) *Slovar' yazyka interneta.ru* (Internet language dictionary). Pod red. M.A. Krongauz. M.: AST-PRESS KNIGA. (In Russ).]
- Крысин Л.П. Лексическое заимствование и калькирование // *Современный русский язык. Активные процессы на рубеже XX—XXI веков*. М.: Языки славянской культуры, 2008. С. 167—184. [Krysin, L.P. (2008) *Leksicheskoe zaimstvovanie i kal'kirovanie*. *Sovremennyi russkii yazyk. Aktivnye protsessy na rubezhe XX—XXI vekov*. (Lexical borrowing and calque. Modern Russian language. Active process in XX—XXI). M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2008. S. 167—184. (In Russ).]
- Левонтина И.Б. *Русский со словарем*. М.: АСТ: CORPUS, 2016. [Levontina, I.B. (2016) *Russkii so slovarem*. (Russian with dictionary). M.: AST: CORPUS. (In Russ).]
- Максименко О.И. Лексические особенности ТВ-чатов (на примере канала Bridge in Time) // *Мода в языке и коммуникации*: Сб. ст. / Сост. и отв. ред. Л.Л. Федорова; Редкол.: М.А. Кронгауз, Г.Е. Крейдлин, И.А. Шаронов. М.: РГГУ, 2014. С. 225—235. [Maksimenko, O.I. (2014) *Leksicheskie osobennosti TV-chatov (na primere kanala Bridge in Time)* (Lexical features of TV chats (on the material of Bridge in Time chanel / Fashion in Language and Communication) / Sb. st. Sost. i отв. red. L.L. Fedorova; Redkol.: M.A. Krongauz, G.E. Kreidlin, I.A. Sharonov. M.: RGGU. S. 225—235. (In Russ).]
- Новиков В.И. *Словарь модных слов*. М.: Словари XXI века, 2016. [Novikov, V.I. (2016) *Slovar' modnykh slov*. (Fashion words dictionary). M.: Slovari XXI veka. (In Russ).]
- Ратмайр Р. Моден ли «менеджерский дискурс» в русском деловом общении? // *Мода в языке и коммуникации*: Сб. ст. / Сост. и отв. ред. Л.Л. Федорова; Редкол.: М.А. Кронгауз, Г.Е. Крейдлин, И.А. Шаронов. М.: РГГУ, 2014. С.169—186. [Ratmair, R. (2014) *Moden li «menedzherskii diskurs» v russkom delovom obshchenii?* // *Moda v yazyke i kommunikatsii*.

(Is management discourse fashionable in Russian business communication. Fashion in Language and Communication). Sb. st. Sost. i otv. red. L.L. Fedorova; Redkol.: M.A. Krongauz, G.E. Kreidlin, I.A. Sharonov. M.: RGGU. S. 169—186. (n Russ).]

Рачковская А.В. Кодекс невербального поведения человека в пословицах и антипословицах русского народа // *Мода в языке и коммуникации*: Сб. ст. / Сост. и отв. ред. Л.Л. Федорова; Редкол.: М.А. Кронгауз, Г.Е. Крейдлин, И.А. Шаронов. М.: РГГУ, 2014. С. 281—298. [Rachkovskaya, A.V. (2014) Kodeks neverbal'nogo povedeniya cheloveka v poslovitsakh i antiposlovitsakh russkogo naroda // *Moda v yazyke i kommunikatsii* (The Code of human non-verbal behaviour in Russian proverbs and antiproverbs. Fashion in Language and Communication). Sb. st. Sost. i otv. red. L.L. Fedorova; Redkol.: M.A. Krongauz, G.E. Kreidlin, I.A. Sharonov. M.: RGGU, 2014. S. 281—298. (In Russ).]

Рипяхова М.М. Проявление языковой моды в политическом дискурсе // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2013. № 4-1 (22). С. 162—165. [Ripyakhova, M.M. (2013) Proyavlenie yazykovoi mody v politicheskom diskurse (Language fashion in political discourse). *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. № 4-1 (22). S. 162—165. S. 281—298. (In Russ).]

Северская О.И. Вкусняшки для стройняшек: актуализация словообразовательной модели или новый ее фасон // *Мода в языке и коммуникации*: Сб. ст. / Сост. и отв. ред. Л.Л. Федорова; Редкол.: М.А. Кронгауз, Г.Е. Крейдлин, И.А. Шаронов. М.: РГГУ, 2014. С. 154—165. [Severskaya, O.I. (2014) Vkusnyashki dlya stroinyashek: aktualizatsiya slovoobrazovatel'noi modeli ili novyi ee fason / *Moda v yazyke i kommunikatsii*: Sb. st. Sost. i otv. red. L.L. Fedorova; Redkol.: M.A. Krongauz, G.E. Kreidlin, I.A. Sharonov. M.: RGGU. S. 154—165. (In Russ).]

Химик В.В. *Поэтика низкого, или просторечие как культурный феномен*. СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2000. [Khimik, V.V. (2000) Poetika nizkogo, ili prostorechie kak kul'turnyi fenomen. (Poetics of common parlance as cultural phenomena). SPb.: Filol. fak. SPbGU. (In Russ).]

Фролова О.Е. Элита в новом русскоязычном сознании // *Мода в языке и коммуникации*: Сб. ст. / Сост. и отв. ред. Л.Л. Федорова; Редкол.: М.А. Кронгауз, Г.Е. Крейдлин, И.А. Шаронов. М.: РГГУ, 2014. С. 133—144. [Frolova, O.E. (2014) Elita v novom russkoyazychnom soznanii // *Moda v yazyke i kommunikatsii*. (Elite in new Russian Minds. Fashion in Language and Communication). Sb. st. / Sost. i otv. red. L.L. Fedorova; Redkol.: M.A. Krongauz, G.E. Kreidlin, I.A. Sharonov. M.: RGGU. S. 133—144. (In Russ).]

Шумарина М.Р. Модное слово в зеркале фольклора и литературы // *Мода в языке и коммуникации*: Сб. ст. / Сост. и отв. ред. Л.Л. Федорова; Редкол.: М.А. Кронгауз, Г.Е. Крейдлин, И.А. Шаронов. М.: РГГУ, 2014. С. 299—307. [Shumarina, M.R. (2014) Modnoe slovo v zerkale fol'klora i literatury // *Moda v yazyke i kommunikatsii*. (Fashion word in Folk and Literature. Fashion in Language and Communication). Sb. st. / Sost. i otv. red. L.L. Fedorova; Redkol.: M.A. Krongauz, G.E. Kreidlin, I.A. Sharonov. M.: RGGU. S. 299—307. (In Russ).]

Crystal, D. (1997) *English as a Global Language*. Cambridge: Cambridge University Press.

Phillipson, R. (1992) *Linguistic imperialism*. Oxford: Oxford University Press.

Электронные ресурсы / Links

www.aif.ru/

www.kommersant.ru/

www.vedomosti.ru

www.mk.ru/

www.kp.ru

news.ifeng.com/ (凤凰资讯)

news.163.com/ (网易新闻)

news.xinhuanet.com/ (新华网)
people.com.cn/ (人民网)
news.sohu.com/ (搜狐新闻)
news.sina.com.cn/ (新浪新闻)
www.cankaoxiaoxi.com/ (参考消息)
www.xsgou.com/ (中国财经观察网)
www.jlonline.com/ (金陵热线)
news.zol.com.cn/ (中关村在线新闻)
news.21cn.com/ (21CN 新闻)

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 10 мая 2017

Дата принятия к печати: 05 июля 2017

Для цитирования:

Чэнь Хуань Модные слова в современном русском и китайском газетном тексте: происхождение, семантика, функции // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2017. Т. 21. № 4. С. 749—766. doi 10.22363/2312-9182-2017-21-4-749-766.

Сведения об авторе:

Чэнь Хуань, кандидат наук, старший преподаватель кафедры русского языка Института европейских языков и культур Гуандунского университета иностранных языков и международной торговли (Китай). *Сфера научных интересов*: современный процесс в русском языке, лексическая семантика, лингвокультурология. *Контактная информация*: e-mail: ura712@hotmail.com

DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-4-749-766

**BUZZWORDS IN MODERN RUSSIAN
AND CHINESE NEWSPAPERS:
ORIGIN, SEMANTICS, FUNCTIONS**

Chen Huan

Guangdong University of Foreign Studies
No.2 Baiyundadaobei, Guangzhou, Guangdong, 510420, China

Abstract. Fashion exists in all aspects of human life, including language. In this context, we refer to the phenomenon of language fashion, which became an object of linguistic study in Russia at the turn of the 20th/21st centuries. This article is concerned with the phenomenon of buzzwords in modern Russian and Chinese newspaper texts, from the perspective of comparative analysis. In the article, we clarify the meanings of language fashion and buzzwords, discuss the essential features of this linguistic phenomenon, present a classification of buzzwords, characterise the main ways of enlarging this group of lexical units, and analyse the semantic and functional features of these units. The material for analysis is drawn from newspaper texts in online versions of Russian and Chinese mass media resources, for the period 2016—2017. The results of the research show that there are common features between the buzzwords of the two languages. Firstly, from the point of view of origin, the form or meaning of the buzzwords is associated with novelty

and a break with tradition. Secondly, in a semantic sense, there are lexical coincidences in the buzzwords of the two languages. Thirdly, in a functional sense, a buzzword in one or another language can act as a productive model for creating new words, and a stimulus for the realization of new ideas. The conclusion discusses the prospects of studying buzzwords and language fashion in general.

Keywords: *language fashion, buzzwords, lexical innovations, Russian, Chinese*

Article history:

Received: 10 May 2017

Revised: 07 June 2017

Accepted: 05 July 2017

For citation:

Chen Huan (2017) Buzzwords in Modern Russian and Chinese Newspapers: Origin, Semantics, Functions. *Russian Journal of Linguistics*, 21 (4), 749—766. doi 10.22363/2312-9182-2017-21-4-749-766.

Bio Note:

Chen Huan, PhD, lecturer of the Department of Russian Language, Institute of European Languages and Cultures, Guangdong University of Foreign Studies (China). *Research interests:* processes in modern Russian, lexical semantics, languages and culture. *Contact information:* e-mail: upa712@hotmail.com

ПРАГМАТИКА И ДИСКУРС-АНАЛИЗ PRAGMATICS AND DISCOURSE ANALYSIS

DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-4-767-788

THE EXPRESSION OF POLITENESS IN A BILINGUAL SETTING: EXPLORING THE CASE OF MALTESE ENGLISH

Martina Cremona, Stavros Assimakopoulos
and Alexandra Vella

University of Malta
Msida, MSD 2080, Malta

Abstract. Single-moment studies have traditionally been carried out with the aim of investigating the pragmalinguistic and sociopragmatic skills of non-native speakers compared to those of native speakers of a particular language. The present study aims to investigate the parallel skills in expressing politeness of Maltese bilingual speakers rather than differences between native and non-native speakers in this respect. Since the variety of English spoken in Malta has often been characterised as distinct from British English, we used a small-scale spoken discourse completion task to examine the extent to which British English and Maltese affect the expression of politeness in Maltese English, in the context of requests and apologies. To this end, we compared the responses provided by three distinct groups of participants in terms of the use of particular politeness strategies, as well as the frequency and intonation of politeness markers. The results obtained remain largely inconclusive partly due to certain limitations arising from use of the discourse completion task methodology. They nevertheless do provide preliminary evidence, which is, to our mind, worth exploring further, of a close similarity between Maltese English and Maltese in terms of the intonation that accompanies markers of politeness.

Keywords: *Maltese English, politeness, bilingualism, discourse completion task, requests, apologies, intonation, hedges/mitigators*

1. INTRODUCTION

For most people, politeness tends to be equivalent to manners and behaviour, but its conception varies across cultures; what is considered polite in one culture may be perceived as rude in another. As such, politeness can be realised through different means, with one of the most common of these being the use of language. According to Brown and Levinson (1987: 36), in the particular contexts of language contact and language learning, it is often the case that a speaker employs his L1 ‘interpretive strategies’ while using L2, which may sometimes lead to confusion, or even complete breakdown in communication. And while a fair amount of research has focused on how EFL learners use politeness in English when compared to native speakers of English (see, for example, Salgado 2011), the way in which politeness is expressed in a bilingual setting has received much more limited attention. In this paper, we focus on the linguistic realisation

of politeness in the unique bilingual setting of Malta, which has two official languages: Maltese and English¹. The two languages are quite distinct from each other, Maltese being a language with a Semitic base, upon which borrowings from Romance (particularly Sicilian and Tuscan Italian), as well as from English, are superimposed, English being a Germanic language altogether (see Mifsud 1995). And yet, both languages are spoken fluently — albeit to different degrees — by the majority of the Maltese people. Still, the English spoken in Malta is different from other varieties of English, including the standard British English that was originally introduced to the islands, and has been found to be influenced by the native tongue in several respects. Vella (2012) provides an overview of research on the characteristics of Maltese English which distinguish it from other varieties at various levels of grammar and meaning, as well as pronunciation. In the latter case, there is already a fair amount of research which shows that stress, rhythm and — of particular relevance to this paper — intonation, are especially marked.

However, the linguistic realisation of politeness in the Maltese context has not yet been studied (but see Caruana, forthcoming), so the present paper can be seen as a modest beginning in that direction. Having witnessed several occasions when a Maltese English speaker was misinterpreted as being impolite, we decided to conduct a pilot study with a view to investigating the extent to which the linguistic expression of politeness in Maltese English can be seen to be influenced by British English on the one hand and by Maltese on the other². To this end, we used a spoken discourse completion task, and focused our analysis on the strategies employed by our participants to express politeness, as well as on their use of politeness markers and of the intonation accompanying such markers. In this respect, the present paper is organised in the following manner. We begin by providing the general background to this research with a view to motivating our eventual choice of the aspects of politeness that our analysis focuses on. We then present the task used in our pilot study as well as the procedure we followed in analysing the data collected. Finally, we present the results of this study and conclude the paper with some remarks on possible ways in which the topic could be investigated further.

2. BACKGROUND

Politeness used to be regarded as an area of research that is of interest only to linguists specialising in pragmatics. Culpeper (2011:391) even describes it as a former “esoteric topic” which has now become central to other fields, such as psychology, sociology and anthropology, to name but a few. Needless to say, this area has an interesting history. Various scholars have conducted research and come up with definitions that elaborate different views on politeness from different standpoints. As Watts (2003) dis-

---

¹ To be more precise, a bill declaring that Maltese Sign Language is also an official language of Malta was approved on 16 March 2016, but, given the focus of our research, we have not touched on Maltese Sign Language in the present study.

² Clearly, one important caveat that needs to be made is that the co-existence of Maltese and English in bilingual Malta has been noted to also result in instances of what some have referred to as the ‘Englishisation of Maltese’ (see, for example, Brincat Massa 1986; Camilleri and Borg 1992). This suggests that it cannot be taken for granted that the direction of influence will always be from the Maltese to the English of Maltese speakers: such influence can also go in the other direction.

cusses, there are various perceptions of politeness, which are normally tied to what is considered to be socially acceptable, a behaviour which reflects one's educational status, an individual's generosity and kindness towards others or willingness to put others first ('self-effacing'), and a reflection of a condescending or artificial behaviour. When it comes to linguistic politeness, he notes that it is a term employed, most of the time, to refer to the use of appropriate titles when addressing someone, as well as to the use of certain politeness markers like 'please' and 'thank you', or to the avoidance of being direct in speech.

Against this backdrop, several linguists have managed to offer insightful descriptions of what politeness actually consists of. Culpeper (2011) notes a number of such definitions:

Politeness is a tool used "to maintain the social equilibrium and the friendly relations which enable us to assume that our interlocutors are being cooperative in the first place". (Leech 1983:82)

Politeness, like formal diplomatic protocol (for which it must surely be the model), presupposes that potential for aggression as it seeks to disarm it, and makes possible communication between potentially aggressive parties. (Brown and Levinson 1987:1)

Politeness can be defined as a means of minimizing confrontation in discourse — both the possibility of confrontation occurring at all, and the possibility that a confrontation will be perceived as threatening. (Lakoff 1989:102)

What all these definitions have in common is that they seem to equate politeness with the avoidance of friction in communication. However, as Watts (2003:13) argues, "to use a lay concept in one language as a universal scientific concept for all languages and cultures is particularly inappropriate," since the term politeness differs from one language and culture to another. One of the many examples he uses to illustrate this point is Sifianou's (1992) study on the perception of politeness in Greek and English, which showed that, when it comes to evaluating politeness, Greeks tend to prioritise 'warmth and friendliness' towards others while the English place more emphasis on other principles, such as formality, 'a discrete maintenance of distance', the aim being to avoid imposing any ideas on the addressee, and to appear humble and selfless.

This example reveals one of the major ongoing debates in the field of politeness research. On the one hand, there are researchers like Lakoff, Leech, Brown and Levinson who adopt a universalist position, according to which, politeness is an attitude that can be systematically studied independently of the particular culture or language in which it manifests itself. On the other, its apparent diversity across cultures is considered by many as an obstacle that makes it impossible to define politeness as a single universally-applicable concept. While this is not a debate that we plan to go into for the purposes of this paper, it reveals an issue that one needs to always consider when carrying out research on politeness: people's intuitions about what is (im)polite, or what Watts (2003:4) calls "folk" or "lay interpretations" related to "first-order (im)politeness," can easily be confused with technical discussions of what a polite attitude, or what Watts correspondingly calls "second-order politeness", actually is. So, keeping in mind that it is almost inevitable for those who try to construct a technical interpretation of politeness

to be influenced by their first-order experience of it, we have attempted to study the phenomenon and its linguistic realisation in Maltese by setting up a spoken discourse completion task and analysing the data collected by focusing on aspects that can, in principle, be objectively quantified and qualified.

2.1. Politeness strategies

The first aspect of politeness that we focus on in this paper is what Brown and Levinson famously called politeness strategies. In their highly influential Politeness Theory (Brown and Levinson 1987), the two researchers developed a model which attempts to explain how politeness works across different cultures, on the basis of the assumption that interactants' behaviour is directly influenced by two universal qualities: 'face' and 'rationality'. Face, a term coined by Goffman (1967) after the colloquial English expression 'to lose face' is used to refer to an awkward, humiliating situation one may find oneself in and relates to the need of every individual to make — and maintain — a good impression of themselves on the people around them. Brown and Levinson built on this notion by identifying two types of face: positive and negative. The former refers to the desire to be liked by others and therefore feel welcome and approved by them, while the latter refers to the avoidance of any imposition that might be put forward by the use of some communicative stimulus. As one would expect, face can be flattened, improved or preserved and it is these possibilities that make speakers look out for their own face as well as that of their addressees. This is due to the fact that the particular way in which one treats the other in conversation can make or break one's reputation. The term 'rationality', on the other hand, is related to logical thinking, in the sense of Aristotle's practical reasoning, which essentially refers to the ability to derive a conclusion from a set of premises. It is in this context that, according to Brown and Levinson, rationality allows an interlocutor to choose the strategy which is best for their needs and which will cause them the least trouble to achieve their wanted goals.

Assuming that all individuals are aware that everyone has these two qualities, it is normally in their interest, when engaging in a conversation, to protect both their and their interlocutors' face. Yet, any utterance could potentially threaten face (un)intentionally and become a Face Threatening Act (henceforth FTA) targeting a hearer's positive or negative face wants (or even both). For example, one could threaten a hearer's positive face by vilifying, criticising, ridiculing and contradicting them, or by expressing lack of interest in the hearer's feelings and interrupting them or by starting a heated discussion which may cause emotional distress to them. Negative face can be threatened when the hearer is put under pressure to carry out a task, as in the case of being requested to do something or being given advice that they have not asked for. Even though it is the hearer that is usually the main receiver of an FTA, the speaker's face can also be threatened at the same time, as, for example, in the case of expressing gratitude, when the speaker is taking on 'debt' or when giving excuses in an attempt to justify a mistake, to give but a few examples.

Of course, as Brown and Levinson note, speakers can always choose to not perform the FTA, which would save them from all this trouble, but when they choose to perform it, they will perform it after selecting the appropriate politeness strategy most likely

to offset the threat posed by it. And this choice of strategy usually depends on the FTA's weight, which, according to Brown and Levinson, is determined by three parameters: the relative power that the speaker and the addressee have over each other (e.g. a mother and a daughter as opposed to a student and a professor), the distance between them, which is also linked to the frequency of their communication (e.g. a boss and an employee versus two siblings), and the ranking of the face-threatening imposition, which depends on the culture and the particular situation at hand (e.g. asking to borrow a pencil versus asking to borrow money). It is against this background that Brown and Levinson list four politeness strategies from which speakers have to choose in order to ease the effect of an FTA when they choose to perform it:

- ◆ On record, baldly
- ◆ On record, with positive politeness redress
- ◆ On record, with negative politeness redress
- ◆ Off record

The list starts off with what Brown and Levinson consider to be the least polite strategy and ends with the most polite one. Uttering something on record, baldly is a straightforward strategy which does not spare the hearer's face in any way, as a speaker's intention is to be direct and clear. There are various situations in which the speaker may have to save the time of redressing an FTA, such as in a case of emergency where a speaker could shout something like '*Call an ambulance now!*', but the bald-on-record strategy is predominantly used when two people are very close to each other, as in the case of a husband and wife or close friends. The second strategy is to aim at addressing a hearer's positive face wants, i.e. their need to feel welcome and approved of by a speaker, and usually involves being friendly with someone, as in the case of calling someone '*mate*' and the like. The third strategy relates to negative politeness, which the speaker uses to offset a potential imposition. In this case, Brown and Levinson again identify various ways of materialising this strategy, such as using questions or hedges like '*perhaps*' (example 1), being pessimistic in assuming that a hearer will reject some task (example 2) or avoiding the use of the first and second person pronouns (example 3):

1. *I was thinking perhaps we could go grab lunch together sometime?*
2. *I don't suppose you're free tomorrow to help me with my science project?*
3. *I was hoping the dishes could be done by the time Grandma visits tomorrow.*

All three strategies described so far are dubbed as 'on record' strategies as they all hold an element of directness. Conversely, the last strategy identified by Brown and Levinson is to go 'off record', in the sense of being completely indirect. Brown and Levinson's theory identifies several such types of strategy. So, giving hints, using tautologies or metaphors, and being ambiguous, are all examples of off record politeness strategies. This can be illustrated by the utterance in (4), when considered in a context where a student is trying to carry seven books along with her laptop, phone and purse, and directs it to a friend playing a game on his mobile phone with the intention of getting him to help her:

4. *Wow! These are heavier than I thought!*

Still, Brown and Levinson's model has been criticised on a number of grounds, with the most prominent such criticism being that it is not applicable in cultures where

collective interests are prioritised over those of the individual (see Gu 1990; Mao 1994; Lim 1994 — for counterarguments see Leech and Larina 2014; Assimakopoulos 2014). Even so, we think that, regardless of the degree of politeness they may be taken to communicate, the strategies this model identifies can be used as an unambiguous criterion in the comparison of the responses provided by different groups of participants on the same task. And that is why we have decided to include them as one of the criteria we are focusing on in our present analysis.

2.2. The use and intonation of politeness markers

The second element of politeness that we have looked at for the purposes of the present analysis is that of politeness markers, broadly construed. Generally speaking, one of the most prominent ways of expressing politeness is through the use of particular words and phrases, which are often taught to children as soon as they start producing speech. Amongst these one finds direct politeness markers, such as *'please'* and *'thank you'*, as well as hedges and mitigators, which are words or phrases that can indirectly communicate a polite attitude, such as *'perhaps'*, which, in (5) softens the confining sense of the request by implying that the hearer has the option to refuse, or the modal verb *'could'* which is also used in the same example in the place of its more common counterpart *'can'*, as it is considered to be more polite than it:

5. *Perhaps you could help me out with these boxes?*

Much like English, Maltese has equivalent markers, like *'jekk jogħġbok'* (= please) and *'grazzi'* (= thank you), and also uses similar hedges and mitigators to express politeness.

Turning to intonation, research in the area (see, for example, Loveday 1981; Camras 1984; Laplante and Ambady 2003) has shown that, amongst other nonverbal cues (such as body language), it plays a crucial role in expressing politeness. This seems natural, since, as Bolinger (1989) argues, intonation changes according to the type of utterance and context and plays a central role in revealing the intention behind the message one wants to convey. Since there is again, to the best of our knowledge, no work on Maltese politeness markers in terms of their prosodic nature, we will, at this point, have to rely on a preliminary investigation of some intonational tendencies in Maltese conducted by Vella (2009) through the use of examples collected from a corpus of spoken Maltese constructed as a part of MalToBI project by Vella and Farrugia (2006).

When it comes to British English, Wichmann (2004) identifies two different tones in *'please'* utterances. When the marker has an initial position in the utterance, it tends to start out with a high level tone (indicated in the examples below by means of $\bar{\ }$) contouring into a high falling one (indicated by means of $\backslash$), as in (6):

6. $\bar{\ }$ *Please, \ sign here as well.*

Yet, when *'please'* occurs in final position, it can either have an accented rise (indicated by means of $/$) or an unaccented fall, as in (7) and (8) respectively

7. *Could you move a little bit to the left, / please?*

8. *Could you move a little bit to the / left, \ please?*

Then, if an utterance is meant to deliver some sort of disapproval or a mock request, the speaker tends to use a high falling tone:

9. $\bar{\ }$ *Please, \ shut up.*

Turning to yes/no questions, requests and offers, three different tonal contours are possible: a rising tone, a falling tone and a fall-rise. The falling tone is used to give an order and, according to Cruttenden (2001), can be interpreted as quite blunt. For example:

10. *Get me a \ cupcake.*

Maltese similarly tends to use a falling tone when it comes to imperatives, except that this tends to be placed on the verb rather than on its complement which may be assigned a low falling tone (indicated below by means of a $\backslash^3$):

11. *eħe \dur ma' dar \Millenia*
 yeah turn-IMP-2SG with house Millenia
 ‘yeah turn at Millenia house’

(Vella 2009:59)

In British English, a rising tone can sound more friendly as, once again, it leaves the addressee the choice to answer as they please, as for example in (12):

12. *Would you like some / tea?*

A similar effect can be brought about in Maltese questions where an early rising tone, as on ‘*ħobb*’ (= do you like) in the example in (13), is followed, on ‘*issiefer*’ (= travelling) by a low rise from the syllable before the stressed one (indicated here by means of a $\cdot$) stepping up to a level-high tone (also indicated by means of $\bar{\cdot}$):

13. */ħobb \is-siefer?*
 you-2SG-like you-2SG-travel
 ‘Do you like travelling?’

(Vella 2009:56)

Finally, the fall-rise tone in British English can be used to indicate politeness when the request put forward involves something which puts the speaker at some kind of advantage, as in (14):

14. *May I borrow \ your / book for just a second?*

A tone similar to this fall-rise also appears to be found occasionally in Maltese when asking questions, although, as far as we know, its use for the specific purpose of indicating politeness has not been documented in any published study. An example taken from the data collected for the purposes of this study is shown in (15) below:

15. *\Aħmil-li pja / ċir^A...*
 do-IMP-2SG-me favour
 ‘Do me a favour’

³ Vella (2009)’s notation has been adapted here to a tonetic stress mark notation system in line with that used in Wichmann (2004) for easier comparison even though her work is couched within an Autosegmental-Metrical framework of Intonational Phonology following Pierrehumbert (1980) and Ladd (1996).

⁴ The fall in this case is associated with the left edge of the word rather than with the stressed syllable. Such “early” peak falls have been documented to occur in the context of a number of structures in Maltese which include vocatives and imperatives (see Vella 1995) as well as question word interrogatives (see, for example, Vella 2009).

Interestingly, in the above example, although ‘*jekk jogħġbok*’ (= please) could have been added to enhance the effect of politeness, this meaning is in fact expressed perfectly adequately by means of the intonation accompanying the utterance.

At first sight, the comparison of British English and Maltese in terms of the use and intonation of politeness markers appears to promise similarity. However, the presented instances in Maltese do not all occur in the context of politeness, which on its own warrants further investigation. Furthermore, it seems to us that an investigation of the use of politeness markers, or lack thereof, as well as of their intonational form in three datasets with corresponding responses to the same prompts could again be used as an objective indicator of how speakers of the language varieties we are interested in express politeness.

3. METHODOLOGY

There are several approaches one could take towards single-moment studies, with the most prominent ones being role-plays and questionnaires. Role-plays are probably the nearest to natural talk that a researcher can get when eliciting speech, especially if they are spontaneous and open. In the context of conducting a comparative study of linguistic politeness across different languages, however, they might not be the most optimal route to follow, as they leave very little control over how the conversation will unfold, and ultimately, do not provide any guarantee that comparable expressions of politeness will be yielded. With regard to questionnaires, Kasper and Rose (2002) identify three types: multiple choice tests, ranked response tests and discourse completion tasks (henceforth DCTs). While the first two types of task focus mainly on the participants’ interpretation of utterances, the last one can be used to elicit speech from participants and was therefore the obvious choice for us. The DCT method was first used by Blum-Kulka and Olshtain (1984) in the Cross-Cultural Speech Act Realisation Patterns project and was devised by Blum-Kulka (1982) herself. More specifically, a DCT gives participants a situation (sometimes including the start of a dialogue) to which they have to respond by writing what their reaction at that stage of the interaction would be. The end result is the production of a speech act, which should in principle fit the category expected to be produced in this particular context.

While the DCT method is very efficient and gives the researcher control over contextual variables such as age, sex or the participants’ relative distance with respect to their imaginary interlocutors, it may lead to less natural data in comparison to role-playing because it is unlikely that participants will be spontaneous with their responses, especially since they are given time to think before writing these down. What is more, the DCT method also carries the risk of participant answers being too short, since writing an utterance requires much more effort than simply uttering it. In an attempt to offset these limitations, we decided to administer a spoken version of a DCT, where participants would utter their responses out loud, rather than write them down, and be recorded in real time as they did so. The purpose was to minimise the participants’ tendency to provide too short responses. Given our interest in intonation as a marker of politeness, longer responses would also have the added benefit of allowing us to investigate the supraseg-

mental features that come into play in the expression of politeness. All in all, this method gave the participants freedom to react to each DCT item as they saw fit, although the risk of their response not being of the speech act type we expected remained.

The DCT that we designed for this study consisted of twelve items in total, six in which a request was to be elicited and another six prompting an apology. Both requests and apologies have been widely researched across languages and, since this study is the first to investigate politeness in the Maltese context, we could not think of a better place to start than these two speech acts, which are after all amongst the most frequently used in everyday speech. In our DCT, each elicitation item described a situation ending in a prompt to make a request or apologise, while in devising our items we also controlled for formality, by counterbalancing situations in formal and informal contexts. Here are two examples of the situations used (for the full list of items, see Appendix):

16. Request:

You've just spent a fortune on your new phone. On a night out, your friend accidentally knocks it out of your hand while drunk and shatters the display. When you meet with him the following day you remind him what he did and ask him to pay for the repair charges. You show him the broken phone and say:

17. Apology:

You are at a restaurant sitting at a table. You excuse yourself to go to the bathroom. On your way, you bump into a waiter who is carrying a tray full of glasses and a bottle of wine. Needless to say, the wine is now all over the floor along with the remains of the bottle and the glasses and the waiter is looking at you all flustered. You look at him and say:

In the request scenario above, the situation is an informal one as the addressee is someone of the same status as the speaker in terms of social distance and power. By contrast, the apology scenario puts the speakers in a different position, as the addressee is now someone that they do not know — not to mention also that a waiter is someone providing the speaker a service, so the variable of power differs in this respect too.

A total of 30 participants were recruited for this pilot study: 10 native British English speakers and 20 Maltese bilingual participants, each of whom did the task in one language only. So, 10 of the Maltese participants completed the 12 tasks in Maltese (henceforth the Maltese group), and 10 others completed them in English (henceforth the Maltese English group). At the time of recording, all participants were over 18 years of age and most of them were university students, while each group consisted of five females and five males, except for the British English group which was made up of six females and four males, due to the limited sources available to us. The within-group balance was intended as a precaution to avoid any bias in the results that could have arisen if one sex considerably outweighed the other. Participants undertook the task individually by silently reading each item and then responding to the situation described as they saw fit. Their responses were recorded in a continuous stream that was then segmented into excerpts matching the items provided in the DCT.

Following the recording, all participant data were transcribed orthographically and then organised according to the language variety to which they belonged. Then, each item elicited was analysed in terms of the politeness strategy it made use of by two

independent coders, who, given the straightforward nature of the scenarios used, were in complete agreement in their classifications. At the same time, we took note of the direct (e.g. *‘please’*, *‘sorry’*, etc) and indirect (e.g. *‘is it alright if’*, *‘possibly’*, etc.) politeness markers that each item contained, as well as their intonational contour. The pitch extraction analysis provided in PRAAT (Boersma and Weenink 2017) served as a useful aid in the analysis. Following Cruttenden’s (1997:3) recommendation, the pitch settings in PRAAT were adjusted according to the gender of the participant involved, as males have a pitch range of 60—180 Hz while females have a pitch range of 180—400 Hz. PRAAT was therefore set at 50—250 Hz for male participants (some of the participants had high pitched instances at times) and at 50—400 Hz for females — it became evident during the analysis that the Maltese females in this study had lower pitched voices when compared to the British English female speakers).

All utterances in which the sought after speech act was realised were uploaded into PRAAT and analysed using an adapted version of the Rapid Prosodic Transcription method (Cole and Shattuck-Hufnagel 2016) which marks boundaries separating one tone unit from another and the pitch accent in each tone unit. The relevant units, which we will refer to here as intonational phrases, following Nespor and Vogel’s (2007) classic work on prosodic phonology, were then labelled following classification into a number of simple global shape categories that was adapted from O’Connor and Arnold (1973: 7—30), with the addition of two further categories that were identified in order to describe particular intonational patterns found in the Maltese and Maltese English data. Since the relevant categories for Maltese and Maltese English have not yet been established in the literature, we introduced the categories *‘stylised rise’* and *‘stylised fall’*, following Ladd (1978, 1996). As we will show in the next section, what characterises these categories is that, in contrast to other forms, the rise / fall involves a kind of stepping up or stepping down rather than a smooth rising or falling movement.

Table 1

List of intonational categories used in our analysis

HF	High Fall
LF	Low Fall
RF	Rise Fall
SF	Stylised Fall
L	Level
HR	High Rise
LR	Low Rise
FR	Fall Rise
SR	Stylised Rise

After determining the intonational categories we would use, the relevant phrases were analysed in terms of the relevant intonational phrases and tonal sequences.

4. RESULTS AND DISCUSSION

Starting off with an examination of the politeness strategies used in each of the three language varieties examined, the most popular strategy for requests (see Table 2) was, quite expectedly, negative politeness redress both in formal and informal scenarios. Interestingly, participants in the Maltese English group used the most bald on-record forms.

Table 2

Politeness strategies used in requests

Strategy	British English	Maltese English	Maltese
Negative politeness redress	52	45	49
Positive politeness redress	3	4	2
Off-record	/	1	2
Bald, on-record	5	10	7

Turning to apologies, the same pattern emerged, with negative politeness redress being the preferred strategy again in both formal and informal scenarios (see Table 3). However, in this setting, there were also some instances in which no apology was actually made (marked as N/A in Table 3), especially in the case of responses in Maltese, with participants opting to merely express their dismay at the situation or avoid taking responsibility altogether for whatever it was they were being blamed for in the relevant scenario.

Table 3

Politeness strategies used in apologies

Strategy	British English	Maltese English	Maltese
Negative politeness redress	45	45	37
Positive politeness redress	1	1	/
Off-record	2	1	/
Bald, on-record	/	/	/
N/A	12	13	23

Our analysis of politeness strategies did not provide us with any reliable leads as to whether the expression of politeness in Maltese English is closer to that in Maltese or that in British English. This can, however, be explained by the fact that patterns in the use of politeness strategies are bound to depend more on an individual's socio-cultural background than on the particular language that they speak. If this is true, our participants' backgrounds should be comparable, since all the groups comprised predominantly young university students from two countries with Western European values.

In an attempt at identifying which language variety Maltese English approximates more to the linguistic realisation of politeness, we will now turn to a discussion of the use of politeness markers in our elicited data.

As far as requests are concerned, Maltese tends to use more politeness markers than British English does in formal scenarios, while this pattern is reversed in informal ones. As Table 4 shows, Maltese English lies in the middle, being closer to British English in both formal and informal scenarios.

Table 4

Frequency of politeness markers used in requests

	British English	Maltese English	Maltese
Formal scenarios	59	58	87
Informal scenarios	46	48	52
Total	105	106	139

At face value, this suggests that Maltese English is generally more influenced by British English when it comes to the use of politeness markers. However, closer inspection of our data revealed that this result was actually skewed by a particular characteristic of the Maltese dataset. While direct markers of politeness, such as ‘*jekk jogħġbok*’, ‘*grazzi*’ (= excuse me) and ‘*skużani*’ (= sorry), were used to a comparable extent across all three datasets, the Maltese dataset also included 29 instances of politeness mitigators that do not exist in English. These mitigators belong to the category of what could be called ‘softening devices’, such as ‘*waħda*’ [= one (f.sg)], ‘*ftit*’ [= a few], ‘*daqsxajn*’ [= a little] and ‘*naqra*’ [= a bit], among many others. The use of these devices appears to minimise the pressure exerted by the request itself, as the following examples demonstrate:

18. *Inti jimporta thallas naqra* you-2SG int then *imbagħad*
 you-2SG do-you-2SG-mind you-2SG-pay a little
in-ħalls=ek wara jien?
 I-pay=you-2SG after I
 ‘*Do you mind paying a little yourself and then I’ll pay you back later?’
19. *Jimporta s-sellif=ni waħda biro jekk jogħġb=ok għax*
 do-you-2SG-mind you-2SG-lend=me one pen if please=you-2SG because
in-sejt=hom I-forgot=them wara-jja? after-me
 ‘*Do you mind lending me one a pen please because I forgot to bring them with me?’
20. *M’ għand-ek-x daqsxajn ta’ biro?*
 NEG you-2SG-have-NEG a little of pen
 ‘*You don’t have a little of a pen?’
21. *Hu paċenzja bi-ja kemm is-sellif=ni daqsxajn biro*
 You-2SG-take patience with-me just you-2SG-lend=me a little pen
għax mingħali-ja li ġibt=ha u m’ għand-i xejn.
 because thought-I that I-brought=it and NEG have-I nothing
 *Be patient with me, just lend me a little of a pen because I thought I brought it with me but I don’t have anything.

As the accompanying literal translation of examples (18) to (21) into English shows, these Maltese mitigators would not really be acceptable in English; hence, they could not have been used by the Maltese English group.

Turning to apologies, the marker that was used most times in all three datasets was, not unexpectedly, ‘*sorry*’/‘*skużani*’⁵. As Table 6 indicates, however, a similar situation as that noted in the case of requests (when one disregards the use of mitigators specific to Maltese alone therein). The use of politeness markers even in this context is comparable across all three datasets, with Maltese English being slightly closer to Maltese than it is to British English this time.

⁵ In the Maltese bilingual context, English ‘*sorry*’ is a ready alternative to Maltese ‘*skużani*’, albeit possibly with a different range of uses.

Frequency of politeness markers used in apologies

	British English	Maltese English	Maltese
Formal scenarios	46	49	54
Informal scenarios	30	37	30
Total	76	86	84

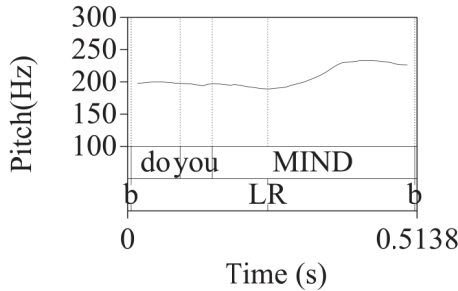
Therefore, much like our analysis of the politeness strategies used across our datasets, our investigation into the use of politeness markers remains inconclusive as to which of the two competing language varieties influences the expression of politeness in Maltese English the most. A possible explanation for this, however, could be the effect that schooling might have on the use of politeness markers in situations like the ones presented in the particular context of a DCT. As Caruana (forthcoming) discusses, since we are all taught from a very young age to use our ‘*please*’s and ‘*thank you*’s when performing speech acts like the ones elicited in our task, we cannot help but include them in our responses when we are asked to produce relevant utterances. This seems to be particularly pertinent when one takes into account the artificial setting of a DCT study, where participants inevitably feel that they need to be on their best linguistic behaviour, as they are being observed by a researcher.

Against this backdrop, what remains to be seen is whether the factor of intonation can offer us any more reliable insights regarding which of the two language varieties under consideration, British English or Maltese, has the most noteworthy influence on Maltese English when it comes to the expression of politeness.

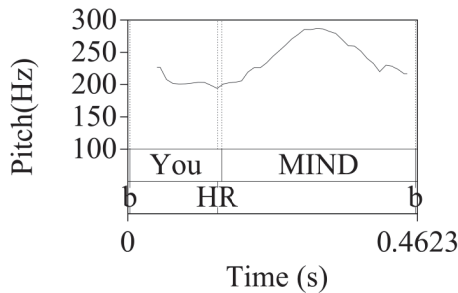
All the intonational categories used in the annotation of the data and listed in Table 1 above were found to accompany the politeness markers in all three language varieties, albeit with different tendencies. Thus, for example, in the case of the responses collected to both the request and apology prompts, the low rise seems to be preferred in British English whilst the high rise is more likely in Maltese English, as it is in Maltese (see also Vella 1995). By contrast, in the case of apologies, British English seems to favour falls, particularly the low fall, whereas apologies in Maltese and Maltese English were accompanied by a wider variety of intonational contours. In what follows, the discussion focuses more closely on the rising forms found in our data, partly because results on the phenomenon of one specific form we report on, the ‘stylised rise’, are especially striking — particularly in the case of requests.

Let us begin by examining the difference between the low and high rise categories, examples of which can be seen in Figures 1 and 2a/3 below⁶. These examples involve use of the mitigator ‘[*do*] *you mind?*’. The former is a rendering by a female British English speaker (BR_1_11), the latter is produced by a female Maltese English speaker (MaltE_1_12) and involves a commonly-used feature of Maltese English, the dropping of the operator ‘*do*’.

⁶ In these figures, the text is shown in tier 1 with the stressed syllable which serves as the anchoring point for the intonational contour *in capitals*; intonational phrase boundaries are indicated by means of a *b* in tier 2, which also contains the abbreviation for the intonational category/ies involved as shown in Table 1. Capitals are also used to indicate the relevant stressed syllables in the examples in the text of the captions to the figures in this section.

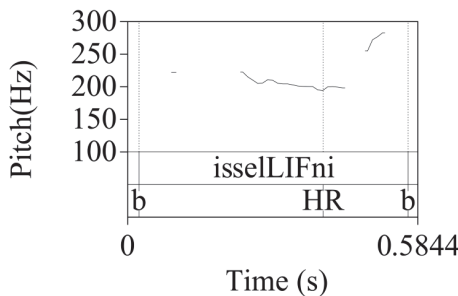

Figure 1. Use of a low rise with the mitigator ‘do you MIND?’ by a female British English speaker (BR_1_11)

Figure 2a. Use of a high rise with the mitigator ‘You MIND...?’ with missing operator by a female Maltese English speaker (MaltE_1_12)

Although a rise occurs on ‘mind’ in both cases, the high point in the rise in the latter case (that involving the Maltese English speaker) has a higher pitch than the former (that was produced by the British English speaker). In cases involving use of a plain (as opposed to ‘stylised’ — more on which below) rise in the Maltese data, high rises consisting of movement from relatively low to relatively high pitch on the stressed syllable also seemed to be the preferred choice. An example of this can be seen in Figure 3 below.

Figure 3. Use of a high rise with ‘issellIFni’ (= will you lend me) produced by a female speaker (Malt_11_33)

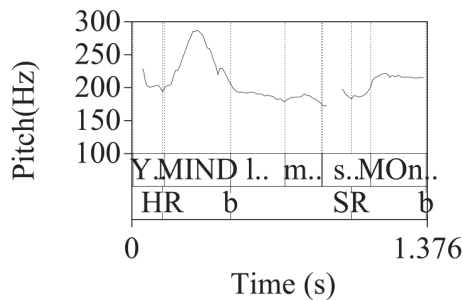
An in depth comparison of the intonational forms used by speakers in the different language variety groups is not possible on the basis of these data, as they give little scope for direct comparability. An element of interest which does emerge from the analysis, however, is that involving use of two forms, one falling, the other rising, designated as ‘stylised’, henceforth SF and SR. As mentioned earlier, these forms differ from the forms

involving a fall of some sort (HF/LF/RF) or some sort of rise (HR/LR/FR) in that they involve a kind of stepping down or stepping up in pitch rather than a smoother falling or rising movement. Once the stepping down or up has taken place, pitch stays level for a while.

The two ‘stylised’ forms noted in these data seem more typical of Maltese and Maltese English than of British English, with the rising variant, SR, appearing to occur particularly frequently as a politeness marker, when, for example, it accompanies mitigators in both Maltese English and Maltese. Our claim, albeit tentative, is that use of this type of the ‘stylised’ form/s in Maltese English is quite likely to be a direct result of influence from Maltese. As mentioned above, the discussion of the stylised phenomena identified focuses on the rising variant which occurs particularly frequently in these data, particularly in the case of requests. To start with, we attempt to demonstrate how the SR differs from its non-stylised counterparts by comparing it specifically to the high rise.

Let us revert to a fuller version of the response the first part of which is illustrated in Figure 2a. The intonational contour of the female Maltese English speaker’s fuller response: ‘*You mind | lending me some money?*’ is shown in Figure 2b below.

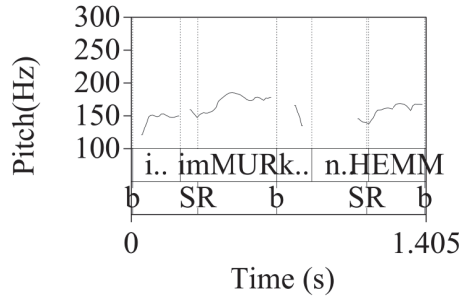
Figure 2b. Comparison of high and ‘stylised’ rises in ‘*You MIND | lending me some MOney?*’ by a female Maltese English speaker (MaltE_1_12)

The high rise in the first part of this response (‘*You mind*’) is followed by a sharp dip on ‘*lending*’. Pitch continues to fall on ‘*me some*’ but then steps up again on the stressed (first) syllable of ‘*money*’, staying high level to the end. It is this stepping up movement which characterises the form we are referring to as the ‘stylised rise’ and which we claim is distinct from the other rising movements present in these data.

Let us now move on to examining some examples of this intonational form in Maltese. The example shown in Figure 4 involves the two parts shown in bold of the longer response shown below:

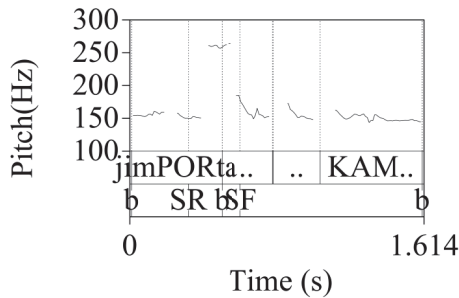
22. *Skuzani | jimPORta | t-ghid=li f' liem KAMra | r-rid imMUR |*
 sorry do-you-2SG-mind you-2SG-tell=me in which room I-want to go
kif n-asal HEMM |
 how I-arrive there

‘**I’m sorry** do you mind telling me which room **I need to go to when I get there?**’

Figure 4. Use of the ‘stylised’ rise with ‘*irrid imMUR*’ and ‘*kif nasal HEMM*’ by a female speaker (Malt_5_30)

Two SRs have been noted in this case, the first starting low before the stressed syllable of ‘*immur*’ and stepping up to a high (relatively level) pitch, the second with a low before the stressed syllable on ‘*hemm*’ which is again characterised by high level pitch. The excerpt below from the first part of this same response shows an even clearer example of the stepping up SR on ‘*jimporta*’, one of the most used Maltese equivalents of the English mitigator ‘*do you mind*’⁷.

Figure 5. Use of the ‘stylised’ rise in ‘*jimPORTa tghidli*’ and ‘*f’liem KAMra*’ by a female speaker (Malt_5_30)

What the above shows is that, particularly in the case of requests, the SR form described above is common in both Maltese and Maltese English. It often accompanies mitigators, such as ‘*jimporta*’ (= *do you mind*), and equivalent Maltese English renderings of ‘*do you mind*’ or ‘*would you mind*’, but can also accompany other elements.

One final observation can be made at this stage. This relates to the tendency for echoed use of intonational forms, such as the SR. This tendency is particularly prevalent in the polite responses examined here. Two instances of the repeated use of the SR described above, one from the Maltese dataset, the other from the Maltese English dataset, are illustrated in (23) and (24) below:

23.

INti	jimPORTa	jekk issellIFni	tletin EUro	kemm inhallsu dal-KONT	imbagħad intimhomlok WAra?
HF	SR	SR	SR	SR	SR

 (Malt_11_33)

⁷ Incidentally, this example also includes an example of the intonational form we analysed as a stylised fall on ‘*kamra*’ in the example shown in Figure 4.

24.

You MIND	lending me some MONey	to PAY	for the BILL	and then I'll give them to you	LAter	when I get HOME?
HR		SR	SR		SR	SR

(MaltE_1_12)

What is interesting in view also of the discussion earlier in this section is that, although the analysis does not actually throw light on any significant differences between the three language varieties in terms of their use of politeness markers, the preliminary investigation of the intonation used by the speakers to express politeness may be seen to differ in three main respects:

- ◆ Maltese and Maltese English both show a strong tendency for use of at least one, but possibly two, stylised forms which perform a function in expressing politeness. In this respect, Maltese English appears to be more similar to Maltese than to British English.
- ◆ These intonational forms in Maltese and Maltese English can accompany politeness markers such as the mitigator '*jimporta*' (= do you mind), but are very often also used with other elements. So, intonation alone can also express politeness in the absence of politeness markers of other sorts.
- ◆ Both Maltese and Maltese English are able to pile on politeness markers in various ways: whilst intonation can be the only politeness marker accompanying elements which are devoid of any such marking, politeness can be further enhanced through the use of echoing of forms such as the SR, as well as by the use of such forms on elements, such as mitigators already marked for politeness.

5. CONCLUDING REMARKS

By looking at the frequency and intonation of politeness markers as well as the politeness strategies used in the responses collected by means of our spoken DCT, we were able to identify some differences and similarities between Maltese and British English, and assess how and to what extent they influence Maltese English in the expression of politeness. As discussed in the previous section, although it was revealed through our investigation that Maltese has a pronounced influence on Maltese English as far as intonation is concerned, the results regarding the employment of politeness strategies and use of politeness markers across the three datasets were largely inconclusive; and while the former can be explained in terms of the cultural proximity of our participant groups, the latter was quite surprising for us. Our everyday encounters had given us the impression that, like Maltese speakers, Maltese English ones use far fewer politeness markers than the British, and rely to a far greater extent on intonation to express politeness. In retrospect, we believe that our results were affected by the method used to collect our data, since in a DCT, participants are fully aware that they are being recorded, which may on its own render their responses more artificial than they would be in real life situations. In other words, we believe that the very nature of the DCT could have conditioned the participants to provide the answers that they were expected to provide, rather than the ones they would spontaneously use if actually faced with the same situation in their everyday life. This, in combination with the fact that children in Malta

(and the UK) are taught from a very young age to use politeness markers in the presence of an unfamiliar observer, might have had an impact on the results obtained concerning the use of politeness markers.

Bearing these limitations in mind, it seems to us that study should be carried out on a larger scale in order to obtain more reliable results, especially when it comes to answering the question of which language affects the expression of politeness in Maltese English the most. Obviously, a different methodology or DCT set up would need to be adopted in order to obtain spontaneous data that would be closer to the real-life use of politeness markers in the local setting, and further speech act types, like, for example, complaints (see Gallaher 2014) or invitations (see Schelchkova 2013), as well as further linguistic devices that communicate a polite attitude (for an overview of various such devices, see Gazizov 2014), could be included in order to get a better view of the influence patterns overall. Independently of politeness, a further element that emerges from this analysis as a promising avenue for further study is the use of the two ‘stylised’ forms, SF and SR. Whilst a more in-depth analysis of these forms is clearly necessary in order to determine with certainty the status of these entities as distinct categories in the different language varieties, an interesting observation that can already be made at this point is that in both the Maltese and the Maltese English data, the use of the SR is not limited to politeness markers such as mitigators; rather, the SR can be repeated or echoed on subsequent elements, serving in this way to enhance the degree of politeness expressed. Given our present modest aims, however, we hope to have at least helped showcase that the investigation of linguistic politeness in the unique context of Malta is an interesting and worthwhile venture.

© Martina Cremona, Stavros Assimakopoulos and Alexandra Vella, 2017

REFERENCES

- Assimakopoulos, S. (2014) The Background of politeness universals. *Russian Journal of Linguistics* 18: 35—43.
- Blum-Kulka, Shshana & Elite Olshtain. (1984) Requests and apologies: A cross-cultural study of speech act realization patterns (CCSARP). *Applied Linguistics* 5: 196—213.
- Blum-Kulka, Sh. (1982) Learning how to say what you mean in a second language: A study of speech act performance of learners of Hebrew as a second language. *Applied Linguistics* 3: 29—59.
- Boersma, Paul & David Weenink. (2017) *PRAAT: Doing phonetics by computer (Version 6.0.31)*. <http://www.praat.org>. Last accessed 30 August 2017.
- Bolinger, D. (1989) *Intonation and its uses: Melody in grammar and discourse*. California: Stanford University Press.
- Brincat Massa, M. (1986) Interferenze inglesi sulla lingua maltese. *Journal of Maltese Studies* 16: 45—52
- Brown, P. & Levinson S.S. (1987) *Politeness: Some universals in language use*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Camilleri, Antoinette & Albert Borg. (1992) Is Maltese an endangered language? Paper presented at the 15th International Congress of Linguists. Laval University, Quebec.
- Camras, L. A. (1984) Children’s verbal and nonverbal communication in a conflict situation. *Ethology and Sociobiology* 5: 257—268.

- Caruana, C. *Forthcoming*. *Conversational patterns in Maltese talk shows: A perspective on politeness*. MA thesis: University of Malta.
- Cole, J. & Shattuck-Hufnagel S. (2016) New methods for prosodic transcription: Capturing variability as a source of information. *Journal of the Association for Laboratory Phonology* 7: 1—29.
- Cruttenden, A. (1997) *Intonation (2nd ed.)*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Cruttenden, A. (2001) *Gimson's pronunciation of English (6th ed.)*. London: Edward Arnold.
- Culpeper, J. (2011) Politeness and impoliteness. In *Handbook of Pragmatics: Vol. 5: Sociopragmatics*, ed. by Karin Aijmer & Gisle Andersen, 391—436. Berlin: Mouton de Gruyter.
- Gallaher, B. (2014) The speech act set of direct complaints in American and Russian cultures. *Russian Journal of Linguistics* 18: 167—177.
- Gazizov, R. A. (2014) Lexical ways of expressing explicit politeness in German linguoculture. *Russian Journal of Linguistics* 18: 76—84.
- Goffman, E. (1967) *Interaction ritual: Essays on face to face behavior*. New York: Anchor Books.
- Gu, Yueguo (1990) Politeness phenomena in modern Chinese. *Journal of Pragmatics* 14: 237—257.
- Kasper, G. & Rose, K. R. (2002) *Pragmatic development in a second language*. Oxford: Blackwell.
- Ladd, D. R. (1978) Stylised intonation. *Language* 54: 517—539.
- Ladd, D. R. (1996). *Intonational phonology*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Lakoff, R. T. (1989) The limits of politeness: Therapeutic and courtroom discourse. *Multilingua* 8: 101—129.
- Laplante, D. & Ambady, N. (2003) On how things are said: Voice tone, voice intensity, verbal content, and perceptions of politeness. *Journal of Language and Social Psychology* 22: 434—442.
- Leech, G., Larina, T. (2014) Politeness: West and East. *Russian Journal of Linguistics* 18: 9—34.
- Leech, G. (1983) *Principles of pragmatics*. London: Longman.
- Lim, Tae-Seop. (1994) Facework and interpersonal relationships. In *The challenge of facework: Cross-cultural and interpersonal issues*, ed. by Stella Ting-Toomey, 209—229. Albany, NY: State University of New York Press.
- Loveday, L. (1981) Pitch, politeness and sexual role: An exploratory investigation into the pitch correlates of English and Japanese politeness formulae. *Language and Speech* 24: 71—89.
- Mao, LuMing Robert. (1994) Beyond politeness theory: 'Face' revisited and renewed. *Journal of Pragmatics* 21: 451—486.
- Mifsud, M. (1995) *Loan verbs in Maltese: A descriptive and comparative study*. Leiden: E.J. Brill.
- Nespor, M. & Vogel, I. (2007) *Prosodic phonology: With a new foreword*. Berlin: Mouton de Gruyter.
- O'Connor, Joseph D. & Gordon F. Arnold. (1973) *Intonation of colloquial English: A practical handbook (2nd edn)*. London: Longman.
- Pierrehumbert, J. (1980) *The phonetics and phonology of English intonation*. Ph.D. thesis: Massachusetts Institute of Technology.
- Salgado, E. F. (2011) *The pragmatics of requests and apologies*. Amsterdam: John Benjamins.
- Schelchkova, E. B. (2013) The speech act of invitation in the American and Russian communicative cultures (results of an empirical research). *Russian Journal of Linguistics* 17: 109—115.
- Sifianou, M. (1992) *Politeness phenomena in England and Greece*. Oxford: Clarendon Press.
- Vella, A. & Farrugia, P-J. (2006) MalToBI: Building an annotated corpus of spoken Maltese. In *Proceedings of the 3rd International Conference on Speech Prosody*. Dresden.
- Vella, A. (2012) Languages and language varieties in Malta. *International Journal of Bilingual Education and Bilingualism*, 16, 532—552.

- Vella, A. (1995) *Prosodic structure and intonation in Maltese and its influence on Maltese English*. PhD thesis: University of Edinburgh.
- Vella, A. (2009) On Maltese prosody. In *Introducing Maltese Linguistics: Selected Papers from the 1st International Conference on Maltese Linguistics, Bremen, 18—20 October, 2007*, ed. by Bernard Comrie, Ray Fabri, Elizabeth Hume, Manwel Mifsud, Thomas Stolz and Martine Vanhove, 47—68. Amsterdam: John Benjamins.
- Watts, R. J. (2003) *Politeness*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Wichmann, A. (2004) The intonation of please-requests: A corpus-based study. *Journal of Pragmatics* 36: 1521—1549.

APPENDIX — DCT ELICITATION ITEMS

Requests

1. You're at a fast food restaurant with a close friend. You order your food and the server gives you the bill. You fish for your wallet in your back pocket only to realise that you've forgotten to bring it with you. You now have to ask your friend to lend you some money. You turn to her and say:
2. You are in a professor's office to discuss an assignment. You take out your notebook to take down a few notes. You realise that you've forgotten your pen and decide to ask your professor if she could lend you one of hers. You turn to her and say:
3. You are running late for a job interview. You enter the building and head to the reception to ask for directions to the room you need to go to, only to find out that there is no one there. You see a smart dressed lady walking towards your direction. Even though she seems to be an executive, you decide to ask her for directions. You approach her and say:
4. You've just spent a fortune on your new phone. On a night out, your friend accidentally knocks it out of your hand while drunk and shatters the display. When you meet with him the following day you remind him what he did and ask him to pay for the repair charges. You show him the broken phone and say:
5. You are planning to go to a charity event with your colleagues. You managed to get a discount for being a group of 15 people, but one day before the event, one of your colleagues drops out. Since this is bound to make the price go higher, you decide to ask you boss to join you. You go to his office and say:
6. You really want to go out tonight with your secondary school friends whom you haven't seen for a long time. Your car is at the mechanic's so getting back will be an issue, so you have to ask your sister to lend you her car. You go to her room and say:

Apologies

1. You promised your roommate that you'll do the dishes this time, but, as you're sipping coffee in the kitchen, you realise that you are late for a doctor's appointment and you're not going to manage to do the washing up. Your roommate walks in looks at the pile of dirty dishes and then at you. You look at him and say:
2. You are at a restaurant sitting at a table. You excuse yourself to go to the bathroom. On your way, you bump into a waiter who is carrying a tray full of glasses

and a bottle of wine. Needless to say, the wine is now all over the floor along with the remains of the bottle and the glasses and the waiter is looking at you all flustered. You look at him and say:

3. You have to prepare a presentation with a classmate. You are all set to go meet him but while you are preparing to leave the house, you suddenly start feeling very sick. Making it on time or even in a decent state is out of the question. You call him and say:
4. After a night out, you wake up all hungover and head to the kitchen for some coffee and an aspirin. You suddenly hear an urgent knock on the door. It's your elderly neighbour holding the pieces of a broken car side-view mirror. You remember that he was in the car when you tripped and fell on it the night before. You look at him and say:
5. It's your sister's birthday and you have plans to go to her birthday dinner with the rest of the family. A few hours before the dinner you start to feel really unwell so you opt to stay at home to try and preserve your health for the exam you have the following day. You call your sister and say:
6. It's Christmas season. You work in a toyshop and your job for the day is to give out treats outside the store dressed as an elf. It's almost closing time and you're out of your last pack of sweets. As you turn round to head back in, a tiny, shy 4 year old holding on to his mother's hand asks you for a treat. You kneel down beside him and say:

Article history:

Received: 17 May 2017

Revised: 07 June 2017

Accepted: 01 July 2017

For citation:

Cremona, M., Assimakopoulos, S. and Vella, A. (2017) Expression of Politeness in a Bilingual Setting: the Case of Maltese English. *Russian Journal of Linguistics*, 21 (4), 767—788. DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-4-767-788.

Bio Notes:

Martina Cremona is a graduate of Linguistics at the University of Malta. *Research interests:* sociolinguistics, politeness theory and cross-cultural studies. *Contact information: e-mail:* martina.cremona.14@um.edu.mt

Stavros Assimakopoulos is a Senior Lecturer in Linguistics at the University of Malta. *Research interests:* linguistics, philosophy and cognitive psychology, inferential pragmatics and discourse analysis. He recently edited two volumes: *Pragmatics at its Interfaces* (Mouton de Gruyter, 2017) and *Current issues in Intercultural Pragmatics* (John Benjamins, 2017; with Istvan Kecskes). *Contact information: e-mail:* stavros.assimakopoulos@um.edu.mt

Alexandra Vella is a Professor of Linguistics at the University of Malta. *Research interests:* phonetics and phonology, particularly intonational phonology. Her main research focus is on prosody and intonation in Maltese and its dialects, and on the influence of the language background of Maltese speakers on the intonational structure of Maltese English. She is also interested in interlanguage phonology and in accent and dialect variation. *Contact information: e-mail:* alexandra.vella@um.edu.mt

DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-4-767-788

ВЫРАЖЕНИЕ ВЕЖЛИВОСТИ В УСЛОВИЯХ БИЛИНГВИЗМА НА ПРИМЕРЕ МАЛЬТИЙСКОГО ВАРИАНТА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Мартина Кремона, Ставрос Ассимакопулос
и Александра Велла

Мальтийский университет
Msida MSD 2080 Malta

Традиционно целью исследований является анализ прагмалингвистических и социалингвистических навыков носителей того или иного языка по сравнению с его носителями. Данная статья нацелена не столько на рассмотрение различий между носителями и неносителями языка, сколько на выявление параллельных навыков выражения вежливости мальтийскими билингвами. Поскольку разновидность английского языка, распространенная на Мальте, часто характеризуется как отличная от британского английского, мы посчитали целесообразным провести небольшой эксперимент в виде анкетирования в области дискурса для определения степени влияния мальтийского и британского английского языков на выражение вежливости в мальтийском варианте английского языка. Объектом исследования послужили речевые акты просьбы и извинения. Для достижения поставленной цели мы сравнили ответы представителей трех различных групп участников эксперимента на предмет использования определенных стратегий вежливости, а также частотности употребления маркеров вежливости, в том числе интонационных. Полученные результаты не позволяют сделать окончательные выводы из-за ограничений, возникающих в процессе выявления дискурсивных практик методом анкетирования. Тем не менее, полученные нами предварительные данные, на наш взгляд, заслуживают дальнейшего изучения и свидетельствуют о сходстве между мальтийским языком и мальтийским английским в области интонационных моделей, сопровождающих маркеры вежливости.

Ключевые слова: мальтийский английский, вежливость, билингвизм, задание по использованию дискурсивных моделей, просьбы, извинения, интонация, ограничение/смягчение

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 17 мая 2017

Дата принятия к печати: 01 июля 2017

Для цитирования:

Cremona, M., Assimakopoulos, S. and Vella, A. (2017) Expression of Politeness in a Bilingual Setting: the Case of Maltese English. *Russian Journal of Linguistics*, 21 (4), 767—788. DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-4-767-788.

Сведения об авторах:

Мартина Кремона — выпускница факультета лингвистики Мальтийского университета. *Сфера научных интересов:* социалингвистика, теория вежливости и межкультурные исследования. *Контактная информация:* e-mail: martina.cremona.14@um.edu.mt

Ставрос Ассимакопулос — доктор лингвистики, работает в Мальтийском университете. *Сфера его научных интересов* лежит на стыке лингвистики, философии и когнитивной психологии и касается в первую очередь прагматики и дискурс-анализа. *Контактная информация:* e-mail: stavros.assimakopoulos@um.edu.mt

Александра Велла — доктор, профессор лингвистики Мальтийского университета. Специализируется в области фонетики и фонологии, главным образом интонационной фонологии. *Сфера научных интересов:* просодия и интонация в мальтийском языке и его диалектах, а также влияние мальтийского языка на интонационную структуру мальтийского варианта английского языка, межъязыковая фонология, диалектная вариативность. *Контактная информация:* e-mail: alexandra.vella@um.edu.mt

DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-4-789-804

CHINESE NARRATIVE SONG: STRUCTURE, LANGUAGE AND HISTORICAL DYNAMICS

Olga Leontovich, Natalya Simonenko

Volgograd State Socio-Pedagogical University
27 Lenin Prospect, Volgograd, 400066, Russia

Abstract. The purpose of this paper is to examine the cultural and linguistic features of Chinese narrative songs of the 20th — early 21st centuries. They are explored through the theoretical frameworks and research instruments of narratology, cultural anthropology and linguistics (M. Bakhtin, R. Barthes, G. Genette, V. Propp, T. Todorov, etc.). The paper highlights the most important changes of narrative songs determined by historical events in China during the period under investigation: a) dynamics of themes, plots and attitudes towards related events — from ideological praise of the Communist party and Chairman Mao — to a more personalized narration about people's life and love in a globalized world; b) evolution of characters from selfless fighters for communism with clearly defined social identity — to generalized lyrical personalities motivated by love, suffering, kinship and loyalty to their country; c) growth of genre variability due to the relaxation of ideological pressure and the influence of Western musical culture; d) return to the values of ancient Chinese culture and restoration of traditional national identity, implemented in background knowledge, binary oppositions and intertextual connections; e) new forms of linguistic expression. The findings indicate that the algorithm of text analysis developed in the course of the research may be used to investigate other types of Chinese narratives, as well as narratives from other cultures.

Keywords: *Chinese, narrative, song, character, culture, linguistic expression*

1. GOALS AND INSIGHTS

The purpose of this paper is to examine the cultural and linguistic features of Chinese narrative songs of the 20th — early 21st centuries. They are explored through the theoretical frameworks and research instruments of narratology, cultural anthropology and linguistics. This interdisciplinary basis can be elucidated through a detailed analysis of textual characteristics of songs, their non-verbal features, as well as the cultural and historical context of their emergence and performance.

We are trying to prove the following hypothesis: Chinese narrative songs of the period under research possess both universal and culture-specific features, which are reflected in their themes, genres, character traits, plot, intertextual connections, temporal and spatial contexts, etc.

In the paper, we intend to: 1) investigate the approaches towards the study of narratives in the world in general and China in particular; 2) give a definition of a narrative song as the focal point of the research; 3) describe the methodology we use to analyse Chinese narrative songs; 4) classify and characterize the constituent features of Chinese narrative songs (narrator, characters, themes, genres, temporal and spatial dimensions, events, plots, background knowledge, binary oppositions and intertextual connections), paying special attention to the forms of their linguistic expression; 5) trace the dynamics

of Chinese narrative songs in the 20th — early 21st centuries and describe the reasons for the observed changes.

The study is based on the analysis of: 1) 73 narrative songs of the 20th — early 21st centuries, 33 of which belong to the revolutionary period from 1924 to 1977 (Beijing revolution of 1924, Democratic revolution of 1925—1927, Civil War of 1927—1950, rule of Mao Tse-Tung in 1949—1977, Cultural Revolution of 1966—1976), and 40 — to the period from 1978 to the present (Deng Xiao-Ping's reforms and China's Turn Westward); 2) musical video clips (total running time 305 minutes); 3) audio recordings of songs (total running time 255 minutes). The popularity of the songs was determined on the basis of Chinese official hit parades, materials of Chinese news and musical sites, as well as a number of Internet forums devoted to music.

The leading research method is narrative analysis, which seeks to investigate the structure and content of stories as textual units and aims to reveal outer and inner changes as represented by the narrator (Genette 1988; Leontovich 2011; Riessman 2004). A text is seen as a narrative if it includes: a narrator; a reader or listener; characters; sequence of events; causal relations between them; finality of the plot; and the speaker's / writer's attitude towards the narration (Jahn 2005; Leontovich 2011).

Other research methods we employ are stylistic and interpretative analyses seeking to reveal the cultural specifics of Chinese narrative songs and their historical dynamics. The quantitative data is summed up in tables demonstrating the prevailing song characteristics and tendencies in their development.

2. RATIONALE FOR THE PRESENT STUDY

Previous research has not given significant attention to narrative songs in general and Chinese narrative songs in particular. We believe that it is important to work out an algorithm of narrative analysis, which would take into account their linguistic and cultural peculiarities. The study of narrative songs might be an effective way to gain a better understanding of Chinese mentality and values.

3. THEORETICAL BACKGROUND

The theoretical assumptions underlying the research are anchored in both classic approaches to the study of narratives and more contemporary theories.

Though traditionally it is believed that narratology originated in the 1960—1980s, its ideas can be traced back to the antiquity, when story-telling was regarded as a specific type of text and speech construction. The first attempts to distinguish between narrative and non-narrative texts can be found in Aristotle's *Poetics* (c. 335 BC) and Plato's *Republic* (360 BC) where narration is subdivided into *diegesis* (simple narration) и *mimesis* (imitation), i.e. into independent narration and a story told by one of the acting characters (Genette 1988; Jahn 2005).

Narratology proper stemmed from structural linguistics represented by the works of F. de Saussure (1916), R. Jakobson (1928), V. Propp (1928), Т. Todorov (1969), A.J. Greimas (1979), M. Bakhtin (1986), G. Genette (1988), etc. The term *narratology*

in its today's meaning was coined by the famous French philosopher, historian and literary critic T. Todorov (1969). If originally narrative was predominantly defined as literary prose, it is nowadays interpreted broadly as any type of communication which presents a sequence of events caused and experienced by characters (Jahn 2005), which can exist in different genres and forms: as myth, legend, novel and other types of fiction, oral narration, drama, mime, painting, film, comics, etc. (Levi-Strauss 1972; Schmid 1973; Barthes 1977; Ryan; de Oliveira, Lisboa, 2017).

For our purposes it is most critical to reflect on the trends in the development of narratology in China. In the late 20th — early 21st centuries Chinese narrative texts were mostly analysed on the basis of translated Western works. Since that time Chinese scholars have developed their own original narratological approaches presented in Lu Xun's *History of Chinese short story* (鲁迅 1981), Chen Ping-yuan's *Transformation of the narrative model of Chinese novel* (陈平原 1988), Luo Gang's *Introduction into narratology* (罗钢 1994), Yang Y's *Chinese narratology* (杨义, 1997), Shen Dan's *Narratology and the study of fiction* (申单 1998), Cao Wen-xuan's *Doors to the narrative* (曹文轩, 2003), etc. However, musical and song narratives have not yet been thoroughly investigated either by Western or Chinese scholars.

One of the key notions of our study is “narrative” defined as a structured text based on a story, which consists of a consecutive, logically constructed set of events. This kind of text always includes an emotional constituent and has a potential for multiple interpretations. The core of the narrative is an event understood as a character's transition across topographic, pragmatic, ethical, psychological or cognitive semantic borders, which possesses factuality and efficacy. A “narrative song” is written in verse, intended for vocal performance and often accompanied by music.

The Chinese narratological theory includes such notions as 叙述学 and 叙事学 corresponding to *narratology*, 叙述体 — *narrativity*, 叙述人称 — *narrator*, 叙述时间 — *narrative time*, 叙述空间 — *narrative space*. The Chinese equivalent we keep in mind for a *narrative song* is 叙事歌曲.

Chinese narrative songs originated during the Song dynasty from song-tales — an important source of information about the history of China, its literary masterpieces, mythology and people's lives. During the 1924—1978 revolutionary period Chinese narrative songs changed their traditional function and became a vehicle of communist ideology. The period of Deng Xiao-Ping's reforms drew the Chinese and Western narratives closer together. At present narrative songs combine modern ethnocultural flavour of Chinese society and Western musical trends.

4. CHINESE NARRATIVE SONG AS A SPECIFIC TEXT FORM

The structural and conceptual constituents of Chinese narrative song are closely connected with the development of Chinese language and culture, people's worldview and mentality.

A *narrator* is a figure created by the author, the “voice” of narrative discourse communicating with the listener, reader or spectator. G. Genette (1988) distinguishes between

homodiegetic narrators who are participants of their own stories and non-participating *heterodiegetic narrators*.

In 1924—1977 songs furthered certain tenets of the ideology they expressed and strengthened people's commitment to the Communist party. Heterodiegetic narrators sang praise to the joys and successes of the Chinese government, army and people, e.g. in the song 《王大妈要和平》 (“Aunt Wang is Striving for Peace”), which narrates about a common Chinese woman who is trying to do her best for the benefit of her country — a personification of Chinese people in the 1950s:

王大妈要和平，	Aunt Wang is striving for peace,
你看她东奔西跑要呀	Can you see how she is running about,
那个要呀和平。	Doing her best for the sake of peace.
她每天动员妇女们	Every day she asks young women
来呀来签名，	to come and subscribe,
宣传的脑筋开了窍，	Enlightening and encouraging them,
道理懂得清。	Explaining to them what is going on.
你看她东奔西跑	Can you see how she is striving for peace.
要呀那个要呀和平。	
<...>	<...>
她到处宣传不消停。	She is constantly campaigning.
逢人她就讲：	Telling everybody:
“大家来签名，	«Let us all subscribe,
<...>	<...>
大家要齐心，	Let us unite our hearts,
我们要反对	We must oppose those
挑动战争的破坏和平的	Who are fuelling the war,
美国强盗杜鲁门”。	We must oppose the American warmonger Truman.

The end of the 20th century was marked by the emergence of numerous songs with homodiegetic narrators (72,6%) — participants of events, empathizing with the feeling of characters described in the song.

We analyse *characters* and their place in narrative songs from the following perspectives:

- 1) explicit / implicit characteristic;
- 2) autocharacteristic / alterocharacteristic;
- 3) identity;
- 4) authorship and completeness of the description;
- 5) constancy / dynamics;
- 6) role in the narrative.

By means of this approach we provide an integrated coverage of social diversity of characters, their culture-specific features and manner of interaction in the context of the narrative. The analysis of physiological, psychological and social identity of characters and the ways of their verbalization has helped us to identify what is valued and what is condemned in Chinese society.

The idea of beauty is expressed through its Chinese perception and verbalized with the help of various linguistic figures and traditional symbols. The central character of the song 《月光下的凤尾竹》 (“Bamboo in the Moonlight”) playing the Chinese folk instrument *hulusheng* (葫芦笙) uses the idiom 光彩夺目 (“radiance blinds”) to describe the young woman he loves. He compares her to *ye-ming-zhu*, a pearl shining in the dark (夜明珠), and a golden pheasant (金孔雀), the symbol of female beauty, originating from the ethnic cultures of the Yunnan province:

竹楼里的好姑娘。	A beautiful young woman lives in a bamboo house.
光彩夺目像夜明珠听啊。	I can't take my eyes off her,
多少深情的葫芦笙	She is like a pearl shining in the dark.
对你倾诉着心中的爱慕。	The heartfelt <i>hulusheng</i> melody
哎金孔雀般的好姑娘，	Expresses my love.
为什么不打开哎你的窗户？	Oh, you are as beautiful as a golden pheasant,
	Why won't you open your window?

Positive psychological features, which are explicitly or implicitly reflected in narrative songs, include such universal qualities as intelligence, diligence, loyalty to one's country, reliability, love for family and friends, responsibility for children, wish to help those who need assistance and ability to be grateful. Culture-specific features are: collectivism, prevalence of public good over personal interests, respect for the elders, great value of Chinese history, pride in the Chinese language and culture. The qualities that are universally condemned include: cruelty, injustice, rudeness, immorality, unscrupulousness, cowardice, use of foul language and love of gossip. Culture-specific negative features verbalized in the songs are the betrayal of the Communist party, loss of face, loneliness and poverty.

Social characteristics directly or indirectly reflected in the songs are: gender, age, geographical and professional identity, financial standing and political affiliation. The prevalence of masculine characters (61,4% of all the songs where the character's gender is explicitly expressed) may partially stem from a higher position men held in Chinese society in the past; however, nowadays women often play leadership roles, which inevitably influences song narratives. Age identity is reflected in the young people's future-oriented vision and the reverence for the old people firmly established in Chinese cultural tradition.

The description of geographical identity in the song lyrics generally points to the pride in the unity of Chinese nation and loyalty to its culture. However, we have come across examples where it becomes a tool for criticizing people who do not live up to the social expectations. The song 《东北人都是活雷锋》 (“All the People of the North-East are live Lei Fengs”) created at the beginning of Deng Xiao-Ping's reforms is filled with sarcasm. Its character old Zhang is shown as a typical representative of the North-East, with his unchanging habits and preferences, emphasised by the use of language reflecting the culture and everyday life of the region:

俺们那嘎都是东北人。	We all say that we are people of the North-East.
俺们那嘎盛产高丽参。	We all say that we have a lot of Korean ginseng.
俺们那嘎猪肉炖粉条。	We all say that we are in the habit of stewing pork with noodles
俺们都是活雷锋。	And that we are all live Lei Fengs.

The stylistic device of antonomasia “活雷锋” (“live Lei Feng”) invokes the image of a follower of the Chinese Communist party who existed in reality and whom Chairman Mao named a paragon of selflessness and readiness to come to the aid of his compatriots. Since Lei Feng came from the North-East of China, his fellow countrymen claim that they are also selfless and always ready to help others. However, in the song old Zhang is hit by a car, and the driver escapes without coming to his rescue. The narrator sarcastically remarks he must have come from some other region because people from the North-East do not behave in such a fashion.

The songs of the revolutionary period (60,6%) indicate the characters' place in society and struggle for communist ideals. During the period of reforms (since 1978) those indications become less common (10,5%); more attention is given to their material possessions: financial well-being is seen as positive, and poverty — as negative.

Political affiliation is easily traced in the songs of the revolutionary period praising Communist ideals. E. g. the song 《小河水清幽幽》 (“The Water in the Creek is Quiet and Clear”) narrates about the work and feats of the Chinese People's Liberation Army:

你们是咱们的亲骨肉。	You are our own kin,
你们是咱们的知心人。	You are our soul mates.
党的恩情说不尽。	I can't express in words our devotion to the party.
见了你们总觉得格外亲。	As soon as I saw you, I immediately felt our special kinship.

The derogatory terms used for the enemies of communist ideology include: 旧社会 (“old society”), 反动分子 (“reactionaries”), 美帝 (“American imperialism”), 苏修 (“Soviet revisionism”), 害人虫 (“saboteurs”), 狗汉奸 (“dogs — traitors”), 狼群 (“wolf-pack”), 豺狼 (“jackals and wolves” meaning “cruel and greedy people”), 美国鬼 (“American devil”), 纸老虎 (“paper tiger” meaning “bugaboo”), etc. During the period of reforms (since 1978) the references to the characters' political affiliation have practically disappeared, and the songs are more often devoted to universal human values.

The *themes* of Chinese narrative songs of the 20th — early 21st centuries are summed up in *Table 1*, which shows the number of songs devoted to each theme and their percentage.

Table 1

Themes of narrative songs	1924—1977, number (%)	1978 г. — present, number (%)	Total number (%)
Love	6 (18,2)	26 (65)	32 (43,8)
Struggle with enemies	7 (21,3)	3 (7,5)	10 (13,8)
Success of the party and the people	11 (33,4)	0	11 (15,1)
Happiness in personal life	3 (9)	4 (10)	7 (9,6)
War songs and songs about the army	4 (12,1)	1 (2,5)	5 (6,8)
Chinese habits and customs	1 (3)	2 (5)	3 (4,1)
Love for parents	1 (3)	1 (2,5)	2 (2,7)
Friendship	0	2 (5)	2 (2,7)
Family	0	1 (2,5)	1 (1,4)
Total number of songs	33	40	73

The prevalent theme during the revolutionary period of 1924—1977 is the success of the Communist party and Chinese people. Song lyrics are filled with grandiloquent epithets singing praise to communist ideology.

Another common theme of this period is the struggle with enemies — foreign invaders, as well as inner foes adherent to old principles and ideas who do not believe in the revolution. One of the examples is the quotation from the song 《唱支山歌给党听》 (“Mountain Song is Sung for the Party”). The significance here lies in the phrasing of the lyrics:

共产党号召我闹革命，	The Communist party claims freedom for the revolution —
夺过鞭子，	To grab a whip,
夺过鞭子揍敌人！	Grab a whip and beat the enemy!

Beginning with the reform period (since 1978) the majority of the songs (65%) have been devoted to romantic love between man and woman. Political songs of that period praise the Communist party but do not call for revolutionary action. The decrease of the number of songs about the struggle with enemies reflects changes in the political course of the Communist party at the end of the 20th century, as well as the growth of interest for foreign cultures during the epoch of globalization.

Genre differentiation. Prevalent in the revolutionary period were the songs of the epic genre, whereas the period of reforms gives preference to the lyrical genre. The late 20th century was marked by the emergence of ironic and satirical songs, as well as those intended for dancing. The growth of the genre variability can be explained by the relaxation of ideological pressure, as well as the influence of Western song culture.

Temporal dimension. The analysis of the correlation between narrative and discursive time in Chinese narrative songs has demonstrated common use of simultaneous accelerated narration revealing characters' emotions, in many cases describing a lengthy time period and allowing the listener to feel involved in the events. The peculiarity of a song as a compact-size narrative accounts for the prevalence of chronological narration with frequent repetitions, which simplify its audial perception and its impact on the listener.

The narrator of the song 《光阴的故事》 (“Bright Story”) projects the Chinese perception of time as a cyclic process on his relationship with the woman he loves:

春天的花开秋天的风以及冬天的落阳。	“Flowers bloom in spring, the wind blows in autumn, the sun disappears in winter” —
忧郁的青春年少的我曾经无知的这么想。	This is what I thought at the times of sadness when I was ignorant and young.
风车在四季轮回的歌里在天地流转。	But the windmill in the kaleidoscope of seasons is still spinning in the vastness of nature.
风花雪月的四季里我在年年的成长。	Year after year I lived through the winds and flowers, the snows and the moons of the four seasons.
流水它带走光阴的故事改变了一个人。	The bright story as a water stream has changed me.
就在那多愁善感而初次等待的青春。	And after so much sadness, so many thoughts and feelings the first long-awaited spring has come.

The feelings of the characters are changing alongside with the change of seasons: they meet and part, then for a long time suffer because of the separation. At the end of the song, after many years apart, they manage to return to their first spring, i.e. reunite and live together.

Spatial dimension. During the revolutionary period it was common to glorify particular provinces, cities, villages and natural landscapes. This was achieved through the use of numerous toponyms, such as names of cities (Beijing, Jiangnan, Jiangbei), villages (Turfan), islands (Hainan, Xianggang), mountains (Tianshan, Wushishan, Himalayas), rivers (Yangtze, Huang he, Brahmaputra), etc. It was done to upswing people's patriotic sentiment and unite them. In the late 20th century the role of songs in supporting the Communist party's role decreased; the accurate indication of place names gave way to personified events and the possibility of extrapolating action to different loci.

Plot and events. The most frequently used plots of the revolutionary period were about: a) people who had suffered under the previous regime but whose lives improved when the Communist party came to power; they work for its benefit, praising Chairman Mao, making progress and being useful for society; b) people who are party members fighting the opposition — not only foreign enemies (imperialism, revisionism, etc.), but also “the harmful elements” within China who do not agree with the party's politics.

The period of reforms brought about change of the popular plots: a) the characters (man and woman) are first together, and nothing in their relationship presages any disaster; however, later in life they face difficulties but preserve their feelings for each other, overcome hardships and are reunited; b) the male character makes efforts to win the heart of his beloved and she finally reciprocates his feelings; в) the character works hard, follows moral principles, has to overcome many obstacles, but nevertheless, remains a dignified, noble, understanding person with a strong spirit. As a rule, the final lines of a song sum up the idea of the whole narrative or express the narrator's attitude towards the story.

Background knowledge, which is essential for an adequate understanding of Chinese narrative songs, is implicitly present in the text and is connected with cultural and historical events, socially significant facts and Chinese life during ancient or modern times. E.g. the narrator of the song 《库尔班大叔你去哪》 (“Uncle Ku Er-ban, Where are you Going?”) describes himself in the following way:

我赶着马儿离开了。	I jump on the horse and depart.
腰上还带着水葫芦，	I stick a hulu under my belt,
手里还拿着冬不拉，	I am holding a dong-bu-la in my hand,
崭新的褂衫身上穿。	And I am wearing my new qiapan.

It is worthwhile explaining that the narrator is going to celebrate the Day of the Chinese People's Liberation Army. He dresses up, and his new qiapan (front-buttoning robe) symbolizes his aspirations and hopes. The fact that he is holding a dong-bu-la (dombra, Kazakh folk instrument) in his hands tells us that he lives in Western China, because Kazakhs live in Xinjiang Uyghur Autonomous Region. The hulu (shui-hu-lu) is an artefact — a water vessel which has been used in China since ancient times. It is

a symbol of wealth because water used to be of great value. The hulu was also used to make the Chinese folk wind instrument hu-lu-si (葫芦丝). However, the narrator is speaking about a water vessel, which is indicated by the character 水 (water).

It is also interesting to investigate the ethnocultural characteristics of the song 《开心过年》 (“We are Happily Seeing in the New Year”), which invites listeners to celebrate the Chinese Spring Festival. The refrain describes the celebration traditions:

给你一个红包,	I'll give you a hong-bao,
说好话,	Say good words
开心笑哈哈,	And laugh happily.
换上新衣、戴新帽、	I'll put on new clothes, a hat,
新鞋和新袜。	Boots and socks.
时间滴答答	Time is running,
带着梦想慢慢发芽。	And all dreams are coming true.

A *hong-bao* is a red decorated envelope for money presented to family members, especially children, as a gift, or at work as a bonus on the occasion of the New Year.

The semiotics of Chinese songs is represented by different kinds of symbols, which help the listener to grasp the relationship between the narrator's subjective experience and its communicability. E.g. the title of the song 《东风破》 (“The Gusts of Eastern Wind”) and its lyrics are associated with the Eastern wind as a symbol of inconstancy. The main character has seen off the woman he loves on a long journey, she promised to come back but never did. He is singing about the gusts of Eastern wind, i.e. the inconstancy of feelings of his beloved. The song performed in the modern manner is deeply rooted in history and has preserved the Chinese melody from the times of the Tang and Song dynasties. The musical instruments *er-hu* и *qin-pi-pa* create sounds imitating the wind.

“The Song of the Four Seasons” 《四季歌》 narrates about the life of a young woman who participates in the construction of “the Great Wall of China.” In this context the nomination is used figuratively to denote an ideological, communist “wall” under Chairman Mao's leadership. The narrator allegorically correlates the woman's life changes with the sequence of seasons: spring personifies her meeting with the man she loves, summer — her life in a new place with her husband, autumn — longing for their relatives, winter — her husband's tragic death:

冬季到来雪茫茫,	And winter came covering everything with snow.
寒衣做好送情郎。	She sews winter clothes and gives them to her beloved.
血肉筑出长城长,	He was building the Great Wall of his own flesh,
奴愿做当年小孟姜。	And she desires to become Meng Jiang this same year.

The last two lines contain historical allusions relevant for each Chinese person. The line “He was building the Great Wall of his own flesh” is the rephrasing of the Chinese anthem “The March of Volunteers”: “把我们的血肉筑成我们新的长城” (“We are building the Great Wall of our own flesh”), which denotes loyalty to the Communist party and readiness to sacrifice oneself for its ideals. However, the female charac-

ter “desires to become Meng Jiang” (“奴愿做当年小孟姜”) whose husband died during the construction of the real Great Wall of China. Just like her, the female character wants to ruin this “wall” metaphorically constructed of real people’s flesh, to erode it with her own tears. In this way the simple description of a young family’s life becomes a reference to a long period of Chinese history. The song is a vivid example of the extension and compression of time with the help of succinct metaphors, allegories, similes and allusions to important cultural and historical events.

Narrative songs are typically built around **binary oppositions**, which correlate with basic perceptions, key values and historical changes in Chinese society. They include universal oppositions (“good — bad”, “big — small”, “young — old”, “cold — warm”, “at home — abroad”, “courage — cowardice”, “love — “infidelity,” etc.) and Chinese culture-specific oppositions (“without the party — with the party”, “stability — changeability”, “fast — slow flow of time,” etc.).

Intertextual connections reflected in narrative songs (allusions to famous literary works, old manuscripts, inscriptions on the walls, works by famous Chinese thinkers and philosophers) provide for the historical continuity, preservation of Chinese literary and cultural traditions, and handing them down from one generation to another.

The song 《光阴的故事》 (“The Bright Story”) discussed above contains the line “风花雪月的四季里我在年年的成长”. The first four characters “风花雪月” are translated as “wind, flowers, snow, moon.” This chengyu (idiomatic expression) can be traced back to the Yunnan coupled inscriptions on calligraphic panels:

上关花，下关风， 下关风吹上关花； 苍山雪，洱海月， 洱海月照苍山雪。	Flowers are blooming in Shangguan, the wind is blowing in Xiaguan, The wind from Xiaguan is blowing on the flowers in Shangguan; There is snow on the Cang Mountain, and the moon is shining above lake Erhai, The Moon of lake Erhai lights up the snow on the Cang Mountain.
--	---

“Wind, flowers, snow and moon” represent the most famous landscapes of the autonomous district Dali in the Yunnan province. Shangguan is a vast steppe and Xiaguan is a mountainous region; the wind blowing from there refreshes the flowers in Shangguan. The top of the majestic mountain Cang is covered with white snow. At night lake Erhai acquires the colour of the sky, and the moon reflected in it is called “the moon of lake Erhai”. Nowadays this phrase expresses the beauty of the four seasons and is a symbol of romantic relations. Therefore, the line “风花雪月的四季里我在年年的成长” should be translated as “Year after year I lived through spring, summer, autumn and winter [without you]”.

Some figures of speech originated from ancient works by Chinese thinkers and philosophers. The song 《开心过年》 (“We are Happily Seeing in the New Year” quoted above refers to the set of four tastes (bitter, spicy, sour and sweet), which is a metaphorical representation of joyful and sad moments of life: “生活里有苦辣酸甜” (“Life holds both troubles and joys”). The expression can be traced back to Li Luyuan’s 18th century manuscript “Light at the Crossroads” (清李绿园《歧路灯》): “If you desire to earn money only for the sake of clothes and food, you won’t be able to nar-

rate about the twists and turns of life” (“无非为衣食奔走；图挣几文钱；那酸甜苦辣也就讲说不起”).

Historical dynamics of Chinese narrative songs influences their themes, narrators, characters and other narrative constituents. During the revolutionary period the themes which prevailed in narrative songs were the feats of the Communist party and the Chinese People’s Liberation Army. The text of such songs is characterized by high-flown, enthusiastic rhetoric, use of expressive lexemes, flamboyant epithets, metaphors, stylistic repetitions and other figures of speech:

主席的话儿记心上，
哪怕敌人逞凶狂，
咱们埋下了天罗地网哎，
要把那些强盗豺狼全都埋葬，
全都埋葬，把他们全埋葬！

Chairman Mao’s words sank deep into our souls,
And even if the enemies are cruel and aggressive,
We have prepared traps from which they won’t be able
to escape,
We have to bury all those greedy and cruel people,
jackals and outlaws,
We have to bury, bury them all!

The beginning of Deng Xiao-Ping’s period of reforms was marked by the emergence of a growing number of narrative songs with the motives of romantic love. At first the couples tended to find their happiness in the loyalty to communist ideals, as in the song 《我们的生活充满阳光》 (“Our Life is Filled with Sunlight”):

幸福的花儿心中开放。
爱情的歌儿随风飘荡。
我们的心儿飞向远方
憧憬那美好的革命理想。

The flowers of happiness are blooming in my heart,
The song of love is brought by the wind.
And our hearts are flying far away
In the dreams about goodwill and revolutionary ideals.

By the end of the 20th century romantic songs no longer included references to politics or economics, they only recounted of the characters’ feelings, as in the song 《千里之外》 (A Thousand Li Away”):

你从雨中来，
诗化了悲哀，
我淋湿现在。
芙蓉水面采，
船行影犹在，
你却不回来。
被岁月覆盖
你说的话
过去成空白。

You are made of rain
And turn my sufferings into poetry.
And while I am getting wet under the rain,
The beautiful lotus is absorbing the vital moisture.
The shadow of the boat passing by has not yet dis-
appeared,
But you will never come back.
After so many years the flower
About which you used to say so much
Turned out to be a barren flower.

The use of extended metaphors (“the beautiful lotus,” “flower,” “barren flower”) for the description of the characters’ state and behaviour is deeply rooted in the Chinese song-tale tradition which we mentioned above. The period of reforms brought back old Chinese symbols and images of nature.

The plots of the songs also evolved over time. In China the text of a song with the same melody can significantly change due to the political situation. We will quote three variants of the song 《我们走在大路上》 (“We are Walking along a Large Road») where the music was preserved but the texts changed in accordance with the historical events:

Table 2

Great leap forward	Cultural Revolution	Modern times
我们走在大路上， 意气风发斗志昂扬， 毛主席领导革命队伍，	我们走在大路上， 高举 红旗向太阳 ， 毛主席领导革命队伍，	我们走在大路上， 意气风发斗志昂扬， 共产党领导革命队伍，
We are walking along a large road, Inspired and full of the battle spirit, <i>Chairman Mao is at the head of the revolutionary unit <...>.</i>	We are walking along a large road, <i>The red banner high above faces the sun,</i> <i>Chairman Mao is at the head of the revolutionary unit <...>.</i>	We are walking along a large road, Inspired and full of the battle spirit, <i>The Communist party is at the head of the revolutionary unit <...>.</i>

It can be seen from the quoted examples that during the periods of the Great Leap Forward and the Cultural Revolution priority was given to Chairman Mao; people followed him as the personification of revolutionary spirit. In the modern version after Mao’s death (1976), the revolutionary unit is headed by the generalized Communist party.

The song also reflects different attitudes towards other countries and their perception as enemies or friends:

Table 3

Great leap forward	Cultural Revolution	Modern times
我们的朋友遍天下， 我们的歌声传四方， 革命风暴席卷全球， 牛鬼蛇神一片惊慌。	我们的朋友遍天下， 我们的歌声传四方， 革命风暴席卷全球， 美帝苏修一定灭亡。	我们的道路洒满阳光， 我们的歌声传四方， 我们的朋友遍及全球， 五洲架起友谊桥梁。
<i>Our friends are all over the Celestial Empire,</i> And our song can be heard at all the four sides of the world, <i>Our revolutionary storm is known all over the globe,</i> <i>All the rascals are in panic,</i> all of them.	<i>Our friends are all over the Celestial Empire,</i> And our song can be heard at all the four sides of the world, <i>Our revolutionary storm is known all over the globe,</i> <i>And American imperialism and Soviet revisionism will surely be annihilated.</i>	Our road is filled with sunlight, And our song can be heard at all the four sides of the world, <i>Our friends live all over the globe,</i> <i>Bridges of friendship lead to all the five continents.</i>

The combination of these three versions can be regarded as three parts of one narrative about the revolution in China where the spirit and perception of the world changes over time due to the evolution of the Communist party’s politics. This plot occupies one of the leading places in Chinese narrative songs. First Chairman Mao unites and inspires people who support his ideas and fights political dissidents within the country. Later, when the Cultural Revolution gains momentum, the revolutionary army is ready to struggle against unwelcome ideologies, such as “American imperialism” and “Soviet revisionism.” The period of reforms and openness transforms Chinese songs together with political rhetoric: the Chinese government builds “bridges of friendship” establishing political, economic and cultural connections all over the world.

5. RESULTS OF THE RESEARCH

The research has proved the hypothesis formulated at the beginning of the paper: Chinese narrative songs of the 20th — early 21st centuries possess both universal and culture-specific features, which are reflected in their themes, genres, character traits, plots, intertextual connections, temporal and spatial context, etc.

Formulated below are the major results we have obtained in the course of the investigation.

1. A narrative song is defined as a structured verse based on a story, which consists of a consecutive logically constructed set of events. It includes an emotional constituent, offers the reader a multiple choice of interpretations and is intended for vocal performance, often with musical accompaniment.

2. The analysis of verbally expressed narrators' and characters' features provides an integrated coverage of social diversity, reveals the regularities in the choice of characters, their culture-specific features and sheds light on the manner of interaction in the context of narrative. Positive Chinese culture-specific features are: collectivism, prevalence of public good over personal interests, respect for the elders, great value of Chinese history, pride in the Chinese language and culture. Negative characteristics are: the betrayal of the ideas of the Communist party, loss of face, loneliness and poverty.

3. The diachronic analysis of Chinese narrative songs indicates that during the 20th — early 21st centuries they have undergone significant changes, which include:

- a) dynamics of themes, plots and attitudes towards related events — from ideological praise of the Communist party and Chairman Mao — to a more personalized narration about people's life and love in a globalized world;
- b) the evolution of characters from selfless fighters for Communism with clearly defined social identity — to generalized lyrical personalities whose behaviour is determined by such factors as love, suffering, kinship, loyalty to their country, etc.;
- c) the growth of genre variability of songs due to the relaxation of ideological pressure and influence of Western musical culture;
- d) return to the values of ancient Chinese culture and restoration of traditional national identity, implemented in background knowledge, binary oppositions, and intertextual connections;
- e) substantial change of linguistic expression: departure from the abundant use of political terminology, redundant expressivity and grandiloquence; revival of poetic forms and stylistic devices aimed at the creation of the lyrical mood of the narrative.

6. CONCLUSION

The aim of the paper was to explore the cultural and linguistic features of Chinese narrative songs of the 20th — early 21st centuries. This was achieved through the theoretical frameworks and research instruments of narratology, cultural anthropology and linguistics, with special emphasis on the works by Chinese scholars.

Chinese narrative song was viewed as a specific text form. We traced the dynamics of characters, prevalent themes, genres, plots and events due to political changes in Chinese society during the period under investigation — from ideological praise of the Com-

unist party and Chairman Mao — to a more personalized narration about people's life and love in a globalized world. We also focused on the temporal and spatial dimension of Chinese narrative songs, as well as the role of background knowledge, binary oppositions and intertextual connections.

The findings indicate that the algorithm of text analysis developed in the course of the research may be employed for the investigation of other types of Chinese narratives, as well as the comparative study of narratives from different cultures.

© Olga Leontovich, Natalya Simonenko, 2017

REFERENCES

- Bakhtin, M. M. (1986) *Jestetika slovesnogo tvorcestva* [Aesthetics of word creativity]. Moscow: Iskustvo.
- Barthes, R. (1977) *Poétique du récit*. Paris: Editions du Seuil.
- de Oliveira M.C., Lisboa C.M. Narratives about Displacement and Stigmatization of Identities // *Russian Journal of Linguistics* / Ed. O. Leontovich. 2017. Vol. 2, No. 2. P. 320—334.
- Genette, G. (1988) *Narrative Discourse Revisited*. Ithaca, NY: Cornell University Press.
- Greimas, A.-J., Courtés, J. (1979) *Semiotics and Language: An Analytical Dictionary*. Bloomington: Indiana UP.
- Jahn, M. (2005) *Narratology: A Guide to the Theory of Narrative*. English Department, University of Cologne. <http://www.uni-koeln.de/~ame02/pppn.htm>. Accessed 15 December, 2016.
- Jakobson, R. (1928) Proposition au Premier Congrès International de Linguistes. In *Actes du Ier congrès international des linguistes du 10—15 avril, 1928* (pp. 33—36).
- Leontovich, O. A. (2011) *Metody kommunikativnyh issledovanij* [Methods of communication studies]. Moscow: Gnozis.
- Levi-Strauss, C. (1972) *Structuralism and Ecology*. Barnard Alumnae, Spring.
- Propp, V. (1928) *Morfologija skazki*. Leningrad: ACADEMIA.
- Riessman, C. K. (2004) Narrative Analysis. In *The Sage Encyclopedia of Social Science Research Methods* / Eds. W. S. Levis-Beck, A. Bryman and T. F. Liao. Thousand Oaks, Calif.: Sage.
- Ryan M.-L. *Narration in Various Media*. <http://www.lhn.uni-hamburg.de/article/narration-various-media>. Accessed 2 February, 2015.
- Saussure, F. (1916) *Cours de linguistique générale*. Lausanne, Paris: Payot.
- Schmid, W. (1973) *Der Textaufbau in den Erzählungen Dostoevskijs. Beihefte zu Poetica*. München: Wilhelm Fink Verlag.
- Todorov, T. (1969) *Grammaire du Décaméron*. The Hague: Mouton.
- 曹文轩 (Cao Wen-xuan) (2003). 《小说门》 [Doors to the narrative]. 作家出版社.
- 陈平原 (Chen Ping-yuan) (1988) 中国小说叙事模式的转变 [Transformation of the narrative model of Chinese short story]. 上海人民出版社.
- 罗钢 (Luo Gang) (1994). 叙事学导论 [Introduction into narratology]. 云南人民出版社.
- 鲁迅 (Lu Xun) (1981). 《中国小说史略》 [History of Chinese short story]. 人民文学出版社.
- 申单 (Shen Dan) (1998). 《叙述学与小说文体研究》 [Narratology and the study of a novel]. 北京大学出版社.
- 杨义 (Yang Yi's) (1997). 中国叙事学 [Chinese narratology]. 北京人民出版社.

Article history:

Received: 20 August 2017

Revised: 23 September 2017

Accepted: 10 October 2017

For citation:

Leontovich, O. Simonenko, N. (2017) Chinese Narrative Song: Structure, Language and Historical Dynamics. *Russian Journal of Linguistics*, 21 (4), 789—804. DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-4-789-804.

Bio notes:

Olga Leontovich, Ph. D., Professor and Chair, Department of Intercultural Communication and Translation, Volgograd State Socio-Pedagogical University. *Research interests*: communication studies, linguistics, cultural anthropology, intercultural communication. *Contact information*: <http://vgpu.org/node/4183> *e-mail*: olgaleo@list.ru

Natalya Simonenko, Ph. D., Associate Professor, Department of Intercultural Communication and Translation, Volgograd State Socio-Pedagogical University. *Research interests*: narratology, linguistics, cultural anthropology, Chinese language. *Contact information*: <http://vgpu.org/node/4164> *e-mail*: natalia-siyu@yandex.ru

DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-4-789-804

КИТАЙСКАЯ НАРРАТИВНАЯ ПЕСНЯ: СТРУКТУРА, ЯЗЫК, ИСТОРИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА

О.А. Леонтович, Н. Симоненко

Волгоградский государственный социально-педагогический университет
400066, Волгоград, Россия, пр-т Ленина 27

Цель статьи — анализ лингвокультурных особенностей китайских нарративных песен XX — начала XXI вв. Исследование проводится с позиций нарратологии, культурной антропологии и лингвистики (Р. Барт, М. Бахтин, Ж. Женетт, В. Пропп, Ц. Тодоров и др.). В статье прослеживается динамика нарративной песни, обусловленная историческими событиями в Китае в исследуемый период: а) изменение тематики, сюжетов и отношения к повествованию — от идеологического восхваления коммунистической партии и вождя Мао — к личностному описанию жизни и любви человека в глобализованном мире; б) эволюция персонажей — от самоотверженных борцов за коммунистические идеалы с четко обозначенной социальной идентичностью — до обобщенных лирических героев, движимых любовью, страданиями, заботой о ближнем, верностью родине; в) рост жанрового разнообразия вследствие ослабления идеологического контроля и влияния западной музыкальной культуры; г) возврат к ценностям древнекитайской культуры и восстановление традиционной национальной идентичности, воплощенной в фоновых знаниях, бинарных оппозициях и интертекстуальных связях; д) новые формы языкового выражения. Алгоритм текстового анализа, разработанный в ходе исследования, может быть применен к другим типам китайских нарративов, а также экстраполирован на нарративы из иных лингвокультур.

Ключевые слова: *китайская лингвокультура, нарратив, песня, персонаж, средства языкового выражения*

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 20 августа 2017

Дата принятия к печати: 10 октября 2017

Для цитирования:

Leontovich, O. Simonenko, N. (2017) Chinese Narrative Song: Structure, Language and Historical Dynamics. *Russian Journal of Linguistics*, 21 (4), 789—804. DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-4-789-804.

Сведения об авторах

Ольга Аркадьевна Леонтович, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой межкультурной коммуникации и перевода Волгоградского государственного социально-педагогического университета. *Сфера научных интересов*: теория коммуникации, лингвокультурология, межкультурная коммуникация. *Контактная информация*: <http://vgpu.org/node/4183> *e-mail*: olgaleo@list.ru

Наталья Юрьевна Симоненко, кандидат филологических наук, доцент кафедры межкультурной коммуникации и перевода Волгоградского государственного социально-педагогического университета. *Сфера научных интересов*: нарратология, лингвокультурология, китайский язык. *Контактная информация*: <http://vgpu.org/node/4164> *e-mail*: natalia-siyu@yandex.ru

DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-4-805-821
УДК 81-11:81'42

РИЗОМА И ДИСКУРС ИНТЕРМЕДИАЛЬНОСТИ

Л.Н. Синельникова

Гуманитарно-педагогическая академия (филиал)
Федерального государственного образовательного учреждения
«Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского» в г. Ялте
298635, Ялта, Россия, ул. Севастопольская, 2-а

Ризоматичность — стратегия и закономерность текстопорождения во многих современных коммуникативно-дискурсивных практиках. Насущной остается проблема системного междисциплинарного описания текстов, структура которых и языковые свойства детерминированы признаками ризомы — понятия философии постмодерна, введенного в научное пространство французским философом Ж. Делёза и психотерапевтом Ф. Гваттари (Делёз, Гваттари 1996). Ризома (фр. *rhizome* — корневище, клубень, луковица, грибница) наделена такими признаками: она нелинейна, открыта и ориентирует на непредсказуемость дискурсивных трансформаций через возможности развития структуры в любом направлении; в ризоме нет центра и периферии, и любой элемент дискурса может стать «несущей конструкцией» для текстопорождения. Ризома не имеет непересекаемых границ, и в пространстве ризоматической дискурсивной среды происходит умножение граней реальности, возникают нестандартные ассоциативные связи, формируются мультипликативные эффекты, порождающие новые смыслы. Ризоматичность — свойство текстов, организованных по законам ризоматической логики (Шарков 2007), по условиям которой происходит «наложение» дискурсов, переход из одной семиотической системы в другую. В статье предпринята попытка соотнести свойства ризомы с признаками интермедиального дискурса, который строится на семиотическом взаимодействии разных медиа. Движущиеся линии ризомы, ее «ветвящиеся» признаки обнаруживаются в поэтических текстах, в оценочных сегментах политического дискурса, в рекламном дискурсе, в интернет-коммуникациях, представляющих собой ризоморфные среды. Анализ примеров из этих сфер показал, что ризоматический подход открывает новые грани интермедиальности. Автор на основе методик дискурс-анализа доказывает, что открытость и нелинейность интермедиального дискурса, движение по множеству путей смыслопорождения обеспечивают неограниченные возможности семиозиса. Результаты исследования показали, что ризома-анализ может стать значимой частью дискурс-анализа как общегуманитарного проекта.

Ключевые слова: *ризома, ризоматическое мышление, ризоматическая логика, ризоматическая среда, ризоморфность, интермедиальность, дискурс, медиа-обмен, мультипликативные эффекты*

1. ВВЕДЕНИЕ

Сегодня «компас Аристотеля»
должен быть заменен на «камертон ризомы».
(В.Ф. Шарков)

В качестве эпиграфа мы использовали высказывание Виктора Федоровича Шаркова, специалиста по ядерной физике, доктора технических наук, который занимается стратегическим маркетингом и PR-технологиями, интересуется про-

гнозами развития. Ризоматическая логика, по мнению исследователя, может стать инструментом для построения новой научной парадигмы (Шарков 2007). Камертон, как известно, задает определенный тон, и, ориентируясь на ноту *ля*, можно выстроить и все другие ноты. Ризома, о которой пойдет далее речь, укладывается в программу специфического «выстраивания нот» текста, свойства которого соответствуют ризоморфной организации.

Объемная и исторически изменчивая категория *научное сознание* включает интерес к «истории идей», который может увеличиваться, уменьшаться или даже утрачиваться в зависимости от приоритета определенной научной парадигмы, ее продуктивности и осознания научным сообществом перспектив в обновлении научной картины мира. Дискурсология способствовала расширению знаний о мире, о мире текстов, их социальной и культурной значимости. В то же время научная «конструкция» дискурсологии как междисциплинарного знания, проявленного во множестве дискурсивных практик, напоминает ризому: становление этой области знания и ее развитие происходят в условиях продуцирования плюрализма взглядов, множества предлагаемых исследователями подходов и неоднозначности решений. Дискуртологи совместными усилиями стремятся преодолеть реперную точку, оказавшись перед выбором: в каком направлении действовать, как реализовать связь текста с контекстом, какие процедуры использовать в дискурс-анализе как междисциплинарном научном проекте.

Дискурсология остается наукой с системой рефлексий, что проявляется как в теоретической (методологической) части, так и в практической (эмпирической). Активно цитируемый подход к дискурсу как речи, «погруженной в жизнь» (Н.Д. Арутюнова), относится, как представляется, к дефинитивному вектору рефлексивного типа. Но научное развитие потенциала этой формулы подтвердило значимость рефлексии в процессах эволюции научного знания (Проблемы рефлексии 1987).

Наше внимание к ризоме объясняется потенциалом этого концепта, признаки которого представлены едва ли не во всех сферах современной общественной жизни и во множестве текстов, манифестирующих современные дискурсы. Расширение сферы применения ризомы как постмодернистского понятия очевидно: концепт активно обсуждается отечественными философами (Маркова 2004; Лопатина 2009; Рендл 2014; Дьяков 2015), социологами (Шакирова 2013, Царёва 2013), психологами (Бакшутова 2013), культурологами (Можейко 2004; Остренко 2015), педагогами (Курбатова 2016). Показательно, что, размышляя о ризоме в условиях дисциплинарного знания, исследователи акцентируют внимание на факторе междисциплинарности, укрепляемой ризоматическим подходом к обсуждаемым проблемам (Сухович 2011; Свирский 2012; Плахов 2014). Междисциплинарность, разрешающая свободную оптику зрения и вариативность подхода к исследуемому материалу, способствует включению ризомы в дискурсологическую программу научно-практических действий и в области филологии. Важно, на наш взгляд, рассмотреть свойства ризомы на материале конкретных текстов, что позволит включить ризому в филологическое знание, а ризома-анализ — в практику научных и учебно-образовательных действий.

2. О РИЗОМЕ И О РИЗОМАТИЧЕСКОМ МЫШЛЕНИИ

Термин *ризом* введен в философию Ж. Делёзом и Ф. Гваттари и получил характеристику в одноименной совместной работе исследователей и продолжал рассматриваться в ряде других работ (Delenze G., Guanttari F. 1976; Rhizome 1980; Делёз, Гваттари 2010). Поскольку «мир потерял свой стержень», остается признать, что «абсолютно необходимы неточные выражения, дабы обозначить что-либо точно» (Делёз, Гваттари 2010: 36). Ризома вошла в число понятий (концептов), с помощью которого оказалось возможным анализировать и понимать мир, который «потерял стержень».

Ризома (от французского — *rhizome* «корневище») имеет ботаническое происхождение. Неботаническая информация о ризоме в справочной и научной литературе сводится к следующему. Ризома — понятие философии постмодерна, фиксирующее нелинейный способ организации целостности, оставляющий возможность для подвижности и самоконфигурирования. Подчеркивается, что ризома является радикальной альтернативой замкнутым и статичным линейным структурам, которые в классической европейской культуре соотносятся с метафорой корня. Ризома отвергает корневую организацию, представляя собой клубень, луковицу со скрытым стеблем, который может развиваться в любом направлении. Ризома помогает умножить грани реальности, так как не имеет непересекаемых границ (Постмодернизм 2001; Пилюгина 2013; Николаева 2014).

Любая точка ризомы может быть присоединена к любой другой, что отличается от порядка дерева. *Древо мира, древо жизни, древо познания* — метафоры структурированной целостности, символы упорядоченности мироздания, в основе которого лежит стержень. Причинно-следственное движение с «корневой» основой выглядит так: от корня — к стволу, от ствола — к ветвям, от ветвей — к веточкам и листьям, от листьев — к прожилкам листьев. Все из единого центра. У ризомы отсутствует стержень, и корешки ризомы могут прорасти, ветвясь в любом направлении, и неожиданно исчезать. Быть ризоморфным — значит порождать стебли и волокна, которые кажутся корнями или соединяются с ними, проникая в ствол с риском быть задействованными в новых странных формах. В любой момент времени любая линия ризомы может быть связана непредсказуемым образом со всякой другой. Мир-ризомы — это мир ускользания, дающий неограниченную возможность для новых конфигураций слов, образов, смыслов. Здесь уместно сравнение с песочной мультипликацией, для которой характерны непрерывность становления и быстрота разрушения, а также интерактивность процесса: все происходит на глазах у зрителей. Песочная мультипликация — своеобразная модель ризомы, и между «театром песка» и «театром ризомы» можно усмотреть общность.

3. КРАТКО ОБ ИНТЕРМЕДИАЛЬНОСТИ

Интермедиальность (*интер* — между, *медиа* — множественное число от слова *медиум*, которое означает «нечто посредствующее, промежуточное») в самом общем виде можно определить как взаимодействие и посредничество в культуре,

реализуемое в текстах. Интермедиальность — восприятие и переживание другого вида искусства, их соположенность, обеспечивающая принципиальное креативное движение и непредсказуемость будущих состояний.

Междисциплинарный характер интермедиальности проявлен во множестве классификаций: *трансформационная интермедиальность* — репрезентация одного медиума другим, переход артефакта в другую знаковую систему, частью которой он становится, соотношение проявлений одного и того же сюжета разными видами искусства; *онтологическая интермедиальность* как онтологическое измерение культуры, основывающееся на природной общности различных медиа, не исключающей отличий (например, музыкальность поэзии, кинематографичность прозы); *конвенциональная интермедиальность* — медиальное многообразие форм художественного произведения, особый тип внутритекстовых взаимосвязей, взаимодействий художественных кодов разных видов искусств; *нормативная интермедиальность* — один и тот же сюжет разрабатывается различными медиа, и каждая новая эпоха по-новому оценивает искусство прошлых эпох — рождаются новые мысли и чувства, требующие новых методов (медиумов); *референциальная интермедиальность* — в тексте одного медиума цитируется текст иного медиума (Шиньев 2007; Седых 2008; Олизько 2009; Котелевская 2011; Тимашков 2011; Халимова, Зильберман 2014; Schmidt 2000; Watson 2002; Rajevsky 2005; Yurgen E. Muller 2010). Методология интермедиальности основывается на междисциплинарности (Тишунина 2001). Общее основание для всех классификаций — способы и формы медиа-обмена.

4. О КОРРЕЛЯТИВНОСТИ РИЗОМЫ И ИНТЕРМЕДИАЛЬНОСТИ

Процесс понимания интермедиальных связей активизируется тогда, когда мы начинаем за ним наблюдать с определенных позиций. Интермедиальность как ризоморфная среда имеет такие характеристики: каждая точка, находящаяся в пределах одной системы (одного дискурса), может соединиться с каждой другой точкой; проявляется во множестве конфигураций, в которых идет игра с «мерцающими смыслами» в виде аллюзий, реминисценций, метафор и др., и происходит «сборка» новых смыслов, обеспечивающая динамику текста, а вместе с этим и динамику культуры.

Интермедиальность способствует проявлению антиномий: конечное/бесконечное, единичное/всеобъемлющее, традиционное/новаторское. Интермедиальные связи не ограничены ни временем, ни жанрами, ни границами институциональных дискурсов. Принципы построения ризомы, предложенные французскими философами, могут быть применены к множеству интермедиальных построений.

5. О «ПРИГОДНОСТИ» РИЗОМЫ ДЛЯ АНАЛИЗА РАЗНЫХ ВИДОВ ДИСКУРСОВ

Ряд ризоматических моделей интермедиальности закрепился в культурном контексте и, по сути, имеет универсальный характер. Формируются и новые ризоматические среды. Остановимся на тех и на других.

5.1. Действие принципа ризомы в интермедиальном поэтическом тексте

Музыка и поэзия в их устремленности друг к другу в полной мере проявляют признаки ризоматической интермедиальности. Об этом у Ю. Левитанского: *Музыка моя, слова, / их склоненье, их спряжение, / их внезапное сближенье, тайный код, обнаруженье / их единства и родства*. В стихотворении А. Межирова ризоматический потенциал метафоры проявляется в «зоне неделимости» двух медиальных каналов, один из которых — из музыкально озвученного физического мира (своеобразная интродукция), другой — из ментального: *Весь вечер из окна — до, ре, / Ми, фа, соль, ля, си, до — / и туго / На синтетическом инурке / Полуоткрытая фрамуга. / Весь вечер из окошка — до, / Ре, ми, фа, соль, ля, си, — / и снова / Тысячекратно — от и до — / Вся гамма бытия земного*. Схождение двух медиальных каналов осуществлено в метафоре *гамма бытия земного*. Ризоморфность интермедиальной метафоры выводит на значимую для поэзии антиномию «конечное/бесконечное»: конечное — во времени и пространстве физического мира, бесконечное — в вечности.

Инвертируемость референтов, на основе которых формируются концепты, проявляет ризоматическую логику, на основании которой строятся многие стихотворные тексты поэтов-метаметафористов. Пример — стихотворение К. Кедрова «Компьютер любви». Приведем часть стихотворения (оформление — авторское):

Небо — это ширина взгляда
Взгляд — это глубина неба
Боль — это прикосновение Бога
Бог — это прикосновение боли
Сон — это ширина души
Душа — это глубина сна
Выдох — это глубина вдоха
Вдох — это высота выдоха
Свет — это голос тишины
Тишина — это голос света
Тьма — это крик сияния
Сияние — это тишина тьмы...

По ризоматичному принципу строятся тексты, представляющие собой поэтические «импровизации» по поводу того или иного события. Имитация спонтанности, переход с одной линии движения мысли на другую, смещение центра и периферии производят впечатление смыслового хаоса. Пример — стихотворение поэта-концептуалиста Дмитрия Пригова, написанное в 1983 г. и вызвавшее большой интерес сетевых пользователей в 2017 г.:

Вот избран новый Президент
Соединенных Штатов
Поруган старый Президент
Соединенных Штатов
А нам-то что? — ну, Президент
Ну, Соединенных Штатов
А интересно все же — Президент
Соединенных Штатов.

Ризоморфность поэтического мышления проявляется в интермедиальных связях поэзии и кинематографа, поэзии и шахмат и во многих других соположениях, характерных для художественного дискурса.

Кинематограф относится к числу феноменов, изменивших характер человеческого миропребывания. Жиль Делёз, размышляя о роли кино в философии, о возможности мыслить с помощью кино, обращал внимание на роль таких атрибутов кинематографического дискурса: монтаж, ритм монтажа, образ-в-движении, смещающий пространство и время через чередование событий и мыслей о них, разные планы визуализации, освещения и др. (Deleuze, 1983; Делёз, 2016) — все это представляет собой благодатную среду для ризоматичности.

Показательно направление движения смыслов в поэзии на тему кинематографа — от удивления («Кинематограф» В. Набокова и О. Мандельштама, «В кино» Н. Заболоцкого, «Великий немой» Э. Багрицкого) к фрактально-ризоматичной модели лирического сюжета (Нанси, 2007). В стихотворении Ю. Левитанского «Кинематограф» принцип «множественности нервных волокон» в реализации кинематографического образа-в-движении сохраняется на протяжении всего стихотворения, согласуясь с заявленной интермедиальной связью: жизнь и кино. По законам ризомы предыдущий образ становится началом последующего: *Жизнь моя, кинематограф, черно-белое кино! ... Жизнь моя, мое цветное, панорамное кино! ... И, участвуя в сюжете, я смотрю со стороны, как текут мои мгновенья, мои годы, мои сны, как сплетается с другими эта тоненькая нить, где уже мне, к сожаленью, ничего не изменить, потому что в этой драме, будь ты шут или король, дважды роли не играют, только раз играют роль. И над собственной ролью плачу я и хохочу. То, что вижу, с тем, что видел, я в одно сложить хочу. То, что видел, с тем, что знаю, помоги связать в одно, жизнь моя, кинематограф, черно-белое кино!*

Широкое поле для реализации ризоматического мышления представляют шахматы. Весь шахматный «словарь»: мат, конь, пешки, ладья, кони, слоны, шахматная игра, шахматная задача, король, шах, ферзь, цейтнот — может включаться в поэтическое иносказание, формировать «игровую поэтику» текста. Взгляд на жизнь и творчество сквозь призму шахмат — один из основных показателей идиостиля В. Набокова. *У нас есть шахматы с собой. / Шекспир и Пушкин. С нас довольно,* — писал В. Набоков. Жизнь, творчество и шахматы у Набокова нераздельны (Святослав, 2008; Стрельникова, 2015). По принципу ризомы строятся «Три шахматных сонета» Набокова, о чем можно судить по следующему примеру: *В ходах ладьи — ямбический размер, / в ходах слона — анапест. Полу-танец, / полу-расчет — вот шахматы ... Движенья рифм и танцовщиц крылатых / есть в шахматной задаче. Посмотри: / тут белых только семь, а черных только три / на светлых и сумрачных квадратах. / Чернеет ферзь между коней горбатых, / и пешки в ночь влились, как янтари. / Решенья ждут и слуги, и цари / в резных венцах и высеченных латах. / Звездообразны каверзы ферзя.*

5.2. О ризоморфности текстов новой природы

Тексты новой природы, то есть нелинейной структуры, радикально меняют традиционную оптику рассмотрения. Показательно внимание исследователей к текстам новой природы в образовательном пространстве современной школы

(Материалы 2016). Но в вузовском образовательном процессе тексты новой природы остаются по большей части маргинальным материалом, им почти не уделяется внимание в программах филологических дисциплин и в учебно-методических пособиях.

Анализ ризоматической структуры как альтернативы структурированным классическим построениям может стать равноправным методом интерпретации текстов новой природы. В ризоморфной среде таких текстов невозможно выделить фиксированные точки смысла, и каждая линия повествования ускользает от фиксации. Пример динамики «ускользающих линий» представлен в тексте альтернативной рецензии Розы Неврозовой.

Если бы я была каким-нибудь дискурсивным задротом, я сказала бы «Да, абсурд. Эстетика эпатажа», что-то еще ... А дальше следовали бы реминисценции ко всяким клишированным форматам. Получился бы никому не нужный бездарный литературоведческий релиз. Буду лаконична: книга «Фрактал» — это полный Ахтунг! Автор многих своих коллег оставил «с носом» — инобелевскую премию ему, не меньше! О таких текстах длинно и умно рассуждают только зануды. (НЕ)нормальные люди (если им хватает ума признаться в этом самом себе) — просто завидуют. Завидовать есть чему: внутренней свободе, безбашенности, отвязности, дискурсивной мозаичности. Таланту, наконец! Автор играет в конструктор из слов, снов, состояний сознания, моделирует свою собственную (сюр)реальность. Получается. Еще как получается! Здесь действительно непонятно кто кого пишет: автор тексты или тексты автора. Есть тексты «к чаю». Есть «к пивку». Есть «под водочку». Часть текстов я бы порекомендовала не читать, а «курить». Однако, как предупреждает сам автор, от злоупотребления текстами подобного рода могут выпасть остатки волос. Поэтому — дозировано. Порционно. Гомеопатически. Лучшие натошак. Тем более, не злоупотребляйте, если Вы, как и я, собираетесь продолжать жить после 36 (www.bolee-drugoe.ru.feedback)

Воспользовавшись материалом приведенного примера, можно назвать некоторые лингвистические показатели ризоморфности текста, которые действуют в комплексе: стилистические «провокации», использование скобочных конструкций, включающих синтаксис в альтернативную семантику, иронические подтекстовые отсылки, рубленый синтаксис. Множество ризоморфных текстов, в которых трудно определить, где «несущая конструкция», а где «падающая», можно найти в книгах Розы Неврозовой «Семантический джаз» и «Дискурсивная лабильность» (Неврозова 2010, 2011).

5.3. О ризоматичности текстов новой природы в политическом дискурсе

Дискурс сочетает показатели (признаки, свойства) внутренней и внешней причинности. Отказ от принудительной каузальности — постклассическая форма детерминизма. Перемещение эмоций в мир политических коммуникаций — одна из современных тенденций, проявленных в дискурсе власти. Ризоматические техники языковой игры позволяют расширить представление о диапазоне речемыслительной деятельности субъектов политических коммуникаций, ориентированных на личностную оценку события. Пример — рефлексия по поводу события,

именуемого словом *брекзит* (Brexit). Мария Захарова, официальный представитель МИД России, события в Англии комментировала по-разному, в том числе представив в Facebook номинативную цепочку: *брекзит, некзит, уекзит*. И далее: «В целом не удивлюсь, если вместо отдельных страновых терминов типа «Grexit» и «Brexit» скоро появится универсальное понятие «Whoexit» (Whoexit — англ. «кто угодно»). Брекзит — референдум в Британии о выходе из Евросоюза, некзит — о проблемах выхода из ЕС в Нидерландах, уекзит — поливалентно и, скорее, основывается на фонетической инерции. Средства массовой информации продлили цепочку: *грекзит* (возможность выхода из ЕС Греции), *американзит* (*Ибо в победе Трампа видят некий «американзит» — нечто даже более опасное для Европы, чем «брекзит*, // В. Косачёв. Трампин в будущее // Известия, 16 ноября 2016 г.) и множество других ризоматических трансформов в СМИ и телепрограммах: *Уходя — уходи. Brexit, сэр! Британочка с выходом, брекзитом хорошее дело не назовут, полный брекзит*. Дискурсивное движение «брекзита» продолжается (развернутая метафора *пилюля брекзита действовать перестала* прозвучала в программе К. Сёмина «Агитпроп» 10 июня 2017 года). В ризоматических «цепочках» общественно значимое событие приобретает оценочный характер — закладываются смыслы, отражающие неофициальную общественную оценку и индивидуальную рефлексию. Формируется некий альтернативный политический дискурс, поддерживающий социальную активность в условиях неформальной коммуникации. Аттрактивность можно считать одним из проявлений ризоматической логики: фонетическая (звуковая) общность способствует смысловому сближению (Лаврова 2012), что, на наш взгляд, свидетельствует также о том, что интенциональность политического дискурса может уходить в ризоматические техники, заимствованные у других дискурсов (в этом случае — у поэтического дискурса, для которого характерна паронимическая аттракция как лексическая интерференция, основывающаяся на энтропии отношений между означаемым и означающим).

Характерная для нашего времени нелинейность и неопределенность политического мышления и его вербализации, как представляется, достаточно часто будет проявляться ризоматически. Особенно в условиях интернетизации политических коммуникаций и переноса обсуждения политически значимых событий в телевизионные ток-шоу, для которых характерны особые стратегические и тактические приемы организации публичного общения. «Встраивание» личности в оценочный сегмент политического дискурса — одна из тенденций стратегических действий современного публичного человека, который не хочет отказываться от креативных имиджевых проявлений.

5.4. Ризома в современном рекламном дискурсе

Реклама говорит на языке постмодерна. В рекламе можно найти все признаки ризомы: принцип децентрированности, принцип множественности, принцип незначущего разрыва (Чернов 2012). Ускользая, одни линии вступают в отношения с другими. При этом может утрачиваться стилистическая маркировка различий, как, например, в рекламном словосочетании *фруктовый беспредел*. В большинстве современных рекламных текстов концепция различия теряет свое

онтологическое значение и инаковость превращается в одинаковость. Рекламный текст позволяет метонимическую «встроенность» любой реалии и любого события. При этом «узлы» метонимической связи строятся по ризоматическому принципу. Пример — рекламный текст, многократно транслируемый на разных телевизионных каналах: *Каждую минуту в интернет загружается до 5 видео с котиками. За это время мы получаем более 200 новостей со всего мира. Котики проводят во сне примерно 18 часов в день. Тем самым пропускают 36 обновлений на нашем сайте Мир 24 TV. Мы лучше, чем котики.* Гипотетически в рекламном тексте все может быть заменено: котики на любое другое животное, числительное 200 на 2000 и т.д. Ризоматичной является как вербальная, так и визуальная сторона современной рекламы. Целостность — в интенции: обозначить преимущество рекламируемого продукта и убедить потребителя в его приобретении. Медиа-рекламная картина мира ризоматична, то есть открыта, вариативна, имеет ярко выраженный клиповый характер, что определяет специфику интермедальности в рекламе.

5.5. О ризоморфном лабиринте

«Игровая поэтика» в значительной степени связана с ризоматическим представлением о лабиринте. Символика лабиринта широко представлена в постмодернистской прозе и в поэзии (Ф. Кафка, Дж. Джойс, Х. Борхес, В. Пелевин и др. — в прозе; В. Брюсов, Ф. Сологуб, И. Бродский и др. — в поэзии). Лабиринт — полноценная ризома, в которой все пути пересекаются, осуществляется непрерывный переход от центра к периферии и от периферии к центру, и сама жизнь начинает восприниматься как путешествие по дорожкам лабиринта-ризома. В лабиринте представлены «вьющиеся тропы» границ и направлений, по которым можно петлять, терять и приобретать надежду. У В. Пелевина: *«...построю лабиринт, в котором смогу затеряться с тем, кто захочет меня найти...»* (повесть «Шлем ужаса»). Лабиринт, представляющий жизнь как западню — такова философская сущность лабиринта (Стародубцева 2000, Барма 2012).

Метафорический ряд: *лабиринт любви, лабиринт жизни, лабиринт души, лабиринт мироздания, лабиринт гиперссылок* — сохраняет признаки лабиринта-ризома. Ризоморфная семантика *лабиринта* оказывается востребованной в тех случаях, когда обсуждаемая проблема рассматривается как сложная, запутанная и противоречивая. Пример — названия двух статей в Вестнике Российского университета дружбы народов (№ 3, 2016 год): Л.И. Богдановой («Текст и дискурс: в поисках выхода из лабиринта») и З.Я. Турановой («Интертекстуальность — нить Ариадны в исследовании художественного текста»).

5.6. Ризомная структура сети Интернет

Вся виртуалистика связана с нелинейным мышлением (www.virtualisika.ru/). Такая ключевая категория Интернета, как гиперссылка, возникла на основе метафор *паутина* и *ризома*. Присущие ризоме открытость структур, децентрализация, антииерархичность, множество каналов связи, плюрализм, принцип незначашего разрыва — признаки современного виртуального пространства как электронного гипертекста, который «не только становится господствующей формой присутст-

вия письменного текста на экране компьютера, но и является своеобразным воплощением концепции «ризомы» Ж. Делёза и Ф. Гваттари» (Лапошина 2011). Для передачи сущности сетевых технологий и коммуникативных действий в глобальной сети ризома не имеет альтернативы (Емелин; Скуратов, 2008).

Ризома проявляется в интернет-коммуникациях, ориентирующих на создание коллективного текста. Пользователи выбирают различные версии относительно предмета разговора и сами их создают. Через встраивание позиций пользователей в сети происходит спонтанное (нелинейное и нередсказуемое) приращение информации. Яркий пример — гипертекстовое произведение «Роман» писателя и филолога Романа Лейбова. Организованная Р. Лейбовым интерактивная литературная игра существует в Рунете с 1995 г. Инициатор ризоматической игры считает, что это «книга для всех и ни для кого... это не результат, а процесс, не текст вообще, у него границ не имеется, и структурированность меняется по ходу дела» (www.kulichki.com). В то же время филолог Р. Лейбов полагает, что материал «Романа» может быть использован для дальнейших исследований теории нарратива, который, добавим, во множестве современных текстов организуется по принципу ризомы.

К числу инноваций ризоматической интернетовской эпохи относится еще один проект Романа Лейбова «Сад расходящихся хокку» (очевидна интертекстуальная отсылка к известному рассказу Борхеса «Сад расходящихся тропок»). Правила передвижения по Саду при написании хокку соответствуют принципу ризомы: последняя строчка хокку должна стать началом нового стихотворения следующего автора. Эта интерактивная литературная игра существует в Рунете с 1997 г., и в «саду» уже около 100 000 хокку (<http://hokku.netslova.ru/>).

Пример сетевой интерактивной лексикографии — «Женско-мужской толковый словарь» (<http://www.lingvo.ru/valentine/>), представляющий собой гендерный гибридный нарратив, в котором чередуются женские и мужские переводы слов в виде женских и мужских комментирующих фраз. Вполне справедлив вывод: «Экспериментальные проекты, реализующие рекреативную и игровую функции, базируются на основных идеях постмодернизма о бесконечном тексте (ризоме), отсутствии общей идеи произведения, авторской маске, возможности пересечения и наложения различных стилей и форм повествования» (Курбатова 2016: 69).

6. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Принципы ризомы соотносимы со многими сферами общественной жизни и, следовательно, со многими дискурсивными практиками, что подтверждает мнение ряда исследователей о том, что современная реальность остается постмодернистской (Лопатина 2009, Бакшутова 2013, Редл 2014). Пребывание в ризомной реальности — значимый показатель состояния общественного сознания и представляющих его дискурсивных действий. Потенциал ризомы, ее свойства оказываются своеобразным идентификатором дискурсивных изменений в динамически меняющемся мире. Ризоматические принципы организации прослеживаются в по-

этическом и политическом дискурсе, в рекламном и в интернет-дискурсе. Перечень ризоматически ориентированных дискурсов (сначала, возможно, в варианте маргинальных сфер, жанров и индивидуальных дискурсивных действий) открыт.

Ризома как организационная модель постмодернистских текстов проявляет нелинейность изложения, фрагментарность и высокую интермедиаальную активность. Ризоморфная среда, основывающаяся на множественности и неограниченности смысловых конфигураций, игре с «мерцающими» культурными знаками, оказывается особенно благодатной для интермедиаальных структур. Ризоматический подход дает возможность расширить представление об интермедиаальности, характер которой свидетельствует о том, что соприкоснуться могут разнородные пласты культуры и в разных типах дискурсов. Ризома, поставленная в соотношение с интермедиаальностью, обеспечивает внимание к специфике языковых знаков, к «паутинным» зависимостям их семантики. Нелинейность интермедиаальных взаимодействий заставляет как исследователя, так и читателя распутывать и расшифровывать «ветвящиеся» нити смысла. И здесь без понимания закономерностей ризоматической логики не обойтись.

Именно в ризоморфной среде происходит интерференция концептов, ризомное единство которых «обеспечивает не только информационное содержание сообщения, но также индуцирует сопутствующие ему «фоновые» знания (оценки, ссылки и гиперссылки, интенции, модальности, императивы и т.д.), составляющие прагматический уровень бытования концепта» (Силантьева 2016: 49). «Ветвление смысла» создает поле конвергентности, в котором один дискурс со своим событийным фоном, базовыми интенциями и стилистической аранжировкой обнаруживается (оставляет следы) в другом.

«Ризома не начинается и не заканчивается, она всегда посреди, между вещей, межбытие, интермеццо. Дерево — это преемственность, а ризома — альянс, только альянс. Дерево навязывает глагол «быть», а ризома соткана из конъюнкций «и... и... и...» (Свирский 2012). Эти «и... и... и...» и есть ризоматическая логика, индикаторы которой можно найти во множестве современных дискурсах и в их текстовых манифестациях. Циркуляция состояний и значений, невозможность выделить центр и периферию, подчиненное и подчиняющееся, переход с одной линии движения на другую, свобода смысловых сопряжений — все это проявляет ризоматическое мышление и ризоматическую логику.

Ризома — не готовый метод, а одна из возможностей видения текста на пути к его пониманию. Для характеристики ризоморфных признаков мы выбрали наиболее показательные тексты, но каждый из приведенных в статье примеров открыт для новых верификационных прочтений. «Правом взвешивания альтернатив» (Кравец 2005) по законам научной деонтологии может обладать любой исследователь. Ризоматический подход способствует продвижению идеи междисциплинарности, которая лежит в основе дискурс-анализа. В рассмотренных французскими философами принципах построения ризомы своеобразно сошлись философия и филология, лингвистика и психология, философия и культурология, что безусловно расширяет возможности дискурс-анализа, который постепенно, но неукоснительно становится существенной частью филологических интерпретаций.

Ж. Делёз боялся быть институализированным, боялся классификаций и определений. И при этом М. Фуко считал, что XX век будет веком Ж. Делёза. Ризома — одно из понятий, которое способствовало продвижению имени и идей философа в XXI век.

© Л.Н. Синельникова, 2017

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Бакшутова Е.В. Внеструктурный способ самоорганизации группового сознания // Самарский научный вестник. 2013. № 4 (5). С. 19—21. [Bakshutova, E.V. (2013) Vnestrukturnyi sposob samoorganizatsii gruppovogo soznaniya *Samarskii nauchnyi vestnik*, 4 (5), 19—21. (In Russ).]
- Барма О.А. Ризоморфный лабиринт как форма восприятия библиотеки в творчестве Х.Л. Борхеса // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Е, Педагогические науки: научно-теоретический журнал. Новополоцк: ПГУ, 2012. № 15. С. 141—144. [Barma, O. A. (2012) Rizomorfnyy labirint kak forma vospriyatiya biblioteki v tvorchestve Kh.L. Borkhesa. *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta*, 15, 141—144. (In Russ).]
- Делёз Ж., Гваттари Ф. Капитализм и шизофрения. Тысяча плато. Екатеринбург, 2010. 895 с. [Delez Zh., Gvattari F. (2010) *Kapitalizm i shizofreniya. Tysyacha plato*. Ekaterinburg. (In Russ).]
- Делёз Ж. Кино / Перевод Б. Скуратова. М.: Издательство Ад Маргинем, 2016. 560 с. [Delez Zh. (2016) *Kino*. Perevod B. Skuratova. M.: Izdatel'stvo Ad Marginem. (In Russ).]
- Дьяков А.В. Жиль Делез и история философии: новые пространства // Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2015. № 3 (35). [D'yakov, A.V. (2015) Zhil' Delez i istoriya filosofii: novye prostranstva. *Elektronnyy nauchnyy zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*, 3 (35). (In Russ).]
- Емелин В.А. Ризома и интернет [Электронный ресурс]. URL: <http://emeline.narod.ru/rhizome.htm> (дата обращения: 30.05.2017). [Emelin, V.A. *Rizoma i internet*. Retrieved from: <http://emeline.narod.ru/rhizome.htm> Accessed on 30.05.2017. (In Russ).]
- Котелевская В.В. Интермедальность как литературоведческая проблема // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2011. № 2. С. 212—213. [Kotelevskaya, V.V. (2011) Intermedial'nost' kak literaturovedcheskaya problema. *Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta*. Filologicheskie nauki, 2, 212—213. (In Russ).]
- Кравец А.С. Теория смысла Ж. Делеза: pro и contra // Логос. 2005. № 4 (49). С. 227—258. [Kravets, A.S. (2005) Teoriya smysla Zh. Deleza: pro i contra. *Logos*, 4 (49), 227—258. (In Russ).]
- Курбатова Ю.В. Использование текстов с нелинейной структурой на уроках литературы // Тексты новой природы в образовательном пространстве современной школы. Сборник материалов VIII международной научно-практической конференции «Педагогика текста». СПб.: Изд-во «Лема», 2016. С. 68—70. [Kurbatova, Yu.V. (2016) Ispol'zovanie tekstov s nelineynoy strukturoy na urokakh literatury. Teksty novoy prirody v obrazovatel'nom prostranstve sovremennoy shkoly. *Sbornik materialov VIII mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Pedagogika teksta»*. SPb.: Izdatel'stvo «Lema», 68—70. (In Russ).]
- Лаврова Н.А. Контаминация и паронимическая аттракция // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: лингвистика креатива. 2012. № 3. С. 93—99 [Lavrova, N.A. (2012) Kontaminatsiya i paronimicheskaya attraktsiya. *Ural'skiy filologicheskiy vestnik*. Seriya: Yazyk. Sistema. Lichnost': lingvistika kreativa, 3, 93—99. (In Russ).]

- Лапошина Д.А. Электронный гипертекст сквозь призму концепции ризомы Ж. Делёза и Ф. Гваттари // *Современные проблемы науки и образования*. Электронный научный журнал. 2014. № 3. [Электронный ресурс]. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=13435>. [Laposhina, D.A. (2014) Elektronnyy gipertekst skvoz' prizmu kontseptsii rizomy Zh. Deleza i F. Gvattari. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. *Elektronnyy nauchnyy zhurnal*, 3. Retrieved from: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=13435> (In Russ).]
- Лопатина К.В. Ризоматическое моделирование онтологического пространства // Омский научный вестник. Философские науки. 2009. № 6 (82). С. 104—108. [Lopatina, K.V. (2009) Rizomaticheskoye modelirovanie ontologicheskogo prostranstva. *Omskiy nauchnyy vestnik*. *Filosofskie nauki*, 6 (82), 104—108. (In Russ).]
- Маркова Л.А. Философия из хаоса: Ж. Делёз и постмодернизм в философии, науке, религии. М.: Канон, 2004. 383 с. [Markova, L.A. (2004) *Filosofiya iz khaosa: Zh. Delez i postmodernizm v filosofii, nauke, religii*. М.: Kanon. (In Russ).]
- Материалы VIII международной научно-практической конференции «Педагогика текста»: Тексты новой природы в образовательном пространстве современной школы. СПб., 2016. 118 с. [Materialy VIII mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Pedagogika teksta»: Teksty novoy prirody v obrazovatel'nom prostranstve sovremennoy shkoly. SPb., 2016. (In Russ).]
- Можейко М.А. Становление теории нелинейных динамик в современной культуре: сравнительный анализ синергетической и постмодернистских парадигм. 2-е изд., доп. Смоленск, 2004. 237 с. [Mozheyko, M.A. (2004) *Stanovlenie teorii nelineynykh dinamik v sovremennoy kul'ture: sravnitel'nyy analiz sinergeticheskoy i postmodernistskikh paradigim*. 2-e izd., dop. Smolensk. (In Russ).]
- Нанси Ж.-Л. Складка мысли Делёза // *Vita cogitans*. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. № 5. С. 149—156. [Nansi, Zh.-L. (2007) Skladka mysli Deleza. *Vita cogitans*, SPb.: Izd-vo SpbGU, 5, 149—156. (In Russ).]
- Неврозова Р. Семантический джаз. Минск: А.Н. Вараскин, 2010. 107 с. [Nevrozova, R. (2010) *Semanticheskiy dzhaz*. Minsk: A.N. Varaskin. (In Russ).]
- Неврозова Р. Дискурсивная лабильность. СПб.; Минск: Изд-во «Более другое», 2011. 136 с. [Nevrozova, Roza. (2011) *Diskursivnaya labil'nost'*. SPb.; Minsk: Izd-vo «Bolee drugoe». (In Russ).]
- Николаева Е.В. От ризомы и складки к фракталу // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 2. С. 114—119. [Nikolaeva, E.V. (2014). Ot rizomy i skladki k fraktalu. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta*. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2, 114—119. (In Russ).]
- Олизько Н.С. Семиотико-синергетическая интерпретация особенностей реализации категорий интертекстуальности и интердискурсивности в постмодернистском художественном дискурсе. Дис. ... д-ра филол. наук. Челябинск, 2009. 343 с. [Oliz'ko N.S., (2009) *Semiotiko-sinergeticheskaya interpretatsiya osobennostey realizatsii kategoriy intertekstual'nosti i interdiskursivnosti v postmodernistskom khudozhestvennom diskurse*. Dis. ... d-ra filol. nauk. Chelyabinsk. (In Russ).]
- Остренко С.А. Ризома и барочность как культурно-онтологические основания феномена инновации // *Антропологические измерения философских исследований*. 2015. № 7. С. 68—74. [Ostrenko, S.A. (2015) Rizoma i barochnost' kak kul'turno-ontologicheskies osnovaniya fenomena innovatsii. *Antropologicheskies izmereniya filosofskikh issledovaniy*, 7, 68—74. (In Russ).]
- Пилюгина Е.В. Феноменология ризомы. Ризоморфные среды // *Научно-методический журнал «Концепт»*. 2013. Т. 3. С. 3101—3105 [Электронный ресурс]. URL: <http://e-koncept.ru/>

2013/53626.htm [Pilyugina, E.V. (2013) Fenomenologiya rizomy. Rizomorfnye sredy. *Nauchno-metodicheskiy zhurnal «Kontsept»*, Т. 3, 3101—3105. Retrieved from: <http://e-koncept.ru/2013/53626.htm> (In Russ).]

Плахов О.С. Границы дисциплинарного описания науки: ризоматический подход // *Epistemology & Philosophy of Science*. 2014. № 4 (42). С. 143—154. [Plakhov, O.S. (2014) Granitsy distsiplinarного opisaniya nauki: rizomaticheskiy podkhod. *Epistemology & Philosophy of Science*, 4 (42), 143—154. (In Russ).]

Постмодернизм: энциклопедия / сост. А.А. Грицанов, М.А. Можейко. М.: Интерпресссервис; Книжный дом, 2001. 1040 с. [*Postmodernizm: entsiklopediya* / sost. A.A. Gritsanov, M.A. Mozheyko. 2001. M.: Interpressservis; Knizhnyy dom. (In Russ).]

Проблемы рефлексии. Современные комплексные исследования. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1987. 241 с. [*Problemy refleksii. Sovremennyye kompleksnyye issledovaniya* (1987) Novosibirsk: Nauka, Sibirskoye otdelenie. (In Russ).]

Рендл М.В. Актуализация метафизического хаоса в современной философии // Вестник Волжского университета им. В.И. Татищева. № 3 (16). 2014. С. 127—136. [Rendl, M.V. (2014) Aktualizatsiya metafizicheskogo khaosa v sovremennoy filosofii // *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.I. Tatishcheva*, 3 (16), 127—136. (In Russ).]

Рудаковский С.В. Постструктуралистские представления субъекта в пространстве европейской философии: Лакан — Фуко — Делёз // Социально-экономический и гуманитарный журнал ГАУ. 2015. № 2. С. 187—199. [Rudakovskiy, S.V. (2015) Poststrukturalistskie predstavleniya sub"ekta v prostranstve evropeyskoy filosofii: Lakan — Fuko — Delez. *Sotsial'no-ekonomicheskiy i gumanitarnyy zhurnal GAU*, 2, 187—199. (In Russ).]

Свирский Я.И. «Сложностное мышление» в контексте философских стратегий Ж. Делёза и Ф. Гваттари // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. № 1. 2012. С. 37—44. [Svirskiy, Ya.I. (2012) «Slozhnostnoye myshlenie» v kontekste filosofskikh strategiy Zh. Deleza i F. Gvattari. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov*. Seriya: Filosofiya, 1, 37—44. (In Russ).]

Святослав Ю. В.В. Набоков и шахматы // Нева, 2008. № 9. С. 190—202. [Svyatoslav, Y. (2008) V.V. Nabokov i shakmaty. *Neva*, 9, 190—202. (In Russ).]

Седых Э.К. К проблеме интермедиальности // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Сер. 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2008. № 3. Ч. II. С. 210—214. [Sedykh, E.K. (2008) K probleme intermedial'nosti. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo un-ta*. Ser. 9. Filologiya. Vostokovedenie. Zhurnalistika, 3, II, 210—214. (In Russ).]

Силантьева М.В. Коммуникация как способ трансляции интенционального опыта локальных структур // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. 2016. № 4 (23). С. 49—55. [Silant'eva, M.V. (2016) Kommunikatsiya kak sposob translyatsii intentsional'nogo opyta lokal'nykh struktur. *Nauchnye issledovaniya i razrabotki. Sovremennaya kommunikativistika*, 4 (23), 49—55. (In Russ).]

Скуратов А.Б. Сетевая структура и ризоморфность локальных интернет-сообществ крупных российских городов // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 33. С. 8—13. [Skuratov, A.B. (2008) Setevaya struktura i rizomorfnost' lokal'nykh internet-soobshchestv krupnykh rossiyskikh gorodov. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 33, 8—13. (In Russ).]

Стародубцева Л.В. Метафизика лабиринта // Альтернативные миры знания / под ред. В.Н. Паруса, Е.Л. Чертковой. СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного университета, 2000. С. 238—296. [Starodubtseva, L.V. (2000) Metafizika labirinta. *Alternativnyye miry znaniya / pod red. V.N. Parusa, E.L. Chertkovoy*. SPb.: Izd-vo Russkogo Khristianskogo gumanitarnogo universiteta. (In Russ).]

- Стрельникова Л.Ю. Роман В.В. Набокова «Защита Лужина» как игровая модель шахматной гиперреальности // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Сер. 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2015. Вып. 1. С. 40—56. [Strel'nikova, L.Yu. (2015) Roman V.V. Nabokova «Zashchita Luzhina» kak igrovaya model' shakhmatnoy giperreal'nosti. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo un-ta*. Ser. 9, 1, 40—56. (In Russ).]
- Сухович Е.В. Иерархия, сеть и ризома: сравнительный анализ // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. 2011. № 3 (15). С. 80—84. [Sukhovich, E.V. (2011) Ierarkhiya, set' i rizoma: sravnitel'nyu analiz. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya 7: Filosofiya. Sotsiologiya i sotsial'nye tekhnologii, 3 (15), 80—84. (In Russ).]
- Тимашков А.Ю. Интермедальность как свойство текста и как авторская стратегия // Вестник Орловского государственного университета: Серия: «Новые гуманитарные исследования». 2011. № 5 (19). С. 362—368. [Timashkov, A.Yu. (2011) Intermedial'nost' kak svoystvo teksta i kak avtorskaya strategiya. *Vestnik Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta*: Seriya: «Novye gumanitarnye issledovaniya», 5 (19), 362—368. (In Russ).]
- Тишунина Н.В. Методология интермедального анализа в свете междисциплинарных исследований // Методология гуманитарного знания в перспективе XXI века. Материалы международной научной конференции 18 мая 2001 г. СПб. Сер. «Simposium». Вып. 12. С. 149—154. [Tishunina, N.V. (2001) Metodologiya intermedial'nogo analiza v svete mezhdistsiplinarnykh issledovaniy. *Metodologiya gumanitarnogo znaniya v perspektive XXI veka. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii 18 maya 2001 g.* SPb. Ser. «Simposium», 12, 149—154. (In Russ).]
- Хаминова А.А., Зильберман Н.Н. Теория интермедальности в контексте современной гуманитарной науки // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 389. С. 38—45. [Khaminova, A.A. (2014) Zil'berman N.N. Teoriya intermedial'nosti v kontekste sovremennoy gumanitarnoy nauki. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 389, 38—45. (In Russ).]
- Царёва А.В. Ризоматические структуры социальной самопрезентации в сетевом виртуальном пространстве // Дискуссия. Политематический журнал научных публикаций. Вып. 7 (37), август 2013. С. 96. [Tsareva, A.V. (2013) Rizomaticheskie struktury sotsial'noy samoprezentatsii v setevom virtual'nom prostranstve. *Diskussiya. Politematicheskij zhurnal nauchnykh publikatsiy*, 7 (37), 96. (In Russ).]
- Чернов Н.С. Ризома в рекламном дискурсе // Реклама: технологии взаимодействия: ежегодный научный альманах. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2012. С. 132—140. [Chernov, N.S. (2012) Rizoma v reklamnom diskurse. *Reklama: tekhnologii vzaimodeystviya: ezhegodnyy nauchnyy al'manakh*. Stavropol': Izd-vo SGU, 132—140. (In Russ).]
- Шакирова Е.Ю. Аксиологическая ризоморфность социума: зона эскалации социальной рискогенности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2013. Вып. 4. Т. 13. С. 36—41. [Shakirova, E.Yu. (2013) Aksiologicheskaya rizomorfnost' sotsiuma: zona eskalatsii sotsial'noy riskogenosti. *Izvestiya Saratovskogo universiteta*. Novaya seriya. Seriya: Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika, 4, 13, 36—41. (In Russ).]
- Шарков В.М. Ризоматическая логика — инструмент для построения новой научной парадигмы // Актуальные проблемы современной науки. 2007. № 6 (38). С. 47—49. [Sharikov, V.M. (2007) Rizomaticheskaya logika — instrument dlya postroeniya novoy nauchnoy paradigmy. *Aktual'nye problemy sovremennoy nauki*, 6 (38), 47—49. (In Russ).]

- Шиньев Е.П. Концепция интертекстуальности в современном гуманитарном знании (культурологический аспект) // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. 2007. № 3 (7). С. 183—188. [Shin'ev, E.P. (2007) *Konceptsiya intertekstual'nosti v sovremennom gumanitarnom znanii (kul'turologicheskii aspekt)*. *Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.G. Belinskogo*, 3 (7), 183—188. (In Russ).]
- Delenze, G., Guanttari, F. (1976) *Rhizone: introduction*. Paris.
- Delenze, G., Gvattari, F. (1980) *Rhizome*. In *Capitalisme et schizophrénie. Mille plateau*. Paris: Les Editions de Minuit.
- Deleuze, G. (1983) *Cinema 1. L'image-mouvement*. Paris: Les Editions des Minuit.
- Rajevsky, I.O. (2005) Intermediality. *Intermedialite*, Automne, 6, 43—64.
- Schmidt, H. (2000) *Wortmusik, Schriftanz, Textbilder. Intermediale sprachkonzeptionen in der russischen Poesie des 20. Jahrhunderts*. Bochum.
- Watson, D. Introduction (2002) *The intertexture of apocalyptic discourse in New Testament*. Leiden; Boston: Brill, 1—10.
- Yurgen, E. Muller. (2010) Intermediality and Media Historiography in the Digital Era. *Acta univ. sapientiae, film and media studies*, 2, 15—38.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 21 февраля 2017

Дата принятия к печати: 20 апреля 2017

Для цитирования:

Синельникова Л.Н. Ризома и дискурс интермедальности // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2017. Т. 21. № 4. С. 805—821. DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-4-805-821.

Сведения об авторе:

Синельникова Лара Николаевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и украинской филологии с методикой преподавания Гуманитарно-педагогической академии — филиала Крымского федерального университета в г. Ялте. *Сфера научных интересов*: дискурсология, когнитивистика, стилистика, риторика, лингвополитология, лингвистическая поэтика, паблик рилейшнз. *Контактная информация*: e-mail: prof.sinelnikova@gmail.com

DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-4-805-821

RHIZOME AND DISCOURSE OF INTERMEDIALITY

L.N. Sinelnikova

Academy of Humanities and Pedagogics
Crimean Federal University
2-a Sevastopolskaya str., 29863, Yalta, Russia

Abstract. Rhizomaticity is a strategy and a regularity of text creation in a lot of modern communicative discourse practices. What remains urgent is the problem of the systematic interdisciplinary description of texts whose structure and language qualities are determined by the signs of the rhizome —

a concept of post-modern philosophy introduced into the scientific field by the French philosopher Gilles Deleuze and the psychotherapist Félix Guattari (Deleuze, Guattari 1996). The rhizome (Fr. rhizome — rootstock, tuber, bulb, mycelium) possesses the following qualities: it is non-linear, open and directed towards the unpredictability of discourse transformations through the possibilities of structure development in any direction; there is no centre or periphery in the rhizome, and any discourse element can become ‘a vital structure’ for text-creation. The rhizome does not have non-intersecting boundaries; and in the space of the rhizomatic discourse environment, an increase of reality facets takes place, non-standard associative connections appear, multiplication effects are formed, which create new meanings. Rhizomaticity is the quality of texts being organised by the laws of rhizomatic logic (V.F. Sharkov 2007), by the terms of which ‘superposition’ of discourses can take place, a transition from one semiotic system to another. The article makes an attempt to correlate the qualities of the rhizome with the signs of the intermedia discourse, which is built on the semiotic interaction of different media. The moving lines of the rhizome, its ‘branching’ qualities can be found in poetic texts, in the evaluating segments of political discourse, in advertising discourse, in internet communications, which represent rhizomorphic environments. An analysis of examples from these spheres has shown that the rhizomatic approach opens new facets of intermediality. The author uses the methods of discourse analysis to prove that the openness and non-linearity of intermedial discourse, the movement along the multiple ways of creating sense, ensures unlimited possibilities for semiosis. The results of the research indicate that rhizome-analysis can become an important part of discourse analysis as a humanitarian project.

Keywords: *rhizome, rhizomatic thinking, rhizomatic logic, rhizomatic environment, rhizomorphism, intermediality, discourse, media exchange, multiplicative effects*

Article history:

Received: 21 February 2017

Revised: 10 March 2017

Accepted: 20 April 2017

For citation:

Sinelnikova, L. (2017) Rhizome and Discourse of Intermediality. *Russian Journal of Linguistics*, 21 (4), 805—821. DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-4-805-821.

Bio Note:

Lara Sinelnikova, PhD, professor of the department of Russian and Ukrainian philology and Methods of Teaching, Academy of Humanities and Pedagogics (the branch of the Crimean Federal University, Yalta). Research Interests: Discourse Analysis, Political Linguistics, Linguistic Poetics, Rhetorics. *Contact information: e-mail: prof.sinelnikova@gmail.com*

DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-4-822-832

КОРПОРЕАЛЬНАЯ ПРАГМАТИКА СУБЪЕКТА ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

З.З. Чанышева

Башкирский государственный университет
ул. Коммунистическая, 19, Уфа, Россия, 450074

Цель статьи заключается в установлении средств корпоральной семантики, используемых для создания невербального дискурс-портрета субъекта политического дискурса. Сложности смысловой интерпретации корпоральной прагматики участников политической коммуникации представителями иных лингвокультур определяются национально-культурной спецификой невербальных поведенческих знаков, а также индивидуально-личностными предпочтениями. В статье показана зависимость использования сигналов языка тела от характера и условий социального взаимодействия в институциональной сфере, психоэмоционального типа и состояния политика, установки на достижение определенного воздействия на собеседника и аудиторию. Материал исследования представлен теоретическими источниками, словарями языка тела, описаниями корпорального дискурс-портрета Барака Обамы американскими специалистами по невербалике и толкованиями функциональной значимости невербальных сигналов. Отобранный по словесным описаниям материал подвергнут компонентному, контекстуальному, прагматическому, сопоставительному и лингвокультурологическому анализу. Результаты исследования свидетельствуют о перспективности эффективного использования различных инструментов представления корпоральной семантики и прагматики, определяющих поведение участников политической коммуникации и способствующих ее успешному протеканию. Данные анализа также подтверждают важность учета языка тела в создании индивидуального дискурс-портрета субъекта политического дискурса как отражение этно- и национально-культурного своеобразия в сочетании с личностными характеристиками.

Ключевые слова: *невербальное поведение, политический дискурс, дискурс-портрет политика, язык тела, корпоральная прагматика субъекта дискурса, функциональная нагрузка, смысловая интерпретация*

1. ВВЕДЕНИЕ. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Методология и исследовательские технологии политического дискурса переживают в настоящее время радикальное преобразование и открывают новые перспективы в изучении социального взаимодействия в этой институциональной сфере. Достаточно новым направлением в ценностно-смысловом анализе политического текста является реконструкция дискурс-портрета политика, которая настроена на учет полифонии смыслового пространства текста, но подчиняет ее решению глобальной задачи — получению максимально обширной информации об адресанте (Ухванова-Шмыгова, Маркович, Уханов 2002). Первые работы о тесной связи языка и политики, личности политических деятелей и ее влиянии на оказываемое на целевую аудиторию воздействие, о характере отношений между политическим лидером и его аудиторией и других аспектах политической коммуникации появились в зарубежных изданиях (G. Orwell, K. Hudson, M.L. Knapp, F. Jameson, G. Kress G., T. Van Leeuwen), но в последнее десятилетие находятся в фокусе внимания отечественных исследователей.

В современной политической лингвистике дискурсивный подход к политическим текстам включает как один из важнейших параметров исследования семиотический анализ. По признанию авторитетных исследователей, поликодовость текста (Чернявская 2014) становится ведущей чертой современного дискурса, отражая технологический взрыв в коммуникации, переносом акцента на функции, которые невербальный компонент выполняет более эффективно по сравнению со словом.

С учетом кодовой организации политического дискурса 44 американского Президента Барака Х. Обамы предложено выделять так называемые дикодовые и поликодовые тексты, содержащие вербальную и иконическую кодовые системы (Садуов 2012). При этом к периферии политического дискурса Президента отнесены и «неавторские» тексты, то есть созданные третьими лицами комиксы, рекламные ролики, музыкальные клипы, которые тем не менее участвуют в создании дискурса-портрета, хотя и не с позиций адресанта.

С позиций семиотической природы единиц политического текста, образующих семиотическое пространство политического дискурса, рассматриваются невербальные и смешанные типы знаков (Шейгал 2017). Невербальные знаки в данном подходе мыслятся широко, так как к ним отнесены не только традиционные классы, но и личности, знаковые или символические. Смешанные знаки включают знаки сложной природы, сочетающие поэтический текст и музыку, образительные и вербальные элементы. В силу разнородности невербальных знаков Е.И. Шейгал относит к ним различающиеся по своей знаковой субстанции явления: (1) политик как знак, (2) поведенческие знаки, (3) символические артефакты и (4) графические символы.

Исследователи современного политического дискурса устанавливают в нем средства выражения четырех типов антиномий: (а) рационального и эмоционального, (б) экстралингвистических и лингвистических факторов, (в) плана содержания и плана выражения, (г) стандартного и экспрессивного. Наблюдения над соотношением этих антиномий побуждают говорить о явной экспрессивизации политической коммуникации (Шаховский 2008:259).

Вместе с тем перечисленный список антиномий необходимо, на наш взгляд, расширить за счет включения в него чрезвычайно важного вербального/невербального параметра, который, с одной стороны, относится к личностному поведению собеседников, а, с другой стороны, характеризует узуальные средства общения, протекающего с подключением паралингвистических компонентов. Данный разряд невербальных единиц повышает эмоциональный градус общения, является эффективным средством усиления речевого воздействия на читателя, обладает значительной интенциональностью в использовании, относится по своей природе к коммуникативным средствам взаимодействия. Таким образом, невербальное поведение партнеров может одновременно выступать как условие познания их личности (Лабунская, 1986), так и возможность его исследования с этнокультурных позиций.

Понятие языка тела и интерес к корпоральной семантике, выражаемой знаками невербалики, оказались в последние два десятилетия в фокусе внимания

в различных областях гуманитарной науки как в России, так и за рубежом (Л.Н. Иорданская, Д.Б. Гудков, М.Л. Ковшова, Г.Е. Крейдлин, А.А. Романов, Ю.А. Сорокин, Л.А. Чёрная, Я.В. Чеснов, J.K. Burgoon, J.A.DeVito, G.D. Hoobler, V. Robbins, M. Sheppard, X. Ruthrof, Y. Son).

В условиях межкультурного общения возрастающую роль в институциональной сфере играет невербальная семиотика. Главная сложность в процессе восприятия визуальных знаков состоит в адекватной смысловой интерпретации в силу их национально-культурной специфики. В оценке Ю.А. Сорокина, человеческое тело подобно «специфической карте, которая прочитывается и оценивается», исходя из предсознательных/бессознательных допущений о приемлемом/аттрактивном или неприемлемом/неаттрактивном образе человека (Сорокин 2017: 103). Важнейшую цель соматологии автор видит в *имадживике* — ментальной и фактуальной, другими словами, в «технологии» создания портретов личности — реальных/фактических и прогностических. Составление портрета политика представляет одно из перспективных направлений в русле невербальной семиотики, что позволяет исследовать функциональную нагрузку этого компонента в поведении политиков. Другим актуальным направлением в политической коммуникации является использование языка тела с целью оказания насилия, обострения конфликтности, принуждения, давления, унижения, угрозы, негативной оценки. В данном случае можно говорить об инвективной функции телесного языка, заключающейся в дискредитации личности собеседника как адресата и формировании установки на создание для них психологического, морального, эмоционального, коммуникативного дискомфорта (Романов 2016).

Особую роль в поиске ответов на многие вопросы невербалики сыграла лингвокультурология, которая исходит из базового принципа рассмотрения языка в тесной связи и в контексте культуры в целом и политической культуры в частности (Телия 2002). Функциональная основа сближения двух научных парадигм — семиотической, изучающей знаковые системы, и лингвокультурологической, интерпретирующей ценностную подоплеку знаков культуры, свидетельствует о появлении нового перспективного междисциплинарного направления в лингвокультурологии — так называемой семиотической лингвокультурологии, которая обеспечила триединую базу для их исследования: невербальный знак, знак культуры (код культуры) и знак языка.

Отталкиваясь от идеи о теле как знаке культуры, крупные философы современности отмечают кодированность телесной информации, отмыкаемой соответствующим ключом к культуре и времени: ср. «...человек является своеобразным антропологическим кодом..., телесность человека была стержневой качественной характеристикой и его самого, и культуры его времени» (Черная 2008: 102, 132); «Мое тело — вот субстанция и онтология, откуда танцевать и в поведении, и в понимании всего, ... будем читать тело как текст и от его печки переосмыслять всю культуру» (Гачев 2005: 6); «...пространство тела дополняется средствами культуры ... тело человека оказывается соразмерным ландшафту...» (Чеснов 2007: 32); «наше тело является инструментом измерения времени» (Чеснов 2007: 196).

2. МАТЕРИАЛЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ АНАЛИЗ

Материал предлагаемого исследования представлен публичными выступлениями, видеосюжетами, фотографиями и видеослайдами, а также иной электронной видеопродукцией, отобранной из интернет-источников и связанной с публичными речами, обсуждениями, участием в диалогическом общении с оппонентами, зафиксированными за восьмилетний период пребывания в должности президента Б.Х. Обамы. Выбор объекта исследования продиктован рядом факторов: во-первых, накоплен значительный объем видеоматериалов за время двух сроков президентства Барака Обамы, которые до сих пор не исследованы в плане корпоральной семантики и прагматики субъекта политического дискурса; во-вторых, Барак Обама признан многими исследователями как один из самых эмоциональных президентов страны, образцом «экспрессивной одаренности» личности, тем не менее не выяснен характер проявления эмоциональности американского президента в зависимости от типа социального взаимодействия, принимающего форму кооперативного, конкурентного, конфликтного общения, которые в свою очередь могут зависеть от объективных или субъективных факторов, получать различную развязку в результате созидательной или деструктивной установки партнеров; в-третьих, личность Барака Обамы многогранна, он является представителем политической партии со сложившимися традициями, первым афроамериканским президентом, потомком рабов, имеющим кенийские корни; наконец, Барак Обама вел себя как актер на сцене, как исполнитель главной роли, намеренно создающий свой образ и имидж.

Сложная комбинация в личности американского Президента столь разнообразных и подчас несовместимых ипостасей с учетом генетики, психоэмоционального типа, стремления укреплять образ харизматичного лидера, а также характер использования невербальных средств политической риторики, сознательное подключение соматики с четкими манипулятивными установками превратили Б. Обаму в своеобразного «короля» эпатажа, скандалов, создателя курьезных ситуаций (подобно той, когда Президент запечатлен отдающим честь американским солдатам, держа в правой руке чашку кофе). На страницах практически всех влиятельных мировых СМИ была размещена фотография из *Washington Post*, сделанная в ЮАР во время траурной церемонии прощания с Нельсоном Манделой, на которой в компании с премьер-министрами Дании и Великобритании американский Президент развлекается, снимая селфи.

Деятельность Б. Обамы пришлось на годы, отмеченные усилением противостояния и конфронтации сторон, принимающей характер идеологических, политических, государственных, военных и иных расхождений, когда резко меняется тональность общения на всех уровнях, приобретая неоправданную агрессию, открытую враждебность, нападки и надуманные обвинения. Следует подчеркнуть позицию американского Президента, который сыграл заметную роль в ухудшении отношений с Россией, что не могло не отразиться на международном климате в целом. Исследователи практически единогласны в оценке политической коммуникации на самом высоком уровне между главами государств, в которой наблюдается в поведении американского лидера явный перевес *эмоцио* над *рацио*. В процессе смысловой интерпретации невербальных сигналов в поведении поли-

тического лидера со столь сложным прошлым (background), следующего установленным национально-культурным правилам социального взаимодействия, вместе с тем тонко реагирующего на ситуативные факторы для оказания желаемого речевого воздействия, были использованы специальные словари невербального языка (Givens 2016), а также словесные описания невербальных сигналов в поведении американского президента известными американскими экспертами в этой области (Casasanto, Jasmin 2016). В статье представлены результаты анализа видеоматериалов, показывающих Барака Обаму на отдельных этапах его политической карьеры.

Одно из описаний невербального дискурса-портрета Президента относится к видеосюжету, зафиксировавшему дебаты 3 октября 2010 г. в Денвере между кандидатом на пост президента США Бараком Обамой, претендующим на второй президентский срок, и Миттом Ромни. Общение было полностью посвящено вопросам внутренней политики. Б. Обама стоит за кафедрой, закинув правую ногу за левую и касаясь пола только носком, при этом он держит руки за спиной; во время разговора часто отводит от собеседника взгляд. Здесь следует напомнить вывод экспертов по невербалике, что можно научиться контролировать верхнюю часть тела, но нижнюю контролировать практически невозможно. Хуже всех, по мнению психологов, с этим справляется кандидат в президенты от демократической партии Барак Обама. Его бедра и ноги выдают его истинное отношение к тому или иному вопросу. «Он часто стоит в такой позе, которая красноречиво говорит — „дайте мне поскорее отсюда уйти“» (Body Language Dictionary). В оценке эксперта по невербалике Джека Брауна, такое поведение лидера воспринимается как «ужасное» (*horrible for any type of leadership appearance*): ключевыми фразами в описании такого поведения являются: *hands are hidden — non-assertive (not having or showing a confident and forceful personality; not behaving in a confident way in which you are quick to express your opinions and feelings); demure — (of a woman or her behaviour) reserved, modest, and shy; gaze-down, avert, cut off gaze (disagreement, lack of consensus or approval; a situation involving a lot of disagreements)* (Givens 2016). Диаметрально противоположна прагматика невербалики Митта Ромни: он уверенно стоит на ногах (*has got both feet planted on the floor*) (Body Language Dictionary), что означает *confidence — the feeling or belief that one can have faith in or rely on someone or something; the belief that you are able to do things well*; часто делает характеризующий лидера жест *palm-down gesture*, который, согласно словарю невербалики, сигнализирует о таких чертах, как *authoritative (able to be trusted as being accurate or true; reliable); palm-down cue (assertive — having or showing a confident and forceful personality)* (Givens 2016). Одновременно М. Ромни держит собеседника под прицелом визуального контроля (*visually monitoring and ‘checking’ Obama*) и часто прерывает ведущего (*talks over, interrupts host*). В данной ситуации конкурентного общения с реальным соперником в присутствии большой аудитории Барак Обама явно проигрывает, так как он предстает неуверенным в себе, довольно пассивным, несколько подавленным, избегающим открытой полемики.

Вторая сцена относится к 2012 г. в момент переживания страной опасности фискального обрыва (*fiscal cliff situation*), что становится предметом обсуждения победившего Президента со спикером Палаты представителей Конгресса Джоном Бейнером. В данном случае ситуация общения приобретает несколько иную тональность: Президенту предстоит убедить лидера республиканской партии в обоснованности собственного видения проблемы. Обсуждение протекает бесконфликтно, Обама контролирует ситуацию и кладет руку на плечо собеседника дружески, но при этом покровительственно, подчеркивая иерархию ролей. Портрет Барака Обамы обрисован следующими яркими мазками “*uses his hands in conjunction with his speech*”, “*nor is there any self-touching*”, “*no over-dramatic movement*”, *uses his “Basketball Steeple” — with his hands held and moved as if holding an invisible basketball*”.

События декабря того года требовали принятия кардинальных решений, чтобы предотвратить нависшую катастрофу. Барак Обама твердо настроен пойти на жесткие меры экономии, он уверенно демонстрирует свою решимость, о чем свидетельствует язык его тела. В описании невербалики Барака Обамы особый смысл приобретают выражения, приближающиеся к терминам в баскетболе, которым всегда увлекался Президент. В данном примере ключевой является фраза *basketball Steeple*, которая также имеет в английском языке еще одну форму номинации ***alpha-beta hybrid***. Данная единица описывается в словаре как “*called this because it looks a bit like a person is holding an invisible basketball*” (Givens 2016). Кстати, в английском языке существует несколько вариантов захвата и удержания мяча во время игры в баскетбол (например, вариантами подчеркнутого выражения являются *a unilateral or one-handed basketball steeple — a bit more beta than alpha; classic Steeple — a bit more alpha than beta; a full-alpha hybrid; “Pistol Steeple” (= a hyper-alpha sign)*), которые сегодня используются в словаре невербалики для описания смыслов движений рук во время беседы. В более широком контексте эти номинации служат основанием для описания типологии личностей в зависимости от используемых сигналов тела, а именно движения, которое предпочитает исполнять человек: *Basketball Steeple* означает значительную уверенность в себе, амбициозность, склонность быть лидером, признающим необходимость компромисса в отношениях (*very self-confident and ambitious, and you will lead as well as compromise in a relationship*), в то время как поднятая левая рука для левши Обамы является знаком доминантной (сильной) личности, а поднятая правая рука является сигналом проявления характеристик и воли слабой личности.

Невербальная прагматика Барака Обамы часто описывается подобными выражениями, поскольку эти движения рук являются вполне естественными для человека, который автоматически прибегает к привычным для заядлого фаната баскетбола, любовь к которому, как известно, будущий Президент проявил еще в детстве: в школьные годы он состоял в баскетбольной команде. Кроме того, можно отметить зависимость жестикуляции одной правой или одной левой рукой при обсуждении отрицательных и положительных тем. Это совпадает с выводом американских исследователей о том, что левши (Б. Обама и Маккейн) жестику-

лируют правой рукой, обсуждая неприятные темы, и левой рукой — обращаясь к приятным положительным вопросам (Casasanto, Jasmin 2016).

В отличие от описанных выше эпизодов, характеризующих Барака Обаму в общении со «своими», хотя и в ситуации соперничества (с М. Ромни) и лидером конкурирующей Grand Old Party (с Дж. Бейнером), где общение не переходит в категорию явного конфликта, ниже представлены описания корпоральной прагматики во взаимодействии иного типа.

Рассмотрим одну из фотографий, запечатлевшую встречу Барака Обамы с Президентом России во время личного общения после официальных выступлений лидеров на 70-й юбилейной сессии ГА ООН в сентябре 2015 г. После обсуждения за закрытыми дверями острых вопросов, связанных с положением в Украине и Сирии, лидеры двух стран выходят к журналистам и фото фиксирует их в момент рукопожатия. Согласно Дэвиду Гивенсу, директору Центра изучения невербальной информации (Center for Nonverbal Studies) и его коллегам, все проявления языка тела свидетельствуют о нарастании отношений личностной конфронтации (Givens 2016). Приведем в подтверждение ключевые слова, используемые интерпретаторами: молчаливое рукопожатие (*no words were spoken as they shook hands*), отсутствие зрительного контакта (*without facing each other*), без ожидаемого наклона тела как знака сближения и понимания партнеров (*without leaning their bodies meaningfully into the handshake*), заметно поджатые губы (*visibly tightened lips, noticeable lip-clenching signals*).

Известные американские эксперты по языку жестов Пэтти Вуд и Лора Макграф предлагают еще более жесткую смысловую интерпретацию невербалики, отмечая ряд невербальных сигналов: походку (*walk towards each other like marionettes*), характер исполнения жеста (*raise their hands robotically*), отсутствие зрительного контакта (*lack of eye contact*), нежелание вступать в какой бы то ни было контакт (*seem frozen for a moment, as if neither can actually bear to touch the other*). Ключевыми словами являются *chilling (handshake), terse and stiff; cold (contact), forced (exchange of civilities), uneasy (rivals)*, подчеркивающие усиление охлаждения и напряженности в отношениях собеседников. Поведение лидеров мировых держав сравнивают с враждовавшими между собой Понтием Пилатом и четвертовластником Геродом Антипа.

Наконец, безусловный интерес представляет корпоральная прагматика Барака Обамы в момент его встречи 10 ноября 2016 г. с избранным Президентом США Дональдом Трампом в Овальном кабинете Белого дома. По мнению эксперта по невербалике Патти Вуд, в отношениях между двумя американскими президентами чувствовалось заметное напряжение, хотя они обменялись комплиментами, пожимая друг другу руки. Общий вывод о Бараке Обаме заключается в утверждении, что уходящий Президент *'extremely fatigued, resigned and not hopeful'*, but *'very presidential'*. Его собеседник чувствует себя иначе в новой для него роли *'tentative, serious and perhaps fearful'*, что, в оценке эксперта, выдает неуверенность, нерешительность и даже страх после состоявшейся беседы. Заключение эксперта основано на следующих сигналах в поведении политиков: *'they are both in the male,*

alpha position saying "I am a man" [18]. Данная поза, описанная неологизмом *out-manspread*, призвана установить распределение ролей: это позиция человека, подчеркивающего свою ведущую роль в положении альфа — главного. Хотя собеседники сидят в креслах, широко расставив ноги, нельзя не заметить, что Обама преднамеренно выбрал вариант, показывающий его как лидера, сильного, властного, формально пребывающего в должности президента (*Obama's legs are much further apart, which demonstrates strength and reveals he is subconsciously saying, 'I'm still on top'*). Другим важным знаком является положение рук Д. Трампа, которые он сложил как в молитве (*he put them in a 'downward prayer position'*), что, по мнению специалистов, не является типичным жестом для победителя. Жест Барака Обамы описан как необычный для обычно активно жестикулирующего человека (*rests his arms on his legs*), что говорит о том, что действующий Президент старается держать себя в руках и не выражать чувства раздражения. Другие эксперты иначе интерпретируют этот жест как выражение его крайней усталости. Внимание привлекает определенное противоречие между словами и языком тела Обамы, когда он заявляет, что удовлетворен встречей с Д. Трампом. Вместе с тем он закрывает глаза, что специалисты расценивают как жест *eye block*, то есть взгляд, блокирующий произносимые слова. В целом, атмосфера встречи охарактеризована экспертами как довольно натянутая, неискренняя и напряженная для сторон (*awkward*).

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, исследование показывает, что корпоральная прагматика 44-го Президента США зависит от конкретной ситуации политического общения, определяется его целевой установкой и желанием произвести нужный эффект. Анализ корпорального портрета Обамы позволяет судить о смысловой нагрузке невербалики, которая выполняет информативную, идентифицирующую, регулятивную, экспрессивную, персуазивную функции. Полученные результаты свидетельствуют о том, что корпоральный портрет политика является значимым элементом моделирования индивидуального образа действующего лица в политике, который необходимо исследовать на этно- и национально-культурном уровнях в сочетании с индивидуальными предпочтениями.

© 3.3. Чанышева, 2017

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ/ REFERENCES

- Гачев Г.Д. Язык тела в Евангелии // *Телесный код в славянских культурах*. М.: Институт славяноведения РАН, 2005. С. 6—18. [Gachev, G. (2005) *Yazyk tela v Evangelii // Telesnyi kod v slavyanskikh kulturakh*. M.: Institut slavyanovedeniya RAN, P. 6—18. (In Russ).]
- Лабунская В.А. Невербальное поведение (социально-перцептивный подход) // *Невербальное поведение: структура и функции*. Ростов: Изд-во Ростов. ун-та, 1986. С. 5—35. [Labunskaya, V. (1986) *Neverbalnoe povedenie (socialno-perzeptivnyi podkhod) // Neverbalnoye povedenie: structura i funktsii*. Rostov: izd-vo Rostov. Universiteta, 1986. P. 5—35 (In Russ).]
- Романов А.А., Романова Л.А. Рече-жанровая специфика эмоциогенного фактора вербальной агрессии: URL: http://tverlingua.ru/archive/035/03_35.pdf (дата обращения 28.12.2016). [Romanov, A., Romanova, L. *Reche-zhanrovaya spetsifika emotsiogenogo faktora verbalnoy aggressii*: URL: http://tverlingua.ru/archive/035/03_35.pdf (accessed 28.12.2016). (In Russ).]

- Садуов Р.Т. *Феномен политического дискурса Барака Х. Обамы: лингвокультурологический и семиотический анализ*: Монография. Уфа: РИЦ БашГУ, 2012. 135 с. [Saduov, R. (2012) Phenomen politicheskogo diskursa Baraka H. Obamy: linguoculturologicheskiiy and semioticheskiiy analiz: monographia. Ufa: RITS BashGU, 2012. 135 p. (In Russ).]
- Сорокин Ю.А. *Лингвокультурология, лакунология, соматология и их априорная взаимосвязь (попытка расширения понятийного аппарата)* URL: <http://www.rastko.rs/cms/files/books/4d5c3a577a036> (дата обращения 06.01.2017) [Sorokin, Yu. Linguoculturologiya, lacunologiya, somatologiya i ih apriornaya vzaimosvyaz (popytka rasshireniya ponyatiynogo apparata): URL: <http://www.rastko.rs/cms/files/books/4d5c3a577a036> (accessed 06.01.2017). (In Russ).]
- Телия В.Н. Объект лингвокультурологии между Сциллой лингвокреативной техники языка и Харибдой культуры (к проблеме частной эпистемологии лингвокультурологии) // *С любовью к языку: Сб. научных трудов*. М.: Воронеж: ИЯ РАН, Воронежский ГУ, 2002. С. 89—97. [Teliya, V. (2002) Linguokulturologia mezhdru Scilloy linguocreativnoy tekhniki yazyka i Haribdoy kultury // S lyubovyu k yazyku: sb.nauchnykh trudov. M.: Voronezh: IY RAN, Voronezh. GU, 2002. P. 89—97. (In Russ).]
- Ухванова-Шмыгова И.Ф., Маркович А.А., Ухванов В.Н. *Методология исследований политического дискурса. Актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов*. Вып. 3. Под общ. ред. И.Ф. Ухвановой-Шмыговой. Мн.: Технопринт, 2002. 360 с. [Ukhvanova-Shmygova, I., Markovitch, A., Ukhvanov, V. (2002) Metodologiya issledovaniy politicheskogo diskursa. Aktualnye problemy soderzhatelnogo analiza obshchestvenno-politicheskikh tekstov. Vyp. 3. Minsk: "Tekhnoprint". 360 p. (In Russ).]
- Чернявская В.Е. *Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность*: Учебное пособие. М.: Либроком, 2014. 248 с. [Chernyavskaya, V. (2014) Lingvistika teksta: Polikodovost, intertekstualnost, interdiskursivnost: Uchebnoe posobie. M.: Librokom, 248 p. (In Russ).]
- Чёрная Л.А. *Антропологический код древнерусской культуры*. М.: Studia historika, 2008. 464 с. [Chernaya, L. (2008) Antropologicheskiiy kod drevnerusskoy kultury. M.: Studia historika, 464 p. (In Russ).]
- Чеснов Я.В. *Телесность человека: философско-антропологическое понимание*. М.: Институт философии РАН, 2007. 213 с. [Chesnov, Ya. (2007) Telesnost cheloveka: filosoffsko-antropologicheskoe ponimanie. M.: Institut filosofhii RAN. 213 p. (In Russ).]
- Шаховский В.И. *Лингвистическая теория эмоций*: Монография. М.: Гнозис, 2008. 416 с. [Shakhovskiy, V. (2008) Linguisticheskaya teoriya emotsiy: Monographia. M.: Gnozis, 2008. 416 p. (In Russ).]
- Шейгал Е.И. Невербальные знаки политического дискурса. URL: <http://philology.ru/linguistics1/sheygal-01.htm> (дата обращения 10.01.2017) [Sheigal, E. Neverbalnye znaki politicheskogo diskursa URL: <http://philology.ru/linguistics1/sheygal-01.htm> (accessed 10.01.2017) (In Russ).]
- Casanto D, Jasmin K. (2010) Good and Bad in the Hands of Politicians: Spontaneous Gestures during Positive and Negative Speech. 2010. URL: <http://www.all-about-body-language.com/body-language-hand-gestures.html> (Retrieved on 14.12.2016).
- Givens David B. The Nonverbal Dictionary URL: <http://www.all-about-body-language.com/nonverbal-dictionary.html> (дата обращения 20.12.2016).

Ссылки на электронные ресурсы / Links

Body Language Dictionary. URL: <https://yandex.ru/yandsearch?text=bodylanguagedictionary&lr=172&clid=2039342> (дата обращения 15.12.2016).

Nonverbal Communication Analysis. URL: <http://www.bodylanguagesuccess.com/2016/06/nonverbal-communication-analysis-3586.html> (дата обращения 21.12.2016).

<https://www.theguardian.com/world/2015/sep/29/obama-putin-castro-un-body-language> (дата обращения 25.11.2016).

<http://www.dailymail.co.uk/news/article-3925464/Body-language-expert-reveals-REALLY-happened-fatigued-Obama-tentative-Trump-met-time-White-House.html> (дата обращения 27.11.2016).

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 29 января 2017

Дата принятия к печати: 17 марта 2017

Для цитирования:

Чанышева З.З. Корпоральная прагматика субъекта политического дискурса // *Вестник Российской университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2017. Т. 21. № 4. С. 822—832. DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-4-822-832.

Сведения об авторе:

Зульфира Закировна Чанышева, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации факультета романо-германской филологии Башкирского государственного университета. *Сфера научных интересов*: этнолингвистика, лингвопрагматика, лингвокультурология, корпоральная семантика, переводоведение, лексикография. Автор ряда монографий и учебных пособий. *Контактная информация*: e-mail: chanyshevazz@yandex.ru

DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-4-822-832

CORPOREAL PRAGMATICS OF THE SUBJECT OF POLITICAL DISCOURSE

Z.Z. Chanysheva

Bashkir State University

9 Kommunisticheskaya str., Ufa, 450074, Russia

Abstract. The article aims at tracing means of corporeal semantics employed to create a nonverbal discourse-portrait of the subject of political discourse. Complexity of semantic corporeal pragmatics interpretation of participants in political communication by members of other linguacultures is determined by national and cultural specificity of nonverbal behavioral signs as well as by individual preferences. The article shows dependence of body language signals on the character and conditions of social interaction in institutional sphere, psycho-emotional type and state of a politician, the aim to produce a certain effect on the interlocutor and the audience. The material includes theoretical resources, body language dictionaries, descriptions of Barack Obama's corporeal discourse-portrait by American nonverbal experts with detailed interpretation of significance of such cues. The examples selected from descriptions are subjected to componential, contextual, pragmatic, comparative and linguacultural methods of analysis. The research testifies to the prospects of efficient use of various representations of corporeal semantics and pragmatics related to participants in political communication. The data obtained confirm the importance of body language in creating individual nonverbal behavior models of the subject of political discourse reflecting ethnic, national and socio-cultural peculiarities and personal features.

Keywords: *nonverbal behavior, political discourse, discourse-portrait of a politician, body language, corporeal pragmatics of the subject of a political discourse, functional load, semantic interpretation*

Article history:

Received: 29 January 2017

Revised: 20 February 2017

Accepted: 17 March 2017

For citation:

Chanyшева, Z. (2017) Corporeal Pragmatics of the Subject of Political Discourse. *Russian Journal of Linguistics*, 21 (4), 822—832. DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-4-822-832.

Bio note:

Zulfira Z. Chanyшева, Ph. D., Professor, Department of English Philology and Intercultural Communication, The Faculty of Romance and Germanic Philology at Bashkir State University. *Research interests*: ethnolinguistics, linguopragmatics, cross-culture studies, corporeal semantics, translation studies, lexicography. *Contact information*: e-mail: chanyshvazz@yandex.ru

DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-4-833-843

ОТ ГРАММАТИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ К ГРАММАТИКЕ ДИСКУРСА

С.Б. Уланова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
119991, Москва, Россия, Ленинские горы, ГСП-1,
1-й корпус гуманитарных факультетов

Статья посвящена проблемам грамматической семантики, которая рассматривается с позиций когнитивно-дискурсивного подхода. Анализируя, как грамматическое функционирует в поэтическом тексте, предлагается не ограничиваться изучением роли отдельных грамматических средств в создании стилистических эффектов, а исследовать их системное взаимодействие. В статье ставится вопрос о грамматике дискурса как особой системе функционирования грамматических категорий в контексте. Цель статьи — рассмотреть роль грамматических категорий и средств в организации стихотворения и в обозначении дискурсивных стратегий автора. В качестве материала исследования было выбрано песенное стихотворение «A Hard Rain's A-Gonna Fall» современного американского рок-музыканта, Нобелевского лауреата Боба Дилана. Песня как жанр поэтична и музыкальна и наряду с актуальностью проблематики соединяет в себе эмоциональность, экспрессивность автора, а вместе с ними и его языковую свободу. Особое внимание в статье уделяется семантическому потенциалу частей речи: существительных, местоимений, глаголов, прилагательных, числительных, предлогов. Раскрывается их роль в создании персонального и пространственного дейксиса, динамики повествования, корреляции индивидуального и универсального, определенного и неопределенного. Рассматривается клишированность грамматического оформления песенного стихотворения и нарушение морфосинтаксической сочетаемости, анализируются семантические особенности глагольной формы *a-gonna* и делаются выводы о дискурсивной обусловленности А-префиксации. Грамматические особенности изучаются в их взаимодействии со стилистическими приемами (ритмические и морфосинтаксические повторы, ассонанс и аллитерация, аллюзии, символы и др.). Исследование грамматической составляющей песни с одной стороны может способствовать проникновению в ее глубинные смыслы, а с другой позволяет оценить роль грамматики в создании и понимании художественных миров. Совокупность грамматических категорий и средств, их взаимодействие с другими художественными средствами и приемами, лингвистическая реконструкция когнитивных моделей создают особую грамматику дискурса. Внимание к грамматической семантике художественного произведения способно обогатить его стилистический анализ и помогает по-новому взглянуть на процедуру его интерпретации.

Ключевые слова: *грамматическая семантика, грамматика дискурса, дискурсивные функции грамматических категорий, лингвопоэтика, песенное стихотворение*

1. ВВЕДЕНИЕ

Исследование проблем текста и дискурса, в которых с когнитивно-функциональных позиций рассматриваются социокультурные и экспрессивно-прагматические аспекты, продолжает оставаться актуальным, несмотря на довольно длительную историю изучения. Следует отметить, что современные исследования в области дискурса и дискурс-анализа приобретают междисциплинарный характер. Как отмеча-

ют Т.В. Ларина и Д. Понтон, «*в настоящее время дискурс-анализ представляет собой консолидирующую исследовательскую парадигму, к которой помимо лингвистики проявляет интерес широкий круг социальных дисциплин — экономика, история, социология, философия, культурология и социальная психология*» (Понтон, Ларина 2016: 7—8).

Принимая во внимания последние теоретические и практические наработки ведущих российских (Демьянков 1987, Кибрик 1994, Кубрякова 2012, Карасик 2016) и зарубежных лингвистов (Alba-Juez 2016, Bybee 1985, 1994, Dabrowska, Divjak, 2015, Dancușgier 2012, Harrison, 2017, Langacker 2000, 2008, 2010, Wales 2014, Sweetser 2005) по рассматриваемой проблематике, в статье анализируется роль грамматических категорий и средств в реализации дискурсивных стратегий в поэтическом тексте.

Материалом исследования послужило песенное стихотворение «A Hard Rain's A-Gonna Fall», автор которого современный американский рок-музыкант Боб Дилан стал лауреатом Нобелевской премии по литературе в 2016 году. Анализ всего стихотворения остался за рамками данной статьи, в силу большого объема он будет опубликован позднее. Однако полагаю, что представленный в данной работе материал позволяет не только подтвердить актуальность заявленной проблематики, но и продемонстрировать то, как можно подойти к вопросу описания грамматических единиц в песенной поэзии. Песня как объект исследования выбрана не случайно. В песенном творчестве лежат истоки поэзии. Песня поэтична и музыкальна, соединяет в себе языковую свободу автора, эмоциональность и экспрессивность. Такие термины, как песня, песенное стихотворение, стихотворение или стих употребляются в работе как равнозначные и взаимозаменяемые. Смысл стихотворения неотделим от формы его выражения. Именно поэтому лингвистический анализ поэтического произведения, в котором особая роль отводится грамматической стороне, может быть перспективным в плане раскрытия его содержательной стороны, глубинных смыслов, образности.

«A Hard Rain's A-Gonna Fall» — это разговор отца с сыном: отец спрашивает сына о том, где он был, что видел, что слышал, кого встретил. Каждая строфа открывается вопросом, за ним следует ответ, завершается каждый куплет словами о надвигающемся дожде.

Первые строки произведения — аллюзия, отсылка к шотландской народной балладе «Lord Randal» («Рональд» в переводе С.Я. Маршака):

«Lord Randal»	«A Hard Rain's A-Gonna Fall»
O where ha' you been, Lord Randal, my son?	Oh, where have you been, my blue-eyed son?
O where ha' you been, my handsome young man?	Oh, where have you been, my darling young one?

Композиционно и стилистически строение песни напоминает англо-шотландскую балладу. Изначально баллада — одна из первых поэтических форм, песенное стихотворение, то, что устно передавалось от поколения к поколению. Она сюжетна, повествовательна, проста. В основе баллады — событие из жизни героя или героев, которое развивается в ходе повествования. Чаще всего изло-

жение носит фрагментарный характер и порой напоминает ряд сменяющих друг друга картин, вследствие чего возникает некоторая недосказанность и неопределенность. Обычно события, описываемые в балладах, драматичны, а порой и трагичны. Создается мрачная атмосфера, напряжение, предчувствие беды. Эти типичные черты старинной английской баллады нашли свое отражение в песне, написанной музыкантом в далеком 1962 году.

Следует отметить, что принципы построения баллады никогда не были столь строгими, как принципы построения сонета, например. Поэты часто и намеренно их нарушали. Особенно отчетливо эта тенденция прослеживается в XX в., для которого в целом характерно стремление авторов к свободе самовыражения и поиску новых художественных форм. Не стала исключением и анализируемая песня, которая хотя и обнаруживает жанровое родство с народной балладой, но отнюдь не является ее чистым образцом. Все строфы в ней, за исключением второй и третьей, разного объема. Всего их пять, а не четыре, серединные рифмы различны, при этом каждая строфа завершается кольцевым рефреном.

2. ЗАГЛАВИЕ И РЕФРЕН: СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ГРАММАТИЧЕСКИХ ФОРМ

В заглавии песенного стихотворения “A Hard Rain’s A-Gonna Fall” привлекает внимание не совсем обычная и достаточно редко встречающаяся форма *a-gonna*. Сама фраза несет важную смысловую нагрузку, поскольку она не только вынесена в название песни, но и, являясь рефреном, повторяется на протяжении всего произведения в конце каждой строфы: «*And it’s a hard, and it’s a hard, it’s a hard, and it’s a hard, and it’s a hard rain’s a-gonna fall*». В связи с этим рассмотрим семантические особенности глагольной формы *a-gonna*.

Префикс *a-* в современном английском языке присоединяется к причастиям настоящего времени, а также может встречаться в сочетании с глагольной формой *gonna*, которая представляет собой зафиксированный на письме региональный или разговорный вариант произношения формы *going to*, свойственный устной речи и неформальному стилю общения: «*Gonna is an informal alternative to going to in most informal spoken contexts. It is the normal way in which going to is pronounced at normal speeds; going to is therefore often represented in writing as gonna*» (Carter R., McCarthy, 2007: 631).

Форма *’s a-gonna fall* в стихотворении является вариантом конструкции *be going to + infinitive*, которая в современном английском языке имеет ряд грамматических значений. В рассматриваемом нами контексте она используется для того, чтобы делать прогнозы относительно будущего на основе имеющихся доказательств или текущей ситуации: «*...to make predictions based on present evidence or the present situation. Normally, be going to is used when there is some outside evidence for what is said or when the statement can be clearly interpreted*» (Carter R., McCarthy, 2007: 630); «*if you have some immediate evidence that something will happen fairly soon*» (Collins COBUILD English Grammar 2011: 217).

Как известно, для этих целей также используются глаголы *will* и *shall*. Однако они оказываются предпочтительнее тогда, когда доказательства не столь оче-

видны, а потому прогнозы с *will/shall* строятся исходя из личного мнения и суждений, выражающих субъективную оценку: “*Will/shall* is preferred when evidence is not so obvious or is less immediately relevant and when judgments or opinions have to be relied on” (Carter R., McCarthy, M. 2007: 631).

Вернемся к префиксу *a-*. Он зарегистрирован современными словарями английского языка и передает значение «в процессе чего-либо (какой-либо деятельности)»: *in the process of (an activity): a-hunting* (Oxford Dictionaries); *in the act or process of: gone a-hunting* (Merriam-Webster Dictionary and Thesaurus).

На мой взгляд, А-префикс — *дейктический* и *стилистический* маркер глагола. Во-первых, он передает аспектуальное значение, а именно указывает на то, что действие, выраженное глаголом, находится в развитии. Формально мы имеем дело с двойной маркировкой длительного вида (*Continuous*) в одной глагольной форме, где А-префикс — словообразовательное средство, а формообразующий суффикс *-ing* вместе с глаголом *be* в соответствующей форме — грамматические средства выражения категориального грамматического значения вида. Глагольный префикс *a-* в данном контексте — пример того, что словообразовательные средства могут передавать грамматические отношения и отражать взаимосвязь и взаимообусловленность грамматического и лексического в слове.

Во-вторых, вследствие двойной маркировки глагольного вида возникает стилистический эффект — эмпфаза, подчеркивается интенсивность признака. Действие, выраженное глаголом с префиксом *a-*, приобретает большую живость, яркость, насыщенность в сравнении с соответствующим глаголом без префикса. Префикс *a-* акцентирует наше внимание на том, что действие происходит «здесь и сейчас», добавляет повествованию реалистичности.

Нельзя не сказать о *стилевых* эффектах, которыми обладает глагольная А-префиксация и которые обусловлены языковым варьированием. Прежде всего следует отметить, что префикс *a-* в сочетании с глаголами с окончанием *-ing* встречается в южно-американском английском, в аппалачском диалекте американского английского, а также в некоторых разговорных вариантах английского в Шотландии, Ирландии и некоторых районах Англии (Wolfram, Christian 1970). Кроме того, данные глаголы встречаются в старинных народных песнях. Как следствие, А-префиксные глаголы придают речи фольклорное звучание, привносят народно-разговорный, просторечный оттенок.

Обобщая сказанное, семантика *'s a-gonna fall* в стихотворении Боба Дилана складывается из двух аспектов. Во-первых, форма *'s gonna fall* реализует следующее значение — прогнозы, предсказания о будущем на основе объективных данных (а не субъективных суждений), сложившейся ситуации в устном неофициальном общении. А во-вторых, префикс *a-* трансформирует значение, передаваемое *'s gonna*. Указывая на то, что действие уже находится в развитии, он повышает вероятность прогнозируемых сценариев, придавая фразе некоторый оттенок модальности. Обобщить передаваемые смыслы, на мой взгляд, можно фразой «Будущее уже существует». В свете сказанного можно утверждать, что в современном английском языке А-префиксация глаголов является дискурсивно обусловленной, то есть мотивирована действием прагматических, социокультурных и рядом других факторов.

Семантическая нагруженность заглавия приобретает еще бóльшую экспрессивность, повторяясь в конце каждой строфы, где к нему присоединяется безличное *It is*. Автор нарушает морфосинтаксическую сочетаемость, осложняя простое предложение двумя грамматическими основами. Первая — *It is a hard rain*, вторая — *a hard rain's a-gonna fall*. В результате в одной фразе (*It's a hard rain's a-gonna fall*) два фокуса внимания, две ремы. На первый план выдвигается признак существительного, выраженный прилагательным *hard (a hard rain)*, и событие (*'s a-gonna fall*), о котором велась речь выше. Эффект воздействия на слушателя/читателя усиливается благодаря песенным повторам. Так повтор прилагательного-эпитета *hard* характеризует признак как неотъемлемое, неизменное свойство предмета, и воспринимается нами как постоянный спутник дождя, существующий всегда, вечно (*a hard rain*). Рефрен, представляя собой многократный повтор, связывает повествование в единое целое. От припева к припеву возрастает значимость заключенной в нем идеи, и в конце песни передаваемое им содержание воспринимается как абсолютная неизбежность.

3. ГРАММАТИЧЕСКИЕ ПОВТОРЫ КАК СРЕДСТВО ВЕРТИКАЛЬНОЙ И ГОРИЗОНТАЛЬНОЙ СВЯЗНОСТИ ПЕСЕННОГО СТИХОТВОРЕНИЯ

Анафора является одним из ключевых стилистических приемов в анализируемом тексте. Она создает каркас стихотворения, его «несущую конструкцию», связывая воедино вертикальные и горизонтальные элементы, обеспечивая цельно-оформленность и устойчивость. Анафорические повторы можно обнаружить между строфами, внутри строфы и внутри строки.

Синтаксическая анафора, назовем ее вертикальной связностью, объединяет весь текст произведения. К ней относятся повторы вопросов в начале каждой строфы (*Oh, what did you see, my blue-eyed son? Oh, what did you see, my darling young one?*), рефрена в конце (*And it's a hard, and it's a hard, it's a hard, and it's a hard, And it's a hard rain's a-gonna fall*), а также параллельно повторяющиеся грамматические основы в первом (*I've*), втором (*I saw*), четвертом куплетах (*I met*) и эллиптическое *heard* в третьем.

К лексико-морфологической анафоре следует отнести повтор личного местоимения *I*, которое к тому же является средством выражения персонального дейксиса. В одном только первом куплете оно повторяется шесть раз и представляет собой своеобразную точку отсчета, эгоцентрический дейктический центр стиха. Повторы в основной части первой строфы являются примером морфологической анафоры:

...I've stumbled on the side of twelve misty mountains
I've walked and I've crawled on six crooked highways
I've stepped in the middle of seven sad forests
I've been out in front of a dozen dead oceans
I've been ten thousand miles in the mouth of a graveyard...

В этой части стихотворения происходит актуализация пространственного дейксиса. Автор создает мир вокруг себя, и в этом ему помогают средства всех

языковых уровней — от фонетических до синтаксических, но ведущая роль в создании пространственной локализации, на мой взгляд, принадлежит грамматическим средствам. Проиллюстрировать это утверждение мне бы хотелось таблицей 1, отражающей частеречную и синтаксическую составляющую рассматриваемых повторов.

Таблица 1

Клишированность грамматического оформления первой строфы

1	2	3	4	5	6
местоимение	глагол	предлог/ предложное сочетание	числительное	прилагательное	существительное
подлежащее	сказуемое	обстоятельство места			
I	've stumbled	on the side of	twelve	misty	mountains
I	've walked	on	six	crooked	highways
	've crawled				
I	've stepped	in the middle of	seven	sad	forests
I	've been	out in front of	a dozen	dead	Oceans
I	've been		ten thousand miles	in the mouth of a graveyard	

Таблица 1 наглядно демонстрирует две грамматические особенности: во-первых, вся основная часть первой строфы — это набор абсолютно идентичных по форме синтаксических конструкций, а во-вторых, это участие различных частей речи в построении высказывания — всего задействовано шесть классов слов. Почему эти наблюдения важны? Анафорический синтаксический повтор рассматривается мной как механизм выделения лексических значений. Клишированность грамматического оформления задает траекторию развития мысли в строфе и выводит из фокуса внимания грамматическое. Когда форма идентична для нескольких вариантов, она становится фоном и уходит на второй план, в то время как внимание сосредотачивается на содержании, на которое как раз и направлен фокус.

Второе наблюдение связано с актуализацией семантического потенциала различных классов частей речи: это семантика личного местоимения *I* (я), числительного и прилагательного, а также именная, глагольная и предложная семантика.

С помощью существительных автор задает координаты в пространстве, перечисляет места, которые он посетил, и определяет направление своего путешествия — движение по вертикали, сверху вниз. В начале пути герой высоко в горах, ближе всего к небесам — косвенное указание на стихию воздуха, возвышенность, близость к Богу. Затем он странствует по земле, преодолевая большие расстояния. В этом контексте раскрывается значение слова *highways*, этимология которого восходит к древнеанглийскому *heahweg*, означавшему главную дорогу из одного города в другой (Online Etymology Dictionary). Дальнейший путь героя лежит через леса, океаны и приводит его «in the mouth of a graveyard».

Глаголы движения (*stumbled*, *walked*, *crawled*, *stepped*) создают динамику повествования. Объединенные в одной строке *walked* и *crawled* — односложные глаголы в форме причастия прошедшего времени с ударным корневым гласным /o/ — обнаруживают единство формы, звуковой и лексико-морфологической, но проти-

вопоставлены по содержанию: нейтральное *walked* (идти) образует семантическую оппозицию с маркированным *crawled* (ползти, передвигаться, когда не в состоянии идти в силу крайней степени усталости). Интересным эффектом обладает параллельное использование ритмических (оО — оО), фонетических (ассонанса на /o/) и морфосинтаксических повторов. Оно придает дополнительное значение смыслу высказывания — появляется идея повторяемости чередующихся действий, словно одно сменяет другое, хотя на денотативном уровне эта информация отсутствует. Обобщить передаваемое значение можно следующей фразой, указывающей на цикличность действий: «Герой шел; будучи физически изможденным, он полз, и вновь, находя в себе силы, он двигался вперед до тех пор, пока мог». Следует добавить, что аллитерации на /st-/, /-d/ у глаголов *stumbled* и *stepped*, обрамляющих фразу с *walked* и *crawled*, придают отрывку смысловую целостность и динамичность звучания. Данный пример позволяет заключить, что форма, к которой относится в том числе и грамматическое оформление высказывания, накладывает отпечаток на то, как содержание воспринимается адресатом.

4. ДИСКУРСИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КАТЕГОРИИ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ/НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ: ОТ ЛИЧНОГО К УНИВЕРСАЛЬНОМУ

В первом куплете обнаруживается необычное явление, когда значение конкретности, семантика определенности нарицательных имен существительных, количественных числительных, пространственных предлогов и предложных сочетаний редуцируется до неопределенной.

С одной стороны, автор создает свой конкретный мир, поэтический мир стихотворения, то, что в английском языке называется *setting*. С другой стороны, чем больше деталей он называет, тем менее конкретным и все более неопределенным, абстрактным, условным и символичным этот мир становится.

Казалось бы, значение, передаваемое конкретными нарицательными именами существительными (*mountains, highways, forests, oceans, a graveyard*), должно было бы приобрести большую ясность и четкость в сочетании с количественными числительными, указывающими на конкретное количество упомянутых в стихотворении объектов, и пространственными предлогами, указывающими на местонахождение референта. Однако этого не происходит. Напротив, значение обретает более собирательный характер, как в известном английском выражении «Here, there and everywhere», словно перечисляется то, что может быть где угодно. Личный опыт индивида утрачивает свою субъективность и переходит в категорию коллективного. Этот эффект усиливается использованием с именами существительными эпитетов-прилагательных, имеющих негативные коннотации и передающих такие характеристики как «окутанный мглой» (*misty mountains*), «запутанный» (*crooked highways*), «печальный» (*sad forests*), «мертвый» (*dead oceans*) и метафоры (*in the mouth of a graveyard*), построенной по аналогии с предложными сочетаниями *on the side of, in front of, in the middle of*.

Значение пространственных предлогов становится контекстно обусловленным. Например, смысл, передаваемый предложным сочетанием *in the middle of* — «в се-

редине чего-либо», в сочетании с *seven sad forests* меняется и сближается со значением *in the middle of* во фразе *in the middle of nowhere* («в очень отдаленном месте»). Это случай частичной десемантизации — слово утрачивает свое основное значение, происходит семантический сдвиг от конкретного к менее конкретному или неопределенному.

В тексте много аллюзий, одна из них — *misty mountains* — аллюзия из «Хоббита» Дж. Р.Р. Толкина, где гномы поют песню «Far Over the Misty Mountains Cold». Многие фразы в дальнейшем сами стали аллюзиями и встречаются в произведениях других поэтов и музыкантов. Образ *crooked highways* через год после появления в «A Hard Rain's A-Gonna Fall» переключался в другую песню Боба Дилана «TOMORROW IS A LONG TIME» (1963): «If today was not a *crooked highway*, If tonight was not a *crooked trail*». Дорога остается одним из ключевых образов в лирике поэта на протяжении всего его творчества и особенно в начале музыкальной карьеры. Так, можно заметить, что слово *highway* очень часто встречается в названиях его песен начала 60-х годов («Standing on the Highway» (1962), «Highway 51» (1962), «Down the Highway» (1963), «Highway 61 Revisited» (1965) и др.).

Важное место в стихотворении занимают числа. Семантика числительного передает значение количества, которое, в свою очередь, связано с определенностью. С точки зрения прагматического подхода использование числительных в речи связано со стремлением говорящего внести ясность и точность, сообщить детали (например, три сестры, двенадцать месяцев, тысяча и одна ночь и др.). Однако в стихотворении эффект от числительных прямо противоположный.

Например, *ten thousand miles* скорее означает очень большое расстояние и представляет собой идиоматизацию числительного, фигуру речи. Вероятно, фраза могла быть аллюзией к известной англо-шотландской балладе «Ten Thousand Miles Away», которую часто пели моряки в начале XIX века. Это баллада о страданиях главного героя от разлуки со своей возлюбленной, уехавшей очень далеко. Позднее фраза *ten thousand miles* использовалась Бобом Диланом в песне «Mary Ann» в 1973 г.

Числа, упоминаемые автором в песне, символичны. Например, числа семь и двенадцать имеют большую историческую, культурную и религиозную значимость: семь чудес света, города на семи холмах, семь морей, семь дней творения, семь чакр, семь смертных грехов, двенадцать месяцев, двенадцать знаков зодиака, двенадцать древнегреческих богов, двенадцать апостолов, двенадцать имамов и т.д. Число шесть менее символично по сравнению с семью и двенадцатью. Тем не менее нельзя не упомянуть о шести чувствах, шести континентах, шести основных цветах, о том, что существует шесть миров в буддизме, что число шесть является священным в Индии и символизирует смерть в африканской мифологии. Символизм числа позволяет нам искать и находить множество смыслов в стихотворении, но все они будут результатом участия адресата в интерпретации поэтического дискурса, построением нового индивидуального пространства с участием «Я» читателя.

В сочетании с зависимыми словами имена числительные не конкретизируются в поэтическом стихотворении, а приобретают некоторую приблизительность,

собираетельную множественность. Степень конкретности их семантики редуцируется, а индивидуальное значение числа не реализуется полностью. Числительные формируют представление о неопределенно большом количестве мест, в которых побывал герой, о значительном пути, который он преодолел. Их использование в стихотворении обусловлено замыслом автора, связано с его внутренней системой представлений о мире, с авторским символизмом.

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Заслуга Боба Дилана в создании индивидуально-личного пространства поэтического произведения, которое вместе с тем является отражением универсального и объективного. Читатель/слушатель, погружаясь в поэтическую реальность автора, постигает его мир сквозь призму собственного «Я», достраивает его, реконструирует, дополняя его новыми смыслами, вступает с автором в диалог. Таким образом раскрывается диалектика познания: через интериоризацию языковых кодов и символов в поэзии сначала происходит понимание человеком авторского, индивидуального, мира, а следом за ним — и объективной реальности.

Содержание песни многослойно и является темой отдельного обсуждения. Главное, что хотелось и, как мне кажется, удалось показать в статье, — это то, что в поэтическом произведении грамматические значения, выражаемые универсальными грамматическими категориями, могут реализовывать дискурсивно-прагматические стратегии автора и приобретать индивидуальные смыслы. В песенном стихотворении как особом виде дискурса проявляется семантический потенциал грамматики, то есть реализуются возможности, заложенные в грамматической системе, и порой раскрываются новые смыслы, изначально скрытые от прямого наблюдения. Системное изучение данного типа дискурса позволит в дальнейшем говорить о грамматике стиха, грамматике песенного дискурса, о грамматических особенностях идиостиля автора.

© Уланова С.Б., 2017

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Демьянков В.З. Понимание как интерпретирующая деятельность // *Вопросы языкознания*. 1983. No 6. С. 58—67. [Dem'yankov, V.Z. (1983) Ponimanie kak interpretiruyushchaya deyatel'nost' (Cognition as interpreting activity). *Voprosy yazykoznaneya*, 6, 58—67. (In Rus.)]
- Карасик В.И. Дискурсивное проявление личности // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2016. Т. 20. No 4. С. 56—77. [Karasik, V.I. (2016) Diskursivnoe proyavlenie lichnosti (Discourse Manifestation of Personality). *Russian Journal of Linguistics*, 20 (4), 56—77. (In Rus.)]
- Кибрик А.А. Когнитивные исследования по дискурсу // *Вопросы языкознания*. 1994. No 5. С. 126—139. [Kibrik, A.A. (1994) Kognitivnyye issledovaniya po diskursu (Cognitive studies in discourse). *Voprosy yazykoznaneya*, 5, 126—139. (In Rus.)]
- Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования. Институт языкознания РАН. М.: Знак, 2012. [Kubryakova, E.S. (2012) *V poiskakh sushchnosti yazyka. Kognitivnyye issledovaniya*. (In search of language sence. Cognitive studies) Moscow: Znak. (In Russ.)]

- Понтон Д., Ларина Т.В. Дискурс-анализ в 21 веке: теория и практика (I) // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2016. Т. 20. No 4. С. 7—25. [Ponton, D., Larina, T. (2016) Discourse Analysis in the 21st Century: Theory and Practice (I). *Russian Journal of Linguistics*, 20 (4), 7—25 (In Rus.)]
- Alba-Juez, L. (2016) Discourse Analysis and Pragmatics: Their Scope and Relation. *Russian Journal of Linguistics*, 20 (4), 43—55.
- Bybee, J.L. (1985) *Morphology: A study of the relation between meaning and form*. Amsterdam: Benjamins, 1985.
- Bybee, J.L. et al. (1994) *The evolution of grammar: Tense, aspect and modality in the languages of the world*. Chicago: UChP.
- Carter R., McCarthy, M. (2007) *Cambridge Grammar of English: A Comprehensive Guide. Spoken and Written English Grammar and Usage*. Cambridge University Press.
- Dabrowska, E. & Divjak, E. (2015) *Handbook of Cognitive Linguistics*. Berlin: Mouton de Gruyter.
- Dancygier, B., Sweetser, E. (2005) *Mental Spaces in Grammar: Conditional Constructions*. Cambridge: CUP.
- Dancygier, B. (2012) *The Language of Stories: A Cognitive Approach*. Cambridge: CUP.
- Harrison, Chl. (2017) *Cognitive Grammar in Contemporary Fiction*. John Benjamins Publishing Company.
- Langacker, R. (2008) *Cognitive Grammar: A Basic Introduction*. Oxford: OUP.
- Langacker, R. (2010) Discourse in Cognitive Grammar. *Cognitive Linguistics*, 12 (2), 143—188.
- Langacker, R.W. (2000) *Grammar and Conceptualization*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter.
- Wolfram W., Christian D. (1970) *Appalachian Speech*. Center for Applied Linguistics, Arlington, Va.
- Wales, K. (2014) The Stylistics tool-kit: Methods and sub-disciplines. In the *Cambridge Handbook of Stylistics*, P. Stockwell & S. Whiteley (eds), 13—31. Cambridge: CUP.

Dictionaries and Links:

- Spoken and Written English Grammar and Usage. Cambridge University Press, 2007.
- Collins COBUILD English Grammar. Harper Collins Publishers, 2011.
- Oxford Dictionaries*. URL: <https://en.oxforddictionaries.com>.
- Merriam-Webster Dictionary and Thesaurus*. URL: <https://www.merriam-webster.com>.
- Online Etymology Dictionary*. URL: www.etymonline.com.
- Merriam-Webster Dictionary and Thesaurus. URL: <https://www.merriam-webster.com>

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 29 декабря 2016

Дата принятия к печати: 20 мая 2017

Для цитирования:

Уланова С.Б. От грамматической семантики к грамматике дискурса // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2017. Т. 21. No 4. С. 833—843. DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-4-833-843.

Сведения об авторе:

Светлана Борисовна Уланова, кандидат филологических наук, преподаватель кафедры английского языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. *Сфера научных интересов:* грамматическая семантика, грамматическая стилистика, когнитивная лингвистика, анализ дискурса, лингвопоэтика, методика преподавания английского языка. Автор более 50 научных трудов, среди которых монографии, учебные пособия, научные статьи. *Контактная информация:* e-mail: svetlana.ulanova@yahoo.com

DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-4-833-843

**FROM GRAMMATICAL SEMANTICS
TO GRAMMAR OF DISCOURSE**

Svetlana B. Ulanova

Lomonosov Moscow State University
1st Humanities Building, Lenin Hills,
GSP-1, Moscow, 119991, Russia

Abstract. The article discusses an excerpt from the song «A Hard Rain's A-Gonna Fall» by Bob Dylan, an American rock musician and a Nobel Prize laureate, and views song lyrics as a type of poetry. The author pays special attention to semantic potential of different word classes (nouns, pronouns, verbs, adjectives, numerals, prepositions) and examines the way they contribute to the creation of personal and spatial deixis, narrative dynamics, the correlation between the individual and the universal, definiteness and indefiniteness. The paper analyses the grammatical framing of the lyrics and the violation of morpho-syntactic combinability. The author investigates the semantic features of «a-gonna» verb form and draws some conclusions about the discursive nature of A-prefixation. Grammatical features are studied in their close connection with stylistic devices (rhythmic and morpho-syntactic repetition, assonance and alliteration, allusion, symbols, etc). The conclusions drawn touch upon the fields of grammatical semantics and linguopoetics.

Keywords: *grammatical semantics, the grammar of discourse, discourse functions of grammatical categories, linguopoetics, lyrics*

Article history:

Received: 29 December 2016

Revised: 24 April 2017

Accepted: 20 May 2017

For citation:

Ulanova, S. (2017) From Grammatical Semantics to Grammar of Discourse. *Russian Journal of Linguistics*, 21 (4), 833—843. DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-4-833-843.

Bio Note:

Ulanova, Svetlana, PhD in Philology, lecturer at the Department of English Linguistics, the Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University. *Research interests:* grammatical semantics, grammatical stylistics, cognitive linguistics, discourse analysis, linguopoetics, EFL teaching. The author of over 50 publications. *Contact information:* e-mail: svetlana.ulanova@yahoo.com

DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-4-844-857
УДК 82-7:811.512.145+811.511.151

ВЫРАЖЕНИЕ ФУТУРАЛЬНОСТИ В АФОРИЗМАХ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКОВ

Ф.Я. Хабибуллина, И.Г. Иванова

Марийский государственный университет
Площадь Ленина, 1, Йошкар-Ола, 424000, Республика Марий Эл

Статья посвящена изучению выражения категории футуральности в афористическом пространстве мировых и региональных СМИ разноструктурных языков — французском, русском, татарском и марийском. Особое внимание уделено функционированию языковых (массовых) афоризмов для выражения концептов «власть» и «политик». Проведено сравнительно-сопоставительное описание пословиц и поговорок, призывов, девизов, лозунгов, фраз-клише, фраз-символов, цитат. Наиболее представленными в политическом дискурсе СМИ Франции, России, Татарстана и Марий Эл являются афоризмы, относящиеся к следующим лексико-семантическим полям: *внешняя/внутренняя политика, государство/страна, государственные структуры/службы, учреждения, партии и политические движения, органы управления, государственный строй, представители власти, главы политических структур, партий, движений, их члены*. В анализируемых языках афористичность опирается на прецедентные тексты и интертекстуальность. Афористичность в политическом дискурсе региональных СМИ обеспечивается калькированием преимущественно с русского языка. Использование внутренних ресурсов языка превалирует в русском, французском и татарском политическом дискурсе. Отмечен достаточно низкий уровень функционирования авторских (окказиональных) афоризмов в региональных языках. Грамматический способ выражения футуральности представлен во всех анализируемых языках. Лексический и лексико-грамматический способы нашли наибольшее выражение в русском, татарском, французском языках. Семантические трансформации в реализации футуральности преобладают в политической афористике русского языка. В статье выявлено преобладание афоризмов политического дискурса, относящихся к зоне ядра функционально-семантического поля футуральности, над периферией и пограничной зоной. В афористичных политических высказываниях футуральность находит наиболее полную реализацию в русском политическом дискурсе по сравнению с французским, татарским и марийским политическим дискурсом.

Ключевые слова: афоризм, политическая афористика, политический дискурс, футуральность, концепт «власть», концепт «политик», СМИ

1. ВВЕДЕНИЕ

В рамках функционального подхода многие исследователи, такие как М.А. Шелякина, Т.А. Сухомлина, Ю.С. Маслов, М.В. Всеволодова, Н.Г. Шаймердинова, Е.И. Шендельс, Т. В. Булыгина, М.Я. Гловчинская, Е. В. Гулыга, К.Т. Рысалды, А.В. Бондарко, З.К. Ахметжанова, М.Б. Нуртазина, Г.А. Золотова, А. Жанабекова, Г.К. Шайрахметова и др., изучают функционально-семантические особенности категории времени. Среди всех категорий времени категория будущего имеет наиболее субъективный характер, нередко она связана с позицией говорящего, его

стремлениями, намерениями или желаниями. Статус категории будущего зачастую обуславливается самим говорящим и зависит от его предпочтения и от его желания представить будущий факт как реальность, которая будет иметь место независимо от каких-либо условий.

В качестве рабочего в настоящей работе принимается следующее определение: футуральность — это функционально-семантическая категория, представляющая собой совокупность равноуровневых средств выражения, связанных между собой семантической общностью будущности. Будучи равноуровневым единством, категория футуральности анализируется как полевая структура, обладающая ядром и периферией. Ядром средств выражения данной категории является грамматический способ, а периферией — семантический способ. К пограничным зонам относятся лексический и лексико-грамматический способы.

Однако вопросы сравнительно-сопоставительного изучения мировой и региональной политической афористики в аспекте выражения футуральности остаются мало исследованными. Целью данной статьи является анализ функционирования афоризмов со значением футуральности в политическом дискурсе Российской Федерации, Франции, субъектов РФ — Республики Татарстан и Республики Марий Эл конца XX — начала XXI вв.

2. ЯЗЫКОВЫЕ АФОРИЗМЫ В МИРОВЫХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ СМИ

Объект данного исследования — языковые афоризмы и афористические высказывания с компонентом «футуральность», использованные в мировых (Россия, Франция) и региональных (Республика Татарстан, Республика Марий Эл) СМИ.

Материалом исследования послужили афоризмы, представленные на официальных сайтах периодических изданий, а также публикации в ведущих печатных изданиях на русском, французском, татарском и марийском языках: французские политические ежедневники, еженедельники и новостные журналы *Le Monde*, *Le Figaro*; российские общественно-политические издания: *Аргументы и факты*, *Газета ЛДПР* (Либерально-демократическая партия России), *Голос правды* (печатный орган КПРФ — Коммунистической партии Российской Федерации — в Республике Марий Эл), электронные сайты партий и движений, общественно-политические газеты на татарском языке: *Ватаным Татарстан* (Моя родина Татарстан), *Безнең гажит* (Наша газета), *Шәһри Казан* (Город Казань); общественно-политическая газета на марийском языке *Марий Эл* (Марийская земля).

Следует разграничивать понятия «афористичность» и «афоризм». Так, в Толковом словаре Ожегова под термином «афористичность» понимается краткость, лаконичность, лапидарность, лаконизм; насыщение речи афоризмами лаконичными, отточенными по форме и выражающими обобщенную мысль изречениями. Афористичность рассматривается как отвлеченное существительное по прилагательное, образованное от прилагательного *афористичный* (Толковый Словарь С.И. Ожегова 1949—1992).

Н.М. Калашникова предлагает толковать термин «афористичность» в широком значении, то есть использование афоризмов, как созданных конкретным ав-

тором, так и заимствованных у других авторов и иных языковых и речевых единиц обобщающего и часто образного характера: пословиц и поговорок, стереотипных формул эпохи, цитат из текстов классики, популярных песен, стихов, кинофильмов и так далее (Калашникова 2004: 91).

Понятие «афористичность» применительно к политическому дискурсу, по мнению Н.С. Бажалкиной, целесообразно понимать как «насыщение речи собственно афоризмами, афористичными выражениями (АВ), меткими высказываниями образного или обобщающего характера, цитатами, высказываниями в косвенной речи со ссылкой на их источник, вопросительными и риторическими конструкциями, девизами, призывами, индексальными фразами и программными заявлениями» (Бажалкина 2009: 64). Под политической афористикой автор понимает совокупность высказываний и суждений, внутреннее содержание которых относится непосредственно к политической сфере. Выделяются такие жанры как: собственно афоризм, пословица, максима, заголовок, лозунг, девиз, программное заявление, фраза-символ, индексальная фраза.

Политическим афоризмом, по мнению А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского, прежде всего, следует считать такой афоризм, в котором в указанной форме осмысляются специфика и/или субъекты политической деятельности. При этом авторами могут быть как политики, так и другие общественные деятели или писатели <...> (Баранов 2008: 69).

Е.М. Верещагиным и В.Г. Костомаровым выделяются языковые (массовые) и речевые (индивидуальные) афоризмы, в рамках которых рассматриваются афоризм и афористическое высказывание (Верещагин 1990: 71—72, 88). К языковым афоризмам авторы относят: 1) пословицы и поговорки; 2) крылатые слова — «краткие цитаты, образные выражения, изречения исторических лиц»; 3) призывы, девизы, лозунги и «другие крылатые фразы, которые выражают определенные философские, социальные, политические воззрения»; 4) общественно-научные формулы и естественнонаучные формулировки. Для речевого афоризма, главными отличиями которого являются обязательное наличие авторства и отточенность мысли, заключающаяся в актуальности, злободневности затрагиваемой проблемы, важна выразительность, которая достигается широким спектром языковых средств всех уровней.

Исследование афористики на материале татарского и марийского языков в региональных российских СМИ представлено в работе Ф.Я. Хабибуллиной и И.Г. Ивановой. Сравнительно-сопоставительное исследование функционирования афоризмов показало, что использование языковых афоризмов в региональном политическом дискурсе превалирует над речевыми (Хабибуллина, Иванова 2016: 68).

Монографическое исследование афористики проведено Н.Т. Федоренко, Л.И. Сокольской (Федоренко, Сокольская 1990). Авторы рассматривают в книге основные вопросы афоризмов: их главные признаки, разновидности, жанровые границы, терминологию. Приводится также обзор русской и зарубежной афористики. Данная монография является практически единственным исследованием за последние двадцать пять лет в данной области лингвистики в России.

3. ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ АФОРИЗМОВ СО ЗНАЧЕНИЕМ ФУТУРАЛЬНОСТИ В СМИ МЕЖДУНАРОДНЫХ И РОССИЙСКИХ РЕГИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКОВ

Изучение вопроса функционирования современной политической афористики в анализируемых языках осуществлялось в данной статье в соответствии с базовыми концептами политического дискурса — «власть» и «политик», выраженными следующими лексико-семантическими группами (ЛСГ): *государство / страна; государственный строй; государственная символика; партии / политические движения; выборы; внешняя / внутренняя политика; органы управления; государственные структуры, службы, учреждения; глава государства, главы властных структур* (Хабибулина, Иванова 2014: 188—189). (Mirzaei, Zohreh, Safari 2017, Gornostayeva 2016, Богана, Бочарова, 2012)

Из широкого спектра *языковых* афоризмов в рассматриваемых нами международных и российских региональных СМИ выделяются *пословицы и поговорки*.

В сопоставляемых языках — французском, русском, татарском и марийском — одинаково часто встречаются *пословицы* как сжатые, общеупотребительные, нравоучительные изречения, представляющие собой предложения, несущие практические указания, житейскую мудрость. Например:

рус.: Что же касается введения пропорционального представительства по 225 округам, то в эту ложечку меда **собираются** ухнуть бочку дегтя (Лебедев 2016).

В данном высказывании, относящегося к ЛСГ «выборы», российский политик Игорь Лебедев использовал перифраз русской народной пословицы «Ложка дегтя портит бочку меда», в котором будущее время реализуется при помощи грамматического способа выражения «**собираются** ухнуть». Например:

рус.: Лучше синица в руках, чем журавль в небе — эта позиция понятна и объяснима. **Отсюда — результат.**

Во фразе лидера ЛДПР Владимира Жириновского, описывающей намерение кандидата от КПРФ победить на президентских выборах 2012 г., используется русская поговорка «Лучше синица в руках, чем журавль в небе». В этом случае футуральность выражается с помощью семантического способа, переход от настоящего к будущему осуществляется без использования глагола, предполагаемого в данном контексте «**отсюда — результат**».

фр.: Qu'est-ce que c'est que la place d'un jeune? Qu'est-ce qu'il peut attendre d'entre nous? <...> Et ensuite **aide-toi et le ciel t'aidera**. / Что значит рабочее место для молодого специалиста? Что он может ожидать от нас? <...> И потом, **на бога надейся, а сам не плошай** (букв. **Помоги себе сам, и небо тебе поможет**). (Здесь и далее перевод наш — Х.Ф.Я. и И.И.Г.)

В своем высказывании Николя Саркози, 23-й Президент Франции, использовал пословицу «Aide-toi et le ciel t'aidera» с намеком на то, что не следует надеяться на кого-либо, а, в первую очередь, следует надеяться только на себя. В данном примере футуральность выражается грамматическим способом — постановкой глагола в будущем времени — для описания способов решения социально-экономической ситуации в стране (ЛСГ «внутренняя политика»).

Большинство обнаруженных нами пословиц и поговорок в российских региональных СМИ являются прямыми ссылками на соответствующие аналоги русского языка, либо сформулированы с опорой на прецедентный текст, либо интерпретируются со ссылкой на конкретный источник, например:

тат.: Руслар озак **жиксэлэр дэ, жиккэч тиз чаптырырлар** <...>. / Русские хоть и долго запрягают, запрягши, быстро **припустят** <...> (о проблемах в продвижении России за последние 12 лет). Пословица использована в статье с «говорящим» заголовком «Торгынлыклы тотрыкылык» / «Стабильный застой» и представляет собой прямую цитацию известной русской пословицы, что указывает на достаточно сильное влияние русской афористики на татарский язык. Русские в статье называются «Өлкән туган» (старший родственник). Футуральность выражена грамматическим способом, т. е. использованием глагола в будущем времени — «**чаптырырлар**».

мар.: Пырля **лийына** — пашана **вийна**, пашана **вийна** / Будем вместе — работа **спорится**, работа **спорится**. Футуральность реализуется грамматическим способом — настояще-будущем временем (глагол «**лийына**») и усиливается повтором «**пашана вийна**».

Данные примеры свидетельствуют о наличии в приведенных фрагментах калькированных вариантов соответствующих русских пословиц, направленных на характеристику внутренней и внешней политики.

Поговорки как образные выражения какого-либо явления имеют целью придание выразительности предложению, украшение мысли и речи. Они не несут в себе назидание и поучение, а констатируют факт. Их общими признаками являются народность, краткость, меткость, рифмованность. Например:

тат.: Ил икътисады турында сөйлигәндә: Жигәбәз дэ жигәбәз, кайчан **чаптырып китәбәз?** / Говоря о государственной политике в экономике: Запрягать-то запрягаем, а когда **припустим вскачь?**

Передача футуральной характеристики осуществляется лексико-грамматическим способом: глагольным словосочетанием «припустить вскачь» в будущем времени — «**чаптырып китәбәз**».

тат.: Аерылганны аю **ашар** / Рассорившихся (разъединенных) **съест** медведь [28].

Поговорка использована в заголовке статьи, посвященной присоединению Крыма к России. Основная идея статьи — сила в единстве. Это подтверждает и многолетний опыт совместной жизни в едином государстве. Подчеркивается мысль, что и в дальнейшем эта связь останется нерушимой. Данная поговорка является сокращенным вариантом татарского афоризма **Аерылганны аю ашар, бүленгәнне бүре ашар / Разъединенных съест медведь, и разделенных съест волк**. Футуральность передается грамматическим способом — глаголом в будущем времени «**съест**» «**ашар**».

Вышеперечисленные примеры описывают концепт «власть».

Концепт «политик» представлен номинациями глав политических структур, а также партий, движений и их членов (Хабибуллина, Иванова 2016: 94).

Концепт «политик» в региональном (татарском) дискурсе передается как калькированием русских паремических единиц, так и исконно татарскими поговорками:

тат.: Яңа себерке яңача себерер / Новая метла метет по-новому (букв.: будет мести).

Пословица использована в заголовке газетной статьи в связи с вступлением Ильдуса Нафикова в должность главы Республиканской прокуратуры. Автор выражает надежду, что новый руководитель внесет существенные новшества в деятельность данного государственного органа. Идея будущего поддержана лексически (ЛЕ «новая, по-новому» — «**яңа, яңача**») и грамматически «будет мести» — «**себерер**».

В марийском политическом дискурсе собственно марийские пословицы и поговорки имеют низкую частотность и практически не используются:

мар.: Нелылык пырля веле **сеналтеш** / **Справиться** с трудностями **можно будет** только вместе (о работе депутатов Госсовета РМЭ).

Требуется дальнейшая работа для преодоления трудностей. Способ реализации футуральности — грамматический, т.е. глагол употребляется в пассивной форме настоящего-будущего времени «можно будет справиться» — «**сеналтеш**».

Устойчивые *фразы-клише* отражают, как правило, событие или явление, образы, присущие определенной эпохе, народу, нации, и переплетаются с такими видами языковых афоризмов, как *девиз, слоган, лозунг*. Последние рассматриваются как призыв или обращение в лаконичной форме, выражающие руководящую идею, требование. Они представляют собой компрессию политических, идеологических принципов, выдвигаемых определенной политической силой, движением (партией, государством) в качестве основы ее деятельности в данный период времени. Например, основная идея (концепция, акцент) предвыборной кампании реализуется во всех видах политической рекламы (Ильясов 2000). Политические *лозунги* чрезвычайно популярны во всех языках, например, в СССР они играли ведущую роль в пропаганде: **Под знаменем Ленина, вперед, к победе коммунизма! Пролетарии всех стран, соединяйтесь! Отстоим завоевания Октября! Победа коммунизма неизбежна! Партия — бессмертие нашего дела! Имя Ленина вечно!** Идея будущего находила реализацию в лозунгах лексическим, лексико-грамматическим и семантическим способами.

Девизы, лозунги и призывы с формой обращения с требованием или с просьбой принять участие в каком-либо деле или деятельности той или иной политической партии / движения. Например:

рус.: «**Единство и согласие!**», призывает людей к единению и сплоченности; «**За державу, честь и достоинство!**» — девиз Российской державной партии Терехова — призывает быть патриотом своей страны и описывает ЛСГ «государство/страна».

Футуральность передается имплицитно или эксплицитно употреблением предлога «за», т.е. лексическим способом.

рус.: «**Никто, КРОМЕ нас!**». Данный лозунг Конгресса русских общин (КРО) Рогозина передает призыв к консолидации усилий всего народа для создания благополучного будущего под эгидой «КРО».

Футуральность выражается семантическим способом. Данный пример основан на игре слов с целью привлечения интереса электората, следовательно, воздействия на адресата.

рус.: «**Левый поворот**» — **спасение страны** (из доклада Г.А. Зюганова на международном Орловском экономическом форуме 2016).

Г.А. Зюганов является лидером коммунистической партии РФ, относящейся к левому блоку. Данный лозунг призывает следовать «левому повороту», т.е. курсу компартии, так как, по мнению автора, именно это направление является наиболее правильным для спасения будущего.

Приведенные примеры могут быть отнесены к ЛСГ «партии / политические движения».

Самыми популярными высказываниями с семой будущего во французском политическом дискурсе являются *девизы* и *лозунги*. В них футуральность реализуется морфологическим способом, т. е. сочетанием форм глаголов в будущем времени изъявительного наклонения и сослагательного наклонения. В следующих примерах глагол *vivre* в сослагательном наклонении в форме 2 лица единственного числа несет футуральное значение. Следует отметить частое использование данного глагола в соответствующей форме в речи политиков для восславления республиканского государственного строя. Например:

фр.: «Peuple de France, le 6 mai, ça sera: **Vive la République, et vive la France, forte!** / Жители Франции, это **произойдет** 6 мая: **Да здравствует**, Республика и **да здравствует**, сильная Франция!».

В данном примере Н. Саркози призывает французов 6 мая проголосовать за его кандидатуру в ходе президентских выборов.

«Merci Toulouse! **Vive la République!** / Спасибо Тулуза! **Да здравствует**, Республика!» (из предвыборной речи действующего 45-го президента Французской Республики Ф. Олланда 15 мая 2012 г.).

фр.: «La France de la liberté. La France de l'égalité. La France de la fraternité. **Vive la République! Vive la France!** / Франция свободы, равенства и братства. **Да здравствует** Республика! **Да здравствует** Франция!». (Из заявления Жака Шеминана, председателя партии «Солидарность и прогресс», кандидата на президентских выборах 2012 г.).

Региональный политический дискурс также использует лозунги и девизы, характерные для ЛСГ «выборы», «внешняя политика» и т.д.:

тат.: **Без булдырабыз!** / Мы (с)можем!

Данный афоризм являлся лозунгом предвыборной президентской кампании Рустама Миннеханова, действующего Президента Республики Татарстан.

тат.: Дошман эзлэгән — дошман, душлашырга телэгән дуслар **таба**. / Кто хочет раздора — **найдет** врага, кто хочет дружить — **найдет** друга.

Этот афоризм (девиз) резюмировал завершившуюся в Москве встречу «Медиамост между Европой и Азией» (7—8 июля 2014 г.) и подчеркивает историческую важность укрепления политических, экономических и культурных связей между Западом и Востоком в современную эпоху.

Каждая эпоха имеет свои особенности, сформулированные *во фразах-символах*. Они отсылают к прецедентной ситуации, а не тексту (фраза-символ) или имеющие автономный текстовый статус (афоризм, пословица, лозунг, максима), не обладают дискурсивной дейктичностью. Например:

фр.: «Moi, président de la République, je ne **serai** pas le chef de la majorité, je ne **recevrai** pas les parlementaires de la majorité à l'Élysée. Moi, président de la République, je ne **traiterai** pas mon Premier ministre de collaborateur. / Я, президент Республики, **не буду** главой большинства, **не встречу** парламентариев большинства в Елисейском дворце. Я, президент Республики, **не буду обсуждать** Премьер-министра».

Конструкция “Moi, président de la République / Я, президент Республики” произнесена во время теледебатов между двумя турами с соперником Н. Саркози в ходе президентских выборов во Франции 2012 и употребленная многократно (повторяется 15 раз), привела к тому, что эта фраза стала символической для периода его правления. Все последующие за этой фразой глаголы употребляются в будущем времени (*future simple*), тем самым придавая программе характер реализуемого будущего, гарантом которого он является.

тат.: Чаң сугарлык хэллер бар / **Есть силы** бить в колокол.

Фраза может быть отнесена к ЛСГ «органы управления», т.к. она высказана по поводу начала работы весенней сессии Государственного Совета депутатов РТ четвертого созыва и выражает полную уверенность, что депутаты эффективно будут решать вопросы, обсуждаемые на этой сессии. Футуральность реализована лексически «хэллер бар / есть силы», что предполагает их применение для решения ближайших задач.

мар.: Нимо мондалтын огыл, ниго **ок мондалт!** / Никто не забыт, ничто не забыто (букв.: **не будет забыто**).

Данное выражение отсылает читателя к эпохе Второй мировой войны, подчеркивая смелость и мужество советского солдата, память о подвиге которого будет вечно жить.

Устойчивые *фразы-клише* имеют национально-культурный фон и опираются на традиционные этностереотипные образы, например:

мар.: Изи калыкнан вий-куатшым **ок керт** весе сенен / **Не сможет** никто подавить силу нашего малого народа (К Дню Национального героя).

Народ выступает как олицетворение ЛСГ «государство/страна». Данная фраза основана на обобщенном представлении марийского народа о Национальном герое, который является собирательным образом таких народных героев, как Чумбулат и Акпатыр. Например, Чумбылат (мар. Курык кугыза, Кугу ег, Поро Лемдетур Курык Кугыза, Полемдрук Кугыза) — это легендарный марийский князь, вошедший в национальную мифологию. Имя собственное происходит от тюркского «чум», муж + «булат» сталь особой прочности. Чумбылат в конце XI в. собрал под свое покровительство большую часть разрозненных марийских племен и приказал строить города-крепости. Его народ считал своим северным царем. Он собрал под свои знамена в защиту родной земли и традиционной народной веры

десятки тысяч ратников для спасения своего народа от нашествия врагов. При нем сложилось традиции богослужения, порядок жертвоприношения, которые оставались традиционными на протяжении столетий.

Крылатые выражения, фольклорные высказывания, фразеологизмы, содержащие сему футуральности, характерны для исследуемых политических дискурсов, например, прецедентные высказывания, имеющие в своей основе библейские сюжеты:

рус.: ЛДПР понимает **важность дум о хлебе насущном**.

В данной фразе лидера ЛДПР Жириновского используется выражение из молитвы, приведенной в Евангелии (Матф., 6, 11) «Хлеб наш насущный **даждь** нам днесь», говоря о внутренней и внешней политике. Будущность предполагается в оригинальной фразе и заключается в глаголе «даждь» (будущее время, грамматический способ передачи футуральности), но и не теряется в высказывании политика. Футуральность выражается с помощью семантического способа и заключена в словосочетании «важность дум о хлебе насущном».

Цитаты из литературных произведений — мировых бестселлеров — также характерны для политического дискурса, в том числе французского.

Например: В журнале *Le Monde* от 24 декабря 2003 г. опубликована статья под названием «**Gagner ou perdre**, telle est la question de M. Rumsfeld / Выиграть или проиграть, вот в чем вопрос Господина Рамсфельда». Это измененная фраза главного героя Гамлета «Быть или не быть, вот в чем вопрос!» из произведения Уильяма Шекспира. В этом случае глаголы «gagner, perdre» имеют направленность на будущее посредством использования знаменитой фразы, следовательно, футуральность выражается в данном высказывании с помощью семантического способа.

рус.: Партийцы **тронутся** — перрон **останется**.

Данное высказывание — заголовок статьи в газете «АиФ» представляет собой перифраз строчки из песни к фильму «Ирония судьбы, или с легким паром!» («Вагончик тронется — перрон останется»). Футуральность передается грамматическим способом (глаголы в будущем времени «тронутся, останется»). Цитата использована для обозначения членов политических партий и движений.

Одним из ярких примеров использования *фразеологизма* является известное во всем мире высказывание первого секретаря ЦК КПСС, главы СССР Н.С. Хрущева (1953—1964):

рус.: В нашем распоряжении имеются средства, которые будут иметь для вас тяжелые последствия. **Мы вам покажем Кузькину мать!**

Н.С. Хрущев произнес это устойчивое словосочетание, выступая на сессии ООН в 1960 г. Данным высказыванием Хрущев хотел обозначить, что за каждое необдуманное действие по отношению к СССР любая страна, в данном случае США, понесет соответствующее наказание. Это идиоматическое выражение означает угрозу и зачастую используется в качестве шутливо-иронической угрозы в чей-либо адрес.

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ функционирования афоризмов в СМИ Франции, России, Республики Татарстан и Республики Марий Эл свидетельствует о совпадении отражения концептов «власть» и «политик» в политическом дискурсе исследуемых языков.

Из всех лексико-семантических групп, выражающих концепт «власть», наиболее представленными в политическом дискурсе СМИ являются (по частотности употребления) *внешняя / внутренняя политика* (39%), *выборы* (11,5%), *государство/страна* (7%), *партии и политические движения* (15%), *государственный строй* (11,5%). Единично представлены ЛСГ *органы управления* (4%). Не находит отражения в афористическом пространстве такая ЛСГ, как *государственная символика*. Из двух лексико-семантических групп концепта «политик» наиболее употребительна группа *главы властных структур* (8%) в сравнении с ЛСГ *глава государства* (4%).

Процентное соотношение основных видов языковых афоризмов распределилось следующим образом: пословицы (23%), поговорки (15%), цитаты (8%), фразы-символы (11%), фразы-клише (35%): девизы, лозунги, слоганы, фразеологизмы (8%). Пословицы и поговорки в речи французских политиков используются реже, чем лозунги и фразы-символы.

Во всех анализируемых языках афористичность опирается на прецедентные тексты и интертекстуальность. Во французском политическом дискурсе прецедентные высказывания употребляются меньше, чем в русском. Афористичность в политическом дискурсе региональных СМИ обеспечивается в большей степени интертекстуальностью, то есть опорой на прецедентные тексты и калькирование преимущественно с русского языка. Использование внутренних ресурсов языка превалирует в русском, французском и татарском политическом дискурсе. Отмечен достаточно низкий уровень функционирования авторских (окказиональных) афоризмов в региональных языках.

Футуральность, выраженная грамматическим способом, представлена во всех анализируемых языках: в русском языке он составляет 42%, во французском — 58%, в татарском — 60%, в марийском — 83%.

Лексический и лексико-грамматический способы нашли наибольшее выражение в русском (24%), татарском (29%), французском (31%) языках. В марийском языке данный способ составляет 14,5%.

Семантические трансформации в реализации футуральности преобладают в политической афористике русского языка — 34% от общего количества выявленного фактического материала и менее всего представлены в марийском языке (2,5%). Во французском и татарском языках их соотношение одинаковое — 11%.

Таким образом, в соответствии с классификацией средств выражения футуральности в афоризмах политического дискурса к зоне ядра функционально-семантического поля футуральности относятся 60,75% афоризмов, к периферии — 14,63%, пограничной зоне — 24,62%.

В афоризмах политического дискурса исследуемых языков для выражения футуральности используются будущее простое время, будущее сложное время, императивные формы глагола, глагольная перифраза, глаголы в сослагательном

наклонении. Среди лексических средств в наблюдается частое использование ЛЕ с семой футуральности, конструкций с модальными глаголами, краткими причастиями и предикативами, формообразующие частицы, темпоральные обстоятельства.

Необходимо отметить, что в афоризмах, а именно в афористичных политических высказываниях, футуральность находит более полную реализацию в русском политическом дискурсе, чем во французском, татарском и марийском.

© Ф.Я. Хабибуллина, И.Г. Иванова, 2017

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ /REFERENCES

- Бажалкина Н.С. Роль афористичности в политическом дискурсе // *Вестник МГОУ. Сер.: Лингвистика*. 2009. № 3. С. 63—66. [Bazhalkina, N. S. (2009) Rol' aforistichnosti v politicheskom diskurse (An aphoristic nature role in a political discourse). *The Bulletin of the Moscow state regional university. Series: Linguistics*. 3, 63—66. (In Rus.)]
- Баранов А.Н., Добровольский Д.О. *Аспекты теории фразеологии*. М.: Знак, 2008. С. 656. [Baranov, A.N., Dobrovolsky, D. O. (2008) *Aspekty teorii frazeologii* (Aspects of the theory of phraseology). М.: Znak, 2008. 656 s. (In Rus.)]
- Богана Ж., Бочарова Э.А. Предвыборный политический дискурс как особая сфера коммуникации // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2012. No 1. С. 121—125 [Baghana, J., Bocharova E.A. (2012) *Predvybornyi politicheskii diskurs kak osobaya sfera kommunikatsii* (Election campaign discourse as a particular communication field). *Russian Journal of Linguistics*. 1, 121—125 (In Rus.)]
- Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. *Язык и культура*. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М.: 1990. 246с. [Vereshchagin, E. M., Kostomarov, V. G. (1990) *Yazyk i kultura*. *Lingvostranovedenie v prepodavanii russkogo yazyka kak inostrannogo* (Language and culture in teaching Russian as foreign). М., 1990. 246 s. (In Rus.)]
- Ильясов Ф.Н. *Политический маркетинг. Искусство и наука побеждать на выборах*. М.: ИМА-пресс, 2000. 200 с. [Ilyasov, F.N. (2000) *Politicheskii marketing. Iskusstvo i nauka pobezhdat' na vyborakh* (Political marketing. Art and science to win elections). М.: ИМА-press. 200 s. (In Rus.)]
- Лебедев И. Назовем вещи своими именами [Электронный ресурс]: URL: <http://lebedev-ldpr.livejournal.com/45738.html> (дата обращения: 25.05.2016). [Lebedev I. We will call things by their proper names [An electronic resource]. Live Journal: <http://lebedev-ldpr.livejournal.com/45738.html> (date of the address: 5/25/2016).]
- Хабибуллина Ф.Я., Иванова И.Г. Афористическое отражение концептов «власть» и «политик» в региональных СМИ (на материале татарского и марийского языков) // *Вестник РУДН. Сер.: Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2016. № 2. С. 62—70. [Khabibulina, F.Ya., Ivanova, I.G. (2016) *Aforisticheskoe otrazhenie kontseptov "vlast" i "politik" v regional'nykh SMI* (na materiale tatarskogo i mariiskogo yazykov) (Aphoristic reflection of concepts “power” and “politician” in regional mass media (on material of the Tatar and Mari languages). *The RUDN Bulletin “The theory of language. Semiotics. Semantics”*. No. 2, S. 62—70. (In Rus.)]
- Хабибуллина Ф.Я., Иванова И.Г. Политическая лексика в татарском и марийском языках: синхронный анализ // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2014. № 1 (31). С. 186—190. [Khabibulina, F.Ya., Ivanova, I.G. (2014) *Politicheskaya leksika v tatarskom i mariiskom yazykakh: sinkhronnyi analiz* // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2014. № 1 (31). С. 186—190. [Khabibulina, F.Ya., Ivanova, I.G. (2014) *Politicheskaya leksika v tatarskom i*

mariiskom yazykakh: sinkhronnyi analiz (Political vocabulary in the Tatar and Mari languages: synchronous analysis. *Philological sciences. Questions of the theory and practice*. No. 1 (31), S. 186—190. (In Rus.))

Хабибуллина Ф.Я., Смирнова Н.Ю. Лексикографическое описание современной французской и русской политической неологии // Вестник МарГУ. 2016. № 2 (22). С. 92—100. [Khabibullina, F. Ya., Smirnova N. Yu. (2016) Leksikograficheskoe opisanie sovremennoi frantsuzskoi i russkoi politicheskoi neologii (Lexicographic description of a modern French and Russian political neologiya). MARGA, Yoshkar-Ola Bulletin, No. 2 (22), S. 92—100. (In Rus.)]

Федоренко Н.Т., Сокольская Л.И. *Афористика*. М.: Наука, 1990. 419 с. [Fedorenko, N. T., Sokolsky, L.I. (1990) *Aforistica* (Aphorism studies). M.: Science, 419 s. (In Rus.)]

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х т.: Пер. с нем. *Russisches etymologisches Wörterbuch / Перевод и дополнения О. Н. Трубачёва*. 4-е изд., стереотип. М.: Астрель АСТ, 2004. Т. 2. 671 с. [Fasmer, M. (2004) *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* (Etymological dictionary of Russian). In 4 t.: The lane with is mute. *Russisches etymologisches Wörterbuch / Translation and O. N. Trubachyov's additions*. 4 prod., stereotype. M.: Astrel — nuclear heating plant, 2004. T. 2. 671 s. (In Rus.)]

Azizullah Mirzaei, Zohreh R. Eslami, Fatemeh Safari (2017). Exploring Rhetorical-Discursive Practices of Rouhani's Presidential Campaign and Victory of his Prudence-and-Hope Key: a Discourse of Persuasion. *Russian Journal of Linguistics*, 21 (1), 161—182.

Gornostayeva, A. (2016). American Political Discourse: Irony in Pre-Election Campaign 2016. *Russian Journal of Linguistics*, 20 (4), 179—196.

Электронные ресурсы и словари / Links and Dictionaries

Безнец гэжит № 9 от 5.03.2014.

Ватаным Татарстан, № 18—19 от 01.02.2013.

Ватаным Татарстан, № 86 от 18.06.2014.

Жириновский В. [Электронный ресурс] / Газета ЛДПР. URL: <http://ldprpmr.com/events/4-russia/1958-sobitie.html> (дата обращения: 25.05.2016).

«Левый поворот» — спасение страны. *Голос правды* № 4(449) от 26.02.2016.

Марий Эл № 30(24659) от 25.04.2015 г.

Марий Эл. URL: <http://gazetamariel.ru/?p=4954> (дата обращения: 25.05.2016).

Марий Эл. URL: <http://gazetamariel.ru/?p=8988> (дата обращения: 25.05.2016).

Официальный сайт Конгресса русских общин Д. Рогозина [Электронный ресурс]. URL: http://moboz.ru/stat.php?STAT_ID=270 (дата обращения: 30.05.2016).

Официальный сайт ЛДПР [Электронный ресурс] / Предвыборная компания Жириновского. URL: <https://rg.ru/2007/11/20/ldpr.html> (дата обращения: 13.05.2016).

Официальный сайт Российской державной партии. Ст. Терехова [Электронный ресурс]. URL: http://www.za-nauku.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=5538 (дата обращения: 30.05.2016).

Партийцы тронутся — перрон останется. *Аргументы и Факты*. № 48 30/11/2005.

Пословицы на татарском языке. URL: <http://tatarz.ru/index/0-79,0>.

Толковый словарь Ожегова. С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. 1949—1992. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegov/8246> (дата обращения: 30.05.2016).

- Цитаты. [Электронный ресурс]. URL: <http://evene.lefigaro.fr/citations> (дата обращения: 30.05.2016).
Чумбылат. URL: <http://finugor.ru/leaders/candidate/chumbylat> (дата обращения: 30.05.2016).
Шәһри Казан, 20.03.2014, № 30 (5356).
Déclaration de M. François Hollande [Электронный ресурс] / François Hollande. Режим доступа: <http://francoishollande.fr> (дата обращения: 30.05.2015), свободный.
Déclaration de M. Jacques Cheminade [Электронный ресурс] / Vie Publique. URL: <http://discours.vie-publique.fr> (дата обращения: 29.05.2015).
Déclaration de M. Nicolas Sarkozy [Электронный ресурс] / La France Forte. URL: <http://www.lafranceforte.fr> (дата обращения: 29.05.2015).
Un discours sur prescription: les «argumentaires» des partis politiques comme éléments de cadrage de la parole «Moi président de la République» [Электронный ресурс] / Open Edition. URL: <https://aad.revues.org/1438#tocto2n8> (дата обращения: 14.05.2016).
Rumsfeld 24 décembre 2003 [Электронный ресурс] / Le Monde. URL: http://www.lemonde.fr/archives/article/2003/10/23/gagner-ou-perdretelleestlaquestiondemrumsfeld_339154_1819218.html?xtmc=gagner_ou_perdre_telle_est_la_question_d_m_rumsfeld&xtcr=1 (дата обращения: 11.05.2016).
Sarkozy N. La Reconquête: De la défaite à la présidence de l'UMP [Электронный ресурс] / Google Books. URL: <https://books.google.ru/books?id> (дата обращения: 14.05.2016).

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 10 октября 2016

Дата принятия к печати: 20 июня 2017

Для цитирования:

Хабибуллина Ф.Я., Иванова И. Г. **Выражение футуральности в афоризмах политического дискурса разноструктурных языков // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Лингвистика**. 2017. Т. 21. № 4. С. 844—857. DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-4-844-857.

Сведения об авторах:

Флёра Яхиятовна Хабибуллина, кандидат педагогических наук, доцент, Марийский государственный университет (ФГБОУ ВО «МарГУ»). *Сфера научных интересов*: политическая лингвистика, политическая афористика, дискурс-анализ, лингвопрагматика. *Контактная информация*: e-mail: khflora@yandex.ru

Ираида Геннадьевна Иванова, кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии, Марийский государственный университет (ФГБОУ ВО «МарГУ»). *Сфера научных интересов*: сравнительная типология, политическая лингвистика, политическая афористика, дискурс-анализ, лингвопрагматика. *Контактная информация*: e-mail: iraida44@yandex.ru

DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-4-844-857

APHORISMS WITH THE MEANING OF FUTURE IN POLITICAL DISCOURSE IN LANGUAGES OF DIFFERENT STRUCTURE

Flera Ya. Khabibullina, Iraida G. Ivanova

Mari State University

Lenin Square 1, Yoshkar-Ola, Republic Of Mari El, 424000

Abstract. The article is devoted to the study of the category of future in French, Russian, Tatar and Mari aphorisms. The data were taken from international and regional mass media. We compared proverbs, sayings, appeals, mottoes, slogans, clichés, symbol phrases, and quotations. The special attention was

paid to functioning of aphorisms expressing the concepts “power” and “politician”. The conducted analysis showed that the most frequent aphorisms in mass media of the languages under the study relate to the following lexico-semantic fields: *foreign/domestic policy, state/country, state structures / services, establishments, governing bodies, political system, authorities, heads of political structures, parties, movements, and their members*. The analyzed languages aphorisms are based on precedent texts and intertextuality. The use of internal resources of language prevails in the Russian, French and Tatar political discourses while the regional languages tend to calque aphorisms from Russian and have a relatively small number of occasional aphorisms. Besides the grammar means of expression of future, which is typical of all the languages analyzed, Russian, Tatar, and French contain lexical and grammatical means. The Russian language demonstrates semantic transformation in political aphorisms expressing the future. The article revealed the predominance of aphorisms in political discourse relating to the core area of functional semantic field of futurity, over the periphery and border zone. The results of the study show that aphorisms with the meaning of future are more typical of the Russian political discourse in comparison with the French, Tatar and Mari political discourses.

Keywords: *aphorism, political discourse, future, concept “power”, concept “politician”, mass media*

Article history:

Received: 10 October 2016

Revised: 18 May 2017

Accepted: 20 June 2017

For citation:

Khabibullina, F. Ya., Ivanova, I. G. (2017) Aphorisms with the Meaning of Future in Political Discourse in Languages of Different Structure. *Russian Journal of Linguistics*, 20 (4), 844—857. DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-4-844-857.

Bio Notes:

Flera Ya. Khabibullina, PhD, Associate Professor at Mari State University. *Research Interests:* political linguistics, political aphorism studies, discourse analysis, pragmatics. *Contact information: e-mail:* khflora@yandex.ru

Iraida G. Ivanova, PhD, Associate Professor, Department of Romano-Germanic Philology at Mari State University. *Research Interests:* comparative linguistics, political linguistics, political aphorism studies, discourse analysis, pragmatics. *Contact information: e-mail:* iraida44@yandex.ru

DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-4-858-869
УДК 811.221.32

СОЗДАНИЕ ДИСКУРСА ПУБЛИЧНОЙ СФЕРЫ ШУГНАНСКОГО ЯЗЫКА В СМИ И СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

П.Ш. Абдулхамидова, Ш.П. Юсуфбеков

Институт гуманитарных наук им. Б. Искандарова
Памирский филиал
АН Республики Таджикистан
736000, Хорог, Таджикистан, ул. Холдорова 58

Шугнанский язык — один из памирских языков Таджикистана — является малочисленным и бесписьменным языком. Социально-экономические и политические изменения в жизни носителей языка влияют и на его функционирование. Данный язык был раньше лишен общественного значения. В конце 1980-х гг. начали возникать идеи о расширении функций языка и предпринимались попытки его использования в СМИ печатного образца, телевидении и радио. Наблюдение за развитием функционирования шугнанского языка в этих средствах стала основой для гипотезы о возникновении дискурса публичной сферы, где становится возможным постановка проблем, важных для народности, и их обсуждение для их дальнейшего решения. В связи с этим основной целью статьи является исследование попыток создания дискурса публичной сферы шугнанского языка в СМИ и социальной сети Фейсбук. Теоретическая и методологическая база статьи основывается на концепции публичной сферы Ю. Хабермаса и Критическом анализе дискурса Н. Феркло. Материалом для статьи послужили тексты СМИ печатного образца, выступлений на телевидении и радио и публикаций в шугнаноязычных группах Фейсбук. По результатам исследования, присутствие шугнанского языка в СМИ ограничено и наиболее успешно создание общественного мнения, постановки проблем, с целью их решения — создание публичной сферы, что в настоящее время осуществляется в шугнаноязычных группах Фейсбук. Анализ дискурсивной практики показывает, что несмотря на медленное развитие СМИ, установление публичного дискурса происходит через создание словесных единиц, имеющих публицистический характер. Шугнаноязычные группы Фейсбук способствуют укреплению позиции языка, через постановку и обсуждение актуальных для членов языкового сообщества вопросов и создание языковых единиц, усиливающих уверенность в использовании бесписьменного шугнанского языка в публичной сфере.

Ключевые слова: *шугнанский язык, публичная сфера, СМИ, шугнаноязычные группы, Фейсбук, публичный дискурс*

1. ВВЕДЕНИЕ

Язык является важным средством самовыражения для носителей малочисленных языков. Отсутствие письменности, по Алпатову, затрудняет осуществление «стремления в любой ситуации общения пользоваться «своим» языком, освоенным в два-три года (Алпатов 2000:11). К таким языкам относится и шугнанский язык — один из памирских языков Таджикистана. Шугнанский язык, сохраняющийся в основном на устном уровне, долгие годы имел ограниченную сферу применения

и не имел общественного значения. Однако в последние годы наблюдаются попытки его использования в обсуждении важных для шугнанской народности вопросов социально-экономического характера.

Шугнанцы — одна из малочисленных памирских народностей, родным языком которых является шугнанский язык, распространенный на территории Афганистана и в Горно-Бадахшанской автономной области (ГБАО) Таджикистана. Использование шугнанского языка в школьной практике с 1932 по 1940 г. оставило свой след в исторической памяти шугнанской народности как прецедент для возможности расширения функций языка. Вопросы функционирования шугнанского языка, языковой ситуации подвергались исследованиям в работах М. Аламшоева (2002, 2009), Л. Додыхудоевой (2004, 2009), Д. Карамшоева (1983), М. Худоёрова (2011) и Х. Шамбезода (2007). Однако не было отдельных работ, рассматривающих использование шугнанского языка в публичной сфере. В статье будут продемонстрированы результаты исследования, свидетельствующие о том, что для носителей шугнанского языка родной язык становится средством дискурса по обсуждению социальных проблем с целью поиска их совместного решения в СМИ и социальных сетях, которые, по мнению Шейхулислами, увеличивают «инструментальную и созидательную роль языка», позволяя выразить свои идеи в письменном виде (Sheyhulislomi 2010: 291).

В 2009 г. в своей работе Л. Додыхудоева и В. Иванов с сожалением отмечали, что носители памирских языков не знают о важности их сохранения (Додыхудоева, Иванов 2009: 37). Похоже, ситуация меняется. Попытки создания СМИ, таких как газеты, радиовещание и телевидение, активность в социальных сетях Интернет, говорят о том, что наблюдается тенденция перехода шугнанского языка из языка, применяемого только в частной сфере, в язык, используемый в публичной. Шугнанский язык до недавнего времени никогда коллективно не применялся для обсуждения насущных вопросов, и возникновение интересной тенденции его использования для обращения к тем, кто способен решить их, меняет статус языка. В связи с чем **целью данной статьи** является изучение попыток создания дискурса публичной сферы шугнанского языка в СМИ и социальной сети Фейсбук.

2. МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование опирается на концепцию публичной сферы Ю. Хабермаса, в которой публичной сферой является вынесение на общее обсуждение вопросов, значимых для определенной группы людей, для поиска их совместного решения. События и случаи по нему, открытые для всех, в противоположность закрытым и ограниченным отношениям, которые можно обсуждать и решать, проблемы, связанные с ними или требование их решения от властей, от тех, от кого это зависит, и есть публичная сфера (Habermas 1989). Образование языковой публичной сферы способствует созданию коллективной идентичности. В ходе изменений функций шугнанского языка конструируется дискурс, используемый в публичной сфере, который может быть исследован с помощью критического анализа дискурса Норманна Фэркло. В связи с этим основным **методом исследования** в статье выбран

критический анализ дискурса Норманна Фэркло (Fairclough 1995). Трехмерная модель дискурсивного анализа Н. Фэркло, основанная на анализе дискурсивной практики, текста и социокультурных практик, подходит в анализе зарождающегося публичного дискурса шугнанского языка, так как может быть полезной для объяснения того, из чего состоит и как сконструирован дискурс публичной сферы. Материалом для статьи послужили тексты, представленные в СМИ, куда включается радио, телевидение, тексты в газетах «Фарханги Бадахшон», «Маърифати Шугнон», «Лозар» и «Хирцирах» и публикации в шугнаноязычных группах социальной сети Фейсбук. В статье на уровне дискурсивной практики рассматриваются история развития идей о распространении шугнанского языка, вопросы производства текста и его потребления, вид средства, который распространяет дискурс публичной сферы. Анализ социокультурного уровня объясняет социокультурные контексты, хочет ответить на вопрос — кто пытается создать публичную сферу и почему? В анализе текста представлены символические значения понятий терминов, делающих возможным вхождение языка в новую сферу пользования.

Сбор материалов исследования производился путем наблюдения за возникновением, развитием дискурса публичной сферы в текстах и выступлениях СМИ на шугнанском языке и шугнаноязычных групп социальной сети Фейсбук «Pamir News», «Помери бозор» и «Помери зивен» с 2011 г. и изучением истории вопроса в литературе. Для настоящей статьи данные в газетах и в шугнаноязычных группах Фейсбук были выбраны на основе публикаций, в которых делалась попытка организации публичного текста. Данные областного телевидения ГБАО взяты из видеохостинга You tube.

3. МАТЕРИАЛЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ АНАЛИЗ

Изменения в функционировании шугнанского языка связаны с общественно-политическими и экономическими изменениями в жизни носителей языка в последние годы, и язык является прямым отражением того, что происходит в языковом сообществе. Несомненно, возникновение идей о возможности использования родного языка связано с выполнением его образовательных функций в 1930-х гг., когда были созданы учебники для начальных классов и велось обучение в школах. К 1940 г. шугнанский язык был полностью исключен из сферы общественного пользования. Как отмечает Х. Шамбезода, «выведение шугнанского языка из значимых сфер общения привело его в „ненормальную ситуацию“, когда носители стали ставить под сомнение саму целесообразность существования своего этнического языка» (Шамбезода 2007: 55). Попытки расширения сфер применения шугнанского языка возобновились в конце 1980-х гг. Группа молодежи, выходцев из ГБАО, начала движение за общественное использование шугнанского языка. Если создание публичной сферы в Европе началось в кофейнях и торговых местах и продолжилось в издательских предприятиях и газетах, то начало публичной сфере на малочисленном шугнанском языке было положено в студенческих кружках студентов-шугнанцев, обучающихся в городе Душанбе. Данные кружки литературного направления, получившие одобрение и благословение поэта Нодира Шамбезода и известного лингвиста Р.Х. Додыхудоева, пропагандировали повсеместное

использование родного шугнанского языка во всех сферах. Организаторы данных кружков впоследствии организовали небольшой ансамбль песни, на концертах которого в выступлениях развивался публичный дискурс и повсеместно подчеркивалась важность ведения публичных речей на родном языке. Как сообщает М. Худоёров, действия данной группы и их идеи были раскритикованы ветеранами партии — носителями шугнанского языка в СМИ и объявлены «нездоровыми суждениями», а шугнанский язык и другие памирские языки снова настоятельно назывались диалектами таджикского языка (Худоёров 2011: 192). Однако в 1989 г. был принят «Закон о Государственном языке», где была легимитирована поддержка развития памирских языков. По сведениям, приведенным М. Худоёровым, в 1989—1991 годы руководство ГБАО разработало меры для осуществления развития памирских языков, но они остались невыполненными в связи с начавшейся гражданской войной (Худоёров 2011: 192). Публичное обсуждение судьбы шугнанского языка дало толчок к его применению в различных сферах жизни.

Присутствие шугнанского языка в СМИ печатного образца остается незначительным, в настоящее время нет даже шугнаноязычных газет, однако применение языка в газетах имело резонанс. С 1990 по 1993 г. в области печатались газеты *Фарханги Бадахшон* ‘Культура Бадахшана’, *Маърифати Шугнон* ‘Просвещение Шугнана’, *Шохдара*, последние страницы которых представляли образцы шугнанской речи в разных жанрах, где ставились актуальные проблемы общества. Возможность читать на родном языке стала важным общественным событием, но с началом гражданской войны вопросы развития языка отошли на второй план и газеты перестали печататься. Первыми полностью шугнаноязычными газетами стали газеты *Хирцирах* ‘Заря’ и *Лозар* ‘Родник, начало начал’, печатавшиеся в 2009 г. Газеты издавались по инициативе местных журналистов и общественной организации *Дод чид*. По неизвестным причинам выпуск данных газет был приостановлен в том же 2009 г.

Публичный дискурс в этих газетах создавался такими жанрами, как новостные заметки, интервью, статьи, и жанром очерка. Новостные заметки оповещали о культурных событиях ГБАО, в интервью с известными людьми подчеркивали мысль о важности родного языка и его развития. Статьи давали сведения исторического характера. Очерки рассказывали о тех, кто внес вклад в сохранение культуры, языка шугнанцев.

Письменная система газеты имеет свои особенности, что связано со своеобразным составом звуков шугнанского языка. Для передачи специфических звуков шугнанского языка в газетах к наиболее похожей по передаче звука букве прибавлен ь (мягкий знак). Например для передачи звука δ -переднеязычного плоскощелевого используется буква д с мягким знаком дь *дьар* ‘далеко’.

В первом номере газеты известный в Таджикистане ученый-лингвист Офаридаев называет основную миссию выпуска газеты в своей приветственной статье: придание общественной значимости родному языку, поднятие его престижа. При этом употребление им понятий *наш язык, наши родные памирские языки, наш родной шугнанский язык, родной язык*, глаголы *сохранившие, продолжать, развивать* являются оценочными и помогают дать положительную оценку стремлению но-

сителей языка достичь своей идентичности через поднятие престижа родного языка. Они также поощрительно воздействуют на дальнейшее развитие широкого применения языка его носителями.

Наши родные памирские языки выходят на новый уровень развития. Долгие годы мы были убеждены, что наш родной шугнанский язык, являющийся языком не очень большого количества людей, должен быть языком общения только дома, что он не должен употребляться в обществе. Однако, услышав песни на родном языке, на Республиканском телевидении, наблюдая за использованием нашей речи на собраниях, в обсуждении общественных проблем, мы все больше начинаем понимать, что наш язык не такой уж и только «домашний». Мы, сохранившие его в течение почти двух тысячелетий, продолжаем его развивать! Чтоб быть ближе к себе, изучить и познать себя! (Хирцирах, № 1, 2009).

Репрезентация шугнанского языка на телевидении началась в 1989 г., на Таджикском телевидении на передаче *Шоми Бадахшон* 'Вечер Бадахшана', которая в основном велась на таджикском языке, но впервые в ней была представлена речь на шугнанском и других памирских языках. Эта телепередача имела большой успех, так как носители языка стали свидетелями демонстрации отдельных частей родной речи. В 1991 г. начало работу областное телевидение, где шугнанский язык применялся в телепередачах. Дискурсивная практика шугнанского языка на телевидении ГБАО представлялась в жанрах интервью, телепередачах об известном шугнаноязычном поэте-барде Лидуше Хабибе, в его концертах, юмористических сценках и песнях об актуальных проблемах общества. К примеру, в отрывке диалога из юмористической сценки «У доктора» в исполнении известных шугнаноязычных актеров Мозика и Мишика «Женщина у доктора», выложенного в видеохостинге You tube, высмеян доктор, который считает свой родной язык низкопрестижным. Пациентка, согласно традиции, для обозначения симптомов использует эвфемизированные понятия и выражения, которые употребляются и в прямом значении. Доктор воспринимает слова пациентки в их прямом значении, игнорируя свой родной язык. В тексте использовано словосочетание *на нашем языке*, апеллирующее к знанию родного языка.

Пациентка: Здравствуйте, сынок, какой Вы доктор?

Доктор: Я врач — ухо горло нос!

Пациентка: Сынок, объясни-ка на нашем языке. Я не поняла.

Доктор: А я образование получал на русском языке. Не могу объяснить! Что еще Вас беспокоит?

Пациентка: Я не могу нагнуться (по шугнански — Хат на хат — букв. «не могу нагнуться») также звучит как — «кушать или не кушать»)

Доктор: Что за вопрос? Что за люди! Ну и не еште! Что еще беспокоит Вас?

Пациентка: Нет, ну я сказала ведь — я не могу нагнуться! Ну да ладно. Я вот жалуюсь на вот чего: голова кружится (в шуг. буквально «гуляет»), у меня одышка (букв. «дыхание исчезло внутри»). У меня понос (букв. «мой живот уходит»). Мой глаз дергается (букв. «прыгает»).

Доктор: Что за люди — почему голова Ваша гуляет сама по себе? Вот осмотрел. — Пупок Ваш на месте! Как глаз Ваш прыгает, вверх или в сторону? — Нет тут лечения. Дыхание вернем на место и живот тоже вернется!

(You tube Женщина у доктора)

Юмористические тексты подобного рода помогли установке мнения о том, что знание родного языка и его правильного использования важно и престижно. Позиция публичного дискурса укреплялась и в других сценках сатирико-юмористического характера в последующие годы, где применялся разговорный дискурс, смешанный с официальным, усиливая сатирико-юмористическое начало и укрепляя позицию публичного дискурса. В 1990 — начале 2000-х еще некоторые интервью, взятые на шугнанском языке, представлялись без перевода. Интервьюируемые в большей части смешивали разговорный дискурс с публичным. В настоящее время шугнанский язык не используется на областном телевидении.

Радиовещание существует в ГБАО с 1930 г., но вещание велось только на таджикском и русском языках. В декабре 2013 г. радиостанция «Имруз» начала вещание на шугнанском языке. Однако событие это длилось недолго, в феврале 2014 г. работа шугнанского радио было приостановлено по неизвестной причине. Инициатива радиовещания также принадлежала энтузиастам из числа шугнаноязычной интеллигенции и представителей искусства, проживающих в Душанбе — столице Таджикистана. В настоящее время шугнанская речь не используется ни одной радиоккомпанией. Дискурсивная практика радиопередач была развита только в жанрах новостей, интервью и радиобеседы.

Анализ текста в СМИ показал, что впервые в публики печатных и вещательных СМИ были введены такие понятия, как *наш язык, родной язык, наш народ, шугнанский язык, памирские языки* на шугнанском языке. Символическое значение утверждения родного языка происходит введением этих новых для шугнанской речи выражений, ранее не употреблявшихся в контексте публичной речи в дискурсивной практике. Публичный дискурс в СМИ создавался в основном журналистами и деятелями искусства и культуры.

В исследованиях по шугнанскому языку в 1990—2010 гг. подчеркивалось, что в шугнанском языке стремительно утрачиваются или переходят в разряд архаизмов многие лексические единицы, и язык переходит в разряд исчезающих (Аламшоев 2009, Додыхудоева 2004, 2009). А Д. Кристал предсказывал, что «язык, находящийся в опасности исчезновения, будет развиваться, если его носители будут пользоваться электронной технологией» (2004). Так, с появлением Интернета в области в 2004 г. начался новый период в функционировании шугнанского языка. Новое средство коммуникации было быстро освоено. Однако более уверенное вхождение шугнанского языка в публичную сферу началось в шугнаноязычных группах социальной сети Фейсбук.

Социальные сети, особенно Фейсбук, привлекают шугнаноязычных пользователей, по выражению Янга «возможностью демократического участия» (Yang 2003) в получении информации разного рода на родном языке и возможностью делиться своими мыслями и суждениями по различным вопросам. Первая группа для пользователей шугнанского языка *Помери бозор* ‘Памирский круг’ была создана в 2006 г. Важную роль в развитии публичного дискурса играют группы: *Pamir news* ‘Памирские новости’, *Помери зивен* ‘Памирские языки’, которые активно развивают публичный дискурс на своих страницах. Каждая из групп имеет определенные цели, которые обозначены в их названиях, однако в целом все важные

для ГБАО события освещаются на их страницах и можно выделить общие темы и категории для данных групп.

Дискурсивная практика групп *Памир Ньюс* и *Помери бозор* конструируется из опубликованных в них текстов, содержание которых можно разделить на следующие категории: новости, искусство, спорт, социальные проблемы, вопросы экономики, политические проблемы, вопросы образования, религии, морали, сохранение языка, традиций. Пользователи групп Фейсбук чаще всего вводят в обиход материалы журналистов различных СМИ по проблемам народности и тексты, созданные самими пользователями.

Активистами в публичном дискурсе шугнаноязычных групп Фейсбук являются представители небольшого числа интеллигенции, живущих в городах Душанбе, Худжанд и Хороге, журналисты, ученые, сотрудники международных организаций, занимающиеся анализом и составлением отчетов по ситуации в стране, члены Социал-демократической партии Таджикистана, студенты многих престижных среднеазиатских вузов, студенты, обучающиеся в магистратуре и докторантуре европейских и американских вузов. Дискурс в основном создается в комментариях, в обсуждении публикаций. Примером дискурса, по материалу СМИ, может стать публикация пользователя группы *Памир Ньюс* А. Давлатназарова:

Только что, в передаче «Хабар» телеканала ЧАХОННАМО, было сообщение о Дне Природы, состоявшемся в Рошткалинском районе Горно-Бадахшанской автономной области (ГБАО). Самое обидное то, что ни корреспондент телеканала в ГБАО, ни диктор передачи телеканала не произнесли слова «АВТОНОМНЫЙ» в своих сообщениях. Эта передача повторяется, можете удостовериться, если не верите. Диктор сказала Горно-Бадахшанская область. Каково ваше мнение по этому вопросу — пропаганда, направленная против нашей «автономности», началась?» (Фейсбук, 2015).

Пользователь А. Давлатназаров известен тем, что, ставя актуальные для ГБАО вопросы, публикуется в группе *Памир Ньюс* на шугнанском языке, однако приведенная выше публикация написана на таджикском языке. Здесь автор указывает, что в названии ГБАО опущено слово *автономный*, которым подчеркивается особый статус области. Автор публикации добавляет, что, по его наблюдениям, последнее время дикторы телевидения называют область Бадахшанской, а не Горно-Бадахшанской автономной областью, и делает предположение, что на высшем уровне готовится изменение статуса автономности области.

Эта публикация вызвала большой поток обсуждений на шугнанском языке и дала толчок активизации наблюдения за представлением названия области в различных СМИ страны. Часть пользователей сообщили, что депутат Таджикского парламента С. Шарипов предложил провести референдум по упразднению некоторых административных единиц в республике, в том числе и статуса автономности области. Результатами обсуждений стал отклик руководителей области в местных и республиканских СМИ и сообщения о том, что изменения статуса автономности области не предвидится. На уровне анализа текста можно отметить появление нового понятия и названия темы для всеобщего обсуждения 'наша ав-

тономность», которое ранее отсутствовало в обиходной речи частной сферы. Новый термин, появившийся в ходе обсуждений, приобрел символическое значение отстаивания своих конституционных прав и попыток налаживания диалога с государственными СМИ и даже с властями.

Собственные тексты пользователей также стимулируют формирование общественного мнения. Пользователь А. Шерзамонов в публикации в Фейсбук в группе *Памир Ньюс* от 10 ноября 2015 г. оповещает о необычности происшедшего случая и приглашает пользователей к его обсуждению.

Ночью люди в масках разбили окна в Памир-плаза (торговый центр). Что скажете. кому это было нужно. Не было собой ничего (сфотографировать), не то выложил бы фотографию.

Публичный дискурс получил интересное развитие в комментариях к публикации. Обсуждение вопроса привело пользователей к выводу, что кому-то выгодно представить город Хорог-центр ГБАО неблагополучным в правовом отношении местом в глазах инвесторов, намеревающихся вложить деньги в организацию бизнеса в области.

В обоих случаях текст публичного дискурса создается внедрением новых понятий в текст: *наша автономия* или *наша автономность*, *наши законы*, *отстаивание своих прав*, *конституционные права* — выражения, отсутствовавшие ранее в шугнанском языке, — были созданы в ходе обсуждений пользователями. Повторяющееся в словосочетаниях местоимение *наше* подчеркивает наличие общих интересов, призыв к размышлению над проблемой с целью ее совместного решения. Вопросительная конструкция — также вклад в вовлечение носителя языка к обсуждению вопроса (Фейсбук, 2015).

В группе *Памирские языки* в основном затрагиваются вопросы развития языка, создание алфавита, выкладываются исследования по памирским языкам, восстанавливаются лексические единицы языка, вышедшие из употребления. Публичный дискурс группы особо подчеркивает отстаивание прав на использование родного шугнанского языка в публичной сфере, образовании и создается на основе слов и выражений *наш язык*, *языковые права*, *алфавит шугнанского языка*.

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Печатные СМИ, радио, телевидение и социальная сеть Фейсбук используются носителями шугнанского языка с целью публичного распространения родного языка и создания публичной сферы. Дискурсивная практика в этих средствах коммуникации показывает, что они играют важную роль в создании «коллективного общественного мнения» (Трахтенберг, 2015). Также использование шугнанского языка в разных видах СМИ может способствовать его публичному распространению не только в местах компактного проживания шугнанской народности, но и среди диаспор, проживающих в других государствах, благодаря чему усиливается связь между носителями языка и увеличится число участников, создающих публичную сферу языка. Анализ дискурса в социокультурном контексте выявляет различия в создании публичной сферы шугнанского языка в разных медиа. Как пока-

зывают результаты исследования, попытка создания публичной сферы в газетах и на телевидении в 1980—1990 гг. осуществлялась в основном журналистами, носителями языка, которые хотели использовать предоставленную возможность легимитивного расширения функций шугнанского языка первым Законом о языке. В 2000-х же годах инициатива создания публичного дискурса принадлежала членам гражданского общества, НПО, которые ставили целью утверждение мысли о важности расширения публичных функций родного языка, опираясь на права, предоставленные Законом о языке 2009 г.¹ Материально-экономическая поддержка изданию газет было оказана НПО, для которых развитие родного языка продиктовано желанием распространения и укрепления его позиций.

Распространению шугнанского языка в публичном пространстве социальной сети Фейсбук способствовали действия представителей интеллигенции, студенчества, живущих не только в ГБАО, но и в самых разных странах мира. Если использование языка в публичном пространстве СМИ прежних лет было неосознанным утверждением права на применение родного языка, то создание шугнаноязычных групп Фейсбук связано с твердым желанием обсуждать насущные проблемы на родном языке и стремлением охвата большего числа людей и доведения до них мысли, что их родной язык годен для публичного пользования. В то время как язык в других СМИ ограничен жанровыми рамками, социальная сеть более свободна от подобных рамок и является лучшим пространством для практикования родной речи, не имеющей прежде публичных репрезентаций. И наконец, социальные группы Интернет, в особенности Фейсбук, частично стали заменой печатных СМИ, телевидения, публикуя материалы из этих медиа.

В заключение следует отметить, что создание публичной сферы шугнанского языка находится на самом раннем этапе своего развития. Хотя еще нет четкого разделения между частной и языковой публичной сферой, существует ясная цель, мотивирующая развитие публичной сферы, которая заключается в создании общественного мнения о том, что шугнанцы имеют право распространять свой родной язык. Создание публичной сферы шугнанского языка дает возможность народности быть осведомленной о существующих проблемах и проявить активность в их решении. Другой идеей, становящейся ведущей в Фейсбук, является идея о создании дискурса, способного заменить отношения господства и власти, на общение равных в праве людей. Это лучший путь избежать конфликтных ситуаций, так как, имея публичную сферу для заявления своих интересов, носители малочисленного языка могут участвовать в дебатах и решать проблемы мирным путем.

© П.Ш. Абдулхамидова, Ш.П. Юсуфбеков, 2017

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Аламшоев М. *Отраслевой словарь шугнанского языка (животноводство). Предисловие*. Санкт-Петербург, 2002. [Alamshoev M. (2002) *Otraslevoi slovar' shugnanskogo yazyka (zhivotnovodstvo)*. Saint Peterburgh. (In Russ).]

¹ Закон Республики Таджикистан о государственном языке Республики Таджикистан. Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан, 2009, № 9—10.

- Аламшоев М. Историческое становление и перспективы сохранения памирских языков / Конференция Международного фонда исчезающих языков; Сентябрь 24—26; Хорог, 2009 С. 177—183. [Alamshoev M. (2009). Historical formation and prospects for preservation of Pamirian languages. Paper presented at XIII FEL Conference; 2009 Sep 24—26; Khorog (In Russ).]
- Алпатов В.М. *150 языков и политика: 1917—2000*. М.: Крафт+ИВ РАН 2000. [Alpatov V. M. (2000). *150 yazykov i politika: 1917—2000*. Moscow: KRAFT + IV RAN. (In Russ).]
- Карамшоев Д. О функционировании памирских языков на современном этапе // *Развитие языков в странах зарубежного Востока*. М.: ИВ, 1983. С. 98—106. [Karamshoev D. (1983). *O funkcionirovanii pamirskikh yazykov na sovremennom etape*. In: *Razvitie yazykov v stranakh zarubezhnogo Vostoka*. Moscow: IV. P. 98—106. (In Russ).]
- Трахтенберг А.Д. Рунет как «публичная сфера»: Хабермасианский идеал и реальность // Политекс. 2015. № 4 (дата обращения: 25.09.2015). Режим доступа: www.politex.info/content/view/232/30. Дата обращения: 24.11.2015. [Trakhtenberg A.D. (2015). Runet kak “publichnaya sfera”: Habermasianskii ideal i real’nost, Politex, 4. Retrived from: www.politex.info/content/view/232/30/. (In Russ).]
- Фейсбук, Группа Памир Ньюс [дата обращения: 25.09.2015]. Режим доступа: www.facebook.com/groups/pamirnews/. [Facebook, Pamir News group, 24.09.2015. Retrived from: www.facebook.com/groups/pamirnews/].
- Фейсбук, Группа Памир Ньюс [дата обращения: 10.11.2015]. Режим доступа: www.facebook.com/groups/pamirnews/. [Facebook, Pamir News group 10.11.2015. Retrived from www.facebook.com/groups/pamirnews/].
- Худоёров М. Проблема сохранения памирских языков в современном Таджикистане // Грамота. 2011. № 7. Ч. 1. С. 190—196. [Khudoerov M. (2011). Pamiri Languages Development and Preservation Problems in Modern Tajikistan. *Gramota*, 1 (7), 190—196. (In Russ).]
- Шамбезода Х.Д. *Функциональная дистрибуция языков малочисленных народов в условиях многоязычия (на материале функционирования языков Горно-Бадахшанской автономной области Республики Таджикистан)*. Душанбе: Ирфон, 2007. [Shambezoada Kh. D. (2007) Funkcional’naya distributsiya yazykov malochislennykh narodov v usloviyakh mnogoyazichiya (na materiale funkcionirovaniya yazykov Gorno-Badakhshanskoi avtonomnoi oblasti Respubliki Tadjikistan). Dushanbe: Irfon (In Russ).]
- Crystal D. *Language and Internet*, Cambridge University Press. 2004. Дата обращения: 05.11.2013. Доступ по ссылке: <http://www.cambridge.org/0521802121>.
- Dodikhudoeva L. The Tajik Language and Socio-Linguistic Situation in the Mountainous Badakhshan // *Iran & Caucasus* 2004. 8 (2). P. 281—288.
- Dodikhudoeva L., Ivanov V. Data Elicitation in Endangered Pamiri Communities: interdependence of Language and History. Paper presented at XIII FEL Conference; 2009 Sep 24—26, Khorog.
- Fairlough N. *Media discourse*. London: Redwood books. 1995.
- Habermas J. *The Structural Transformation of the Public Sphere*, 1989. Дата обращения: 20.09.2014. Доступ по ссылке: http://pages.urgeon.edu/koopman/course_readings/phil123-net/publisness/habermas_structural_pub_sphere.pdf.
- Sheyholislami J. Identity, Language and New media: The Kurdish case // *Language Policy*. 2010. 9. P. 289—312. doi:10.1007/s10993-010-9179-y.
- Yang G. The Internet and the rise of a transnational Chinese cultural sphere // *Media Culture Society*. 2003. Vol. 25. P. 469—490.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 01 июля 2016

Дата принятия к печати: 14 мая 2017

Для цитирования:

Абдулхамидова П.Ш., Юсуфбеков Ш.П. Становление публичного шугнанского дискурса в СМИ и социальных сетях // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2017. Т. 21. № 4. С. 858—869. DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-4-858-869.

Сведения об авторах:

Парвина Шомастоновна Абдулхамидова — кандидат филологических наук, научный сотрудник Института гуманитарных наук имени Б. Искандарова Памирского филиала АН Республики Таджикистан. *Сфера научных интересов:* теория и практика дискурса, дискурс-анализ, медиа-дискурс, политический дискурс, риторика. *Контактная информация:* e-mail: parvin.abd@mail.ru

Шодихон Парвонаевич Юсуфбеков — доктор филологических наук, профессор, директор Института гуманитарных наук имени Б. Искандарова Памирского филиала Академии наук Республики Таджикистан. *Сфера научных интересов:* теория и практика дискурса, дискурс-анализ, медиа-дискурс, политический дискурс, риторика. *Контактная информация:* e-mail: yshp@mail.ru

DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-4-858-869

CREATION OF THE SHUGHNANI DISCOURSE OF PUBLIC SPHERE IN THE MEDIA AND SOCIAL NETWORKS

Parvina Sh. Abdulhamidova, Shodikhon P. Yusufbekov

B. Iskandarov Institute of Humanitarian Science
Pamiri Branch of the Academy of Sciences of Tajikistan
58 Kholdorov str., Khorugh, 736000, Tajikistan

Abstract. Shughnani, one of the Pamiri languages of Tajikistan, is a minority language, and has no written script. Socio-economic and political changes in the lives of language speakers have affected the functioning of this small language, which was previously devoid of social significance. In the late 1980s, ideas began to emerge about the expansion of its functions, and attempts were made to use it in print media, television and radio. Observation of the functional development of Shughnani in these media led to the hypothesis of the emergence of a public sphere discourse, where it is possible to raise problems of social importance, and discuss them to search for eventual solutions. The main purpose of the article is to study attempts to create a discourse of the public sphere for Shughnani, in media and on the Facebook social network. The theoretical and methodological approaches of the study are based on the concept of the public sphere of Habermas, using the Critical Discourse Analysis paradigm (Fairclough). The data for the study were taken from Shughnani print media, from speeches on television and radio, and from postings by members of Shughnani Facebook groups. The findings reveal that the Shughnani presence in the media is limited, and construction of public opinion is more successfully carried out via Shughnani groups on Facebook. Analysis of the discursive practices involved shows that, despite the slow development of a media presence, the establishment of public discourse occurs through the creation of verbal units which have a journalistic character. Shughnani-speaking groups on Facebook contribute to the strengthening of the position of the language, through the formulation and discussion of issues relevant to members of the language community and the creation of language units that enhance confidence in the use of non-written Shughnani in the public sphere.

Keywords: *Shughnani, public sphere, Media, Shughnani language groups, Facebook, public discourse*

Article history:

Received: 01 July 2016

Revised: 15 September 2016

Accepted: 14 May 2017

For citation:

Abdulkhamidova, P. Sh., Yusufbekov, Sh. P. (2017). Creation of the Shughnani Discourse of Public Sphere in the Media and Social Networks. *Russian Journal of Linguistics*, 21 (4), 858—869. DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-4-858-869.

Bio Notes:

Parvina Sh. Abdulkhamidova — PhD, Research Associate, Institute of Humanitarian Science, named after B. Iskandarov, Pamiri Branch of Academy Sciences of Tajikistan. *Research Interests:* Discourse Analysis, Media Discourse, Political Linguistics, Rhetorics. *Contact information: e-mail:* parvin.abd@mail.ru

Shodikhon P. Yusufbekov — Doctor, Professor, Director of B. Iskandarov Institute of Humanities, Pamiri Branch of Academy Sciences of Tajikistan. *Research Interests:* Discourse Analysis, Media Discourse, Political Linguistics, Rhetorics. *Contact information: e-mail:* yshp@mail.ru

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ПЕРЕВОД INTERCULTURAL COMMUNICATION AND TRANSLATION

DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-4-870-884

INTERCULTURAL COMMUNICATIVE COMPETENCE — A FURTHER CHALLENGE

Robin Cranmer

University of Westminster (Retired 2016)
309 Regent Street, London W1B 2HW, UK

Abstract. This article focuses on types of challenge to intercultural communicators arising during communication between those with a good level of intercultural competence and those with a lower level and which relate to *communicative style*. Those with weaker intercultural competence tend to have limited awareness of variation in communicative style and its link to language and culture. As a result, they often continue using aspects of the communicative style of their first language when using a foreign language. They may even criticise ethnocentrically aspects of the communicative style associated with that foreign language. This can create specific challenges for a more interculturally competent communicator who may well understand the behaviour in question but find it hard to deal with. The key aim of this article is to analyse these challenges prior to hypothesising what underlying skills and practical strategies might help communicators to deal with them. Relevant skills are sought in existing literature and the further processes used in generating hypotheses are described. Skills are identified which include the capacities to deal with negative comments on your own communicative style, to persuade your fellow communicator of its validity, to negotiate compromises and to steer the communication towards a mutually satisfactory dynamic. Besides outlining the forms further research needs to take, the article concludes by stressing the importance of better understanding these challenges and of incorporating the development of skills for dealing with them into a variety of teaching programmes containing an intercultural component.

Keywords: *intercultural communication, intercultural competence, intercultural communicative competence, communicative style, pragmatics, cultural awareness*

INTRODUCTION

Much valuable research in varied contexts relevant to the general area of Intercultural Communicative Competence has developed in recent decades drawing on a wide range of disciplines. A central aim within this research is to identify and understand the many challenges intercultural communication can involve, challenges either less present or not present at all in intra-cultural communication, and to discover how those challenges might be met. This article's primary goal is to focus on one type of challenge to intercultural communicators which has received less attention than others and to consider what kinds of skills and strategies might be needed to meet challenges of this kind. The challenges in question all arise within the context of communication between those

with a relatively good level of intercultural competence and those who have a lower level. Those with weaker intercultural competence will often have correspondingly limited awareness of both the existence and origins of cultural difference including difference in communicative style. As a result, as T. Larina points out (2015: 203—204), they will commonly transfer into their foreign language use aspects of communicative style entirely normal in their first language contexts, but which are not so in the foreign language, a common example being interrupting or avoiding interrupting. It is also not unusual for them to make negative comments on unfamiliar communicative styles associated with foreign languages, even when they speak those languages, for example on forms or levels of manners and politeness (cf. Schrobsdorff 1994: 334).

Now a person with a good level of intercultural competence, included in which is an awareness of cultural difference, may find all of this easy to understand even if, with all their experience and intercultural competence, their fellow-communicator's behaviour can still feel emotionally frustrating. But the fact that they understand what is happening does not mean that they fully possess the skills and strategies allowing them to manage that communication in a way that is satisfactory for both participants. Accordingly, the research question forming the central concern of this article will involve asking what skills and strategies might be needed to successfully manage communication with a person who is locked into the communicative style of their first language even when speaking a foreign language.

In what follows, before addressing this research question directly, the question will be contrasted with the extensive strands of existing intercultural research which place a high level of emphasis on cultural difference and the intercultural skills needed to cope with it. The distinctive and rather different nature of the intercultural challenges which underlie the research question will then be carefully explained both through the provision of wide-ranging examples and via the use of theoretical concepts linked to cultural awareness. Hypotheses as to what competences might allow a communicator to meet the relevant challenges will be described drawing partly on contextually adapted elements of existing research literature, but also partly on reflections on qualitative data. The article will conclude by looking ahead to future research in this area suggesting alternative methods for generating plausible hypotheses, the forms of empirical testing needed to confirm the hypotheses and possible implications of this strand of research for language teaching which is just one of a range of curriculum contexts in which the hypothesised competences might be developed.

LACK OF AWARENESS OF CULTURAL DIFFERENCE — INTERCULTURAL CHALLENGES THIS CREATES

A significant amount of research into Intercultural Communicative Competence is rooted in the idea that there are, in some sense, 'cultural differences', even if at times the focus is equally on other issues like cultural power (Holliday 2010), identity (Byram 2008) and stereotyping (Oakes and Haslam 1994). By 'cultural difference' I understand the idea that, however broadly 'culture' is understood, in different 'cultural groups' there often are, at a given time, different norms concerning values, behaviour, narratives etc.

The kinds of difference focused on by researchers vary hugely. Major areas include differences of value and their connection to language (Hofstede 1993, Lewis 2005, Ter-Minasova 2011), differences in the pragmatics of written or spoken discourse (Wang and Spencer-Oatey 2015, Larina 2010, Scollon and Scollon 2000, Wierzbicka 2003) and differences in working practices (Schneider and Barsoux 2003, Guirdham and Guirdham 2017). Such differences often generate ‘cognitive dissonance’, at the psychological level, and with it intercultural challenges (Leontovich 2015). This kind of research has been complemented by research aiming to describe the competences needed to cope with these differences either for the general intercultural communicator (Koester and Olebe 1988, Byram 1997, Spitzberg 2000) or for specific professional contexts like Translation or Tourism (Koskinen 2015, Cranmer 2015, Phipps 2006, Jack and Phipps 2005). The question I want to ask here, however, is whether there isn’t a common feature of intercultural communication, mentioned above and linked to cultural difference, which merits more attention than it has received, needs to be theorised, and, for dealing with which, further competences would need to be articulated.

In a Translation Studies seminar in London in 2012, a highly experienced UN and EU translator of Spanish origin made the point that serious problems of intercultural communication rarely occurred within the teams of in-house translators with which she worked in spite of real underlying cultural differences. This, she argued, was because they were almost all multilingual, highly used to transplantation and to working in multilingual and multicultural contexts. The intercultural communication she was describing was, though, extremely atypical — atypical because the levels of intercultural competence of the participants would in almost all cases have been very high. A significant proportion of intercultural communication is very different. It involves communication in which the consciousness even of the *potential* for cultural difference of both participants, or just of one, is limited. In the latter case, this might mean that one participant tends to see their own cultural norms, including communicative style, as universal, to interpret their interlocutor’s communicative style from the perspective of their own and even to denigrate their interlocutor’s different norms when they are even aware of them (Bennett 1993, 2004, Larina 2015: 196). Naturally, this can impact hugely on their communication and general interaction. But, in the context of intercultural communication, it may, for example, leave the participant who is more conscious of the potential for cultural difference having to deal with a lack of respect being shown towards their own culture and familiar communicative style and also having to deal with a lack of flexibility or accommodation in the less aware participant’s communication. In these circumstances, the more competent intercultural communicator will most likely understand what is happening and why. Their intercultural flexibility may also allow them to move to some degree towards their fellow communicator’s style. But such accommodation is likely to be one-way and can leave the more interculturally competent communicator feeling relatively uncomfortable. As a result, they may need a specific set of skills if they are to move the communicative dynamic towards something which is *mutually* acceptable. The nature of the sort of challenges involved should become clearer through the following examples which are drawn both from discourse in which one participant is a native

speaker whilst the other is non-native and from the rather different discourse context in which both speakers are non-native using the language as a *lingua franca* —

1. Interrupting, overlapping and turn-taking are all aspects of communicative style which can differ across cultures (Lustig & Koester 2003: 253—258). If a speaker comes from a context in which, when using their first language, certain forms of interruption are both acceptable and perceived as demonstrating engagement and, in addition, they have limited awareness of the potential for cultural difference, they may well when speaking a foreign language maintain this habitual practice of interruption. If, though, the foreign language concerned is your first language, and if interruption is uncommon and negatively perceived in that language and you have a good level of intercultural competence, you will grasp what is happening. But you may want in some way to modify the communicative dynamic if it is one which you don't find entirely comfortable.
2. Forms and levels of directness and indirectness are again aspects of communicative style which can differ significantly across cultures (Larina 2015: 197). If a communicator comes from a first language context in which expressing disagreement directly is not usual, and if, in addition, their awareness of the potential for cultural difference is limited, they may well transfer this aspect of communicative style (indirectness) into their foreign language use. But if both you and your fellow communicator are using this foreign language as a *lingua franca* and an indirect communicative style is not at all your preferred communicative dynamic and if, in addition, you have a good level of intercultural competence, you will most likely again perceive what is happening. But you may not be happy to just conform to your fellow communicator's indirect style, particularly as in *lingua franca* contexts communicative style is more the product of implicit negotiation than in many more norm-bound linguistic contexts, and may wish to find a way to modify the communicative dynamic.
3. The use of touch to show engagement, empathy or support is again something which can vary significantly across cultures (Lustig and Koester 2003: 190—192). A speaker coming from a first language context in which using touch is common both within the same gender and across genders might, in a foreign language context in which this is less usual, explicitly comment negatively on this terming it 'strange' or 'cold'. They are then judging this aspect of communicative style by reference to more familiar communicative contexts and patterns, denigrating the other speaker's cultural 'reality' and failing to show awareness of potential for difference. If then the foreign language in question is your first language, or for both of you a *lingua franca*, and you have a level of intercultural awareness which allows you to understand such ethnocentricity, you may still not want to let the comment just pass and may also want there to be a communicative dynamic in the realm of touch between you which seems mutually acceptable and feel challenged as to how to try to achieve this.
4. The extent to which and the ways in which emotion is shown in speaking or writing is again something which can vary across cultures (Ekman 1999). A commu-

nicator coming from a first language context in which showing emotion is relatively uncommon might well in a foreign language context in which this is more common describe native speakers of that language as 'weird' (cf. Schrobsdorff 1994: 334). Once again, they are simply evaluating the communicative style through their own cultural lenses, something which you will understand if your intercultural competence is higher than their ethnocentric stance. But, if the foreign language they are referring to is your first language, and that is the language of communication between the two of you, you may not just be content to understand why they take this view and want to set the record straight as well as wanting to establish a mutually acceptable communicative dynamic in this domain.

Examples of the types of challenge on which I wish to focus can easily be multiplied and drawn from any aspect of communicative style, from body language and discourse patterns to politeness codes and far beyond, from any genre of spoken or written discourse and using any medium, even if real-time forms of conversation will often involve some of the most acute challenges. What is common to many of the challenges is, however, that they involve aspects of first language communicative style which have become entirely habitual or 'internalised' for one of the speakers and which are then transferred into foreign language usage, internalised habits which can be notoriously hard to unlearn even when one is aware of them. In the examples cited, however, one speaker, given their limited intercultural competence, is unaware of the non-universality of the relevant aspect of their communicative style. As a consequence, the speakers involved may well be, to use M.J. Bennett's terms, 'fluent fools' (2004: 69), linguistically competent by more traditional criteria, but interculturally less competent, which is unsurprising given the limited role devoted historically, and even in much contemporary methodology and practice, within language teaching to the development of intercultural competence generally and to communicative style in particular. Examples (1) and (2) above involve, on the one hand, the consequences of limited intercultural competence on the communicative *practice* of one of the communicators. Examples (3) and (4), on the other, involve the consequences of limited intercultural competence on how they might, in '*meta-communication*', express their evaluation of unfamiliar communicative styles — they display denigration, stereotyping, dismissal, non-engagement or even non-perception of the existence or reality of alternatives. It is to briefly setting examples of these kinds in the context of existing theoretical research which we shall now turn.

THE NATURE OF THESE FURTHER INTERCULTURAL CHALLENGES

In addition to the crucial research, mentioned in the last section, comparing cultural patterns and norms there are, of course, strands of research relating to Intercultural Communication with a slightly different focus. Amongst these are attempts to articulate in what intercultural competence consists. The importance of having a high level of awareness of the potential for cultural difference, if one is to engage successfully in intercultural communication, is acknowledged by many theorists.

A highly influential example is M. Byram writing either singly (Byram 1997) or with collaborators, including within the framework of the Council of Europe (Byram,

Gribkova and Starkey 2002). A key component of intercultural competence, within this theoretical framework, are ‘intercultural attitudes’ which are characterised as follows —

‘curiosity and openness, readiness to suspend disbelief about other cultures and belief about one’s own. This means a willingness to relativise one’s own values, beliefs and behaviours, not to assume that they are the only possible and naturally correct ones, and to be able to see how they might look from an outsider’s perspective who has a different set of values, beliefs and behaviours. This can be called the ability to ‘decentre’.’ Byram, Gribkova and Starkey 2002: 12.

M.J. Bennett’s influential ‘Developmental Model of Intercultural Sensitivity’ is in many ways similar (Bennett 1993, 2004). He describes six levels of ‘intercultural sensitivity’ centring on an individual’s view of their own ‘cultural reality’ and its place in the world. The lower levels of the six-level scale are described as ‘ethnocentric’ involving attitudes which place the individual’s cultural reality at the centre of the world with unaware, insensitive or dismissive attitudes towards other cultural realities. The higher levels are described as ‘relativistic’ and involve respect and validity being accorded to other cultural realities which can show itself through engagement with, adaptation to, and learning from them.

In characterising the intercultural challenge which is the main focus of this article, I have up until now referred to ‘different levels of awareness of the potential for cultural difference’. But this corresponds closely to different levels of ‘intercultural sensitivity’ as Bennett defines them and to different levels of attainment which could be assigned to the general competences which go to make up Byram’s ‘intercultural attitudes’. For the sake of brevity in description of the intercultural challenges with which we are concerned I will term what I have been calling ‘consciousness of the potential for cultural difference’ just ‘cultural awareness’. The examples of problems in intercultural communication which were given in the previous section were all then, I would argue, rooted in the fact that one participant was operating with a relatively high level of cultural awareness whilst their fellow participant was operating at a relatively low level. In this sense their communication is asymmetrical and, again for the sake of brevity, I shall refer to intercultural communication involving such asymmetry in levels of cultural awareness as ‘Cultural Awareness Asymmetrical Intercultural Communication’ (CAAIC).

The asymmetry creates, in addition to cultural differences in, for example, communication style, another layer of challenge for a participant with a reasonably developed level of cultural awareness. In CAAIC a reasonably competent intercultural communicator will find themselves engaged in communication in which they acknowledge the validity of the other participant’s communicative style, but where this is not reciprocated and this can present major challenges either within the communicative dynamic itself or when negatively evaluative comments are made. Similarly, the more competent intercultural communicator is likely to possess both greater understanding of the communicative dynamic and greater flexibility permitting them to function according to different communicative dynamics than the less competent participant, which is likely to imply that they have more power to influence the dynamic than the less competent participant. If, therefore, CAAIC is to be *mutually* satisfactory, the more interculturally com-

petent participant will, in addition to cultural awareness, need a specific set of skills, essentially of communication management, to try to ensure that such mutuality is achieved. The research agenda which then naturally corresponds to the above need, and the central ‘research question’ for the rest of this article, will turn around what specific set of complex skills are needed by the more culturally aware participant in CAAIC if they are to make the communicative dynamic satisfactory.

WHAT CURRENT RESEARCH OFFERS

Do existing descriptions then of the competences needed for ‘effective’ intercultural communication already provide what is needed for the more culturally aware of achieving satisfactory intercultural communication with those who are rather less aware? The scope of relevant literature is of course so vast that generalisations concerning it are problematic, but what is at least commonly observable is that attempts to describe these competences tend not to be primarily aimed at responding to communication challenges of this kind. They tend instead, for example, to be aimed at challenges generated by cultural differences, stereotyping, unexamined narratives or issues of cultural and linguistic power. But this is not to say that these competences might not, as a ‘by-product’, help in CAAIC. So let us take just a few examples of competence areas commonly present in prominent current theories and consider to what degree they might offer something when dealing with CAAIC.

Let us first consider ‘cultural awareness’ itself which, as pointed out earlier, features strongly in many accounts of intercultural competence. Byram’s ‘intercultural attitudes’ were cited as an example of an account of this kind. But can one’s own curiosity about other cultures, willingness to relativise one’s own cultural presuppositions, to imaginatively project into other cultural perspectives and to see oneself from their perspective, help in communication with someone who essentially lacks these attitudes and even ‘denies’ one’s own reality? To a degree they undoubtedly do. They allow you to come to empathetically grasp something of your fellow communicator’s cultural framework and most probably to grasp the communication dynamic you have, and these forms of understanding will inform decisions you make on how to manage that dynamic. They may also, again as a by-product, help you defuse issues arising from disparities of cultural power and to build positive relations with your fellow-communicator given the respect you demonstrate towards their culture. But do they prepare you with the skills for re-orientating what is for you an unsatisfactory communicative dynamic or for dealing with the potentially negative emotions generated by finding the reality of your more familiar communicative style going unrecognised? Most probably not as this was not the form of intercultural challenge they were evoked to address even though possession of such cultural awareness is often a precondition of successfully managing CAAIC.

Are there then other types of competence identified by theorists which might as a by-product offer some help? There are what one might term ‘personal quality’ or ‘trait’ competences mentioned by a range of theorists, just two examples of which are empathy (Ruben 1977) and flexibility (Kelley and Meyers 1992). Where empathy is concerned what is required in CAAIC is, of course, *not* just an imaginative capacity to project into

the other participant's feelings or cultural logic, which can be amongst the concepts of empathy commonly cited as being a component in intercultural competence (cf. Byram et al. 2004: 11). What one needs to empathise with in CAAIC is rather the mind-set of someone with an ethnocentric view of communicative style, so at the very least the notion of empathy will need redefining for this context. But even understood in this way, it offers no suggestion as to the context-specific competences or strategies one might need faced with such a fellow communicator.

'Flexibility', as already mentioned, is another 'trait competence' often cited as a component in intercultural competence because cultural differences commonly require one to amend familiar behaviour and at times to do so unexpectedly (cf. Byram et al. 2004: 5). CAAIC may also require flexibility because of its potential unpredictability and flexibility may, for example, allow the more interculturally competent participant to communicate following their fellow communicator's style in a way that they couldn't reciprocate, for example, assimilating quickly to an aspect of their fellow communicator's transferred first language communicative style. Such one-sided 'flexible' cultural assimilation may feel entirely acceptable to the more culturally aware participant where the communication is taking place in the other participant's first language in which the latter's communicative style is dominant. But one-sided, non-negotiated, 'flexible' communicative accommodation or assimilation may feel unsatisfactory to the more culturally aware participant if the exchange is in *their* first language or if both are using a *lingua franca* given the relative weakness of norms governing communicative style in *lingua franca* discourse and the correspondingly larger space, in theory, for *mutual*, implicit negotiation of style. So, once again, whilst flexibility may well be a valuable competence in CAAIC, it is, as commonly defined in the literature, unlikely to offer real insights into the context-specific strategies needed if CAAIC is to be satisfactory to both parties.

To summarise, it does appear that certain competences in the literature can indirectly help in successfully managing CAAIC or even, with cultural awareness, be a precondition of success. But such competences do not look like sufficing when dealing with the important intercultural challenges specific to CAAIC.

METHODOLOGY – DISCOVERING HOW TO MEET THE INTERCULTURAL CHALLENGES

Creating hypotheses

How, then, is this gap to be filled or, more generally, how might the competences, possession of which could allow a communicator with good cultural awareness to successfully manage CAAIC, be identified? One obvious method involves two phases — hypothesis formation and empirical testing. Processes of empirical confirmation are relatively formal and methodologically consensual. Hypothesis formation, by contrast, often involves informal processes. Some hypotheses are the fruit of intuition, creativity or personal trial and error even if others draw on partly formalised qualitative methods (Kvale 1996). The methodology used within this research for generating the hypothesised competences for managing CAAIC was a combination of informal intuitive, reflective processes and of semi-formal qualitative processes but with a large data set.

Examples of successful communication

The starting point involved locating instances of apparently successful CAAIC and asking what behaviours made them successful. Important within this process was use of an extract from the 2001 American film *Tortilla Soup* in which a young, multilingual, Brazilian man living in the US first encounters a more elderly first generation Mexican American during a meal at the latter's house, a meal to which the Brazilian has been invited as the new boyfriend of the youngest daughter of the house. The Brazilian is operating with a high level of cultural awareness and the Mexican American at a lower level. The Brazilian arguably copes well. Although various aspects of his Brazilian culture are insulted he doesn't take offence, retaining a factual and neutral communicative style and eventually re-orientating the conversation towards what both participants have in common, showing his interlocutor and his cultural origins respect and engagement and establishing a mutually positive communicative dynamic. Over several years the extract in question was shown to some fifty groups of students from all over the world studying language-related Masters' degrees in London or participating in exchanges — students were asked to assess whether the Brazilian's communication management was successful and, if so, why.

Methods of Analysis

It was almost universally admitted that the communication was successful in spite of the subjectivity and partially culture-bound element involved in the concept of 'success'. In articulating what made it successful students drew in part on existing theorists, but given the limited applicability to CAAIC contexts, as previously explained, of most competences articulated by such theorists, students also tried to analyse themselves what made the communication successful. The hypothesised competence areas which follow were influenced by the students' analysis even though, given that the purpose of showing the film clip was pedagogical and not research-motivated, their analyses were not formally recorded. Equally, as with many such attempts to articulate intercultural competences, a significant factor was also a continued informal cycle of experience, analysis and reflection followed by further trialling on the part of the researcher.

RESULTS — HOW TO COPE WITH THE INTERCULTURAL CHALLENGES

Areas of competence

Five general competence areas possession of which, it is hypothesised, can help the more culturally aware participant in CAAIC are presented in summary form below. The competence areas identified are not at all intended to be exhaustive or the only way in which relevant competences could be categorised, but they do provide a possible initial framework for discussion and even for empirical testing. I use the word 'help' advisedly because CAAIC is inherently difficult for the more interculturally competent of the participants and no 'successful' outcome is guaranteed — in a sense, CAAIC involves communication in which one participant is open to negotiation, accommodation and compromise over communicative style whilst the other either is not, or may be so

to only a limited degree, and this may limit how mutually satisfactory the communication can be. But this is not of course to say that the communicative dynamic might not be improved by the exercise of the hypothesised competences. Some of these areas have to an extent been identified by other researchers even if they have been modified to the demands of CAAIC. Others general areas of competence are much more specific to the demands of CAAIC. The areas are as follows —

1. Capacity to deal emotionally with the non-recognition of the validity of your preferred communicative style
2. Capacity to move your fellow communicator towards seeing the equal validity of their preferred communicative style *and of yours*
3. Capacity to explicitly negotiate a mutually satisfactory style or dynamic for your communication
4. Capacity to orientate the communicative style or dynamic towards something mutually satisfactory without recourse to explicit negotiation
5. Capacity to manage and structure the communication so as to maximise the chances of its communicative style being mutually satisfactory

Rationale for each area of competence and sample strategies linked to their exercise

A fuller explanation of what each competence area amounts to and the rationale for each combined with sample communication strategies for each competence are presented below —

1. ‘Capacity to deal emotionally with the non-recognition of the validity of your preferred communicative style’. No matter how intercultural competent one may be, one can feel offended, defensive or frustrated when one’s culturally familiar, and often preferred, communicative style is either explicitly denigrated or in the communicative practice of one’s fellow communicator devalued. Such feelings, if not appropriately managed, may negatively interfere with the achievement of a mutually satisfactory communicative dynamic driving it instead in the direction of mutual defensiveness. Effective strategies might include the avoidance of evaluative language in relation to either communicator’s style (Ruben 1977), giving purely factual correctives concerning the logic and rationale of one’s preferred style etc.

2. ‘Capacity to move the interlocutor towards seeing the equal validity of their preferred communicative style *and of yours*’. Intercultural competence, most agree, is not quickly acquired. It is not, therefore, to be expected that a short exchange with a communicator with a modest level of intercultural competence will leave them significantly better able to relativise and to accord your preferred communication style equal validity. But any move in that direction is likely to make it easier for elements of your preferred style to be present in communication rather than your fellow participant’s dominating. Effective strategies which might help move your fellow communicator in that direction could include explaining the logic of your own communicative style in accessible terms, showing a high level of respect for, curiosity about and engagement with their communicative style and other forms of relativizing and decentering which encourage their reciprocated respect (Byram, Gribkova and Starkey 2002).

3. 'Capacity to explicitly negotiate a mutually satisfactory style or dynamic for your communication'. Practical CAAIC may at some point need to be switched to a form of 'metacommunication' between participants in which some aspect of their communicative styles or combined communicative dynamic is itself discussed. This skill is often needed by the more interculturally competent participant since, given the lack of awareness or respect of the other participant concerning your own communicative style and the deeply habitual nature of their transferred style, it is the latter style which is likely to predominate in the communicative dynamic, something to which you may wish to negotiate some form of modification. Such negotiation is inherently challenging since it is negotiation over an area in which one party respects the other more than vice-versa and is, at the same time, asking for that respect to be reciprocated. Possible strategies might include expressing respect for the interlocutor's style and using that as a basis for requesting respect for one's own, expressing how and why you feel uncomfortable with the communicative dynamic which currently exists, exploring differing forms of compromise etc.

4. 'Capacity to orientate the communicative style or dynamic towards something mutually satisfactory without recourse to explicit negotiation'. Meta-communication over the communicative dynamic may feel 'clumsy', 'heavy' or just difficult and unsatisfactory if it doesn't generate increased recognition of the validity of your preferred communicative style. As a result it may just seem best to try to modify that dynamic 'from within' as the communication proceeds. For you this will not be fully satisfactory if it just involves further linguistic accommodation on your part and forms of strategy may be needed in which you assertively incorporate aspects of your preferred communicative style probably in a repetitive way so that they become norms of the re-orientated communicative dynamic.

5. 'Capacity to manage and structure the communication so as to maximise the chances of its communicative style being mutually satisfactory'. The more interculturally competent participant will most likely be aware of the communicative dynamic playing out and of its origins in ways that should at least give them a starting point for making informed choices on how the communication can be managed and structured in a way that leads it towards something more mutually satisfactory. Relevant strategies could involve what S. Kvale terms 'structuring' the communication (1996: 134), so that it focuses on issues, including ones of communication, where there is similarity rather than difference, 'relationship role behaviour' which involves allowing bonding to occur making subsequent negotiation over difference easier (Ruben 1977), or appeals back to meta-discussions in which agreements had been made about communicative behaviour if, as will commonly happen, one's fellow communicator lapses back into habitual behaviours in practice.

A person, therefore, to some degree possessing these capacities, it is hypothesised, will cope better with CAAIC. If confirmed empirically as genuinely 'performance enhancing', or if just trusted, these competence areas can be incorporated into a range of forms of teaching programme incorporating intercultural elements. Naturally, the teaching of these kinds of intercultural skill presupposes that students already possess a cer-

tain level of cultural awareness, and, commonly, foreign language competence, and as such would not be appropriate in a very low level foreign language programme or at the beginning of an introductory module dedicated solely to intercultural communication. But given how frequently CAAIC occurs and the frequency with which it is problematic, these are not competence areas which, I would argue, should long be neglected. Pedagogically speaking, these competences can, in addition, easily be reformulated to yield course learning objectives and linked assessment criteria and be built systematically into course content in whatever curriculum context this aspect of intercultural skills development is to be included.

DISCUSSION AND FURTHER RESEARCH

Future research — testing and refinement of hypotheses

The only way to show convincingly that possession of these competences enhances intercultural communication is to test them empirically. Broadly speaking, one would need to specify what were to count as criteria of success in CAAIC and then assess the correlation between exercise of the competences and the level of success. Hypotheses could be altered in the light of results and testing repeated. Alternatively, the processes by which hypotheses were generated for this article could be formalised in the direction of more canonical forms of qualitative research methodology.

Future research — Applied Linguistics

The competence areas provided above are, of course, general and de-contextualized — the language in which the intercultural communication might be occurring and the participants' relationship to that language are not specified. It is not specified, for example whether the communication involves a *lingua franca* exchange or whether one speaker is speaking their first language whilst another is speaking a foreign language — and many other comparable facets of context are also not specified. Such contexts could, of course, affect the communication hugely and refinements of the competences would be required to make it appropriate to the educational context and the likely linguistic and cultural context of the intercultural communication for which learners were being prepared. None of this is difficult to achieve. Having made such adjustments, and if the competences were being refined so as to be incorporated into language teaching, as opposed to the many other curricular contexts in which the teaching of intercultural skills takes place, a needs analysis could be carried out to establish the precise more conventional *linguistic* learning needs linked to each of the competences. For each competence identified, in addition to the communication management skills to be taught, there would be a need to develop in students a confident grasp of relevant grammatical features and a mastery of structures, collocations or formulaic language frequently used in such communication management.

CONCLUSION

This article has presented the case for paying serious attention to the challenges of making intercultural communication successful when one's fellow communicator has a lower level of cultural awareness than oneself. It has also suggested forms these

challenges can take and made hypotheses regarding the competences and strategies needed to cope with them. The competences will need some ‘localising’ to the communication situations for which students are being prepared and to the cultural/educational context in which they are learning and their effectiveness will need empirical testing. But intercultural challenges of this type are frequent, potentially frustrating and difficult and, in my view, well deserve our attention as researchers and teachers.

© Robin Cranmer, 2017

REFERENCES

- Bennett, M. J. (1993) Towards ethnorelativism: A developmental model of intercultural sensitivity. In Paige, R. M. (ed.), *Education for the Intercultural Experience* (2nd ed.), Yarmouth, ME: Intercultural Press, 21—71.
- Bennett, Milton J. (2004) Becoming Interculturally Competent. In Wurzel, J. (ed.) *Becoming Interculturally Competent. Toward multiculturalism: A reader in multicultural education* (2nd ed.). Newton, MA: Intercultural Resource Corporation, 62—77.
- Brown, Rupert (2010) *Prejudice: Its Social Psychology* (2nd ed.). Chichester: Wiley-Blackwell.
- Byram, Michael (1997) *Teaching and Assessing Intercultural Communicative Competence*. Clevedon: Multilingual Matters.
- Byram, Michael (2008) *From Foreign Language Education to Education for Intercultural Citizenship*. Clevedon: Multilingual Matters.
- Byram, Michael et al. (2004) Intercultural Competence Assessment — The Theory. URL: <https://ec.europa.eu/migrant-integration/librarydoc/the-inca-project-intercultural-competence-assessment> (accessed 31 August 2017).
- Byram, Michael, Gribkova, Bella Starkey, Hugh (2002) *Developing the Intercultural Dimension in Language Teaching*. Strasbourg: Council of Europe.
- Cranmer, Robin (2015) Introducing Intercultural Communication into the Teaching of Translation. *Russian Journal of Linguistics*, 19 (4), 155—176.
- Ekman, P. (1999) Emotional and Conversational Non-verbal Signs. In Messing, L.S. & Campbell, R. (eds.) *Gesture, Speech and Sign*. New York: OUP, 39—55.
- Guirdham, Maureen and Guirdham, Oliver (2017) *Communicating Across Cultures at Work* (4th ed.). Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Hofstede, Geert (1996) *Cultures and Organizations: Software of the Mind*. New York: McGraw-Hill.
- Holliday, Adrian (2010) *Intercultural Communication and Ideology*. London: Sage.
- Jack, Gavin and Phipps, Alison (2005) *Tourism and Intercultural Exchange*. Clevedon: Channel View Publications.
- Kelley, Colleen and Meyers, Judith (1992) *The Cross-Cultural Adaptability Inventory*. Yarmouth, ME: Intercultural Press.
- Koester, Jolene and Oebele, Margaret (1988) The Behavioural Assessment Scale for Intercultural Communication Effectiveness. *International Journal of Intercultural Relations*, 12, 233—246.
- Koskinen, Kaisa (2015) Training Translators for a Superdiverse World. *Russian Journal of Linguistics*, 19 (4), 175—184.

- Kvale, Steinar (1996) *Interviews: An Introduction to Qualitative Research Interviewing*. Thousand Oaks, CA: Sage.
- Larina, Tatiana (2015) Culture-Specific Communicative Styles as a Framework for Interpreting Linguistic and Cultural Idiosyncrasies. *International Review of Pragmatics*, 7, 195—215.
- Leontovich, Olga (2015) Cognitive Dissonance from the Intercultural Communication Perspective. *Russian Journal of Linguistics*, 19 (4), 49—56.
- Lewis, Richard (2005) *When Cultures Collide: Leading Across Cultures* (3rd ed.). Nicholas Brealey, London.
- Lustig, Myron W. & Koester, Jolene (2003) *Intercultural Competence: Interpersonal Communication Across Cultures* (4th ed.). Boston: Pearson.
- Oakes, Penelope J. and Haslam, S. Alexander (1994) *Stereotyping and Social Reality*. Oxford: Blackwell.
- Phipps, Alison (2007) *Learning the Arts of Linguistic Survival: Languaging, Tourism, Life*. Clevedon: Channel View Publications.
- Ruben, B. D. (1977) Guidelines for cross-cultural communication effectiveness. *Group & Organization Studies*, 2, 470—79.
- Schneider, Susan C. and Barsoux, Jean-Louis (2003) *Managing Across Cultures* (2nd ed.). Harlow: Prentice Hall.
- Schrobsdorff, Angelika (1994) *Du bist nicht so wie andre Mütter*. München: Deutscher Taschenbuch Verlag.
- Scollon, Ron and Scollon, Suzanne Wong (2000) *Intercultural Communication: A Discourse Approach*. Oxford: Blackwell.
- Spitzberg, B. H. (2000). A model of intercultural communication competence. In Samovar, L. & Porter R. (eds.) *Intercultural communication: A reader* (9th ed.). Belmont, CA: Wadsworth, 375—387.
- Ter-Minasova, Svetlana (2011) *Language, Linguistics and Life: A View from Russia* (3rd ed.). Moscow: URSS.
- Wang, Jiayi and Spencer-Oatey, Helen (2015) The gains and losses of face in ongoing intercultural interaction: a case study of Chinese participant perspectives. *Journal of Pragmatics*, 89, 50—65.
- Wierzbicka, Anna (2003) *Crosscultural Pragmatics: The Semantics of Human Interaction* (2nd ed.). Berlin: Mouton Gruyter.

Article history:

Received: 07 June 2016

Revised: 10 September 2017

Accepted: 20 September 2017

For citation:

Cranmer, R. (2017) Intercultural Communicative Competence — a Further Challenge. *Russian Journal of Linguistics*, 21 (4), 870—884. DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-4-870-884.

Bio Note:

Robin Cranmer, Dr, Senior Lecturer in Intercultural Communication and Language Education, Department of Modern Languages and Cultures, University of Westminster, London (retired in 2016). *Research interests*: Intercultural Communication, Language Teaching, Translation Studies, Cultural Identity, Philosophy of Language. *Contact information*: e-mail: robincranmer@yahoo.co.uk

DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-4-870-884

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАТИВНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ — НОВЫЕ ВЫЗОВЫ

Робин Кранмер

Вестминстерский Университет (до 2016)
309 Риджент стрит, Лондон, Великобритания W1B 2HW

В статье рассматриваются типы сложностей в межкультурной коммуникации, возникающие в процессе общения между собеседниками с разным уровнем межкультурной компетенции — высоким и низким — и относящиеся к *коммуникативному стилю*. Участники коммуникативного процесса со слабо развитой межкультурной компетенцией, как правило, не имеют достаточного представления о вариативности коммуникативного стиля и его связи с языком и культурой, в результате чего они используют коммуникативный стиль, присущий их родной лингвокультуре, когда говорят на иностранном языке. Кроме того, основываясь на этноцентризме, они могут даже подвергать критике некоторые аспекты коммуникативного стиля иной культуры. Коммуниканты с более высоким уровнем межкультурной компетенции сталкиваются с проблемами, суть которых им понятна, но которые сложно преодолеть. Цель данной статьи — проанализировать данные проблемы и наметить основные пути и стратегии, которые могут помочь их решению. Отбираются необходимые навыки, уже описанные ранее исследователями, и обсуждаются стратегии преодоления коммуникативных неудач на разных уровнях межкультурной коммуникативной компетенции. Выделяются навыки, позволяющие адекватно реагировать на негативные комментарии по отношению к собственному коммуникативному стилю и убеждать собеседника в его правильности, искать компромисс и оптимизировать коммуникативный процесс. В статье намечены перспективы исследования, делается вывод о важности понимания существующих проблем и разработке тренингов по их решению. Подчеркивается необходимость включения задачи формирования коммуникативных навыков в различные обучающие программы, содержащие межкультурный компонент.

Ключевые слова: *межкультурная коммуникация, межкультурная компетенция, межкультурная коммуникативная компетенция, коммуникативный стиль, прагматика, культурная осведомленность*

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 07 июня 2016

Дата принятия к печати: 20 сентября 2017

Для цитирования:

Cranmer, R. (2017) Intercultural Communicative Competence — a Further Challenge. *Russian Journal of Linguistics*, 21 (4), 870—884. DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-4-870-884.

Информация об авторе:

Доктор Робин Кранмер читал лекции по межкультурной коммуникации и обучению языку на факультете современных языков и культур Вестминстерского университета Лондон (с 2016 г. на пенсии). *Сфера научных интересов:* межкультурная коммуникация, преподавание языков, перевод, культурная идентичность, философия языка. *Контактная информация:* e-mail: robincranmer@yahoo.co.uk

DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-4-885-909

INTERCULTURAL MISUNDERSTANDINGS: CAUSES AND SOLUTIONS

Michael B. Hinner

TU Bergakademie Freiberg, Germany
6 Akademiestraße, 09599 Freiberg, Saxony, Germany

Abstract. Intercultural misunderstandings involve a number of complex causes which can easily escalate into conflicts. Since conflicts are also complex, it is not easy to find solutions because there is no one solution for all problems. Systems Theory, transdisciplinarity, and the social ecological model take a holistic approach in investigating complex phenomena. They permit the creation of a theoretical framework based on previous empirical research and theories across scientific disciplines to identify the relevant elements of complex phenomena and to understand the interrelationship of these elements. Intercultural misunderstandings and conflicts are very complex phenomena because they include culture, perception, identity, ethnocentrism, relationships, trust building and conflict management as well as intercultural communication competence which entails cognition, metacognition, and social metacognition. Since most empirical studies focus on isolated, individual elements in specific contexts, this article describes the theoretical framework of how the various findings and theories developed in different scientific disciplines can be used to form a cohesive framework to help circumvent intercultural misunderstandings and conflicts. In so doing, it follows the general principles of Systems Theory, transdisciplinarity, and the social ecological model.

Keywords: *conflicts, cognition, culture, ethnocentrism, identity, metacognition, perception, relationships, social metacognition, trust*

1. INTRODUCTION

In today's world, intercultural encounters have become common. While in the past only a few select individuals met and interacted with interlocutors from other countries, today intercultural encounters happen almost everywhere — at work, in school, or even in the supermarket. Since most people assume that others think, behave, and perceive the world around them like they do (i.e., the Implicit Personality Theory) (Pedersen 1965; Schneider 1973), this can lead to misunderstandings and even result in unintentional conflicts (i.e. so-called pseudo-conflicts) (Bruner & Tagiuri 1954; Krippendorff & Bermejo 2009). People may intend a particular meaning with a specific message, but their counterpart may attach a different meaning to that message which then results in misunderstandings which could then actually lead to a conflict. Culture can be one of the causes for such misunderstandings and conflicts because culture influences to a large extent how individuals perceive the world around them, what meaning they attach to what they perceive, and it teaches people how to respond to those perceptions (Jandt 2013; Klopff 1998; Lustig & Koester 2013; Oetzel 2009; Samovar, Porter, McDaniel, & Roy 2013). While culture has some influence on people's communication, culture does not explain all aspects of human communication because how individuals communicate with one another and manage conflicts is also influenced by individual characteristics. These in-

dividual characteristics are based on who we are, where we come from, how we perceive the world around us, what peer and media messages we have internalized, how we perceive others, how we think others perceive us, and how we then interact and communicate with others (Adler, Rodman, & du Pré 2013; DeVito 2015; Doise 1996; Gamble & Gamble 2012; Hamacheck 1992).

By their very nature, intercultural misunderstandings (Chen & Starosta 1998; Gudykunst 2005; Jandt 2013; Oetzel 2009) and conflicts (Canary & Lakey 2006; Caughlin & Vangelisit 2006; Roloff & Wright 2013) are complex phenomena. As such, they involve culture, perception, identity, ethnocentrism, relationships, trust, conflict management, intercultural communication competence, cognition, metacognition, and social metacognition. Empirical studies have focused on isolated elements and analyzed them. A number of theories have been developed in different scientific disciplines that seek to explain these elements. Unfortunately, only a few studies have examined the complex interrelationship of all of these elements. Creating a theoretical framework, though, can be helpful in understanding such complex interrelationships (Frodeman 2010) as is the case in intercultural misunderstandings and conflicts.

According to Systems Theory (von Bertalanffy 1968), isolated elements cannot explain a phenomenon because the phenomenon is larger than any isolated part. Communication is an integrated process that occurs within a specific environment; it is not an isolated event. So in order to understand this process, it is necessary to identify the elements that make up this process. Transdisciplinarity (Mittelstrass 2003; Moki 2013) and the social ecological model (Bronfenbrenner 1979, 2005; Bronfenbrenner & Ceci 1994) advocate similar holistic approaches. Such holistic approaches are of interest because they permit the creation of a theoretical framework that transcends disciplinary boundaries and isolated elements by combining studies and theories from different scientific disciplines. It is this theoretical framework which then helps understand the interrelationship of individual elements, and it can even propose potential solutions to complex issues (Frodeman 2010).

This article develops a theoretical framework to explore the interrelationship of meaning and conflict and how, culture, perception, identity as well as ethnocentrism can lead to misunderstandings and conflicts. It also looks at how conflicts can be managed successfully or even prevented through good relationships and trust coupled with intercultural communication competence. In fact, intercultural communication competence and trust are key elements in preventing or overcoming misunderstandings and conflicts. Such competence and trust are created through cognition, metacognition, and social metacognition. In exploring these different elements of intercultural misunderstandings and successful conflict management in line with Systems Theory and the social ecological model, this article applies the principles of transdisciplinarity (Mittelstrass 2003; Moki 2013) by borrowing the theoretical constructs, i.e. theories, from various related scientific disciplines; primarily from communication science and psychology. According to Frodeman (2010), this is a very productive and insightful approach because it is not limited to just one perspective which might be biased. A broader theoretical framework based on the triangulation of different theories reduces potential biases (Frodeman 2010).

That is why this theoretical framework explores the interrelationship of meaning, culture, perception, identity, ethnocentrism, relationships, trust, conflicts, cognition, metacognition, social metacognition, and intercultural communication competence.

2. MISUNDERSTANDINGS IN MEANING

Meanings are in people and not in words (Adler, Rodman, & du Pré 2013; Ogden & Richard 1923; Ruhly 1982). Traditionally, meanings are classified as denotative, connotative, contextual, and figurative (Klopf 1998). While connotative, contextual, and figurative meanings are considered to be fairly subjective, denotative meaning is often considered to be relatively stable because the meaning is fixed. Denotative meaning is said to be the literal, or dictionary, meaning. That is, words have set meanings, and these meanings tend to stand independent of the contexts in which they are used (Adler et al. 2013; Klopf 1998). This guiding principle is followed in traditional foreign instruction when students memorize vocabulary lists assuming that the meaning of a word on one side of the list equals the meaning the word on the other side. After all, the denotative meaning is the same. But is this truly the case? If it is, then it should be very easy to avoid misunderstandings or conflicts as long the right word is picked from the vocabulary list and applied in a grammatically correct sentence. Yet misunderstandings still occur and conflicts erupt even though this is done. Obviously, intercultural communication competence entails more than selecting words from a vocabulary list and using grammatically correct sentences.

When communicating interculturally, it must be realized that the same word may not carry the same denotative meaning across cultures (Klopf 1998). Thus, the German word *Fakultät* can refer to an organizational unit at a German university. British English uses *faculty* for a similar organizational unit at British universities. American English, though, uses *department* for such an organizational unit at a university in the USA. But an American university *department* will have *faculty* members, i.e. the department's teaching staff¹. This is a situation that could result in misunderstandings because the word *faculty* denotes in both dialects of English a similar context. Thus, the grammatically correct statement "I am a member of the English faculty" will be associated in both dialects with a university and in the wider sense also its staff. So both interlocutors would think they share meaning when they hear that sentence. The American English speaker, though, will associate the statement with someone who is from the teaching staff whereas the British English speaker could associate it with the organizational unit at the university that encompasses both teaching and administrative staff members. But the meaning of *faculty*² is such in American and British English that both interlocutors would think they share meaning when in fact they do not. Had one of the interlocutors associated *faculty* with something that is not from the world of academia, then that statement in the larger context of the discourse might have caused irritation or uncertainty in at least one of the interlocutors because that term would not fit into the general context of the

---

¹ The subsequent discussion is based on the author's own experiences.

² *Faculty* can also mean an inherent mental ability or physical power, e.g. "his mental faculties are inadequate for the intellectual complexity of the task at hand".

discourse. For example, if one of the speakers were to associate *faculty* with an auto repair shop. Or when one dialect uses a word that does not hold any meaning in the other dialect. For example, a speaker of American English would not associate *ballpoint pen* with *biro*, the British English equivalent of *ballpoint pen*. In fact for most Americans, the British English word *biro* holds no meaning. They would, thus, be puzzled by its use in a sentence that refers to writing. Some may even guess that *biro* must be a writing implement on the basis of how it is used in the topic's context. Fortunately for many situations, the context is such that a more general meaning suffices to establish general convergence in meaning.

This situation is even more complex when it involves non-native speakers of English. For example, when a German business manager hears *sales contract*, that manager will associate this specific type of contract with the German civil code, the *Bürgerliches Gesetzbuch*. Someone from the United States will associate sales contract with common law³. Generally speaking, both legal concepts refer to an agreement that regulates the voluntary sale and purchase of a product, but there are also some differences. Under German law, a sales contract is binding if there is no willful deceit and the contracting parties are of sound mind and of legal age when they voluntarily sign the contract without duress. Under U.S. law, a sales contract is also binding under the same terms and conditions as under German law, but it is not binding if there is no consideration. Consideration is a legal principle that does not exist in German contract law. Consideration means that the purchased object must be close to or equivalent of the actual value, otherwise there is no consideration and the contract may be rescinded. For example, if a tie worth ten dollars is sold for one thousand dollars, then there would be no consideration and the contract would not be enforceable. Under German law it could be enforceable if the other terms and condition were met. This small, but vital difference could have considerable impact on the sale of a product and the enforceability of that sales contract. Typically, most parties to such a contract are often not even aware of these differences in meaning when they communicate in English and refer to a sales contract because people tend to assume that everyone shares the same denotative meaning, and often also the connotative meaning. In most encounters, as noted above, the situation does not arise in which it becomes apparent to either one or both parties that meaning is not shared completely because most business contexts do not require a closer examination of the meaning or complete convergence with regard to the meaning of sales contract. A general convergence in most general principles suffices. This latitude permits uninterrupted discourse. Only some specific situations require greater convergence in meaning, for example the price of a specific quantity of goods. If that were not the case, it would hinder the communication and the interaction (Adler et al 2013; Klopff 1998; Lustig & Koester 2013; Oetzel 2009).

From the above examples, it becomes apparent that denotative meaning can vary significantly from one dialect of English to another which can make communication across dialects difficult. The situation gets to be even more complex when non-native

---

³ This example is based on the author's own experiences gained at an American law school and the conversations with a German law professor.

speakers are involved because many non-native speakers transfer the denotative meaning of the word or concept from their native language into English. As the above example of sales contracts demonstrates, the denotative meaning can vary considerably from one language to another and result in misunderstandings that have the potential for conflicts.

3. CULTURE

Who we are and why we communicate the way we do is in part due to our culture (Doise 1986; Servaes 1989). The construction of the self occurs as a person acts on her or his environment and discovers what one can and cannot do as noted above (Collier & Thomas 1988; Combs & Snygg 1959; Piaget 1954; Yep 1998). Culture plays an important role in determining the rules, regulations, and norms of social interaction, i.e. schemata, behavioral scripts, and frames (Lustig & Koester 2013; Samovar et al. 2013). A person typically becomes aware that other norms might exist when interacting with members from other cultures (Chen & Starosta 1998, Lustig & Koester 2013, Samovar et al. 2013). It is culture that provides the guidelines for the preferred mode of interaction and communication (Doise 1986; Servaes 1989). Culture influences, among other things, communication (Hall 1976), perception (Cole & Scribner 1974; Fisher 1997; Nisbett & Miyamoto 2005), behavior, and identity (Collier & Thomas 1988; Combs & Snygg 1959; Yep 1998).

Perception

As pointed out above, every word has also a connotative meaning, i.e. the meaning or feeling a person associates with a denotative meaning (Adler et al. 2013; Klopff 1998; Samovar et al. 2013). In other words, every person associates a different meaning with the same word, object, phenomenon, behavior, nonverbal cue, etc. This difference in personal meaning can be explained by perception. Perception refers to the identification, organization, and interpretation of sensory stimuli humans are exposed to (Adler et al. 2013; DeVito 2015; Gamble & Gamble 2012; Jandt 2013; Klopff 1998). As people grow up, interact with other people, and experience the world around them, they learn to associate specific meaning(s) with specific words, nonverbal cues, objects, etc. To prevent chaos, people learn to categorize those sensations so that they can reduce the overwhelming complexity of their sensory world into manageable proportions. That is why people place what they experience and learn into categories or classes; for example, people learn to deal with the 7.5 million colors the human eye can discern (assuming there is no visual dysfunction) by assigning them to categories — red, blue, green, yellow, etc. It is culture that often determines the categories into which people place perceived sensory stimuli (Adler et al. 2013; Jandt 2013; Klopff 1998). People learn to respond to those categories as they experienced them and as their culture instructs them. Thus, perception and culture are often interrelated. Obviously, individual divergence exists as noted above. But some broad denotative meanings are shared, to a larger or lesser degree, among the members of a culture. After all, it is this shared denotative meaning that permits constructive interaction among members of that culture (Jandt 2013, Klopff 1998; Lustig & Koester 2013; Oetzel 2009). As a person grows up in a specific cultural environment, that person interacts with other people and learns to associate

specific meaning for specific contexts. That shared meaning permits the successful interaction with other members of that culture (Cole & Scribner 1974; Fisher 1997; Nisbett & Maiyamoto 2005). Culture and perception are, thus, interrelated (Cole & Scribner 1974; Fisher 1997; Nisbett & Maiyamoto 2005).

According to Kuypers (2009), people use frames to filter their perceptions by making some information more relevant than others. Culture and personal experiences teach individuals what is relevant or irrelevant. That is why some people may consider a particular object or behavior to be important while others may not. This has obvious consequences as to what relevance is attached to particular objects or behavior and explains why someone might be insulted by a particular behavior while the interlocutor had no intentions of insulting that other person. But it is perceived as such. The reason is that sensory stimuli are organized within existing knowledge structures (Hewes & Planalp 1987). In other words, the meanings one associated with specific stimuli are based on the associations one has internalized. For example, a cow may be considered an ordinary farm animal that provides milk and/or meat; or it may be considered a holy animal that should not be harmed. In other words, two people viewing the same animal (or object or behavior) may associate completely different meanings or attach different relevance to that same animal (or object or behavior) and, thus, exhibit different reactions to that animal (or object or behavior). And the reaction of the one person to that animal (or object or behavior) may, in turn, be perceived as offensive by the other person even though that was not the intention.

Selecting Sensory Stimuli

At any given moment in time, people are exposed to a host of sensory stimuli. A stimulus can be defined as any input to any of the senses, e.g. sound, sight, smell, taste, touch. Stimuli have to be perceived in order for the consciousness to act upon them; this is called exposure. People tend to select specific stimuli to which they are exposed at any given time (Adler et al. 2013; DeVito 2015; Gamble & Gamble 2012; Klopff 1998). In fact, people sometimes look for specific stimuli while ignoring others. This is called selective perception. Selective perception includes selective attention and selective exposure. Selective attention refers to the anticipation of those things that will fulfill one's needs. For example, looking for specific information in a library during an assignment and deliberately ignoring all the other available information. Selective exposure refers the behavior of people that actively seeks out information and people that support their opinions and actively avoids information or people that contradict their existing opinions, beliefs, attitudes, and values. Selection is based on differential intensity. That is, using something that is different from the ordinary to catch people's attention. For example, a specific product may stand out because of its high price. Past experience is important in making certain selections. If people encounter a particular situation which is perceived to be similar to what they already encountered in the past, it can determine whether they want to seek it out again, or ignore it (Adler et al 2013; DeVito 2015; Gamble & Gamble 2012; Jandt 2013; Klopff 1998). For example, a person may buy the next car from the same auto maker because the previous cars were all reliable. Motivation can also determine what people focus on. For example, if someone is very hungry, then that person will focus on finding food and ignore everything else unrelated to food.

Organizing Sensory Stimuli

Once a sensory stimulus has been recognized, it needs to be organized within existing knowledge structures in order for the sensory stimulus to make sense (Hewes & Planalp 1987; Mitchell 1982; Reiser, Black & Abelson 1985; Salzer, Burks, Laird, Dodge, Pettit, & Bates 1999). This is done within existing frames of reference. The organization of perceived sensory stimuli includes grouping which refers to putting the stimuli into categories that appear to be similar or close to one another (Adler et al. 2013; DeVito 2015; Gamble & Gamble 2012; Jandt 2013; Klopff 1998). That is, information can either be included or excluded from a group, e.g. beef is considered food or taboo.

When information is perceived to be incomplete, then the missing information is added. This is called closure and refers to the tendency of people to fill in the missing pieces (DeVito 2015; Klopff 1998). Sometimes people hear some information that is assumed to be incomplete. People will then attempt to fill in the missing information on the basis of their own past experiences. Closure can fill in the right or the wrong missing information. If it involves a different culture, it is more probable that the added information or the conclusions drawn might be faulty; hence, creating the potential for misunderstandings (Adler et al. 2013; DeVito 2015; Gamble & Gamble 2012; Klopff 1998).

Some organizational concepts are schemata, behavioral scripts, and frames. Schemata are mental templates that are general ideas people have of others, themselves, or social roles (DeVito 2015; DeFleur, Kearney, Plax, & DeFleur 2013; Hewes & Planalp 1987). Schemata allow people to organize the information they come into contact with every day along with those that are already stored in their memory so that new situations become manageable. Schemata are developed from a person's experiences, real ones or those gained through media (De Vito 2015; DeFleur et al. 2013). Behavioral scripts are a sequence of expected behaviors and messages associated with a given situation (Sternberg 2012). A script is a general idea of how an event should play out or unfold, i.e. the rules governing events and their sequence as well as the typical discourse that accompanies these events (DeVito 2015; DeFleur et al. 2013). Framing is a cognitive bias that people develop over time (Plous 1993). Frames help people focus on specific information while filtering out other sensory stimuli considered irrelevant for the situation. Frames define problems, analyze their causes, evaluate the situation, and offer solutions (Kuypers 2009). That is, frames permit people to understand and respond to specific situations in a particular way because people experienced perceived similar events and learned or had been taught to respond in a particular way to those situations. Schemata, scripts, and frames are important because they permit reaction and interaction to be in part without conscious effort; thus, permitting free flowing communication without too many interruptions due to too many deliberations. But they also have the potential for misunderstandings.

Interpretation and Evaluation

Once the information has been organized, it is often interpreted. Interpretation is important because it attaches meaning to what people perceive (Adler et al. 2013; DeVito 2015; Gamble & Gamble 2012; Klopff 1998; Samovar et al. 2013). It, thus, becomes obvious that it is not easy to clearly separate perceptual concepts from interpretation and

evaluation. Interpretation is based on past experiences, expectations, needs, values, beliefs as well as physical and emotional states (DeVito 2009; Klopff 1998; Samovar et al. 2013). That is why two people exposed to the same situation can interpret it differently; even though they are from the same culture.

Three factors influence interpretation: Disconfirmed expectations, predisposition, and attribution (DeVito 2015; Klopff 1998). Disconfirmed expectation refers to the phenomenon that people often anticipate something to happen in a certain way. People expect it to happen that way because that is the way it happened to them before, or it happened to people they know, or it happened in accounts they read, saw, or heard about (Adler et al. 2013; DeVito 2015; Gamble & Gamble 2012; Klopff 1998). If people's expectations are not met in the way it was anticipated, their expectations are disconfirmed. The result can be frustration which has the potential for interpersonal conflicts (Adler et al. 2013; DeVito 2015; Gamble & Gamble 2012; Klopff 1998; Samovar et al. 2013).

Predisposition refers to the phenomenon that people tend to be predisposed to behave in certain ways. Needs, emotional states, values, beliefs, and attitudes constitute those predispositions which help people decide what is good or bad, right or wrong, important or unimportant in what they perceive. These factors play an important role in the meanings people assign to the stimuli they sense and can vary considerably from one person to another (Adler et al. 2013; DeVito 2015; Gamble & Gamble, 2012; Klopff 1998).

Attribution refers to the process of seeking explanations for the observed behavior of others (Adler et al. 2013; DeVito 2015; Gamble & Gamble 2012; Klopff 1998). People try to make sense of the behavior of others and in doing so people attribute causes to that behavior. Even though one may not know why another person behaved the way they did, one assigns a cause which is based on how one would have behaved in the same situation. Most of the time, though, people are guessing; they are not sure of the facts, so they speculate about or imagine the cause. This could result in a problem because an attempt is made to understand why the others behave as they do from one's own perspective and not that of the others. Attribution is useful, though, because it permits one to act and react in new situations which one has not experienced before since one has determined a probable cause for the observed behavior (Adler et al. 2013; DeVito 2015; Gamble & Gamble 2012; Klopff 1998). Under those circumstances, people use attribution to reduce uncertainty and attempt to make the behavior of others more predictable in the future in order to avoid physical and psychological stress which often results during uncertainty (Berger & Calabrese 1975).

People tend to interpret information in ways that are consistent with their own interests, i.e. cognitive consistency. Such self-serving bias influences not only the interpretation of the information but also the subsequent action of the interlocutors. Thus, the perceived message influences the subsequent behavior and communication and not the actual intended message. This divergence in meaning need not have a negative impact on the interlocutors' relationship because misunderstandings are remedied through rationalization (Adler et al. 2013). Rationalization refers to the efforts undertaken by the

interlocutors to understand the perceived message (Adler et al. 2013; DeVito 2015; Gamble & Gamble 2012). If one of the interlocutors appears to behave in a manner contrary to the perceived meaning of the message, the degree of deviation influences the rationalization. Thus, if the degree of deviation is considered to be irrelevant for the context of the message, then it will be ignored. For example, if the encoded messages contains a few minor grammatical mistakes, or the nonverbal behavior contains a few unusual gestures, then people tend to ignore them. If, however, the degree of divergence is large, then the message will be misunderstood in part or entirely. So if one is familiar with a particular culture and a specific individual, then this familiarity will allow one to anticipate messages in a particular context and, thus, achieve greater convergence in meaning (Adler et al. 2013; DeVito 2015; Gamble & Gamble 2012). Because people seek information that reinforces their current perception of the environment and the interaction, they are more likely to filter out undesirable information if it is inconsistent with their expectation of the message content. This is due to the need for cognitive consistency (Adler et al. 2013; DeVito 2015; Gamble & Gamble 2012) as noted above. In an intercultural context, the exchange of meanings is complex because consistency is not always guaranteed due to not just personal differences, but also cultural differences (Chen & Starosta 1998; Gudykunst 2005; Klopff 1998; Oetzel 2009). That is why it is important to familiarize oneself with the other culture and one's communication partner if one wishes to communicate effectively with someone from another culture (Chen & Starosta 1998; Klopff 1998; Oetzel 2009; Samovar et al. 2013).

Once the information has been interpreted, it is evaluated (DeVito 2015; Klopff 1998). In other words, people decide whether they like or dislike what they have perceived and act upon that evaluation — or not, depending on one's past experiences, personality, current situation, etc. Here again, previous experiences and current emotional states — as well as other factors including culture — can determine whether a person considers the interpreted information to be positive, neutral, or negative — and everything in-between. Even the same person can evaluate the same information differently, depending on the circumstances.

4. IDENTITY

How we perceive the world and how the world perceives us has, to some extent, also an influence on our identity. Identity influences how people communicate, i.e. how they create and interpret messages (Doise 1986) and how individuals perceive themselves, i.e. self-concept, which includes the interaction with others (Adler et al. 2013). The self-concept, in turn, consists of self-image and self-esteem (Adler et al. 2013; Gamble & Gamble 2012). Self-image refers to how a person sees herself/himself, how others see that person, and how that person thinks others see her/him. Self-image includes the (Gamble & Gamble 2012) roles one sees oneself perform, the categories one places oneself in, the words one uses to describe or identify oneself, and the understanding of how others see one (metacognition). Self-image is also called self-schema and includes those traits with which people define themselves. Those traits and all information that defines a person are organized in a coherent scheme, i.e. self-referential coding (Rogers, Kuiper, & Kirker 1977).

People with a poor self-image tend to exhibit poor self-worth and could develop social disorders (Rogers et al 1977). People who have a negative self-image can use stereotyping and prejudice to maintain their self-image (Fein & Spencer 1997), creating a potential conflict situation. Florack, Scarabis, and Gosejohann (2005) postulate that stereotyping and prejudices may be used to restore self-esteem. Negative feedback seems to threaten people's self-image and results in evaluating the perceived initiator more negatively in an attempt to restore self-esteem (Fein & Spencer 1997).

Self-esteem refers to how well one likes and values oneself. It is often derived from the success and/or failures one encountered in life (Gamble & Gamble 2012). Self-esteem, thus, influences the self-image with a predominantly positive or negative concept (Adler et al. 2013). Hence, if someone has a generally positive self-perception, then that person will probably have high self-esteem. Someone with high self-esteem is more willing to communicate than someone with low self-esteem (Adler et al. 2013; Hamacheck 1992). And someone with high self-esteem is more likely to think highly of others and expect to be accepted by others. These individuals are not afraid of the reactions of others and perform well when others watch them. When confronted with criticism, they are comfortable defending themselves (Adler et al. 2013). In contrast, someone with a negative self-perception will probably have low self-esteem. People with low self-esteem are likely to be critical of others and expect rejection from them (Adler et al. 2013; Hamacheck 1992). They are also critical of their own performance. People with low self-esteem are sensitive to possible disapproval of others and perform poorly when watched (Adler et al. 2013). They feel threatened by others they perceive as superior and have difficulty in defending themselves against negative comments of others, i.e. a potential for conflict. Self-esteem, thus, has considerable impact on a person's communication (Hamacheck 1992).

If those who are important to one have a positive image of one, this will make one feel accepted, valued, worthwhile, lovable, and significant; hence, one will probably develop a positive self-image with high self-esteem (Adler et al 2013; Gamble & Gamble 2012). If, however, those who are important to one have a negative image of one, one will probably develop a negative self-image with low self-esteem (Adler et al 2013). Identity is, thus, a social construct that is created over time and is subjective rather than fixed and objective (Yep 1998). It is a social construction that is given meaning through interaction with others (Collier & Thomas 1988; Combs & Snygg 1959). Identity is not assigned or concrete; identity is created, reflected, and maintained through interactions with people (Collier & Thomas 1988; Piaget 1954; Yep 1998). Even though a person undergoes change — once identity is in place, it is relatively stable and difficult to alter (Keltikangas 1990). However, from the above discussion, it is clear why individuals within the same cultural context are not identical to one another, but unique individuals who grew up in the same cultural context.

It seems that all humans have a need for an identity that is secure, included, predictable, connected to others, and consistent (Adler et al. 2013; DeVito, 2015; Gamble & Gamble, 2012). Thus, setting the stage for (perceived) positive relationships. If one interacts with people from different cultures, that identity can be threatened because such

encounters are often unpredictable (Gudykunst 1988; Lustig & Koester 2013; Samovar et al. 2013). It is unpredictable because different cultures can use different verbal and nonverbal cues, making communication less predictable. People often feel threatened by unpredictable situations (Berger & Calabrese 1975; Gudykunst 1988; Lustig & Koester 2013; Samovar et al 2013).

5. ETHNOCENTRISM

Ethnocentrism refers to the assumption that one's own culture is the center of everything; consequently, one's cultural traits are seen as natural, correct, and superior to other cultures (Klopf, 1998; Lustig & Koester 2013; Samovar et al. 2013). Culture provides one with a frame of reference with which one can compare objects, behaviors, etc. of other cultures with one's own culture. All cultures teach their members "preferred" ways of responding to the world which are often labeled as "natural" or "appropriate". Consequently, people believe that the values of their culture are natural and correct. Thus, people from other cultures who do things differently might be seen with suspicion.

A fundamental aspect in understanding ethnocentrism is the concept of in-groups and out-groups. As people develop their cultural identities, they learn to differentiate themselves from others in different groups. During interactions with members of one's own groups and those of others, one learns to distinguish the in-group from the out-group. In-groups provide a person with a social identity. Out-groups, in contrast, are perceived as different, and its members as strange. Some people are even taught to avoid specific out-groups because they are different and because they behave incorrectly (Klopf 1998; Lustig & Koester 2013; Samovar et al. 2013).

The Social Identity Theory of Tajfel and Turner (1986) focuses on how the social categorization of people into groups affects interactions between people of different social identities, i.e. national or ethnic culture. In particular, it emphasizes that people have a desire to enhance their self-image and to differentiate themselves from other groups. Awareness of membership in a social group is the most important factor influencing intergroup behaviors and results in establishing a positive social identity. The desire to achieve a positive social identity results in a positive bias favoring the in-group (Tajfel & Turner 1986). Group members achieve this positive identity in several ways including preference and intergroup competition.

The theory explains that individuals with a strong in-group bias or identification have a preference for, or discriminate in favor of, the in-group as a result of striving for positive social identity. They view members of the in-group as more similar to themselves than out-group members and have loyalty toward the in-group and its products. Studies have shown that the greater the individual's in-group identification, the more likely these individuals are to discriminate in favor of the in-group (Gagnon & Bourhis 1996; Perreault & Bourhis 1999). In other words, people give more rewards to their in-group members than the out-group members for the same level of work. In addition to in-group preference, individuals tend to engage in social competition to preserve a positive social identity when interacting with members of out-groups (Turner 1975).

That is why the type and the degree of the relationship between the interlocutors plays a crucial role in the interpretation of the perceived message and its meaning (Adler

et al. 2013; DeVito 2015; Gamble & Gamble 2012). If the degree of divergence is considered irrelevant for the context of the message, it will be ignored. The more familiar one is with the other person and culture, the easier it will be to accurately anticipate and decode messages in a particular context with that person and, thus, achieve greater convergence in meaning (Adler et al. 2013). People are more likely to filter out undesirable information if it is inconsistent with the expectation towards the message content because people have a need for cognitive consistency (Adler et al. 2013; DeVito 2015). The interlocutors often come to a particular conclusion as to what meaning a message has. People tend to interpret the message in ways that are consistent with their own interests. Such self-serving bias influences not only the interpretation of the message, but also the subsequent action of the interlocutors. Consequently, the perceived message influences the subsequent behavior of the interlocutors and not the actual, objective message. Interestingly, this divergence in meaning need not have an impact on the relationship of the interlocutors because misunderstandings may be remedied by rationalization (Adler et al. 2013; DeVito, 2015; Gamble & Gamble, 2012).

6. RELATIONSHIPS AND TRUST

The Communication Accommodation Theory (Giles, Coupland, and Coupland 1991) proposes that the initial orientation of interpersonal encounters is strongly affected by one's personal and social identity which tends to let one view interactions in a particular way (Giles et al. 1991). But the situational constraints, such as the norms, topics, and competitiveness, of each interaction are likely to change the initial orientation of the interactors. During the interaction, people begin to employ different strategies to identify themselves as speakers or to react to the others. These strategies may include individual factors such as personal goals and likes and dislikes; sociolinguistic and behavioral skills in encoding and decoding verbal and nonverbal messages, i.e. cultural preferences; and evaluating one's own behavior and that of others to determine how that interaction is to be viewed (DeVito 2015; Gamble and Gamble 2012). This evaluation will then either change or reinforce the initial orientation during the next interaction, i.e. monitoring and self-control.

In some situations, people are consciously aware of how they interact with others while in other situations they are not (Adler et al. 2013). Abelson (1981) postulates that people use scripts for many routine situations which do not require complete conscious awareness to facilitate an uninterrupted flow of communication. Some people are much more aware of their behavior than others (Gamble and Gamble 2012). These are called high self-monitors who have the ability to pay attention to their own behavior and others' reactions, adjusting their communication to create the desired impression. Low self-monitors express what they are thinking and feeling without much attention to the impression their behavior creates in others. People differ in their degree of identity management (Adler et al. 2013). For example, one may only select that information which confirms one's own self-concept and ignore the rest, i.e. selective perception. Self-awareness, thus, has considerable impact on how one monitors one's own behavior and communication and that of others.

To understand others, one must understand how they look at the world and other people. Self-awareness and how others perceive one can be explored through a psychological testing device known as the Johari Window created by Joseph Luft and Harrington Ingham (1955). The Johari Window consists of four quadrants; namely, the open, blind, hidden, and unknown “panes” (Adler et al. 2013; Gamble and Gamble 2012). The Open pane refers to information about oneself that is known to oneself and others (Adler et al. 2013; Gamble and Gamble 2012). The size of this quadrant varies from one relationship to another and depends on the degree of closeness and trust one shares with another person. The Blind pane contains information about oneself that others are aware of, but oneself is not aware of (Adler et al. 2013; Gamble and Gamble 2012). Some people have a very large blind area and are unaware of their own faults and virtues. The Hidden pane represents one’s hidden self (Adler et al. 2013; Gamble and Gamble 2012). It contains information one knows about oneself but does not want others to know about oneself for fear of being rejected. As one moves from the Hidden pane to the Open pane, one is engaged in self-disclosure. Self-disclosure occurs when one deliberately reveals to others information about oneself that the other person would otherwise not know (Adler et al. 2013; Gamble and Gamble 2012). And finally, the Unknown pane contains information about oneself which neither oneself nor others are aware of (Adler et al. 2013; Gamble and Gamble 2012).

People typically develop a style that is a consistent and preferred way of behaving towards and communicating with others. Some are very open and self-disclose. Their relationships with others are characterized by candor, openness, and sensitivity to the needs and insights of others. Others have a large hidden area. They desire relationships but also greatly fear exposure and generally mistrust others. And if the blind area dominates, then such persons are overly confident of their own opinions and painfully unaware of how they affect others or are perceived by others. People who are dominated by the unknown area adopt a fairly impersonal approach to relationships. Such people usually withdraw from others, avoid disclosure or involvements, and project an image that is rigid, aloof, and uncommunicative (Adler et al. 2013; Gamble and Gamble 2012) which is why they will probably be perceived negatively by others. So individual differences can have considerable impact on how individuals communicate with one another.

Relationships are dynamic and influenced through communication with others. Relationships are hierarchical and include strangers, acquaintances, and intimate friends. Different levels of relationships call for different degrees of involvement. Relationships are reciprocal and exist when members in relationship networks satisfy each other’s needs (DeVito 2015). Prolonged reciprocal incompatibility usually results in a breakdown of the relationship. The Social Exchange Theory (Thibaut and Kelley 1959) postulates that people will only work to maintain a relationship as long as the perceived benefits outweigh the costs. The benefits can include self-worth, a sense of personal growth, a greater sense of security, an increased ability to cope with problems, and additional resources. Costs can include the time spent trying to make the relationship work, psychological and physical stress, and damaged self-image. People enter a relationship with a comparison level in mind (DeVito 2015). People have a general idea, standard, or expectation of the kind of rewards and profits they believe they ought to get out of the re-

lationship. When the rewards equal or surpass the comparison level, people feel satisfied about the relationship. People also have a comparison level for alternatives (Thibaut and Kelley 1959). People compare the rewards they get from a current relationship with those they think they can get from an alternative relationship. If it is assumed the present relationship rewards are below those they could get from an alternative one, then they might exit the present relationship. People use communication to explore a relationship in order to determine if they wish to maintain the relationship or not (DeVito 2015), i.e. the Social Penetration Theory which proposes that the development of relationships is determined by the information one discloses to the other person (Altman and Taylor 1973).

The Uncertainty Reduction Theory (Berger and Calabrese, 1975) examines how people come to know each other in the initial stage of relationship development. Uncertainty refers to the cognitive inability to explain one's own or another's feelings and behaviors in interactions because an ambiguous situation evokes anxiety. The theory proposes that interpersonal relationships develop and progress when people are able to reduce the uncertainty about each other. That is why people seek to reduce uncertainty by exchanging information in the process of relationship development and while building trust.

Trust is an outgrowth of interpersonal communication and very important for interpersonal relationships (DeVito 2015; Gamble and Gamble 2012). Trust is a reflection of how secure one is that other people will act in a predicted and desired way. When one trusts other people, one is confident that they will behave as one expects them to and that they will not use whatever personal information one has revealed to them to harm one. The degree of trust one has in others depends on whether prior relationships reinforced trusting behavior or consolidated fears about the risks of exhibiting trusting behavior (DeVito 2015; Gamble and Gamble 2012). Trust is built by developing a positive communication climate that recognizes and acknowledges the other person's ideas and messages in a positive manner. Disconfirming responses, i.e. messages that deny the value of the other person's ideas, can prevent the establishment of trustful relationships as the Communication Accommodation Theory postulates (Adler et al. 2013). This does not mean, though, that one cannot disagree with the other person's opinion. What is important is how one communicates such disagreement. In other words, one needs to avoid personal attacks and/or messages that can be construed as being hurtful (Adler et al. 2013).

Trust creates a paradox: To be able to trust, one must be willing to take the risk of trusting (Rawlins 1983; Rempel and Holmes 1986; Rempel, Holmes, and Zanna 1985). When one risks revealing hidden information about oneself to another person, then one risks being wrong because the other person could use that information against one. But if one fails to take that risk, one can never build trustful relationships with others (Rawlins 1983; Rempel and Holmes 1986; Rempel et al 1985). Tolerance of vulnerability is the degree of trust one places in another person to accept information one discloses without that person hurting one or the relationship (Rawlins 1983). At the same time, trust creates greater tolerance for divergent behavior and communication because a trusted person is given the benefit of the doubt. In fact, one may even make excuses for

the behavior and communication of the other as is explained above by the principles of rationalization and cognitive consistency (Adler et al 2013; DeVito 2015; Gamble and Gamble 2012). Trust, thus, means that both interactors need to be open and practice self-disclosure to reduce the hidden area of the Johari Window and reduce uncertainty.

7. CONFLICTS

Conflicts are perceived disagreements and goal interference. They involve cognition and how the interlocutors define the context within which the conflict occurs (Roloff & Wright 2013). According to Rahim (2002), a conflict is “an interactive process manifested in incompatibility, disagreement, or dissonance within or between social entities (i.e. individual, group, organization, etc.)” (p. 207). In other words, a conflict can also arise due to differences in communication and meaning. Such differences can include low vs. high context communication styles (Imahori 2010) or monochronic vs. polychronic behavior (Ting-Toomey & Oetzel 2007). So cultural differences can result in misperceptions and misunderstandings and lead to conflicts in addition to individual, personal differences. After all, conflicts also arise between individuals from the same culture.

One category of conflicts are pseudo-conflicts which usually involve, among other causes, misunderstandings (Bruner & Tagiuri 1954; Krippendorff & Bermejo 2009). Misunderstandings resemble pseudo-conflicts and can, thus, escalate into real conflicts. Pseudo-conflicts are usually resolved when people realize no conflict actually exists (Gamble & Gamble 2012); otherwise, they could escalate into real conflicts. This means, that it is also important for misunderstandings to be clarified if they do occur or, even better, to prevent them from appearing in the first place. Otherwise, real conflicts can erupt and ending them may be difficult because conflicts are fairly complex (Canary & Lakey 2006; Caughlin & Vangelisit 2006; Roloff & Wright 2013) even without the added element of culture. As conflicts escalate, new issues can arise. At the same time, the different frames of the conflict parties create fragmented communication that ignores the concerns of one’s counterpart (Roloff & Wright 2013; Sillars 2010). Thus, conflicts often involve a variety of goals and goal incompatibility, incoherent and paradoxical action, escalating arguments and topic shifts, perceptual differences, and cognitive biases (Roloff & Wright 2013). People rarely take the other’s perspective, but quickly infer what intentions and actions mean without any real knowledge, i.e. faulty attribution (Sillars, Roberts, Leonard, & Dun 2000). Framing is critical to how the conflict parties view each other, their relationship, and the conflict task. Framing directs the attention and steers the focus to what is at stake in a conflict. That is why framing is important in understanding (pseudo) conflicts.

Culture includes preferred means of handling specific situations (Chen & Starosta, 1998; Lustig & Koester, 2013; Samovar et al, 2013). That is why Goffman (1974) notes that the meaning of frames is to be found in culture; hence, explaining why different cultures communicate and manage conflicts differently due to the different frames people have internalized. In fact, people are more willing to accept a particular interpretation if they have existing schemata and frames for specific situations. Frames highlight certain information to make the situation more understandable by selecting specific problem

definitions, speculating about a probable cause, coming to a certain evaluation, and stimulating a particular reaction (Entman 1993). Drake and Donohue (1996) found that if the interlocutors can achieve convergence of their individual frames, then this increases the frequency of agreement, i.e. convergence in meaning. Shared personal values could provide a means of overcoming differences (Lee 2014).

Frame convergence increases the focus, control, positive social attribution and integrativeness of the interlocutors (Drake & Donohue 1996). In line with the Social Exchange Theory, the interlocutors may consider their personal relationship to be more important than maintaining or escalating the conflict. That is why it is so important to establish good relationships based on mutual trust because then the interactors might realize that misunderstandings and misperceptions exist because they communicate openly about the conflict due to that trust and are willing to self-disclose, i.e. the Johari Window.

People usually feel more relaxed and comfortable when they are with someone they trust (Adler et al. 2013; DeVito 2015; Gamble & Gamble 2012). A trustful relationship produces greater tolerance for divergent behavior due to attribution, rationalization, and cognitive consistency as noted above. This provides an opportunity to deescalate a (pseudo) conflict. Successful de-escalation of conflicts requires empathy, putting oneself in the position of the other, mutual tolerance, a positive attitude, and alternative coping mechanisms (Roloff & Ifert 2000). According to Roloff and Wright (2013), people want to understand their social environment. That is why it is important to think about what is going on during a conflict, i.e. applying cognition. Conflicts also require self-monitoring and self-regulatory behavior to adjust the communication of the interactors if the conflicts are to be managed properly (Canary & Lakey 2006; Canary & Spitzberg 1987; Roloff & Wrigth 2013), i.e. metacognition and social metacognition.

8. INTERCULTURAL COMMUNICATION COMPETENCE AND CONFLICT RESOLUTION

While there is disagreement on conceptualizing and measuring intercultural communication competence, there is agreement on its fundamental characteristics (Lustig & Koester 2013). According to Chen and Starosta (1998), intercultural communication competence is the ability to effectively and appropriately communicate to achieve a desired response in a specific environment, i.e. intercultural communication sensitivity. Cultural awareness is the foundation for intercultural communication sensitivity. The more experience one has with cultural difference, the more competent one is in intercultural situations (Dong, Day, & Collaco, 2008). Proficiency in foreign languages tends to increase intercultural communication competence as well because such proficiency increases the likelihood that at least the denotative meaning is shared among the interlocutors (Greenholtz 2000). Hence, Dong et al. (2008) conclude that people need to interact and communicate with members of another culture in order to increase their intercultural communication competence (i.e. social metacognition). Intercultural communication competence seems to “promote an individual’s ability to respect cultural differences, foster multiple cultural identities, and maintain multicultural coexistence...

[which] may enable individuals to be successful in the diverse cultural environment” (Dong et al. 2008: 32).

The competent communicator not only knows how to interact effectively and appropriately, but also how to fulfill her/his own communication goals while using this ability, i.e. adroitness (Chen & Starosta 1998). One, thus, needs to properly perceive one’s own behavior/communication and the intentions and behavior/communication of others. That is, one ought to be able to behave/communicate in a manner that is appropriate and perceived as appropriate by others. One also needs to monitor one’s own behavior/communication and that of others while at the same time properly decoding the other’s behavior/communication, intentions. In return, one needs to possibly adjust one’s behavior/communication if it should prove to be necessary. And one has to be aware of how one’s subsequent behavior/communication is perceived by others so that one can react/ communicate appropriately again if need be (i.e. adroitness).

According to the Anxiety/Uncertainty Management Theory (Gudykunst 2005), people have a certain degree of anxiety, i.e. stress, in encounters with strangers. When the encounter is of an intercultural nature, people tend to be very aware of the cultural differences. In fact, they tend to overemphasize the relevance of culture and ignore individual differences. But when people are mindful, they will have better conscious control of their own communication (Gudykunst 2005). Mindfulness refers to cognition, monitoring, and controlling one’s own behavior and communication so that it is effective in specific situations with specific individuals because the communicator does not apply general, stereotypical categories (e.g. schemata, scripts, frames). Instead, the effective communicator individualizes the categories so that the categories provide a better fit (Gudykunst 2005).

Thus, knowledge and awareness of cultural differences are important in understanding differences in meaning, i.e. cognition. The more one knows of one’s counterpart and her/his culture, the better one can decode her/his behavior and communication (Chen & Starosta 1998; Lustig & Koester 2013; Samovar et al. 2013). Furthermore, self-awareness and self-monitoring help reveal how one communicates, i.e. metacognition. Metacognition refers to monitoring and controlling one’s cognitive processes so as to improve their effectiveness (Brown 1978, 1987; Flavel 1979, 1987; Frith 2012). Veeman, Van Hout-Wolters, and Afflerbach (2006) point out that metacognition relies on cognition. So specific knowledge of another person and another culture is needed to properly apply metacognition. By monitoring how the other person reacts to one’s own behavior and communication, one can adjust one’s own behavior/communication to the reaction of the other person (social metacognition) by applying cognition.

Social metacognition can help manage conflicts effectively because it permits conflicting parties to see the conflict from the perspective of the other party to better isolate and predict the possible behavior/communication of the other and adjust one’s own behavior/communication accordingly (Frith 2012; Jost, Kruglanski, & Nelson 1998). To reach convergence in meaning, it is necessary to put oneself in the position of one’s counterpart and attempt to perceive one’s own behavior/communication from the perspective of one’s counterpart. This calls for familiarity, i.e. cognition, of one’s coun-

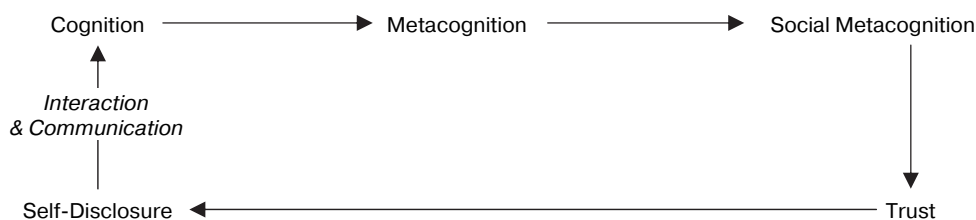
terpart because familiarity fosters mutual self-disclosure and trust which creates better predictability (Frith 2012; Jost et al. 1998). And it requires self- and other-monitoring to properly adjust one's behavior/communication, i.e. social metacognition.

According to Veeman et al. (2006), metacognition (and social metacognition) is most effective if it is learned in the context in which it is to be used, i.e. real world situations. According to Frith (2012), metacognition can be developed through interaction and a willingness to communicate with others about the reasons for one's own actions and perceptions as well as listening to the reasons of one's counterpart presents to explain her or his actions, i.e. practice self-disclosure. This enables people to overcome their lack of direct access to the underlying cognitive processes in themselves and others. Thus, permitting a more accurate image of what the others are seeing and thinking (Frith 2012).

According to Keysar, Hayakawa, and An (2012), framing seems to disappear when it is encountered in a second language. A second language seems to provide greater cognitive and emotional distance allowing people to interpret and evaluate messages less biased. This is probably because most people tend to process a second language less automatically than they do their native language. Consequently, people are more deliberate in their cognition which affects their decision making process; thus, creating decisions that are more systematic and involving more intense monitoring/self-awareness and control to see how one's message is being perceived by the other, i.e. (social metacognition) (Keysar et al 2012). People should also enter any encounter with interlocutors from other cultures with as few preconceived attitudes and frames as possible because existing attitudes and frames are often the basis for future attitudes (Song & Ewoldson 2015). Hence, explaining why people are unlikely to change existing attitudes and frames if they have preconceived attitudes and are intolerant of others. New information can be negated if prior attitudes are held with a high degree of confidence, i.e. the Selective Exposure Theory (Hart, Albarracin, Eagly, Brechan, Lindberg, & Merrill 2009; Sullivan 2009) and the Theory of Cognitive Dissonance (Festinger 1957).

A mismatch of people's implicit and explicit attitudes seems to encourage people to use more elaborate information processes (Song & Ewoldson, 2015). Song and Ewoldson (2015) note that divergent information which is transmitted by trusted people "has a stronger influence on a person's perception of the validity or certainty of attitudinally relevant beliefs than that same information presented by the media" (p. 35). All the more reason to build and maintain a trustful relationship since it encourages constructive interaction due to self-disclosure and trust building.

The interrelationship of the above discussed elements may be depicted as follows:

9. CONCLUSION

From the above discussion, it is apparent that awareness and monitoring one's own behavior and communication as well as that of one's counterpart are important elements which can help reduce misunderstandings and misperceptions because they consider knowledge that is required for effective communication; thus, permitting greater convergence in meaning. They also hone perception in that they expand the range and awareness of schemata, scripts, and frames. They also permit more accurate self-monitoring and other-monitoring. This is, however, only improved through the constructive interaction with one's counterpart because the interaction with the help of cognition and metacognition allows one to see if and how one's own behavior and communication are being perceived by one's counterpart. This interaction also involves self-monitoring and re-adjusting one's behavior and communication to correct misunderstandings and misperceptions — both in oneself and in one's counterpart. But here as well, it is necessary to interact and communicate with one's counterpart to discover if one's own communication and self-evaluation is being perceived and interpreted as intended by one's counterpart as Frith (2012) points out. This should then increase predictability which is also an important component of trust. Trust requires, on the one hand, a tolerance of vulnerability because one does not know what one's counterpart will do with the disclosed information. But without self-disclosure, trust cannot be built. And, on the other hand, trust creates a tolerance for greater divergence because with trust, one tends to give one's counterpart the benefit of the doubt through rationalization and cognitive consistency. Trust helps build stronger relationships because trust reduces uncertainty and anxiety and increases predictability. Predictability permits one to attune one's messages to one's counterpart because one knows how one's counterpart will react to a given message. Trust also increases the likelihood of both interlocutors practicing more self-disclosure. This increased mutual self-disclosure increases cognition, i.e. one gains more knowledge of one's counterpart's behavior and communication; thus, increasing shared meaning and resulting in greater convergence of meaning while also reducing uncertainty and anxiety. With more knowledge, it is possible to improve self-monitoring and controlling one's own behavior and communication, i.e. metacognition, as Veeman et al (2006) note. And with more knowledge of one's counterpart, one will be able to improve one's ability to predict the behavior and reaction of one's counterpart, i.e. social metacognition. This, in turn, will improve the overall communication and provide a more harmonious relationship with fewer misunderstandings and misperceptions; hence, deescalating or even preventing (pseudo) conflicts.

© Michael Hinner, 2017

REFERENCES

- Abelson, R. P. (1981) Psychological status of the script concept. *American Psychologist* 36(7), 715—729.
- Adler, R. B., Rodman, G., & du Pré, A. (2013) *Understanding human communication* (12th ed.). New York, NY: Oxford University Press.
- Altman, I., & Taylor, D. (1973) *Social penetration: The development of interpersonal relationships*. New York, NY: Holt.

- Berger, C. R., & Calabrese, R. (1975) Some explorations in initial interactions and beyond: Toward a developmental theory of interpersonal communication. *Human Communication Research 1*, 99—112.
- Bronfenbrenner, U. (1979) *The ecology of human development: Experiments by nature and design*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Bronfenbrenner, U. (2005) *Making human beings human: Bioecological perspectives on human development*. Thousand Oaks, CA: Sage.
- Bronfenbrenner, U., & Ceci, S. J. (1994) Nature-nurture reconceptualized in developmental perspective: A bioecological model. *Psychological Review 101(4)*, 568—586. doi: 10.1037/0033-295X.101.4.568.
- Brown, A. L. (1978) Knowing when, where, and how to remember: A problem of metacognition. In R. Glaser (Ed.), *Advances in instructional psychology, Vol. 1* (pp. 77—165). Hillsdale, NJ: Erlbaum.
- Brown, A. L. (1987) Metacognition, executive control, self-regulation, and other more mysterious mechanisms. In F. E. Weinert & R. H. Kluwe (Eds.), *Metacognition, motivation, and understanding* (pp. 65—116). Hillsdale, NJ: Erlbaum.
- Bruner, J. S., & Tagiuri, R. (1954) The perception of people. In G. Lindzey (Ed.), *Handbook of social psychology Vol. 1* (pp. 634—654). Cambridge, MA: Addison-Wesley.
- Canary, D. J., & Lakey, S. G. (2006) Managing conflict in a competent manner: A mindful look at events that matter. In J. G. Oetzel & S. Ting-Toomey (Eds.), *The Sage handbook of conflict communication: Integrating theory, research, and practice* (pp. 185—210). Thousand Oaks, CA: Sage.
- Canary, D. J., & Spitzberg, B. H. (1987) Appropriateness and effectiveness perceptions of conflict strategies. *Human Communication Research 14*, 93—118.
- Caughlin, J. P., & Vangelisti, A. L. (2006) Conflict in dating and romantic relationships. In J. G. Oetzel & S. Ting-Toomey (Eds.), *The Sage handbook of conflict communication: Integrating theory, research, and practice* (pp. 129—157). Thousand Oaks, Ca.: Sage.
- Chen, G. M., & Starosta, W. J. (1998). *Foundations of intercultural communication*. Needham Heights, MA: Allyn & Bacon.
- Cole, M., & Schribner, S. (1974) *Culture and thought: A psychological introduction*. Oxford: John Wiley & Sons.
- Collier, M. J., & Thomas, M. (1988) Cultural identities: An interpretive perspective. In Y. Y. Kim & W. B. Gudykunst (Eds.), *Theories of intercultural communication* (pp. 94—120). Newbury Park, CA: Sage.
- Combs, A. W., & Snygg, D. (1959) *Individual behavior* (rev. ed.). New York, NY: Harper & Row.
- DeFleur, M. L. Kearney, P., Plax, T., & DeFleur, M. H. (2013) *Fundamentals of human communication: Social science in everyday life* (4th ed.). New York, N.Y.: McGraw Hill.
- DeVito, J. A. (2015) *The interpersonal communication book* (14th ed.). Boston, MA: Pearson.
- Doise, W. (1986) *Levels of explanation in social psychology*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Dong, Q., Day, K. D., & Collaco, C. M. (2008) Overcoming ethnocentrism through developing intercultural communication sensitivity and multiculturalism. *Human Communication 11(1)*, 27—38.
- Drake, L. E., & Donohue, W. A. (1996) Communicative framing theory in conflict resolution. *Communication Research 23 (3)*, 297—322. doi: 10.1177/009365096023003003
- Entman, R. M. (1993) Framing: Toward clarification of a fractured paradigm. *Journal of Communication 43 (4)*, 51—58. doi: 10.1111/j.1460-2466.1993.tb01304.x

- Fein, S., & Spencer, S. J. (1997). Prejudice as self-image maintenance: Affirming the self through derogating others. *Journal of Personality and Social Psychology* 73(1), 31—44.
- Festinger, L. (1957) *A theory of cognitive dissonance*. Stanford, CA: Stanford University Press
- Fisher, G. (1997) *Mindsets: The role of culture and perception in international relations*. Yarmouth, ME: Intercultural Press.
- Flavel, J. H. (1979) Metacognition and cognitive monitoring: A new era of cognitive-developmental inquiry. *American Psychologist* 34, 906—911.
- Flavel, J. H. (1987) Speculations about the nature and development of metacognition. In F. E. Weinert & R. H. Kluwe (Eds.), *Metacognition, motivation, and understanding* (pp. 21—29). Hillsdale, NJ: Erlbaum.
- Florack, A., Scarabis, M. C., & Gosejohann, S. (2005) The effects of self-image threat on the judgment of out-group targets. *Swiss Journal of Psychology* 64(2), 87—101.
- Frith, C. (2012). The role of metacognition in human social interactions. *Philosophical Transactions of the Royal Society B* 367, 2213—2223. doi: 10.1098/rstb.2012.0123
- Gamble, T. K., & Gamble, M. (2012). *Communication works* (11th ed.). New York, NY: McGraw-Hill.
- Frodeman, R. (2010) *The Oxford handbook of interdisciplinarity*. New York, NY: Oxford University Press.
- Gagnon, A., & Bourhis, R. Y. (1996). Discrimination in the minimal group paradigm: Categorization, reciprocation, or fear? *Journal of Personality and Social Psychology* 79, 77—94.
- Gamble, T. K., & Gamble, M. (2012) *Communication works* (11th ed.). New York, NY: McGraw-Hill.
- Giles, H., Coupland J., & Coupland, N. (1991) Accommodation theory: Communication, context, and consequences. In H. Giles, J. Coupland, & N. Coupland (Eds.), *Context of accommodation: Developments in applied sociolinguistics* (pp. 1—68). Cambridge: Cambridge University Press.
- Goffman, E. (1974) *Frame analysis: An essay on the organization of experience*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Greenholtz, J. (2000) Accessing cross-cultural competence in transnational education: The intercultural development inventory. *Higher Education in Europe* 25(3), 411—416.
- Gudykunst, W. B. (ed.). (1988) *Language and ethnic identity*. Clevedon, UK: Multilingual Matters.
- Gudykunst, W. B. (2005) *Theorizing about intercultural communication*. Thousand Oaks, CA: Sage.
- Hall, E. T. (1976) *Beyond culture*. New York, NY: Doubleday.
- Hamacheck, D. (1992) *Encounters with the self* (3rd ed.). Fort Worth, TX: Holt, Rhinehart and Winston.
- Hart, W., Albarracin, D., Eagly, A. H., Brechan, I., Lindberg, M. J., & Merrill, L. (2009) Feeling validated versus being correct: A meta-analysis of selective exposure to information. *Psychological Bulletin* 135(4), 555—588. doi: 10.1037/a0015701.
- Hewes, D. E., & Planalp, S. (1987) The individual's place in communication science. In C. R. Berger & S. H. Chaffee (Eds.), *Handbook of communication science* (pp. 146—183). Newbury Park, CA: Sage.
- Imahori, T. T. (2010) The great cultural divide in international business communication: High and low-context communication. In M. B. Hinner (Ed.), *The interface of Business and culture* (pp. 249—265). Frankfurt am Main: Peter Lang.
- Jandt, F. E. (2013) *An introduction to intercultural communication; Identities in a global community* (7th ed.). Thousand Oaks, CA: Sage.
- Jost, J. T., Kruglanski, A. W., & Nelson, T. O. (1998) Social metacognition: An expansionist review. *Personality and Social Psychology Review* 2(2), 137—154. doi: 10.1207/s15327957pspr0202_6.

- Keltikangas, J. (1990) The stability of self-concept during adolescence and early adulthood: A six year follow-up study. *Journal of General Psychology* 117, 361—369.
- Keysar, B., Hayakawa, S., & An, S. G. (2012) The foreign-language effect: Thinking in a foreign tongue reduces decision biases. *Psychological Science* 23(6), 661—668. doi: 10.1177/0956797611432178.
- Klopf, D. W. (1998) *Intercultural encounters: The fundamentals of intercultural communication* (4th ed.). Englewood, CO: Morton Publishing Company.
- Krippendorff, K., & Bermejo, F. (2009) *On communicating*. New York, NY: Routledge.
- Kuypers, J. A. (2009) Framing analysis. In J. A. Kuypers (Ed.), *Rhetorical criticism: Perspectives in action* (pp. 181—204). Lanham, MD: Lexington Books.
- Lee, P. S., N. (2014) A study on Chinese-American cultural differences in interpersonal conflict management. In M. B. Hinner (Ed.), *Chinese culture in a cross-cultural comparison* (pp. 441—461). Frankfurt am Main: Peter Lang.
- Luft, J., & Ingham, H. (1955) The Johari Window, a graphic model of interpersonal awareness. *Proceedings of the western training laboratory in group development*. Los Angeles, CA: UCLA.
- Lustig, M. W., & Koester, J. (2013) *Intercultural competence: Interpersonal communication across cultures*. Boston, MA: Pearson.
- Mitchell, A. A. (1982) Models of memory: Implications for measuring knowledge structures. *Advances in Consumer Research* 9: 45—51.
- Mittelstrass, J. (2003) *Transdisziplinarität — wissenschaftliche Zukunft und institutionelle Wirklichkeit*. Constance: Universitätsverlag Konstanz.
- Mokiy, V. S. (2013) *Methodology of transdisciplinarity-4 (solution of complicated multi-Factor problems of nature and society)*. Translated by E. Garbuzenko. Institute of Transdisciplinary Technologies, Russia. Retrieved September 1, 2017 from: www.anoitt.ru/cabdir/materials_eng.php.
- Nisbett, R. E., & Miyamoto, Y. (2005) The influence of culture: Holistic vs. analytic perception. *Trends in Cognitive Science* 9, 467—473.
- Oetzel, J. G. (2009) *Intercultural communication: A layered approach*. New York, NY: Vango Books.
- Ogden, C. K., & Richards, I. A. (1923) *The meaning of meaning*. New York, NY: Harcourt Brace.
- Pedersen, D. M. (1965) The measurement of individual differences in perceived personality-trait relationships and their relation to certain determinants. *The Journal of Social Psychology*, 65, 233—258.
- Perrault, H. S., & Bourhis, R. Y. (1998) Social identification, interdependence and discrimination. *Group Processes and Intergroup Relations* 1, 49—66.
- Piaget, J. (1954) *The construction of reality in the child*. New York: Basic Books.
- Plous, S. (1993) *The psychology of judgement and decision making*. New York, NY: McGraw-Hill.
- Rahim, M.A. (2002) Toward a theory of managing organizational conflict. *The International Journal of Conflict Management* 13(3), 206—235.
- Rawlins, W. K. (1983) Openness as problematic in ongoing friendships: Two conversational dilemmas. *Communication Monographs* 50, 1—13.
- Reiser, B. J., Black, J. A., & Abelson, R. P. (1985) Knowledge structures in the organization and retrieval of autobiographical memories. *Cognitive Psychology* 17(1), 89—137.
- Rempel, J. K., & Holmes, J. G. (1986) How do I trust thee? *Psychology Today*, 28—34.
- Rempel, J. K., Holmes, J. G., & Zanna, M. P. (1985) Trust in close relationships. *Journal of Personality and Social Psychology* 49, 95—112.

- Rogers, T. B., Kuiper, N. A., & Kirker, W. S. (1977) Self-reference and the encoding of personal information. *Journal of Personality and Social Psychology* 35, 677—688.
- Roloff, M. E., & Ifert, D. E. (2000) Conflict management through avoidance: Withholding complaints, suppressing arguments, and declaring topics taboo. In S. Petronio (Ed.), *Balancing the secrets of private disclosures* (pp. 151—163). Mahwah, NJ: Erlbaum.
- Roloff, M. E., & Wright, C. N. (2013) Social cognition and conflict. In J. G. Oetzel & S. Ting-Toomey (Eds.), *The Sage handbook of conflict communication: Integrating theory, research, and practice* (2nd ed.) (pp. 133—160). Thousand Oaks: Sage.
- Ruhly, S. (1982) *Intercultural communication* (2nd Ed.). MODCOM (Modules in Speech Communication). Chicago, IL: Science Research Associates.
- Salzer Burks, V., Laird, R. D., Dodge, K. A., Pettit, G. S., & Bates, J. E. (1999) Knowledge Structures, social information processing, and children's aggressive behavior. *Social Development* 8(2), 220—236.
- Samovar, L. A., & Porter, R. E., McDaniel, E. R., & Roy, C. S. (2013) *Communication between cultures* (8th ed.). Boston, MA: Wadsworth Cengage Learning.
- Schneider, D. J. (1973) Implicit personality theory: A review. *Psychological Review*, 79(5), 294—309.
- Servaes, J. (1989) Cultural identity and modes of communication. In J. A. Anderson (Ed.) *Communication yearbook 12* (pp.383—416). Newbury Park, CA: Sage.
- Sillars, A. L. (2010) Interpersonal conflict. In C. R. Berger, M. E. Roloff, & D. R. Roskos-Ewoldsen (Eds.). *The handbook of communication science* (2nd ed.) (pp. 273—290). Thousand Oaks, CA: Sage.
- Sillars, A. L., Roberts, L. J., Leonard, K. E., & Dun, T. (2000) Cognition during marital conflict: The relationship of thought and talk. *Journal of Social and Personal Relationships* 17, 479—502.
- Song, H., & Ewoldson, D. R. (2015) Metacognitive model of ambivalence: The role of multiple beliefs and metacognitions in creating attitude ambivalence. *Communication Theory* 25 (1), 23—45.
- Sternberg, R. J. (2012) *Cognitive psychology*. Belmont, CA: Wadsworth.
- Sullivan, L. (ed.). (2009) Selective exposure. *The Sage glossary of social and behavioral sciences*. Thousand Oaks, CA: Sage.
- Tajfel, H., & Turner, J. C. (1986) The social identity theory of intergroup behavior. In S. Worchel, W. G. Austin (eds.). *Psychology of Intergroup Relations* (pp. 7—24). Chicago, IL: Nelson-Hall.
- Thibaut, J. W., & Kelley, H. H. (1959) *The social psychology of groups*. New York, NY: Wiley.
- Thomas, A. (2006) Die Bedeutung von Vorurteil und Stereotyp im interkulturellen Handeln. *Inter-culture Journal* 2, 3—20.
- Ting-Toomey, S., & Oetzel, J. (2007) Intercultural conflict: A culture-based situational model. In P. J. Cooper, C. Calloway-Thomas, & C. J. Simonds, *Intercultural communication: A text with readings* (pp. 121—130). Boston, MA: Pearson.
- Turner, J. C. (1975). Social comparison and social identity: Some prospects for intergroup behavior. *European Journal of Social Psychology* 5, 5—34.
- Veeman, M. V. J., Van Hout-Wolters, B. H. A. M., & Afflerbach, P. (2006) Metacognition and learning: Conceptual and methodological considerations. *Metacognition and Learning* 1, 3—14. doi: 10.1007/s11409-006-6893-0.
- Von Bertalanffy, L. (1968) *General system theory: Foundations, development, applications*. New York, NY: George Braziller.
- Yep, G. A. (1998). *My three cultures: Navigating the multicultural identity landscape*. In J. N. Martin, T. K. Nakayama, & L. A. Flores (eds.), *Readings in cultural contexts* (pp. 79—85). Mountain View, CA: Mayfield.

Article history:

Received: 10 September 2017

Revised: 07 October 2017

Accepted: 15 October 2017

For citation:

Hinner, M. (2017) *Cultural Misunderstandings: Causes and Solutions*. *Russian Journal of Linguistics*, 21 (4), 885—909. DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-4-885-909.

Bio note:

Michael B. Hinner, Dr., Professor of Business English and Intercultural Communication at the Faculty of Business Administration and the International Resource Industry, Technische Universität Bergakademie Freiberg (Germany), editor of the book series for business and intercultural communication (Beiträge zur Interkulturellen und Wirtschaftskommunikation). *Research interests*: Business English, Intercultural Communication, Organizational Communication, Culture and Communication in a Business Context, Perception and Communication. *Contact information*: e-mail: hinner@bwl.tu-freiberg.de

DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-4-885-909

НЕПОНИМАНИЕ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ: ПРИЧИНЫ И ПОИСКИ РЕШЕНИЙ

Майкл Б. Хиннер

Технический университет

Akademiestraße 6, 09599 Freiberg, Saxony, Germany

Межкультурное непонимание вызывается рядом комплексных причин, которые легко могут привести к конфликту. Поскольку конфликт представляет собой сложное явление, его нелегко урегулировать, так как не существует единого решения для всех проблем. Теория систем, междисциплинарный подход и социоэкологическая модель обеспечивают всестороннее рассмотрение сложных явлений. Они позволяют создать теоретическую основу, базирующуюся на предыдущих эмпирических исследованиях и междисциплинарных теориях, с помощью которой можно определить значимые элементы сложных явлений и понять их взаимосвязь. Межкультурное непонимание и конфликты — это комплексные феномены, включающие в себя культуру, восприятие, идентичность, этноцентризм, взаимоотношения, завоевание доверия и управление конфликтами, а также межкультурную коммуникативную компетенцию, предусматривающую когнитивную, метакогнитивную и социальную метакогнитивную деятельность. Поскольку большинство эмпирических исследований направлено на отдельные, изолированные элементы в специфических контекстах, данная статья показывает, как на основе имеющихся данных и теорий, разработанных в различных научных областях, можно создать теоретическую основу для разработки целостной методологии по предотвращению межкультурных неудач и конфликтов. В основу положены главные принципы теории систем, трансдисциплинарности и социоэкологической модели.

Ключевые слова: *конфликты, сознание, культура, этноцентризм, идентичность*

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 10 сентября 2017

Дата принятия к печати: 15 октября 2017

Для цитирования:

Hinner, M. (2017) Cultural Misunderstandings: Causes and Solutions. *Russian Journal of Linguistics*, 21 (4), 885—909. DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-4-885-909.

Сведения об авторе:

Доктор Майкл Б. Хиннер преподает деловой английский и межкультурную коммуникацию в Техническом университете Фрайбергская горная академия (Фрайберг, Германия). Он является редактором серии книг по межкультурной коммуникации в сфере бизнеса (*Beiträge zur Interkulturellen und Wirtschaftskommunikation*). *Сфера научных интересов*: деловой английский, межкультурная коммуникация, культура и коммуникация в сфере бизнеса. *Контактная информация*: e-mail: hinner@bwl.tu-freiberg.de

DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-4-910-926

RETHINKING THE TRANSLATOR'S ROLE WITHIN THE GILT PROJECT: AN INTEGRATED APPROACH

Irina N. Remkhe¹, Liliya A. Nefedova¹,
David C. Gillespie²

¹Chelyabinsk State University
Bratyev Kashirinykh Str., 129, Chelyabinsk, Russia, 454001

²University of Bath
Claverton Down, Bath, North East Somerset BA2 7AY, United Kingdom

Abstract. Over the last few decades the scope of the translator's role has extended from being a mediator between source and target texts and is now seen within a purely linguistic approach to establishing his/her own integrated dynamic reality of digital texts and virtual database. Within an integrated approach, we propose that equivalence can be considered from the neutralized position of a translator who needs to conform with translational norms as well as render the communicative purpose of the sender; the text content includes stylistic peculiarities and non-verbal information. In terms of the localization industry, the leading factor should be translational norms incorporated into the system with the help of special software to determine certain modes of translation, the foreignizing mode, domesticating mode, internationalizing mode, and localization mode. With the GILT paradigm the translation model is developing into a new concept that consolidates complex integrated solutions for the translation process.

Keywords: *integrated approach, translation model, equivalence, localization, internationalization*

1. INTRODUCTION

The field of translation studies over the years has seen plenty of trends and approaches, all of which are of paramount importance. Scopos Theory, Polysystem Theory, Descriptive Translation Studies, the School of Manipulation and Postcolonial Translation Theory are classical trends mentioned in various works on translation and represent a substantial corpus of groundwork on translation studies as a whole.

However, with such a diversity of theories, there seems to be no agreement yet among scholars on accepting a fundamental fact: translations should be studied from an integrated perspective. We propose that there needs to be an explicit attempt to integrate most recognizable approaches in order to work out one unifying paradigm, which then could explain the complexity of the translation process. This should satisfy the cognitive need for mapping the translation process as an integrated model within a holistic point of view. On a larger scale, with every new approach the integration should be further developed, providing a continuous dynamic forward movement of the translation discipline.

In this study we will present our view of shifting the role of the translator in the rapidly changing and expanding field of translation studies, with an emphasis on the contemporary trends of internalization and localization as a new challenge. In view of this,

it is exploring advanced technologies used by translators. The case study and research questions are applied to produce a balanced view on bridging translation barriers and adapting the original text as part of a dynamic and integrated model of the translation process based on traditional concepts of correspondence and equivalence.

2. FINDINGS ON THE ISSUE OF EQUIVALENCE IN TRANSLATION

Translation initially emerged as a linguistic phenomenon, as a process of meaning transfer through linguistic transcoding. Therefore, the linguistic approach to translation primarily focuses on the issues of meaning and equivalence and is aimed at giving a precise description of equivalence relations between signs and combinations of them in the SL (source language) and in the TL (target language). Attempts were made to provide systematic analyses based on certain linguistic issues, such as meaning and “equivalence” by R. Jakobson (1959/2000), “seminal concepts of formal and dynamic equivalence” by E. Nida (1964), “a rank-bound equivalence concept” by J.C. Catford (1965) and “semantic and communicative translation” by P. Newmark (1981).

In the development of the foundations of Translation Studies in the 1950s there was a clear influence of Western scholars on Russian linguists, specifically with respect to the concept of equivalence and translatability in the sense that, as Jakobson wrote, linguistics should affect the study of translation (Jakobson 1959: 233—234).

In his most recognized work *A Linguistic Theory of Translation*, Catford confirms: “Clearly, then, any theory of translation must draw upon a theory of language — a general linguistic theory” (Catford 1965: 56).

At some point the term “equivalence” moved to Russian translation theory and soon replaced a similar Russian concept of “*sootvetstviye*” [correspondence] in order to conform with international terminology and later seen as a broader concept that allowed the translator to extend the word-to-word and sense-to-sense concept in the works of Komissarov and Shveitser. In Komissarov’s best-known book *Slovo o Perevode* [A Discourse on Translation] equivalence is described within five levels of content: “1) linguistic sign; 2) expression; 3) message; 4) description of the situation; 5) communication objective. The major goal of translation is to establish the maximum degree of equivalence on each level” (Komissarov 1973: 76—77).

This, however, is reminiscent of Catford’s rank-bound equivalence (1965) which is opposed to unbounded translation. In rank-bound translation equivalences are tied to a certain rank or as word-to-word and morpheme-to-morpheme equivalences. In unbounded translation, the levels are extended to sentence, clause and other factors.

In an effort to answer the question of what is equivalent to what, Koller distinguishes five different types of equivalence: (a) denotative equivalence involving the extralinguistic content of a text, (b) connotative equivalence relating to lexical choices, (c) text-normative equivalence relating to text-types, (d) pragmatic equivalence involving the receiver of the text or message, and, finally, (e) formal equivalence relating to the form and aesthetics of the text (pp. 186—191). (cf. Panou 2013: 186—191).

A classification of correspondence in translation in the traditional Soviet sense is suggested in Retsker’s *Teoriya Perevoda i Perevodcheskaya Praktika* [The Theory of Translation and Translation Practice]. The categories are as follows: 1) equivalence;

2) variant and contextual correspondence; 3) translation transformations of various types. In terms of equivalence, Retsker differentiates it in both a narrow and expanded sense, where the former implies “translation equivalence that does not depend on a context (Retsker 1974: 13).

In Retsker’s subsequent discussions, it becomes clear that he would stick to the narrow sense of equivalence as “the catalysts in the process of translation” (Retsker 1974: 15).

Etymologically the term “equivalence” in the Russian traditional school of translation can be seen as a shift from its original meaning of “substitution” through “transformation” and on to a broader sense of “adequacy” as opposed to “equivalence” assumed by Shveitser (1988). The same opposition is observed in the works of Reiss and Vermeer (1984/1991). The words “target” and “purpose” were already mentioned in the early works of Shveitser and Fedorov (1953) which were primarily determined by the development of the Skopos theory.

The shift to the transformational sense of equivalence can be explained by the emergence of transformation linguistics, specifically in the works of Chomsky and the development of machine translation. In addition, it is important to mention Nida’s move towards the “functional definition of meaning in which a word “acquires” meaning through its context and can produce various responses according to culture” [cited by Munday 2008: 42]. The concept of formal and dynamic equivalence put forward by Nida became fundamental for the new understanding of the “naturalness” of translation. As Munday concludes: “The message has to be tailored to the receptor’s linguistic needs and cultural expectation and aims at complete naturalness of expression” (Munday 2008: 42).

This interpretation provided by Munday, reflects the essence of the GILT strategy, which will be discussed later in this paper.

So, while in Western academic discourse the term “equivalence” started to be used in a more general sense (Vinay & Darbelnet, Catford), in Russian translation theory at that time equivalence was mostly considered between narrow categories. The broader sense was adopted later in the 1970s with Western views being constantly incorporated into Soviet translation theory. All in all, the most valuable consequence of the ideas of the Leipzig school and its followers (Kade, Fedorov, Komissarov, House, Hatim, Shveitser, Wills etc.) lies in the development of Translation Studies as an empirically-based academic discipline.

3. GILT: A NEW SCOPE OF THE OLD PARADIGM

3.1. Defining globalization, internationalization and localization

With the advent of the digital revolution in the 1980s the idea of the text for translation evolved into a new concept. Since then the text has acquired digital content containing pictures, diagrams, company logos, images, graphics, animation and software. Thus, the text was often included in the software and needed to be localized to serve the company’s purposes and the target culture’s preferences. Therefore, the term “localization” appeared, which, in a broader sense, means a “high-tech” translation, since it

deals with non-textual components in addition to the translation itself. This greatly affected the role of the translator and reshaped the translation model by shifting sides and priorities.

The terms Globalization, Internationalization, Localization and Translation are blended into the abbreviation GILT, which signifies a combined chain of strategies/steps to deliver the final product to the target consumer.

The definitions of these terms are explicitly explained in Pym’s book *The Moving Text*: **Globalization**: addresses the business issues associated with making a product global. The globalization of high-tech products involves integrating localization throughout a company, after proper internationalization and product design, as well as marketing, sales, and support in the world market; **Internationalization**: the process of generalizing a product so that it can handle multiple languages and cultural conventions without the need for redesign. Internationalization takes place at the level of program design [in the case of software] and document development; **Localization**: taking a product and making it linguistically and culturally appropriate to the target locale (country/region and language) where it will be used and sold (Pym 2004: 29—30).

Considering the complexity of the stages, and the people involved, the differences should be analyzed from the point of view of the cooperative efforts and the degree of contribution made by each member of the process (Table 1).

Table 1

Differences between internationalization, localization, and globalization

	Internationalization	Localization	Globalization
Definition	Functional in any language and content (linguistic and cultural data) separated from functionality	Adaptation of products, services, and digital content to a cultural and linguistic market	The strategy of bringing a product or service to the global market, involving sales and marketing
People	Software developers, producers and authors of digital content	Translators, proofreaders, software engineers, project managers, testers, publishers	Marketing and sales personnel
Stage	Development and design of a digital product (content) or service (pre-requisite for localization)	Translation and adaptation of text, user interface, and cultural conventions	Bringing to the market the internationalized and localized product or service

In Pym’s book *The Moving Text* the process of internationalization is described as several practices placed between the two extremes of “pretranslation” and “adoption of lingua franca for production purposes”. These practices include “an extension of category superordinates, which is the compiling of multilingual terminology databases”, “a further extension is the use of controlled input language”, “reduced lexis and limited syntactic resources precisely so that ambiguities are avoided when being localized” and “glossing locale specific items in such a way that the added information makes their meaning unambiguous” (Pym 2004: 33).

Localization goes beyond translation and is aimed at adapting the source text content to the target culture or place where the translated text is intended for use. It refers to the adaptation of a product, application or document content to meet the linguistic, cultural and other requirements of a specific target market (a locale). This definition brings back the concept of “naturalness” of translation put forward in Nida’s works

when “the message has to be tailored to the receptor’s linguistic needs and cultural expectation” (cf. Munday 2008: 39) since localization is also about tailoring a product to an individual local market.

Among the defining characteristics of localization, there is an extraction-adaptation-integration process clearly explained by Dunne: “The development team could simply extract the resources from the binary executable file, provide them to a localization team that would translate the text and perform all other necessary modifications and then return the target resources to the developers, who would integrate them into copies of the binary executable file to create the necessary target version or versions” (Dunne 2015: 556). Thus, the localization phenomenon is conceived as a cultural “transplant” extracted from the binary executable file and integrated into user interface material to be stored for a specific target reader.

Technical translators become technical communicators and can at any time change direction to become “technical writers”. The advantages of this semi-translation career are discussed by Olohan: “Technical writers are usually responsible for creating, maintaining and managing documentation of various kinds, for example technical specifications, product descriptions, service descriptions, instruction manuals, user guides, wikis and tutorials” (Olohan 2016: 13—14). Translation has always been done for specific purposes and aimed at specific users, so in some respect it seems natural that translation is only part of the localization process. Besides, specialized translation is often seen as group work with IT engineers and experts in the field involved to increase efficiency and conform to standards. Within the localization industry, translation goes together with project management and product engineering.

3.2. Equivalence as a descriptive concept

There is an ongoing discussion among linguists regarding the role of the translator in an era of new technologies and automated systems. From the critical point of view, there is no shift forward and the same traditional concept of equivalence is being applied to the translation process. We will address this issue from a neutral position, considering both sides of the argument, and put forward our proposition for a translation process as an integrated reality, an idea expanded and developed from Mary Snell-Hornby *Translation Studies. An Integrated Approach* (Snell-Hornby 1988).

The new paradigm of GILT introduces a new translation technology which will make us reconsider the essence of the translation process and the way it is modelled. Nowadays translations are carried out by teams of professionals under the supervision of a project manager, all working in a specially designed technically integrated area on the same translation project. As B. Esselink puts it: “Ideally, translators should sit at the same desk as the software developers and technical authors, translate all of the content simultaneously” (Esselink 2000: 478). This allows translation costs to be reduced, the level of competitiveness to be raised and the translation process as such to be facilitated and enhanced.

It is claimed that translators are being separated from the humanizing discourse and even from the marketing, which could be a rather lucrative perspective. Being restricted by norms and system standards, they seem to be returning to the narrow equivalence approach.

On the one hand, the role of a translator has shifted from the clear central position of the anthropocentric approach to some ambiguous areas where personal competence is replaced by automation and technologically advanced computer-aided systems. As Olohan summarizes: “The localization sector requires linguists for the translation roles, but also those who have additional expertise, for example in testing software products” (Olohan 2016: 13).

From the intercultural point of view, there is no close relationship between a source text and a target text. The relationship proceeds from a source text somewhere to an internationalized product and then from there into many localized products at once, or, in other words, to many target cultures. Besides, within localization translators work on projects and translators become small objects, fragments or chunks, which have fixed content in terms of convention, artificial syntax and controlled writing. Thus, their translations are targeted at “users” not “readers” who want to understand the information quickly. In other words, communication is now an internationalized object and has been removed from the culture to be placed in the technical sphere. As Pym correctly assumes: “All texts become ‘information objects’” (Hofmann and Mehnert 2000), “information elements” (Lockwood 2000), fragments of a textual whole that is not named because it is never seen. Such is non-linearity. And it might be a feature of the kind of discourse produced by internationalization in an electronic age” (Pym 2004:186)

The growing tendency towards non-linearity and fragmentation is the result of dramatic changes in increasing data volumes which has facilitated not only the growing abundance of translation tools and technologies, but also the remapping of the translation process. Nowadays “translators and localizers do not work on linear text but rather on decontextualized text strings or chunks” (Dunne 2015: 560).

Informational and linguistic structuring of texts takes the leading role in forming target texts for readers with technical structuring seen as more important than the narration itself, which is succinctly explained by Pym: Texts are structured in terms of repetition rather than deictics, hyperlinks rather than hypotaxis, and text length has no socially necessary restriction. All this, of course, comes just when linguistics has established disciplines given to analyzing the way texts are put together, in the very age when electronic texts are becoming stand-alone chunks (Pym 2004: 186).

Considering that translation is operating on the basis of equivalence, the level of competence is diminishing and translation as such, as Pym asserts, is viewed as “a text-replacement process suited to natural-language strings”. Within internationalization, nevertheless, there remains a variety of ways to build equivalence prior to the moment of translation. Indeed, were internationalization in any way complete, translation would become an uninteresting automatic process of simply producing equivalence: “just a language problem” <...> Internationalization has as one of its prime tasks the efficient assurance of equivalence in translation” (Pym 2004: 54).

With the empirical “turn” and the globalization “turn”, described by Mary Snell-Hornby in her book *The Turns of Translation Studies: New Paradigms or Shifting Viewpoints?*, the issues of technology, business and other international discourse become relevant. With the dominance of technology we have witnessed radical changes in the “language material” globally understood as “text”. Mary Snell-Hornby summarizes this as follows: 1. Due to the vast amount of material transmitted by telecommunication,

the speech with which it is processed, the increasing use of colloquial forms and the tolerance of what were traditionally viewed as language mistakes or typing errors, some communication relies simply on basic mutual intelligibility, and here translation has to some extent been made obsolete (much communication is carried out in the *lingua franca* of English. Formal business correspondence has partly been replaced by informal e-mail correspondence, much is dealt with by fax and mobile phone. 2. The same necessity for speedy processing and the tolerance of less than impeccable language forms, along with the levelling of culture-specific differences within the technological “*lingua franca*”, mean a potentially greater role for machine translation (e.g. as “gisting”, or rough versions of insider information for internal use within a concern). 3. Multimedia communication creates new text types (the audio museum guide is one example), some of them multisemiotic, with the verbal signs interacting with icons, layout tricks, pictorial images and sounds (as can increasingly be seen in advertising techniques). 4. In the area of intercultural communication, requiring not only language mediation but heightened cultural expertise, the (human) translator (and interpreter) plays an increasingly important role, whereby he/she will take the full responsibility for the “final product” (Snell-Hornby 2006: 133).

Working on decontextualized text strings or chunks raises the issue of translator’s decision-making process and understanding. Lack of context calls into question the cognitive and pragmatic act of communication. As was stated in our earlier work, “the translation process is a conglomerate of various modelling tools depending on the peculiarities of the translation scheme and the translator’s mental activities, i.e. identification, simultaneous or successive processing, reframing, finding conceptual correlations and reaching pragmatic and communicative goals. The overlapping parts signify connections and interaction between the elements that are activated due to the synergetic and dynamic potential of the system (Remkhe 2016: 238).

The necessity of working in small text fragments is paving the way back to equivalence in the narrow linguistic sense of the 1950s, with the translator using translation memory and being locked into other localization project tools. If we take a closer look at text processing from the point of view of linguistic generalizations, the rule-based strategy is becoming more explicit. Within large quantitative databases based on statistical patterns we are returning to the approach of phrase-to-phrase and word-to-word correspondence between texts. This correspondence can be established by machine-based matching equivalences (statistical machine translation) or generalizing them (example-based translation). With the development of parallel corpora resources, we are now witnessing the advent of robust and self-learning translation software.

However, within an integrated approach, we believe that equivalence can be considered from the neutralized position of a translator who needs to conform to translational norms as well as render the communicative purpose of the sender (pragmatic element), text content (semantic element) including stylistic peculiarities and non-verbal information (images). Thus, we agree with the term “default equivalence position” suggested by Cuellar: “Since the translated text is largely ‘imbedded in a socio-cultural context different from the context of the SL community’, equivalence can be used as a descriptive concept for ascertaining compliance with any given translational norm valid in the

target community for the specific translated text type, together with the fulfilment of the initiator's 'translational instructions'" (Cuellar 2008: 180).

In terms of the localization industry, the leading factor should be translational norms incorporated into the system with the help of special software to determine the following modes of translation:

- closeness to the original (foreignizing mode);
- closeness to the target readership, adjusting strategies (domesticating mode);
- closeness to the default equivalence position (internationalizing mode);
- adapting the original's terminology to national varieties of the target reader/user (localization mode).

In the event that equivalence is not considered as a strictly normative concept, we can come to an agreement between existing compulsory translational norms and the possibility to alter them depending on the translation task, instructions given by the initiator and the purpose of the translation. This will help the translation role remain important so that it cannot be replaced with automated systems, since a machine is not able to adjust or adapt easily while overriding translation norms or predetermined units.

4. METHODOLOGY OF THE RESEARCH

4.1. Objectives and Scope of the Research

The main objective of the research is to establish what translation tools translators are using in various translation tasks quantitatively, and to relate them to the translation business in a way so as to propose an integrated model of translation from the perspective of localization project-based translation. In consolidating the model, we will also look at translator competences with the type of translation not specified as applied to various professional areas by default. Hence the research findings will be generalized within the scope of the integrated model.

The general hypothesis states that with the development of translation tools and software we tend to think in terms of translation universals which can better represent linguistic features of a particular language and simplify the translation process. These corpora are considered as huge databases, various forms of translation memory software and other advanced translation tools in order to facilitate and organize the translation process.

4.2. Sampling, the Data Collection Tool and Data Analysis

The survey on the translation tool use was aimed primarily at professional translators and was conducted among 73 respondents. The survey was distributed online to members of Facebook translation groups. Data collection was carried out in the form of a questionnaire drawn up with the help of the Google Form tool. The respondents were asked to choose the tools they use at different stages of their translation work.

5. FINDINGS

In one of the questions we focused on translation memory (TM) as one of most common tools nowadays. It is a database that stores predetermined units of a source language together with its translated equivalent. Repetitions and consistency are the two most prominent advantages of a TM. Repeated text is automatically translated from the database which saves time and effort.

The survey shows that 54.9% of the translators interviewed are currently using TM tools. However, close to 13% stated that they are not familiar with TM systems. Among translators who do not use TM tools, only 2.8% pointed to cost being a factor which prevents them from using the tool. In second place, close to 9% stated that TM tools would not be useful for the kind of work they do. Other reasons were the difficulty involved in learning to use a TM tool and lack of time to search for a suitable one and learn how to use it (Fig. 1).

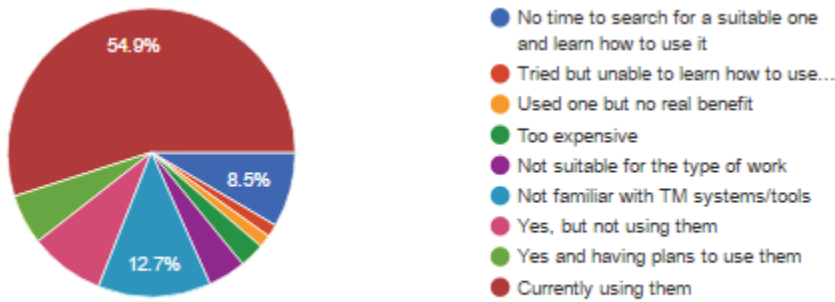

Figure 1. The use of TM software in translation work. A snapshot from the Google Forms data summary

Another question was intended to identify the range of translation tools used by translators (Fig. 2).

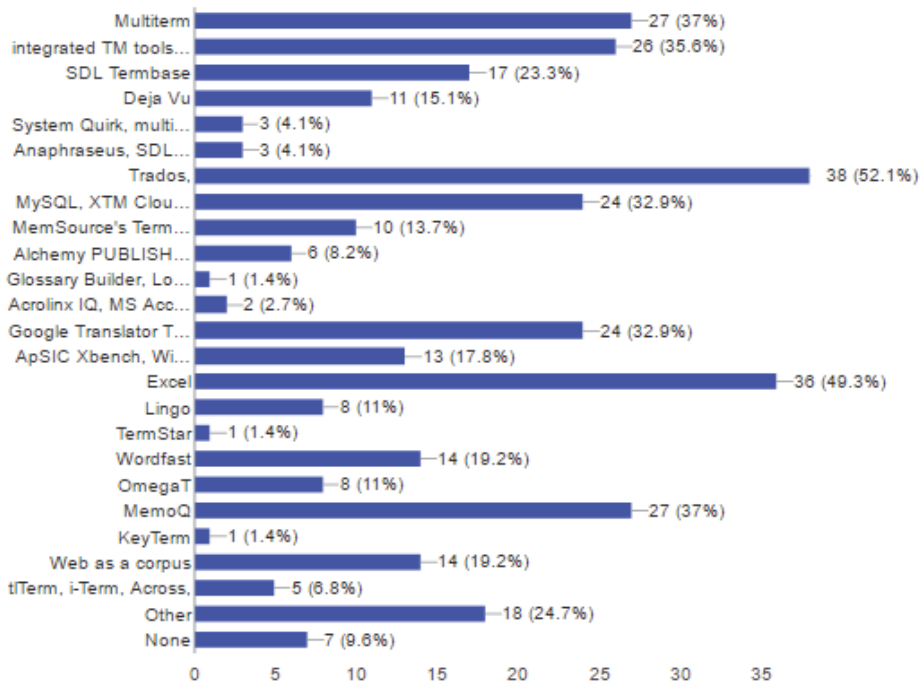

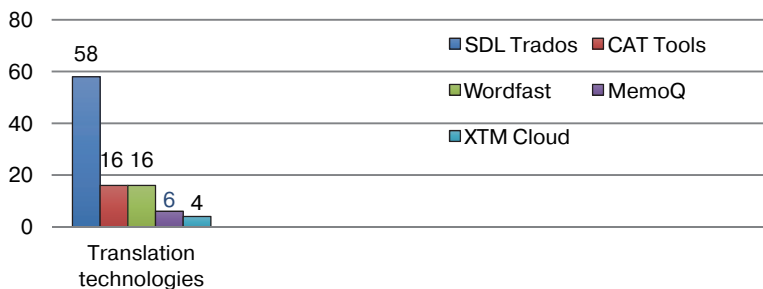
Figure 2. Using terminology management tools in the translation process. A snapshot from the Google Forms data summary

The findings indicate that the choice is rather diverse. About 90 percent of translators rely heavily on the various translation technologies in their translation tasks. Working on Excel documents is seen as most common among translators. Excel document translations usually include various embedded elements, such as graphs, numbers, formulae and drop-down tabs, which need an expert team to be able to translate the subtle technicalities of the document. In addition, Excel spreadsheets are often employed in translation projects, so working in a team is possible.

Trados occupies the leading position as an integrated tool as it can create a simple and easy to use translation environment. The SDL Trados Studio project incorporates project management and computer-aided translation (CAT) tools for use by project managers, translators, editors, proofreaders and other language professionals [SDL Trados 2015]. This is followed by Multiterm and MemoQ as the terminology management application of TRADOS and integrated TM tools in CAT systems. XTM Cloud in line with Multitran, that accounts for 24% of respondents, provides a range of tools for the translator via the web. It is positioned as a fully featured TMS that provides a complete Translation Workflow solution and includes a CAT tool module on a unified platform. However, Logiterm and SDL WorldServer are least known and used by respondents presumably due to high costs (Logiterm) compared to alternatives and a very specific use (as SDL World Service is used for localization services).

In order to verify the survey findings concerning the technical competence of translators we investigated the content of the online forum on ProZ.com, one of the best-known websites for translators that features discussions on various topics related to the translation industry. By searching the forum we intended to track the amount of technology related issues raised by translators among all the recent topics on the list. The selection process was based on the 100 most recent topics raised by translators from various professional backgrounds and provided by the topic distribution on the open discussion list of the ProZ.com website. The research showed that 31 out of the 100 topics were related to using translation technologies, such as SDL Trados, CAT Tools, Wordfast, MemoQ and XTM Cloud.

These findings correlate with the data collected from the survey above. According to the selected data from the forum, the SDL Trados system (58%) is in the forefront in terms of its use by translators. The other technical tools are mentioned accordingly (CAT Tools — 16%, Wordfast — 16%, MemoQ — 6%, and then XTM Cloud — 4%) (Fig. 3).

Figure 3. Translation technologies discussed in the online forum of ProZ.com

The questions examined by translators online concern predominantly procedural knowledge related to the use of translation technologies in their job and problems related to misuse or lack of technical support that could affect the efficiency of the translation process. The top ten topics selected from the 100 most recent forum queries include:

1. Problems with TM tools
2. Operating term base
3. Creating a new TM for Studio from ttx files
4. Problems with upgrading Studio 2015
5. TM update
6. Compiling a report on a review of Trados 2015
7. Saving the MultiTerm form package
8. Problems with the Alignment Editor Service
9. Operating the LiveDocs Corpus in MemoQ
10. Problems with Auto-propagation in Wordfast Pro 5

Localization constitutes one of the four leading general technical issues of translation organized as a separate discussion column aligned with Smart shoppers, Right-to-left language (RTL) and Desktop Publishing (DTP).

The problems reviewed by translators provide a deeper insight into the complexities of using translation technologies which are designed to provide reliable support and to enhance the efficiency of translation activities. The increasing popularity of such online fora indicate an increasing demand for and interest in translation tools, as well as the level of competence required for contemporary translation tasks.

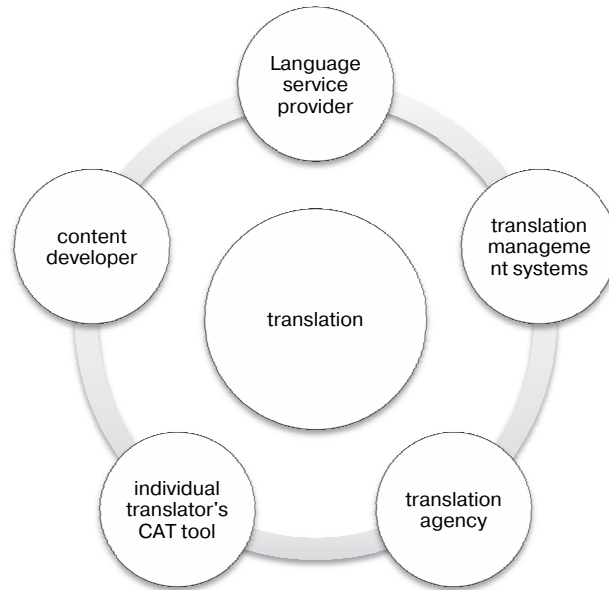
6. DISCUSSION

The localization industry is changing the role of translators by increasing the amount of competences they need to possess and this also makes the translation process itself a new and integrated reality. When translation competence comes into play in specialized translation tasks, there arises the question of complexity and heterogeneity, discussed by A. Neubert in his book *Competence in Language, in Languages, and in Translation* (2000) and later empirically validated with several experiments of the PACTE group (2003).

The complexity of the translation competence model suggested by the PACTE group lies in: “a system of sub-competences that are inter-related, hierarchical and that these relationships are subject to variations. These sub-competences include: a language sub-competence in two languages; an extra-linguistic sub-competence; an instrumental/professional sub-competence; a psychophysiological sub-competence; a transfer sub-competence; and a strategic sub-competence” (PACTE, 2003, p. 7).

The results of the theoretical findings and the survey indicate that the scope of the instrumental/professional sub-competence should be largely extended to include knowledge and abilities to deal with the practice of professional translation, all kinds of documentation, translation tools, automated translation programs and other technologies, as well as knowledge of the labor market.

The translation industry is developing complex integrated solutions to organize the translation process. Fragmentation concerns standardization efforts in support of content management and tool interoperability and localization processes (Fig. 4).

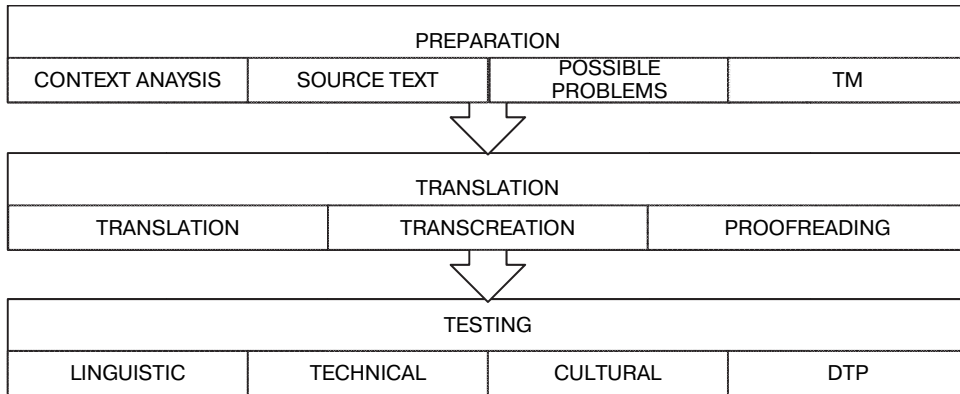

Figure 4. Integrated elements of the translation process within a localization project

The idea of integration permeates the translation process by unifying three core elements: content, service and personalization. Before being translated, the text is handed off from a content developer to a language service provider that recruits and manages in-house translators and freelancers. Then it is transferred to a translation management system as an open standard-based architecture where linguistic data and the application of reusable content are shared via workflow automation based on business rules and project information held in its knowledge base. At this stage, information is tracked through every step in the translation process whether using internal or external resources. After that, via a translation agency, the translation goes to a CAT tool for further processing. In addition, the role of adaptation and cooperation is increasing. When working on a localization project, for example, translation is aligned with adaptation of various components, such as demos, sample files and tutorials.

Observations based on the level of technical expertise and survey data of the variety of online resources used by a modern translator encourage us to consider the growing convergences between a translator and a technical writer, which leads to a change in the way we can map the translation process. All translation tools create a certain integrated translation environment with the translator acting as a moderator and a good manager to organize the work the way he/she sees it best.

The research findings brought us to the conclusion that apart from the core translator's competences, there should be translation tool competence and management skills that form an integral part of the translation task. Technological, managerial and research skills are embedded into the integrated pattern of translating within the localization industry, since this implies having internal stages and subtasks, which are inseparable from the core activities, most of which are done by the translator (Fig. 5).

Figure 5. Translation activities within the localization industry

A technical translator’s job is based on a project. The preparation stage includes working on specifications, drawing up terminology and phraseology using TM and other tools. The translation itself may be seen as the least interesting part, since it is done on carefully selected predetermined items. This is followed by checking, reviewing or proofreading, certifying and delivering. During the testing period the translator can still be consulted. This then completes the translation activities under the project.

Localization requires translators to possess strong instrumental and technical skills in addition to traditional translation and domain expertise with a wide range of new and progressive tools that a technical translator knows how to use. Desktop or browser-based (DTP) tools, computer assisted translation (CAT) tools, integrated terminology management tools, integrated content management systems (CMS) and automatic file transfer protocols (FTP) are just a few of the many facilities that are intended to make internationalization more efficient. Besides, internationalization implies that the text is sent to a translator in very small-sized files (strings and information chunks) which can be easily edited and then localized. However, this process is cognitively more complex, since a translator must try to comprehend the text without the context by constructing a situation model, or a prototype.

Thus, it is important to note that translation tasks carried out under a localization project are different from traditional translation tasks: 1) technical elements are embedded and supervised; 2) compliance with specific standards of the project is required, depending on the localization strategy; 3) translators should manufacture the product and describe it at the same time; 4) expertise in working with specialized software and different formats is needed.

7. CONCLUSIONS

Translation technologies make technical discourse non-linear in terms of production and reception. Localization changes traditional understanding of the translation process due to the relation between translation and internationalization. Before going from a piece of software developed for the international market to a finished translation, the product is first prepared by stripping all the specific features and making it generate a base translation in order to localize.

Over its three decades the concept of localization has expanded to include non-digital and non-verbal issues of product adaptation often addressed through supporting terminology, such as transcreation, rewriting, versioning or transrepresentation. As assumed by Achkasov, “The conceptual potential of the term “localization” seems to exceed all other variants of naming linguistic, cultural, social, economic, political, legal, etc., aspects of product adaptation and is increasingly favored in industry, related research, academia and even Translation Studies as a generic concept for all types of complex content modifications (Achkasov 2017: 289).

Therefore, localization goes beyond translation and adapts the source content to the culture of the place where the translated text is to be used. In addition to translation, other tasks include project management, software engineering, testing, and desktop publishing. At the translation stage, translators work on terminology databases, maintaining TMs, and using and maintaining MT applications.

To sum up, GILT can be viewed as an integrated chain with every step having an impact on the next. Translation norms and equivalence are incorporated into the system through the use of specialized software which makes it work in certain modes, such as foreignizing, domesticating, internationalizing and localization.

Among the newest trends predicted for 2017, in the area of globalization and the localization industry that are listed on the GALA (Globalization and Localization Association) website, we can observe the continuing development of Neural MT and Deep Learning, which claims to be a positive innovation of the future. (URL). Neural MT is based on neural network technology, which is a high-powered approach to Artificial Intelligence (AI) and machine learning. As opposed to traditional statistical MT methods, neural MT examines an entire sentence before suggesting the best possible translations. This new model provides translations that are more fluent and readable than ever before. Tilde Neural MT achieves this success by taking into account elements such as word reordering, dependencies, morpho-syntactic agreements, and other features that are not handled well by statistical MT. The main advantages of neural MT include 1) more fluent, human-like translations; 2) higher translation quality and accuracy; 3) context is taken into account and 4) it is better for under-resourced languages with less data (URL).

Yet, the question of the role of the translator and the inherent complexities of the translation process still remains open, since at a time dominated by technology and media, the contribution of human translators is still difficult to overestimate. We concur with the following assumption of Snell-Hornby (2006: 172): “Responsibility for the final product of translation can only be assumed by the translator if s/he is granted it in the first place and is not treated as a ‘powerless’ transcoder providing raw material for further processing by the ‘real’ specialist or artist”.

© Irina N. Remkhe, Liliya A. Nefedova, David C. Gillespie, 2017

REFERENCES

- Catford, J. C. (1965) *A Linguistic Theory of Translation. An Essay in Applied Linguistics*. London: Oxford University Press.
- Cuellar, S. B. (2008) *Towards an Integrated Translation Approach. Proposal of a Dynamic Translation Model (DTM)*. Dissertation zur Erlangung des Grades des Doktors der Philosophie bei der Fa-

kultät für Geisteswissenschaften Departements Sprach-, Literatur- und Medienwissenschaften I und II der Universität Hamburg.

- Dunne, K J. (2015) Localization: In: *Routledge encyclopedia of translation technology* / edited by Sin-Wai Chan. Routledge. P. 550—556.
- Esselink, B. (2000) *A Practical Guide to Localisation*, Amsterdam: Benjamins.
- Fedorov, A. V. (1953) *Osnovy Obshchey Teorii Perevoda* [Introduction into Translation]. Izdatel'stvo literatury na inostrannykh yazykakh.
- Globalization and localization association. Available from: www.gala-global.org.
- Jakobson, R. (1959/2000). On Linguistic Aspects of Translation. In L. Venuti L (ed.). *The Translation Studies Reader*, New York. 2000 P. 113—118.
- Komissarov, V. N. (1973). *Slovo o perevode* [Towards the Issue of Translation]. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya.
- Munday, J. (2008) *Introducing Translation Studies: Theories and Applications*. 2nd ed. London/ New York: Routledge, 2008.
- Neubert, A. (2000) Competence in Language, in Languages, and in Translation. In *Developing Translation Competence*, C. Schäffner and B. Adabs (eds.), 3—18. Amsterdam: John Benjamins.
- Newmark, P. (1981) *Approaches to Translation*, Oxford and New York: Pergamon.
- Nida, E. (1964) *Toward a Science of Translating*. Leiden: E. J. Brill.
- Olohan, M. (2016) *Scientific and Technical Translation*, London and New York: Routledge.
- PACTE (2003) Building a Translation Competence Model. In: ALVES, F. (ed.). *Triangulating Translation: Perspectives in Process Oriented Research*, Amsterdam: John Benjamins. Available from: <http://www3.uji.es/~aferna/EA0921/3b-Translation-competence-model.pdf>.
- Panou, D. (2013) Equivalence in Translation Theories: A Critical Evaluation. In: *Theory and Practice in Language Studies*. Vol. 3, No. 1, P. 1—6.
- Pym, A. (2004) *The Moving Text: Localization, translation, and distribution* / Benjamins Translation Library. Volume 49.
- Reiss, K. & Vermeer, H. J. (1984/1991) *Grundlegung einer allgemeinen Translationstheorie*. 2nd edition. Tübingen: Max Niemeyer Verlag.
- Remkhe I., Nefedova L., Gillespie D. From function to system: advances in choosing a matrix structure of the translation process // *Russian Journal of Linguistics. Vestnik RUDN*, 2016, 20 (3), pp. 229—241.
- Retsker, Y. I. (1974) *Teoriya Perevoda i Perevodcheskaya Praktika* [The Theory of Translation and Translation Practice]. M.: Mezhdunarodniye otnosheniya.
- Shveitser, A. D. (1988) *Teoriya Perevoda. Status, Problemy, Aspekty* [Translation Theory. Status, Problems, Aspects]. Moscow: Nauka.
- Snell-Hornby, M. (1988) *Translation Studies: An Integrated Approach* — revised edition, Amsterdam/Philadelphia, John Benjamins Publishing Company, 1995. First Edition.
- Snell-Hornby, M. (2006) *The Turns of Translation Studies: New Paradigms or Shifting Viewpoints?* Benjamins Translation Library Vol. 66. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2006.
- TILDE Neural MT. Available at: <http://www.tilde.com/mt/neuralMT>.

Article history:

Received: 10 August 2017

Revised: 05 September 2017

Accepted: 25 September 2017

For citation:

Remkhe, I., Nefedova, L., Gillespie, D. (2017) Rethinking the Translator's Role within the GILT project: an integrated approach. *Russian Journal of Linguistics*, 21 (4), 910—926. DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-4-910-926.

Bio Notes:

Dr. Irina N. Remkhe, Associate Professor in the Department of Theory and Practice of Translation, Faculty of Linguistics and Translation, Chelyabinsk State University. *Research interests*: cognitive linguistics, intercultural communication, psycholinguistics, theory and practice of translation. *Contact information*: e-mail: rilix@mail.ru

Liliya A. Nefedova, Professor in the Department of Romance and Germanic Languages and Intercultural Communication, Faculty of Linguistics and Translation, Chelyabinsk State University. *Research interests*: general linguistics, theory of communication, intercultural communication, cognitive linguistics, theory and practice of translation. *Contact information*: e-mail: lan2@mail.ru

David C. Gillespie, Professor in the Department of Politics, Languages and International Studies, University of Bath. *Research interests*: Russian literature and film, Russian culture in the post-Soviet era. *Contact information*: e-mail: dcgillespie41@gmail.com

FINANCE AND ACKNOWLEDGEMENTS

This research is funded by the Russian State request for project completion #34.6111.2017/BC “Translating Media Texts within the Context of Modern Tendencies in Mass Communication”.

DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-4-910-926

**РОЛЬ ПЕРЕВОДЧИКА В УСЛОВИЯХ РЕАЛИЗАЦИИ
ПРОЕКТА GILT (ГЛОБАЛИЗАЦИЯ, ИНТЕРНАЛИЗАЦИЯ,
ЛОКАЛИЗАЦИЯ, ПЕРЕВОД): ИНТЕГРИРОВАННЫЙ ПОДХОД**

И.Н. Ремхе¹, Л.А. Нефедова¹, Д.Ч. Гиллеспи²

¹Челябинский государственный университет
454001 Челябинск, Россия, ул. Бр. Кашириных, 129

²Университет г. Бат
Claverton Down, Bath, North East Somerset BA2 7AY, United Kingdom

В статье освещается проблема модификации роли переводчика в условиях глобализации, которая претерпевает значительные изменения за последние десятилетия. От выполнения функции медиатора между текстами на языке оригинала и перевода современный переводчик переходит к созданию собственного интегративного пространства на основе цифровой обработки текстов и использования виртуальных баз данных. В рамках интегративного подхода авторы рассматривают эквивалентность перевода с позиции нейтрализации, заключающейся в необходимости соответствовать установленным переводческим нормам наряду с передачей коммуникативной цели высказывания и учета контекста, включая особенности языкового и надязыкового характера. При этом в условиях развития локализации переводческие нормы занимают особое положение в инкорпорированной части переводческих программ, использование которых осуществляется с учетом процессов форенизации, доместикации и интернационализации. Таким образом, современная парадигма глобализации перевода в рамках проекта GILT открывает новые возможности для развития концептуально нового направления в переводе, определяющего поиск интегративных решений в переводческом процессе.

Ключевые слова: *интегрированный подход, модель перевода, эквивалентность, локализация, интернационализация, глобализация*

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 10 августа 2017

Дата принятия к печати: 25 сентября 2017

Для цитирования:

Remkhe, I., Nefedova, L., Gillespie, D. (2017) Rethinking the Translator's Role within the GILT project: an integrated approach. *Russian Journal of Linguistics*, 21 (4), 910—926. DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-4-910-926.

Сведения об авторах:

Ремхе Ирина Николаевна, кандидат филол. наук, доцент кафедры английского языка, Институт Истории, филологии и иностранных языков, Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова. *Сфера научных интересов*: когнитивная лингвистика, межкультурная коммуникация, психолингвистика, теория и практика перевода. *Контактная информация*: e-mail: rilix@mail.ru

Нефедова Лилия Амиряновна, доктор филол. наук, профессор, профессор кафедры романо-германских языков и межкультурной коммуникации, факультет лингвистики и перевода, Челябинский государственный университет. *Сфера научных интересов*: общее языкознание, теория коммуникации, межкультурная коммуникация, когнитивная лингвистика, теория и практика перевода. *Контактная информация*: e-mail: lan2@mail.ru

Давид Чарльз Гиллести, доктор наук, профессор русского языка, факультет политики, языков и межкультурных отношений, Университет г. Бат (Великобритания). *Сфера научных интересов*: русская литература, русский кинематограф, русская культура в постсоветский период. *Контактная информация*: e-mail: d.c.gillespie@bath.ac.uk

ХРОНИКА CHRONICLE

DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-4-927-933

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ *Эволюция ценностей*
в языках и культурах (Отв. редактор И.А. Седакова). —
М.: Пробел-2000, 2011. — 240 с.**

**REVIEW of I.A. Sedakova (ed.) *Evolution of Values*
in Languages and Cultures. —
M. Probel-2000, 2011. — 240 p.**

Ценности языка и культуры являются неотъемлемым сопровождением цивилизованного человечества. Как категории мира идеального, так и конкретные результаты человеческой практики, они фиксируются через жизненные воззрения и принципы и ориентируют человеческую деятельность в определенном направлении. Культурные ценности находятся в постоянном движении: развиваясь от поколения к поколению и видоизменяясь, они приобретают новые формы, а их обновление и воспроизведение очевидно связаны с течением времени и происходят под влиянием общественных изменений.

Концептуальное осмысление трансформации базовых ценностей языка и культуры, явления сложного и многоуровневого, неоднократно становилось объектом интереса различных научных школ и направлений (Harrison & Huntington 2001, Wierzbicka 1997, Williams 1985). Рецензируемый сборник «Эволюция ценностей в языках и культурах» особо выделяется своей многоплановостью, поскольку объединяет несколько тематических полей, основывается на богатом и разнообразном языковом материале и представляет совокупность различных дисциплин и методологических подходов — семиотики, этно- и социолингвистики и литературоведения. Публикация малого тиража сборника состоялась в 2011 г. при поддержке исследовательской программы Президиума РАН, с недавнего же времени с электронной версией книги можно ознакомиться в Интернете в свободном доступе (<http://inslav.ru/publication/evolyuciya-cennostey-v-yazykah-i-kulturah-m-2011>). Публикация сборника в электронном варианте делает книгу доступной более широкой аудитории и, мотивируя читательский интерес, придает ей особую актуальность.

В сборник включены 12 статей, которые, по словам ответственного редактора И.А. Седаковой, «хотя и посвящены... разным ценностным концептам в разные эпохи», подчинены одной общей цели и «служат канвой для анализа эволюции базовых ценностей в языках и культурах» (Седакова 2011: 4) и обозначения типо-

логии контекстов, которые влияют на изменение аксиологической сущности понятий. Особую важность публикуемых в сборнике исследований об иерархии ценностей И.А. Седакова видит в том, что они выявляют представление об актуальных социокультурных ценностных концептах в современном и традиционном обществе и «отчасти отражают взгляд на ценности в России начала второго десятилетия XXI века» (Там же: 6).

Особого внимания заслуживает семиотический — по словам И.А. Седаковой, «доминирующий», подход к исследованию трансформации аксиологической сущности понятий, объединяющий большинство опубликованных в сборнике работ. Представитель Московско-тартуской семиотической школы Вяч. Вс. Иванов в статье «Толерантность и ее значимость для XXI века» отмечает, что «современный подход к толерантности основан на понятии диалога» (Иванов 2011: 19), исходным в котором остается диалогическое соотношение «Я» и «Ты». Говоря об историческом формировании принципа толерантности, автор задается вопросом о сегодняшней актуальности понятия «толерантность» и затрагивает проблемы, связанные с дискурсом толерантности: проблему «порога толерантности», базирующуюся на «отрицании взаимного уважения... в поведении разных социальных групп по отношению друг к другу» и проблему коммуникативного воздействия на аудиторию — «...на каком языке сегодня нужно говорить о толерантности, чтобы быть понятым максимальным числом читателей в разных странах?» (Там же: 19—33).

В рамках семиотического подхода ряд авторов сборника использует в качестве методологического приема бинарные оппозиции, одновременно рассматривая два противоположных понятия, отношения противоположностей между которыми приобретают статус организующего центра. Так, в статье «Метаморфозы социокультурных ценностей: Вводные замечания», И.А. Седакова, говоря об оценочной коннотации концептов «старость» и «аппетит» в традиционной и современной картинах мира (Седакова 2011: 11), указывает на важность осмысления бинарной оппозиции «норма — отклонение от нормы» и отмечает, что понятие нормы необходимо для «оценки ценности» (Там же: 11), поскольку всякое отклонение от нормы может рассматриваться как отрицание ценности.

Оппозицию церковной и секулярной шкалы ценностей мы находим в работе Н.Н. Запольской «Спасение, любовь, милосердие: К вопросу о языковом моделировании культурных ценностей» (Запольская 2011). Обращаясь к анализу трех ключевых ценностных концептов в религиозном дискурсе, автор показывает одновременное противодействие и сосуществование церковной и секулярной культур.

Модель контрастности является ключевой и для статей, опубликованных в последнем разделе сборника и посвященных эволюции ценностей в условиях лагерной жизни. В своей работе «Аксиологический статус вещи» И.А. Седакова, обращаясь к анализу книги Е. Гинзбург «Крутой маршрут», акцентирует внимание на противостоянии двух контрастных миров — жизни на свободе и жизни в заключении и, отмечая полярность в восприятии вещей в этих мирах, предлагает рассматривать оппозицию «свобода — заключение» «в контексте основопо-

лагающей аксиологической пары „жизнь — смерть“» (Седакова 2011: 172). Бинарная оппозиция свобода — заключение является ключевой и в «Воспоминаниях о тюрьме и лагере (март 1937 — июнь 1945)» В.Л. Горбуновой (Номикос), которая была сослана в ГУЛАГ на 8 лет. В «Комментарии к воспоминаниям» Т.М. Николаева (2011: 185—193) предлагает типологию трансформации ценностей при полном изменении образа жизни человека в условиях лагерной жизни и ссылки.

Несомненный интерес представляют две статьи этнолингвистической направленности, демонстрирующие динамику ценностей в изучении и понимании языковой картины мира. Так, глава польской школы этнолингвистики Е. Бартминьский анализирует место концепта ценности в языковой картины мира и приходит к выводу о том, что «ценности являются фактором, который управляет построением видения действительности... через сообщество носителей языка» (Бартминьский 2011: 55). Ключевыми понятиями в работе исследователя оказываются стереотип и языковая картина мира — те представления о предметах и явлениях, которые отражены в значениях слов и текстах и могут быть прослежены с помощью методов лингвистической семантики. В связи с этим Е. Бартминьского интересуют различные типы отношений между языком и ценностями, а также смысловое наполнение самого понятия «ценность» в свете языка и культуры.

В статье С. Небжеговской-Бартминьской «Конститутивные ценности польского народного сонника» (Небжеговская-Бартминьская 2011) рассматривается аксиология сонника как собрания магических текстов фольклорного жанра и иерархия его ценностей. Говоря о системе образов сонника и принципе их интерпретации, польская исследовательница поднимает общесемиотическую проблему отношений между означающим и означаемым символического знака сонника — характеристикой образа и толкованием. Оценка, по мнению автора статьи, «определяется в толковании», где один и тот же образ может «оцениваться различно» и толковаться как позитивно, так и негативно. Именно оценка в восприятии окружающего мира «является сутью функционирования сонника как особого жанра и составляет основной принцип, на котором базируется интерпретация образов сновидений» (Там же: 81).

Хотелось бы обратить особое внимание на ряд интересных работ, в основе которых лежит социоллингвистический подход. Динамика ценностей в этих исследованиях показана в зависимости от более широкого общего контекста — политического, экономического или социального. Так, в статье М.А. Осиповой «Ценности, деньги и дискурс» говорится о том, что в современном российском дискурсе концепт «деньги» выступает в роли дискурсивного стержня. Автор справедливо подчеркивает, что в современной жизни россиян «сформировался типовой смысловой конструкт „ведущее к деньгам (включающее деньги); то, к чему следует стремиться; хорошее“ в противопоставлении „не ведущее к деньгам (не включающее деньги); то, к чему не следует стремиться; плохое“» (Осипова 2011: 98).

Говоря о дискурсе в начале статьи, исследовательница, однако, ограничивается общим замечанием о том, что «сегодня в центре внимания лингвистов находится дискурс» (Там же: 92). Именно поэтому здесь хотелось бы обратить вни-

мание на необходимость более глубокого анализа как самого понятия «дискурс», так и разграничения его двойственной роли как формы речевого взаимодействия между людьми — с одной стороны — и словесного проявления некоего образа мышления и идеологии — с другой. Как пожелание, хотелось бы также увидеть анализ более широкого спектра лексики, указывающего на успешную и имущественную составляющую жизни российского общества (удача, успех, роскошь, богатство). Репрезентация концепта деньги в современных текстах позволяет отнести это понятие к базовым концептам культуры, который отражает действительность во всем многообразии ситуаций, в которых находится человек в реальной жизни. Поэтому использование концепта в самых разнообразных лексемах и его вербализация на фразеологическом уровне исключительно важна для детального понимания русской картины мира.

В статье «Дорогие наши столицы: образ Российского мегаполиса в Рунете» М. Еленевская, исследуя дискуссию о Санкт Петербурге и Москве в коммуникативном пространстве Рунета, противопоставляет системы ценностей двух столиц — старой и новой. Интересен выбор поля исследования, ведь социальные сети являются не просто сферой передачи информационного сообщения, а средой преобразования информации многочисленными участниками коммуникации и добавления к ней личных представлений, оценок и интерпретаций. Помимо этого, как справедливо отмечает автор статьи, рамки такого источника, как социальные сети, дают исследователю возможность «услышать»... разнообразие голосов ... и проследить динамику обсуждений» (Еленевская 2011: 102), в центре которой конфликт представлений об обеих столицах и их противопоставление по целому ряду признаков. Обсуждая тему взаимоотношений Москвы и Петербурга, исследовательница сравнивает системы ценностей, лежащие в основе соперничества «мегаполиса и культурной столицы» (Там же: 125), и обнаруживает, что появление самого концепта ценности как установки и направленного действия неразрывно связано с дискурсивным полем, в котором изначально заложены отношения сходства и различия.

В статье С.А. Сидневой обсуждаются концепты *dolce vita* (сладкая жизнь) и *dolce far niente* (сладкое ничегонеделание) в контексте общей проблемы заимствования. Автором затрагиваются вопросы смыслового и ценностного наполнения этих понятий. Говоря о различном толковании концептов, исследовательница приходит к интересному выводу о том, что концепт «„сладкое ничегонеделание“ представлен как позитивный феномен, соотносящийся с концептом счастья», в то время как понятие «„сладкая жизнь“ как ценность имеет неоднозначную трактовку» (Сиднева 2011:148) и в русской лингвокультурологической традиции, в отличие от итальянской, часто приобретает положительные коннотации.

Работа М.М. Макарецва «Проблема идентичности и система ценностей у носителей славянского говора *in statu moriendi*» завершает ряд статей социолингвистической направленности. Автор этой работы обращается к проблеме эволюции функции ценности языка, рассматривая язык небольшой диаспоры в условиях контакта с другим языком, доминирующим в регионе. Исследователем затрагивается

проблема ценности владения родным языком в иноязычном окружении и прослеживается, как язык, который подвергается изменениям, приобретает дополнительную функцию и «превращается из средства коммуникации в знак идентичности» (Макарцев 2011: 167).

В заключение отрядно отметить, что сборник «Эволюция ценностей в языках и культурах» органично сочетает в себе теоретические воззрения и интересные наблюдения над конкретным материалом. Анализ целого комплекса культурных ценностей и установок — с одной стороны — и привлечение различных методов исследования этих ключевых точек культуры — с другой, способствуют выявлению ценностных параметров ряда культур и придают объяснительную силу культурно-обусловленным сценариям окружающей нас действительности. Публикация сборника создает солидную базу для дальнейших плодотворных исследований в области лингвокультурологии и содействует изучению современного состояния культуры в целом. Поскольку рецензируемый сборник представляет и обобщает накопленный в разных научных дисциплинах материал по истории конкретных культур, он, несомненно, представляет интерес для филологов и лингвистов различных школ и направлений, а также для специалистов междисциплинарных областей.

© Клавдия Збенович, 2017

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Бартминьский Е. Место ценностей в языковой картине мира // *Эволюция ценностей в языках и культурах* / Под ред. А.И. Седаковой. М.: Пробел-2000, 2011. С. 51—80. [Bartmin'skii, E. (2011). Mesto tsennostei v yazykovoï kartine mira // *Evolyutsiya tsennostei v yazykakh i kul'turakh*. (Evolution of values in languages and cultures). In A.I. Sedakova (ed.). Moscow: Probel-2000, 51—80. (In Russ).]
- Еленевская М. Дорогие наши столицы: Образ Российского мегаполиса в Рунете // *Эволюция ценностей в языках и культурах* / Под ред. А.И. Седаковой. М.: Пробел-2000, 2011. С. 101—134. [Elenevskaya, M. (2011). Drogie nashi stolitsy: Obraz Rossiiskogo megapolisa v Runete // *Evolyutsiya tsennostei v yazykakh i kul'turakh*. (Evolution of values in languages and cultures). In A.I. Sedakova (ed.). Moscow: Probel-2000, 101—134. (In Russ).]
- Запольская Н.Н. Спасение, любовь, милосердие: К вопросу о языковом моделировании культурных ценностей // *Эволюция ценностей в языках и культурах* / Под ред. А.И. Седаковой. М.: Пробел-2000, 2011. С. 37—50. [Zapol'skaya, N.N. (2011). Spasenie, lyubov', miloserdie: K voprosu o yazykovom modelirovanii kul'turnykh tsennostei // *Evolyutsiya tsennostei v yazykakh i kul'turakh*. (Evolution of values in languages and cultures). In A.I. Sedakova (ed.). Moscow: Probel-2000, 37—50. (In Russ).]
- Иванов Вяч. Вс. Толерантность и ее значимость для XXI века // *Эволюция ценностей в языках и культурах* / Под ред. А.И. Седаковой. М.: Пробел-2000, 2011. С. 19—36. [Ivanov, Vyach. Vs. (2011). Tolerantnost' i ee znachimost' dlya XXI veka // *Evolyutsiya tsennostei v yazykakh i kul'turakh*. (Evolution of values in languages and cultures). In A.I. Sedakova (ed.). Moscow: Probel-2000, 19—36. (In Russ).]
- Макарцев М.М. Проблема идентичности и система ценностей у носителей славянского говора in statu moriendi // *Эволюция ценностей в языках и культурах* / Под ред. А.И. Седаковой. М.: Пробел-2000, 2011. С. 151—168. [Makartsev, M.M. (2011). Problema identichnosti i sistema tsennostei u nositelei slavyanskogo govora in statu moriendi // *Evolyutsiya tsennostei*

v yazykakh i kul'turakh. (Evolution of values in languages and cultures). In A.I. Sedakova (ed.). Moscow: Probel-2000, 151—168. (In Russ).]

Небжеговская-Бартминьская С. Конститутивные ценности польского народного сонника // Эволюция ценностей в языках и культурах / Под ред. А.И. Седаковой. М.: Пробел-2000, 2011. С. 81—91. [Nebzhegovskaya-Bartmin'skaya, S. (2011). Konstitutivnye tsennosti pol'skogo narodnogo sonnika // Evolyutsiya tsennosti v yazykakh i kul'turakh (Evolution of values in languages and cultures). In A.I. Sedakova (ed.). Moscow: Probel-2000, 81—91. (In Russ).]

Николаева Т.М. Эволюция ценностей в экстремальных условиях. Комментарий к воспоминаниям Валентины Леонидовны Горбуновой (Номикос) // Эволюция ценностей в языках и культурах / Под ред. А.И. Седаковой. М.: Пробел-2000, 2011. С. 185—193 [Nikolaeva, T.M. (2011). Evolyutsiya tsennosti v ekstremal'nykh usloviyakh. Kommentarii k vospominaniyam Valentiny Leonidovny Gorbunovoi (Nomikos) // Evolyutsiya tsennosti v yazykakh i kul'turakh. (Evolution of values in languages and cultures). In A.I. Sedakova (ed.). Moscow: Probel-2000, 185—193. (In Russ).]

Осипова М.А. Ценности, деньги и дискурс // Эволюция ценностей в языках и культурах / Под ред. А.И. Седаковой. М.: Пробел-2000, 2011. С. 92—100. [Osipova, M.A. (2011). Tsennosti, den'gi i diskurs // Evolyutsiya tsennosti v yazykakh i kul'turakh. (Evolution of values in languages and cultures). In A.I. Sedakova (ed.). Moscow: Probel-2000, 92—100. (In Russ).]

Седакова И.А. Предисловие // Эволюция ценностей в языках и культурах / Под ред. А.И. Седаковой. М.: Пробел-2000, 2011. С. 4—6. [Sedakova, I.A. (2011). Predislovie // Evolyutsiya tsennosti v yazykakh i kul'turakh. (Evolution of values in languages and cultures). In A.I. Sedakova (ed.). Moscow: Probel-2000, 4—6. (In Russ).]

Седакова И.А. Метаморфозы социокультурных ценностей: Вводные замечания // Эволюция ценностей в языках и культурах / Под ред. А.И. Седаковой. М.: Пробел-2000, 2011. С. 7—18. [Sedakova, I.A. (2011). Metamorfozy sotsiokul'turnykh tsennosti: Vvodnye zamechaniya // Evolyutsiya tsennosti v yazykakh i kul'turakh. (Evolution of values in languages and cultures). In A.I. Sedakova (ed.). Moscow: Probel-2000, 7—18. (In Russ).]

Седакова И.А. Аксиологический статус вещи (по материалам книги Е. Гинзбург «Крутой маршрут») // Эволюция ценностей в языках и культурах / Под ред. А.И. Седаковой. М.: Пробел-2000, 2011. С. 169—184. [Sedakova, I.A. (2011). Aksiologicheskii status veshchi (po materialam knigi E. Ginzburg «Krutoi marshrut») // Evolyutsiya tsennosti v yazykakh i kul'turakh. (Evolution of values in languages and cultures). In A.I. Sedakova (ed.). Moscow: Probel-2000, 169—184. (In Russ).]

Сиднева С.А. Концепты *dolce vita* и *dolce far niente* в русской лингвокультуре: аксиологический аспект // Эволюция ценностей в языках и культурах / Под ред. А.И. Седаковой. М.: Пробел-2000, 2011. С. 135—150. [Sidneva, S. A. (2011). Kontsepty *dolce vita* i *dolce far niente* v russkoi lingvokul'ture: aksiologicheskii aspekt. (Evolution of values in languages and cultures). In A.I. Sedakova (ed.). Moscow: Probel-2000, 135—150. (In Russ).]

Harrison L.E. & Huntington S.P. (eds.) (2001). Culture Matters: How Values Shape Human Progress. New York: Basic Books.

Wierzbicka A. (1997). Understanding culture through the key words. Oxford: Oxford University Press.

Williams R. (1985). Keywords: A Vocabulary of Culture and Society. Oxford: Oxford University Press.

Для цитирования:

Збенович К. Рецензия на книгу *Эволюция ценностей в языках и культурах* (Отв. редактор И.А. Седакова). — М.: Пробел 2000, 2011. — 240 с. // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2017. Т. 21. № 3. С. 927—933. DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-4-927-933.

Сведения об авторе:

Збенович Клавдия, PhD, старший преподаватель кафедры английского языка, Колледж Хадасса (Иерусалим, Израиль). *Сфера научных интересов*: прагматика, межкультурная коммуникация, дискурс-анализ, анализ диалога. Автор ряда научных статей, монографий. *Контактная информация*: e-mail: claudia.zbenovich@gmail.com

For citation:

Zbenovich, C. (2017) Review of I.A.Sedakova (Ed.) *Evolution of Values in Languages and Cultures*. — M. Probel-2000, 2011. —240 p. *Russian Journal of Linguistics*, 21 (4), 927—933. DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-4-927-933.

Bio note:

Claudia Zbenovich — PhD, Senior Lecturer in the Department of English at Hadassah College, Jerusalem. *Research interests*: pragmatics, intercultural communication, discourse analysis, dialogue studies. *Contact information*: e-mail: claudia.zbenovich@gmail.com

DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-4-934-940

РЕЦЕНЗИЯ НА УЧЕБНИК

В.А. Пищальниковой и А.Г. Сонины «Общее языкознание». — М.: Р.Валент, 2017. — 480 с.

REVIEW of V.A. Pishchalnikova and A.G. Sonin's textbook "General Linguistics". — Moscow: R.Valent, 2017. — 480 p.

Рецензируемое издание принадлежит к учебникам, которых давно ждут. В нем представлена новейшая концепция постижения сложнейшего курса общего языкознания, которое, как правило, с большим трудом дается студентам филологических факультетов. Функционирующие в современных российских вузах учебники по общему языкознанию не охватывают огромного объема теоретических знаний, добытых несколькими поколениями ученых, а также не отражают все убыстряющуюся смену научных парадигм в этой науке. Нормальных — полных и понятных студентам учебников нет: либо относительно самостоятельные две части — история лингвистических учений (см., например: Амирова 2003) и теория языка (см., например: Амирова 1975), либо несколько устаревший (семидесятых годов) В.И. Кодухов (Кодухов 1974). Либо в учебниках освещается только история лингвистических учений (см., например: Виноградов, 1978; Березин 1976, 1979 и др.). Наиболее поздним и совершенным по новизне представленным в нем знаний является учебник Хроленко А.Т., Бондалетова В.Д. (2004), в который впервые введен раздел о гендеролекте (см. также список других учебников, в том числе и недавно переизданных стереотипно).

Прежде всего, новизна концепции учебника В.А. Пищальниковой и А.Г. Сонины заключается в том, что в нем подчеркнута *междисциплинарность* современного языкознания, и потому осмысление фундаментальных свойств языка включено в проблемы *культуры народов* и *внутреннего мира индивида*. Представление о языке как продукте эволюции человечества последовательно формируется через обращение к следующим темам: необходимые и достаточные биологические и социальные условия возникновения и развития речевой коммуникации (раздел 2), основные аспекты изучения речи (раздел 3), систематизация единиц, выявляемых при анализе речевых действий, и отношений между ними (раздел 4), эволюция языков и ее результат — их внутреннее разнообразие и внешнее многообразие (раздел 5).

Первый раздел учебника представляет базовые понятия лингвистики и состоит из трех глав. Глава 1 «Что изучает наука о языке?» ведет читателя от выявления сущности языка в ранних философских концепциях и представления антиномий языка в лингвистической философии В. фон Гумбольдта к лингвистической трак-

товке сущности языка, к выявлению соотношения биологического и социального в языке и функциям языка как проявления его сущности. Глава 2 «Как сделать изучение языка наукой?» прежде всего дает представление о науке и других формах познавательной деятельности, акцентируя специфику научного познания и выделяя особенности гуманитарных наук. На таком широком фоне дается понятие *метода* как специфического способа познания объекта, на обширном языковом материале детально характеризуются эмпирические и теоретические методы лингвистического исследования. Глава 3 «Грани общего языкознания» дает классификацию лингвистических дисциплин, определяет место языкознания в системе наук, представляет междисциплинарные исследования языка.

Раздел 2 «Человек» также содержит три главы (4, 5, 6), которые можно, в определенной степени, назвать энциклопедией, содержащей самые современные знания о нервной системе и головном мозге человека, об афазиях как источнике сведений о речевых центрах мозга, о компьютерных технологиях в изучении речевых центров мозга; дается представление о корпоральности (телесности) языка (Глава 4 «Язык и тело человека»). Этими знаниями рецензируемый учебник отличается от всех предыдущих и ныне используемых учебников по общему языкознанию (Ю.С. Степанов, В.И. Кодухов, Ю.В. Рождественский, В.П. Даниленко, Е.П. Иванян и др.). Отмечу, что этот обширный и специфический материал изложен вполне доступным для студента языком, прозрачен по структуре и создает необходимую фундаментальную базу для восприятия иных аспектов изучения языка (Глава 4). Рассмотрение проблемы «Человек» логично встраивается в проблему соотношения языка и культуры, где исследуются актуальные понятия современной *антропологической лингвистики* — языковая картина мира, языковая личность, характеризуются национально-культурные особенности речевой деятельности в этнопсихолингвистике, а также рассматривается гипотеза лингвистической отнесенности (Глава 5).

Особо хочется отметить большое внимание, которые авторы уделили в этой главе остающемуся до настоящего времени неразработанным термину «языковая личность» (ЯЛ) и его содержанию. Во-первых, несомненным плюсом рецензируемого учебника является подробный анализ толкования этого понятия в книге Ю.Н. Караулова. Монография Ю.Н. Караулова написана для специалистов по теории лингвистики, и потому концепция этого феномена, изложенная в ней, вызывает у студентов определенные трудности в ее понимании. В толковании же В.А. Пищальниковой и А.Г. Сониной эта сложная проблема становится более доступной для усвоения. Толкованию ЯЛ уделяется несколько страниц, и это толкование вполне можно назвать филологической герменевтикой проблемы языковой личности. Мне кажется, что была бы нелишней (может быть, при дальнейшем переиздании авторы и учтут это замечание), уместной и интересной для современного студенчества классификация языковых личностей, которая разработана уже после выхода книги Ю.Н. Караулова (Караулов 1987): реальная vs. виртуальная ЯЛ (О.В. Лутовинова); элитарная, профессиональная, деформированная ЯЛ (А.А. Штеба), деструктивная ЯЛ (Я.А. Волкова), эмоциональная ЯЛ (В.И. Шаховский); экологичная vs. неэкологичная ЯЛ, политическая ЯЛ и др.

Психофизиологические особенности и культура порождают сознание человека, и в следующей главе авторы учебника обращаются к проблеме соотношения языка и сознания. Поэтому в главе «Язык и сознание» проводится и описывается исследование значения языкового знака в *логицизме*, *структурализме* и *антропоцентризме*; в ней последовательно характеризуются различные философско-логические основания изучения отношений между языком и сознанием; определяется категория «языковое сознание» и представляются методы его моделирования (гл. 6).

Фундаментальная база, подготовленная двумя первыми разделами, позволяет студентам логично перейти к исследованию речи во всех ее многообразных аспектах. Нетривиальная структура раздела, на мой взгляд, позволяет связать в систему вопросы, которые традиционно с трудом связываются в сознании студентов. Так, глава 7 «Как зародилась речь: основные гипотезы» рассматривает проблему глоттогенеза в древнегреческой философии и ставит «три ключевых вопроса» (когда зародилась речь, каковы условия ее появления и какова специфика речи на первом этапе ее развития), которые позволяют перейти к осознанию специфики эволюции речевой коммуникации в главе 8 «Развитие речевой коммуникации». В ней представлены «коммуникативные революции» в истории человечества: возникновение фонетической речи, изобретение письменности, изобретение печатного станка, возникновение электронных средств коммуникации. Особое место отведено поликодовым текстам как особой форме коммуникации, востребованной в современных электронных СМИ, и активно развивающимся в этой среде свои содержательно-структурные свойства. Речевая коммуникация в виртуальной среде, на мой взгляд, впервые системно осмыслена в рецензируемом учебнике. И это очень важно не только для тех, кому учебник предназначен, но и для широкого круга всех лингвистов, желающих приобрести системное знание по сложнейшей проблеме.

Авторы учебника систематизируют современные данные об онтогенезе речи, акцентируя специфику овладения речью в раннем возрасте и проблему врожденного и приобретенного в языке и речи; представляют гипотезу о критическом периоде в овладении речью, характеризуют стадии развития речи ребенка. Такой материал традиционно не включался во все предыдущие учебники по общему языкознанию, а он необходим для усвоения системных представлений о речевой деятельности как собственно человеческом виде деятельности, и потому появление такой главы в данном учебнике можно только приветствовать.

Представляется важным то, что авторы в своем учебнике не избегают сложнейших теоретических вопросов, которые еще не имеют однозначного осмысления в науке. Они предлагают собственный вариант решения и заодно демонстрируют студентам, как строится научный поиск на междисциплинарной основе, какой серьезной теоретической подготовкой нужно обладать для решения той или иной дискутируемой лингвистической проблемы.

Естественен переход изучаемого материала от проблем фило- и онтогенеза речи к теоретическим вопросам моделирования речемыслительной деятельности

(Глава 10) и ее интерпретации в классических языковедческих и психологических теориях. Высокий научно-методологический и методический профессионализм авторов позволяет просто и доступно продемонстрировать важность понятия внутренней речи для современной антропоцентрической лингвистики, показать динамику значения языковых единиц и факторы, определяющие ее, представить модели порождения и понимания речи.

Особого упоминания в этом разделе заслуживает глава 11 «Текст: между речью и языком», в которую включены вопросы, связанные со становлением *лингвистики текста*, определением текста как лингвистического объекта и характеристикой многочисленных подходов к тексту: *системоцентрического*, *текстоцентрического* и *антропоцентрического*. Лингвистика текста в этом учебнике становится необходимым логическим звеном исследовательского перехода от речи к языку. И это можно считать одной из очень удачных попыток В.А. Пищальниковой и А.Г. Сониной представить системность языка как научного объекта в антропоцентрической парадигме.

Раздел 4 «Язык», казалось бы, должен рассматривать традиционные концепции объекта лингвистики. Конечно же, здесь описаны язык как знаковая система, становление семиотической проблематики, семиотическая теория Ф. де Соссюра; но вместе с тем даны и альтернативные концепции языкового знака. Языковедение является не собранием традиционных истин, а динамично развивающейся наукой, которая углубляет свои представления об исследуемом объекте, пытаясь все глубже проникнуть в его сущность. Современное языковедение — наука живая, совершенствующаяся и изучающая актуальнейшие проблемы. Вот о чем своим читателям увлеченно говорят авторы этого несомненно энциклопедического и фундаментального учебника по общему языкознанию.

Интересно, что в этот же раздел наряду с «обычными» вопросами соотношения системы и структуры языка (Глава 13) включена и лингвистическая прагматика (Глава 14). В раздел логично входит глава 15, в которой представлено *внутреннее разнообразие* языка: формы существования национального языка и основные направления их развития с помощью государственного регулирования.

Раздел 5 «Языки» демонстрирует *материальное и структурное многообразие* языков, представляя типологические классификации языков мира. В нем авторы поднимают одну из вечных проблем лингвистики — проблему внутренней формы языка и внутренней формы слова — и представляют удачную попытку ее нового осознания с опорой не только на классические труды В. фон Гумбольдта, А.А. Потебни, Г.Г. Шпета, но и на современные разноаспектные исследования. И что особенно специфично для раскрытия обозначенной в разделе темы, так это то, что впервые в учебник по языкознанию включен материал по системам коммуникации людей с ограниченными возможностями.

Логичным продолжением вопроса о структурном многообразии языков выглядит выявление причин и механизмов исторического изменения языка как системы (Глава 17). Эта глава завершается характеристикой генеалогической классификации языков и ее основными понятиями. И снова авторы удивляют читателя вклю-

чением в главу проблемы языка будущего и основными положениями лингвистической прогностики, которая не рассматривается ни в одном из отечественных учебников по теории языка. Но эта глава вполне предсказуема логикой учебника и вызывает особый интерес у читателя. В ней описываются языковые контакты и концептуальный аппарат, связанный с этой проблемой.

Новая структура курса, представленная в учебнике, вполне соответствует требованиям Государственного стандарта и в самом деле позволяет сформировать специальные компетенции, заложенные в нем. Необходимо отметить ясный, высокопрофессиональный язык учебника. Он является глубоко научным изложением идей современной лингвистики. В нем дано строгое представление его концептуального аппарата. Отмечу также тщательное и уместное цитирование выдающихся лингвистов, уважительные сноски на содержательно емкие сведения о них. Но при этом изложение сложнейшего материала по теории языка является вполне доступным, увлекательным и, я бы сказал, вдохновенным, отражающим высокий профессионализм авторов и их большую любовь к нашей науке, которая, по моему глубокому убеждению, является Наукой всех наук. У авторов учебника, известных в современной лингвистике серьезностью и важностью своих исследований, конечно же, сложился индивидуальный научный стиль, однако язык данного учебника свидетельствует о долгой и тщательной работе над изложением материала и единством его вербального представления. В стиле учебника проявились и непротиворечивость научных позиций его авторов, и общее понимание дидактических задач при написании учебника, и единство эстетических требований к тексту, и, что немаловажно, огромное доверие авторов друг к другу.

Похвальных слов заслуживает и нетривиальное оформление книги, подчеркивающее ее особую композицию, заданную оригинальной подачей материала. Каждая глава начинается не только перечислением излагаемых в ней вопросов, но и основных положений, сформулированных на удивление четко, кратко, последовательно, отражающих логику главы и легко встраивающихся в систему ранее полученных знаний. Для такого внешне простого, предельно лаконичного, «конспективного» представления проблематики главы авторы, несомненно, проделали большую работу, и в этом я вижу, прежде всего, уважение к читателю. Внимание привлекают и врезки в основной текст, содержащие интересные языковые факты и другие сведения. Они способствуют созданию доверительной атмосферы общения авторов с читателем, привлекают к проблеме.

К учебнику прилагается обширный список литературы по общему языкознанию (с. 469—479), а к каждой главе авторы с большой любовью приложили не только полезные, но и, действительно, интересные, новейшие труды по конкретным проблемам, которые снабжены разным количеством звездочек, отражающих степень сложности книги для освоения студентом. В связи с этим списком трудов хотелось бы выразить особую благодарность авторам за советы студентам посмотреть работы таких ученых, как У. Эко (с. 284), С. Пинкер (с. 36), О.А. Леонтович (с. 468), А.Д. Васильев (с. 380), Г.Г. Матвеева и др. (с. 354).

Мне думается, что издание этого очень насыщенного учебника можно дополнить отдельной книгой, в которой необходимо показать студентам смену научных

лингвистических парадигм во всем их многообразии, причину этих смен как их естественную динамику, обусловленную развитием новых научных дискурсов. Например, рассмотреть причины и результаты довольно бурного зарождения многочисленных парадигм внутри такой макропарадигмы, как антропоцентрическая лингвистика. Здесь можно было бы изложить новейшие достижения в сфере теоретического языкознания, например, в сфере лингвистики эмоций — эмотиологии, эмотивной лингвоэкологии и коммуникологии (Матьяш, 2011 и др.), которые составляют уже достаточно солидный багаж знаний о влиянии эмоций на современное функционирование языка, на его развитие, с одной стороны, и на его деструкцию — с другой (Шаховский 2008; 2016 и др.). Перспективно более подробное изложение самых последних достижений когнитологии и психолингвистики и других отраслей теоретического языкознания, которые наиболее полно отвечают на вопрос Дж. Эйчисон: «Развитие языка: прогресс или регресс?» (Aitchison, 1987).

Уверен, что вся лингвистическая общественность и филологическое студенчество очень благодарны авторам этого, повторю, оригинального, фундаментального, насыщенного новейшими знаниями учебника.

© В.И. Шаховский, 2017

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Амирова Т.А. *Очерки по истории лингвистики* / Т.А. Амирова, Б.А. Ольховиков, Ю.В. Рождественский; отв. ред. Г.В. Колшанский. М.: Наука, 1975. 559 с. [Amirova, T.A. (1975) *Ocherki po istorii lingvistiki (On Linguistics History)* / T.A. Amirova, B.A. Ol'hovikov, Ju.V. Rozhdestvenskij; отв. red. G.V. Kolshanskij. M.: Nauka, 559 s. (In Rus.)]
- Амирова Т.А. *История языкознания: Учебное пособие для студентов вузов* / Т.А. Амирова, Б.А. Ольховиков, Ю.В. Рождественский; Под ред. С.Ф. Гончаренко. М.: Академия, 2003. 670 с. [Amirova, T.A. (2003) *Istorija jazykoznanija (History of Linguistics). Uchebnoe posobie dlja studentov vuzov* / T.A. Amirova, B.A. Ol'hovikov, Ju.V. Rozhdestvenskij; Pod red. S.F. Goncharenko. M.: Akademija, 670 s. (In Rus.)]
- Березин Ф.М. *Русское языкознание конца XIX — начала XX века*. М., 1976. 391 с. [Berezin, F.M. (1976) *Russkoe jazykoznanie konca XIX — nachala XX veka (Russian Linguistics)*. Moscow. 391 s. (In Rus.)].
- Березин Ф.М., Головин Б.Н. *Общее языкознание*. М.: Просвещение, 1979. 416 с. [Berezin, F.M., Golovin, B.N. (1979) *Obshhee jazykoznanie (General Linguistics)* M.: Prosveshhenie, 1979. 416 s. (In Rus.)]
- Виноградов В.В. *История русских лингвистических учений*. М.: Высшая школа, 1978. 360 с. [Vinogradov, V.V. (1978) *Istorija russkih lingvisticheskikh uchenij (History of Russian Linguistics Researches)*. M.: Vysshaja shkola, 360 s. (In Rus.)]
- Караулов Ю.Н. *Русский язык и языковая личность*. М.: Наука, 1987. 261 с. [Karaulov, Ju.N. (1987) *Russkij jazyk i jazykovaja lichnost' (Russian language and language personality)*. M.: Nauka, 1987. 261 s. (In Rus.)]
- Кодухов В.И. *Общее языкознание: Учебник для студентов филол. специальностей*. М.: Высшая школа, 1974. 303 с. [Koduhov, V.I. (1974) *Obshhee jazykoznanie (General Linguistics). Uchebnik dlja studentov filol. special'nostej*. M.: Vysshaja shkola, 303 s. (In Rus.)]
- Матьяш О.И. и др. *Межличностная коммуникация. Теория и жизнь*. Санкт-Петербург: Речь, 2011. 560 с. [Mat'jash O.I. i dr. (2011) *Mezhlichnostnaja kommunikacija. Teorija i zhizn' (Interpersonal communication. Theory and practice)* Sankt-Peterburg: Rech', 560 s. (In Rus.)]

- Хроленко А.Т., Бондалетов В.Д. *Теория языка*. М.: Флинта, 2004. 512 с. [Hrolenko, A.T., Bondaletov, V.D. (2004) *Teorija jazyka (Language theory)*. М.: Flinta, 512 s. (In Rus.)]
- Шаховский В.И. *Лингвистическая теория эмоций*. М.: Гнозис, 2008. 408 с. [Shahovskij, V.I. (2008) *Lingvističeskaja teorija jemocij (Linguistic theory of emotions)*. М.: Gnozis, 408 s. (In Rus.)]
- Шаховский В.И. *Диссонанс экологичности в коммуникативном круге: человек, язык, эмоции* (монография). Волгоград: Изд-во ИП Поликарпов И.Л., 2016. 504 с. [Shahovskij, V.I. (1987) *Dissonans jekologičnosti v kommunikativnom krugu: čelovek, jazyk, jemocii (monografija)*. Volgograd: Izd-vo IP Polikarpov I.L., 2016. 504 s. (In Rus.)]
- Aichison, J. (1987) *Language change: progress or decay*. Cambridge University Press, 198 p.

Для цитирования:

Шаховский В.И. Рецензия на учебник В.А. Пищальниковой и А.Г. Сониной «Общее языкознание». М.: Р.Валент, 2017. 480 с. // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2017. Т. 21. № 3. С. 934—940. DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-4-934-940.

Сведения об авторе:

Виктор Иванович Шаховский, доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник Института иностранных языков Волгоградского государственного социально-педагогического университета. *Контактная информация: e-mail: shakhovsky2007@yandex.ru*

For citation:

Shakhovsky, V. (2017) Review of V.A. Pishchalnikova and A.G. Sonin's textbook "General Linguistics". Moscow: R.Valent. 480 p. *Russian Journal of Linguistics*, 21 (4), 934—940. DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-4-934-940.

Bio Note:

Victor I. Shakhovsky, full professor, Doctor in Philology, an Honoured scientific worker of the Russian Federation, a senior scientific worker of the Institute of Modern Languages of the Volgograd state social pedagogical university. *Contact information: e-mail: shakhovsky2007@yandex.ru*

DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-4-941-946

**СЕДЬМАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«РУССКИЙ ЯЗЫК И КУЛЬТУРА В ЗЕРКАЛЕ ПЕРЕВОДА.
МИРОВОЕ КИНО: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА...»,
Афины, Греция, 28 апреля — 3 мая 2017 г.**

**The 7th INTERNATIONAL CONFERENCE “RUSSIAN LANGUAGE
AND CULTURE VIA THE CROSS-CULTURAL TRANSLATION.
WORLD CINEMA: YESTERDAY, TODAY, TOMORROW...”
Athens, Greece, 28 April — 3 May 2017**

28 апреля — 3 мая 2017 г. в Афинах (Греция) прошла VII Международная научная конференция «Русский язык и культура в зеркале перевода. Мировое кино: вчера, сегодня, завтра...». Организаторами конференции выступили Высшая школа перевода (факультет Московского государственного университета) (Россия), Отделение языка, литературы и культуры стран Причерноморского бассейна факультета гуманитарных исследований Фракийского университета им. Демокрита (Комотины, Греция), АНО Институт перевода (Россия). В конференции приняли участие исследователи из 16 стран мира (Азербайджана, Армении, Республики Беларусь, Греции, Индии, Израиля, Италии, Казахстана, Китая, Монголии, Польши, России, Сербии, Турции, Чехии, Японии).

Данная конференция привлекла наше внимание прежде всего своей эксплицитной кинематографической направленностью, но не в плане кино как искусства, а в плане лингвистического и переводоведческого анализа кинематографической реальности мира «движущихся картин», к которой все чаще обращаются современные ученые самых разных научных направлений. И действительно, в последние десятилетия в России наблюдается значительное повышение исследовательского интереса к кинотексту в целом и кинодиалогу как его вербальной составляющей в частности (Горшкова 2006, 2014 а, b, 2015, 2016 а, b, 2017; Горшкова, Лиханова 2016; Духовная 2016; Зарецкая 2012; Кинодиалог... 2014; Колодина 2014; Матасов 2008; Назмутдинова 2014; Перевод... 2017; Русский язык... 2017; Слышкин, Ефремова 2004; Стрелков 2017 а, b, Федотова 2014). Среди трудов, выполненных в указанной исследовательской парадигме, хотелось бы выделить теоретические изыскания исследователей, работающих в рамках иркутской школы аудиовизуального перевода, результаты которых, помимо прочего, нашли отражение в ряде весьма солидных монографий (Горшкова 2006; Кинодиалог 2014; Перевод... 2017). Рецензентами означенных монографий выступили известные российские переводоведы Н.К. Гарбовский (г. Москва), Р.Р. Чайковский (г. Магадан), Л.С. Маркарова (г. Майкоп), В.В. Сдобников (г. Н.-Новгород), что свидетельствует о признании актуальности, теоретической новизны и значимости опубликованных материалов.

По нашему мнению, интерес исследователей обусловлен как спецификой кинотекста, представляющего собой поликодовое текстовое образование, так и спецификой аудиовизуального перевода, в процессе выполнения которого переводчик сталкивается с трудностями межсемиотического плана, обусловленными прежде всего характером носителя СЛОВА фильма — кинодиалога, требующего симультанного восприятия звучащего текста, видеоряда, шумового оформления и музыки, нередко способствующих созданию общей тональности фильма. Все эти составляющие несут гетерогенную информацию, передаваемую как вербальными/невербальными знаками, так и знаками визуальными/аудитивными, что с необходимостью требует учета означенной «полисемиотичности» кинотекста в собственно лингвистическом и переводоведческом аспектах. Не меньший интерес вызывают и дидактические возможности использования кино в плане преподавания иностранных языков и перевода.

Отрадно, что все эти проблемы в той или иной степени нашли отражение в ходе конференции в Афинах, лейтмотивом которой проходила тема кино как средства художественной коммуникации, обладающего широким дидактическим потенциалом.

Общий тон конференции был задан председателем оргкомитета проф. Н.К. Гарбовским, доклад которого был посвящен границам перевода, предстающего как «интерпретация интерпретированного», где на уровне вторичной или переводческой интерпретации наиболее зримо проступает индивидуальная сущность художественного текста, обуславливающая выбор форм для создания в принимающей культуре нового литературного произведения.

Участники конференции прослушали доклады российских исследователей, открывающие совершенно новые или малоисследованные области аудиовизуального и театрально-художественного перевода: *Поэтика аудиовизуального перевода (к постановке вопроса)* (В.Е. Горшкова, Россия), *Сценический перевод vs. художественный перевод* (Н.Н. Миронова, Россия), *Переводить или не переводить: оперные фрагменты как прецедентные тексты* (Н.Г. Николаева, Россия), *Средства руководства читателем в прозе: кинематографические приемы построения текста* (Пушкарёва Н.В., Россия), *Сравнительная характеристика элементов повествования в романе и в фильме «Miss Peregrine's home for peculiar children»* (Н.Л. Самосюк, Россия). Особого внимания в этом плане заслуживает новаторский доклад О.И. Костиковой (Россия) *В поисках утраченного смысла*, в котором обосновывался тезис о том, что критика перевода художественных фильмов и критика переводов художественной литературы строятся на совершенно разных основаниях.

Большой интерес вызвали сообщения наших зарубежных коллег, отражающие культурологические аспекты киноперевода: *Лексико-семантические средства национально-культурной адаптации художественных фильмов* (Т.В. Бусел, Беларусь), *Польская нить в экранизации русской литературы* (Г.Л. Нефагина, Польша), *Стратегии и приемы перевода фильма «Ирония судьбы, или С легким паром» на турецкий язык* (Коркмаз Казым Аьыл, Турция).

Участники конференции воздали должное и дидактическому аспекту использования кино- и видеоматериалов в преподавании русского языка и аудиовизу-

ального перевода. Сравните: *Об использовании интеллектуального кино в курсах по переводу и культурологии* (Е.А. Сартори, Греция), *«Страсти по России»: роль кинофильмов в преподавании русского языка билингвам* (Н.В. Ройтберг, Израиль), *Путь героя Дж. Кэмпбелла: нарратив в учебном видео* (В.А. Полякова, Россия), *Опыт обучения аудиовизуальному переводу с английского языка на русский на примере подготовки кадров для компании Bizzard Entertainment и для работы с официальным переводом фильмов телеканала Netflix* (А.В. Козуляев, Россия), *Оригинальный и переводной художественный фильм как материал для сопоставительных исследований* (Фан Цзяньвей, Китай) и др.

Доклады участников, отражающие собственно переводоведческий аспект конференции, обсуждались на заседаниях трех секций под символическим названием «Перевод как художественное творчество: *Modus Inte, Modus Interpretandi, Modus operandi*». Как свидетельствуют сами названия секций, современные исследования охватывают весьма широкий круг проблем, в числе которых философско-герменевтические аспекты феномена смысловой предельности в переводе (М.Г. Новикова, Россия), жанровая специфика перевода текстов философской (Н.И. Голубева-Монаткина, Россия) и медицинской (О.В. Манукова, Россия) тематики, стратегии перевода в максимах и афоризмах (Э.Н. Мишуров, Россия), вопросы переводимости лексических лакун (В.Г. Кузнецов, Россия), эвфемизмов (С. Бенивал, Индия), названий растений в стихотворных переводах (А.В. Гик, З.Ю. Петрова, Россия), топонимов калмыцкого происхождения (Н.А. Кичикова, Э.Б. Манджиева, Россия), перевода русских фразеологизмов и крылатых слов на чешский язык (Л. Степанова, Чехия).

Поскольку данная конференция призвана способствовать укреплению интереса к русскому языку и культуре в мире, совершенно естественно, что обсуждаемый круг вопросов вышел далеко за рамки обозначенной лейтмотивом темы и охватил широкий круг проблем, в обсуждении которых традиционно достойное место занимала работа секции «„Защита и прославление“ русского языка: теория, практика, дидактика», участники которой анализировали вопросы обучения устного переводчика орфоэпически правильной речи (М.Н. Есакова, Россия), избавления от китайского акцента в русской речи (Г.М. Литвинова, Россия), обучения профессиональному русскому языку (Л.А. Тер-Саркисян, Армения; Н.Н. Фефелова, Россия) и т.д.

В ходе обсуждения ключевых проблем русского языка и культуры в переводческом аспекте рассматривались вопросы русских культурных ценностей в аспекте кода культуры (Л.И. Богданова, Россия), метафорики русского языка перестроечного и постперестроечного периода (М. Чодхари, Индия), выражения межличностных отношений лексико-фразеологическими средствами русского и немецкого языков (В.В. Епифанова, Россия), перевода на японский язык предложений, включающих ритмико-звуковые приемы, ассоциируемые с гоголевскими образами (Ю. Иноуэ, Япония). Вопросы культурологической корреляции текстов оригинала и перевода затрагивались и в выступлениях М.В. Сибирной (Польша), Б.С. Ходжумян (Армения), Э. Харацидиса (Греция), З. Выходиловой (Чехия). В контексте заявленного направления весьма дискуссионными предстали выступления

сербских исследователей Б. Човича и Л.И. Чович, рассуждавших о границах исторической стилизации реалий прошлой эпохи, порождающей феномен смешения двух моделей культур, а именно «культуры культуры» подлинника с культурой переводящего языка.

В заключение хотелось бы особо отметить атмосферу конференции, созданию которой в немалой степени способствовало участие студентов Высшей школы перевода, осуществлявших сопровождение участников, организацию фотосессий, постановку литературно-музыкальной композиции «Кинематограф вихрем в век 20-й / Ворвался, сны рисуя на стене, / И радостью, доставленной когда-то / Запомнился навек тебе и мне...». Живой интерес аудитории вызвал и первый студенческий опыт аудиовизуального перевода нескольких короткометражных фильмов в технике дублирования, перевода субтитрами и «голосом за кадром», представленный в ходе мастер-класса «Кадр никогда не станет буквой, а всегда останется многозначным иероглифом».

© В.Е. Горшкова, 2017

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Горшкова В.Е. *Перевод в кино*: монография. Иркутск: ИГЛУ, 2006. 278 с. URL: <http://rucont.ru/efd/199913>. [Gorshkova V.E. (2006) *Perevod v kino* (Film translation). Irkutsk: IGLU (In Russ).]
- Gorshkova, Vera E. (2014 a) Film Translation: to Be or Not to Be. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. № 2 (7). P. 230—237.
- Горшкова В.Е. Эстетика аудиовизуального перевода Жана-Франсуа Корню в парадигме системной трансдисциплинарности // *Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода*. 2015. № 3. С. 22—37. [Gorshkova, V.E. (2015) Aesthetics of audiovisual translation by Jean-François Cornu within the paradigm of systemic transdisciplinarity. *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 22. Teorija perevoda*. № 3. 22—37] (In Russ).]
- Горшкова В.Е. Художественный vs документальный кинодиалог: жанровая специфика перевода // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Лингвистика*. 2016 а. № 3. С. 242—258. [Fiction Film Dialogue vs Documentary Film Dialogue: Genre Peculiarities of TranslationI. *Russian Journal of Linguistics*. Vol. 20, Number 3 (2016). 243—259. (In Russ).]
- Gorshkova, V.E. (2016 b) Audiovisual translation in the light of the main dialectic principles. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. № 3 (9). P. 528—535.
- Горшкова В.Е., Лиханова В.В. Перевод семиотически осложненного текста: «Цветы для Элджернона» Дэниела Киза в романе и на экране // *Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода*. 2016 б. № 4. С. 67—80. [Gorshkova, V.E., Likhanova V.V. (2016) Translating Semiotically Complicated texts: “Flowers for Algernon” by Daniel Keyes as the Novel and Screen Adaptations. *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 22. Teorija perevoda*. № 4. 67—80 (In Russ).]
- Духовная Т.В. *Субтитры: понятие, типы, лингвистические и экстралингвистические факторы формирования* // Особенности исследования и конструирования актуальных типов дискурса и их категорий: монография / под ред. И.П. Хутиз. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2016. С. 17—40. [Dukhovnaia, T.V. (Ed. Khutiz I.P.) (2016) *Subtitri: pon'atie, tipi, lingvistichekije i ekstralingvistichekije faktori formirovanija* (Subtitles: Notion, Types, Linguistic and Extralinguistic Factors of Formation Factors // Peculiarities of Analysis and Construction of Actual Discourse Types and their Categories). Krasnodar: Kubanskij gosudarstvennij universitet. С. 17—40. (In Russ).]

- Зарецкая А.Н. *Особенности реализации подтекста в кинодискурсе*: монография. Челябинск: Абрис, 2012. 191 с. [Zaretskaia, A.N. (2012) *Osobennosti realizatsii podteksta v kinodiskurse* (Peculiarities of a subtext realization in a film discourse). Chel'abinsk: Abris. (In Russ).]
- Кинодиалог. Образ-смысл. Перевод: монография / В.Е. Горшкова, Е.В. Кремнев, Е.А. Колодина, И.П. Федотова, Е.О. Фирсова / под общ. ред. проф. В.Е. Горшковой. Иркутск: МГЛУ ЕАЛИ. 2014 б. 367 с. URL: <http://rucont.ru/efd/326468> [Gorshkova, V.E. (Ed.). (2014 b) *Kinodialog. Obraz-smisl. Perevod* (Film dialogue. Image-sense. Translation) / V.E. Gorshkova, E.V. Kremnjov, E.A. Kolodina, I.P. Fedotova, E.O. Firsova. Irkutsk, MGLU EALI (In Russ).]
- Колодина Е.А. *Образ-смысл как генератор и актуализатор смысла в пространстве кинодискурса* // Кинодиалог. Образ-смысл. Перевод: монография / под общ. ред. проф. В.Е. Горшковой. Иркутск: МГЛУ ЕАЛИ, 2014. С. 247—278. [Kolodina, E.A. (2014) In: Gorshkova V.E. (Ed.), *Obraz-smisl kak generator i aktualizator smisla v prostranstve kinodiskursa* (Image-sense as Actualisator of Sense in the Film Discourse Space) // *Kinodialog. Obraz-smisl. Perevod* (Film dialogue. Image-sense. Translation). Irkutsk, MGLU EALI. 247—278. (In Russ).]
- Матасов Р.А. История кино/видео перевода // *Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода*. 2008. № 3. С. 3—27. [Matassov, R.A. (2008) *Istorija kino/video perevoda* (History of the Audiovisual Translation). *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 22. Teorija perevoda*. № 3. 3—27 (In Russ).]
- Назмутдинова С.С. Гармония как аксиологическая доминанта синергетической модели перевода // *Введение в синергетику перевода*: монография / под общ. ред. Л.В. Кушниковой. Пермь: Изд-во Перм. Нац. исслед. политех. ун-та, 2014. С. 44—67. [Nazmutdinova, S.S. (2014) *Garmonia kak aksiologicheskaja dominanta sinergeticheskoi modeli perevoda* (Harmony as an Axiological Dominant of Sinergetic Translation Model). In: Kushnina L.V. (Ed.) *Vvedenije v sinergetiku perevoda* (Introduction into Translation Synergetics). Perm: National Research Polytechnic University of Perm. (In Russ).]
- Перевод: ремесло, искусство, наука*: монография / Е.А. Вебер, В.Е. Горшкова, Н.Н. Ефимова, Е.Ю. Куницына, Н.Г. Корнаухова, Н.В. Шурик; науч. ред. А.М. Каплуненко; [под общ. ред. В.Е. Горшковой]. Иркутск: ИГУ, 2017. 179 с. [Kapluneneko, A.M., Gorshkova, V.E. (Eds.). (2017) *Perevod: remeslo, iskustvo, nauka* (Translation: Skill, Art, Science) / E.A. Veber, V.E. Gorshkova, N.N. Efimova, E.Ju. Kunitsina, N.G. Kornaukhova, N.V. Shchurik. Irkutsk: Irkutsk State University (In Russ).]
- Русский язык и культура в зеркале перевода. Мировое кино: вчера, сегодня, завтра*: мат. VII Межд. науч. конф. Афины, 28.04—3.05.2017. [*Russkij jazik i kultura v zerkale perevoda. Mirovoje kino: vchera, segodnja, zavtra* (2017) (The Russian Language and Culture in the Light of Translation. World Cinematograph: Yesterday, Today, Tomorrow). Proceedings of the VII International Scientific Conference. Athens (Greece), 28 April — 3 May].
- Слышкин Г.Г., Ефремова М.А. *Кинотекст: опыт лингвокультурологического анализа*: монография. М.: Водолей Publishers, 2004. 153 с. [Slishkin, G.G., Efremova, M.A. (2004) *Kinotekst: opit kulturologičeskogo analiza* (Film Text: Experience of a Culturological Analysis). Moscow: Vodolei Publishers, 2004 (In Russ).]
- Стрелков С. *Искусство озвучивать фильмы*. М.: Флинта, 2017 а. 196 с. [Strelkov, S. (2017) *Iskustvo ozvuchivat' filmi* (The Art of Post-Synchronizing Movies). Moscow: Flinta (In Russ).]
- Стрелков С. *Дубляж. В поисках правды*. М.: Флинта, 2017 б. 256 с. [Strelkov, S. (2017) *Dubljazh. V poiskakh pravdi* [Dubbing. In Search of a Truth]. Moscow: Flinta (In Russ).]
- Федотова И.П. Информативность кинодиалога // Кинодиалог. Образ-смысл. Перевод: монография / под общ. ред. проф. В.Е. Горшковой. Иркутск: МГЛУ ЕАЛИ, 2014. С. 81—114. [Fedotova, I.P. (2014) In Gorshkova V.E. (Ed.). *Kategorija informativnosti kinodialoga* (Categorie of Film Dialogue Informativity // *Kinodialog. Obraz-smisl. Perevod* (Film dialogue. Image-sense. Translation)]. Irkutsk, MGLU EALI. 81—114 (In Russ).]

Для цитирования:

Горшкова В.Е. Седьмая международная научная конференция «Русский язык и культура в зеркале перевода. Мировое кино: вчера, сегодня, завтра...», Афины, Греция, 28 апреля — 3 мая 2017 г. // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2017. Т. 21. № 4. С. 941—946. DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-4-941-946.

Сведения об авторе:

Вера Евгеньевна Горшкова, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры перевода и переводоведения, факультет иностранных языков, Институт филологии, иностранных языков и медиакommunikации, Иркутский государственный университет, руководитель программы магистерской подготовки «Теория и практика письменного и основы устного перевода», член Союза переводчиков России. *Сфера научных интересов*: теория и практика перевода, аудиовизуальный перевод, профессионально-ориентированный перевод, дидактика перевода, межкультурная коммуникация, французский язык. *Контактная информация*: e-mail: gorchkova_v@mail.ru, prof.gorchkova@yahoo.fr

For citation:

Gorshkova, V. (2017) The 7th International Conference “Russian Language and Culture via the cross-cultural translation. World cinema: yesterday, today, tomorrow...” Athens, Greece, 28 April — 3 May 2017. *Russian Journal of Linguistics*, 21 (4), 941—946. DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-4-941-946.

Bio Note:

Vera E. Gorshkova, Professor at Department of Translation and Translatology, Irkutsk State University, Institute of Philology, Foreign Languages and Mediacommunication, Course Director of the Master Program *Theory and Practice of Translation and Basic Principles of Interpretation*, Member of the Union of Translators of Russia. *Research Interests*: Theory and Practice of Translation, Audiovisual Translation, Profession-Oriented Translation, Didactics of Translation, Intercultural Communication, French. *Contact Information*: e-mail: gorchkova_v@mail.ru, prof.gorchkova@yahoo.fr

DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-4-947-950

**МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
“APPROACHES TO MIGRATION, LANGUAGE AND IDENTITY”
Лозанна, Швейцария, 4–6 мая 2017 г.**

**INTERNATIONAL CONFERENCE
“APPROACHES TO MIGRATION, LANGUAGE AND IDENTITY”,
Lausanne, 4–6 may 2017**

Научные исследования в наиболее актуальных на сегодняшний день областях знаний побуждают специалистов объединить свои усилия, что некоторым образом размывает границы между отдельными дисциплинами в современных подходах к самым острым темам. Среди таких тем заметное место занимает вопрос о мигрантах, их языках, степени и видах взаимовлияния миноритарных языков и языка большинства жителей данной территории, вопрос об этнической, культурной и языковой идентичности.

Международная конференция «Междисциплинарный подход к миграции, языку и идентичности», прошедшая в университете Лозанны (Швейцария) с 4 по 6 мая 2017 г., была организована с целью предложить ученым рассмотреть обозначенные проблемы миграции, языка и идентичности во всем их многообразии. Это трехдневное мероприятие проводилось в виде форума для исследователей, работающих в области политики, геофизики, лингвистики, литературы, антропологии, экономики, социологии, социальной (экономической и правовой) истории. Организаторы этой конференции подарили возможность специалистам из самых, на первый взгляд, далеких друг от друга научных сфер обменяться идеями и поделиться своими подходами к методике исследований.

Повышенный интерес к конференции, как выяснилось в ходе общения с участниками, был вызван растущим осознанием важности междисциплинарных подходов к изучению миграции, а также ее влиянию на язык, культуру и идентичность некоторых народов. Конференция объединила более 60 ученых из университетов и научных организаций Великобритании, США, Германии, Польши, Греции, Испании, Франции, Швейцарии, некоторых стран Африки и Азии. Широкая география мероприятия еще раз свидетельствует об актуальности затронутых проблем.

4 мая конференцию открыло выступление организатора мероприятия — Аниты Ауэр (Anita Auer), профессора филологического факультета кафедры английского языка Университета Лозанны и профессора Университета Ланкастера (Великобритания) Наоми Тадмор (Naomi Tadmor), чьи обширные научные интересы включают историю и литературу, социальную и культурную подоплеку англий-

ской Библии, начиная со средних веков до наших дней, историю взаимоотношений между семьей и обществом. В ходе своего выступления профессор осветила тему бедняцких поселений в Англии XVIII в., которая уже освещалась в ее публикациях (Tadmor 2017). В своем сообщении докладчик предложила аудитории анализ юридических текстов, а также фрагментов частных писем переселенцев на Британские острова, сделав акцент на том, что многие из них были вынуждены отказаться от родного языка и культуры, чтобы полностью адаптироваться в новом обществе.

Среди пленарных докладчиков конференции необходимо отметить Ли Вей (Li Wei), профессора, заведующего кафедрой прикладной лингвистики Института образования при Университете Колледж в Лондоне, который выступил с докладом на тему «Пост-мультилингвизм, поворотный момент в истории развития». Его основной исследовательский интерес связан с широким диапазоном проявления двуязычия и многоязычия, а также вопросами двуязычного и многоязычного приобретения первого языка (BAMFLA), раннее приобретение второго языка (ESLA), нарушения речи и языка двуязычных и многоязычных говорящих, прагматики перекодировки кодов, билингвизма (Li 2014). Выступление профессора Ли Вей вызвало оживленную дискуссию вокруг проблемы «транслингвализма», под которым понималось использование отдельными миноритарными этносами смешанной формы речи (чаще всего устной, хотя исследование содержит и примеры письменных тестов) на родном языке переселенцев и на доминирующем языке. Сторонники живого, естественного развития языка придерживались мнения о правомерности и даже закономерности подобных форм речи. Другие, их оппоненты, отстаивали необходимость выбора одного языка для обслуживания юридической, профессиональной, образовательной и государственной сфер жизни, но допускали возможность использования смешанного *идиома* в повседневной коммуникации. Именно так стало принятым называть разновидность естественно-языковой знаковой системы в лингвистике XX в. Основным доводом противников идиома был вопрос о сложности его кодификации, так как он исключительно индивидуален и не систематичен. Тем не менее, проблематика пост-мультилингвальной эпохи раскрывает перспективу дальнейших исследований и выработки новых подходов к изучению языковых контактов.

Еще одним заметным докладчиком оказался профессор Университета Сассекса Бен Рогали (Ben Rogaly). Он сделал доклад на тему «Миграция, расизм и сопротивление им работников пищевой промышленности». В своих работах профессор Рогали исследовал специфику трудовых отношений с участием трудящихся-мигрантов в сельских районах Индии и Великобритании с начала 1990-х гг. по сегодняшний день (Rogaly 2017). Его последняя работа по этнографии и истории была посвящена вопросам классовости, миграции и принадлежности к провинциальным промышленным городам Норвич и Питерборо в Англии.

Большое внимание на конференции было уделено методам сбора и анализа материала по заявленной проблематике, среди которых назывались уже ставшие классическими полевые исследования, интервью, анализ письменных текстов, ис-

следование аудиозаписей и многие другие. Однако наряду с привычными методами учеными были предложены некоторые нестандартные методики. Например, Анне Шлютер (Anne Schluter) из Политехнического университета Гонконга, автор публикаций о турецких курдах (Schluter 2010), в целях выявления отношения носителей турецкого языка к его стандартной форме предложила своим студентам несколько аудиозаписей, которые содержали примеры текстов, произносимых с диалектными особенностями разных регионов Турции, и несколько отрывков речи без диалектных особенностей. В результате исследователь обнаружила, что в подавляющем большинстве случаев носителя стандартной формы турецкого языка студенты представляли себе успешным, грамотным, обеспеченным и интеллигентным человеком. В то же время носителей диалектов они ассоциировали с жителями сельских районов, малограмотными и малокультурными людьми.

Закрытие конференции было возложено на профессора Сити Колледжа в Нью-Йорке Офелию Гарсия (Ofelia Garcia), которая поделилась своими идеями в докладе «Завоевания миграции: уроки языка и образования». Широкая публицистическая деятельность Офелии Гарсия по проблематике билингвизма и обучения двуязычных мигрантов основывается на ее личном жизненном опыте. Профессор Гарсия живет в Нью-Йорке с момента своего переезда с Кубы в возрасте 11 лет, и она досконально изучила вопросы преподавания иностранных языков в классах билингвов. Ее интересует обучение двуязычных детей и обучение двуязычных учителей, а также преподавателей ESL — английского языка как иностранного.

Доклад автора данного обзора «Трудности сохранения идентичности в чужом обществе» был посвящен вопросам степени и значимости влияния немецкого языка и культуры на русский язык и советскую культуру так называемых немцев Поволжья, или русских немцев. В сообщении был сделан краткий очерк об истории образования особого социолингвистического пространства русскоговорящих этнических немцев в Германии, особенностях их речи, специфике языковой и этнической самоидентификации.

Тематика 22 секций конференции включала вопросы изменения грамматики и лексики различных языков в условиях языковых контактов, своеобразия этносов во всем мире и способах их сохранения в эпоху глобализационных процессов, темы исчезновения этносов и культур, а также описания дискурсивных практик и социолингвистических парадигм в различных уголках мира. Безусловно, тема конференции не была раскрыта и исчерпана полностью. Широта ее формулировки предполагает проведение новых конференций, поэтому участники международной конференции «Междисциплинарный подход к миграции, языку и идентичности» приняли решение о придании мероприятию характера регулярного форума. Следующая встреча участников назначена на 2019 г., и организаторы надеются на увеличение числа докладчиков, а также на возможность международного научного сотрудничества в области исследования вопросов миграции и связанных с ней явлений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Buckley, M., McPhee, S. and Rogaly, B. (2017) Labour geographies on the move: migration, migrant status and work in the 21 century. *Geoforum*, 78. pp. 153—158.
- Garcia, O. & Barlette L. (2007) A speech community model of bilingual education: Educating Latino newcomers in the U.S. *International Journal of Bilingual Education and Bilingualism*, 10, p. 1—25.
- Li, W. & Garcia, O. (2014) *Translanguaging: Language, Bilingualism, and Education*, Palgrave Macmillan, London, UK. — 176 pp.
- Schluter, A. (2010) Kurdish voices in Istanbul workplaces. *The International Journal of Diversity in Organizations, Communities, and Nations* 10 (4), p. 127—140.
- Tadmor, N. (2017) The settlement of the poor and the rise of the form in England c. 1662—1780. In: *Past and Present*. 236, 1, p. 43—97.

Для цитирования:

Недопекина Е.М. Международная конференция “Approaches to Migration, Language and Identity”. Лозанна, Швейцария, 4—6 мая 2017 г. // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2017. Т. 21. № 4. С. 947—950. DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-4-947-950.

Сведения об авторе:

Екатерина Михайловна Недопекина — кандидат филологических наук, PhD по славяноведению Университета Бордо Монтень (Франция), ассистент кафедры общего и русского языкознания филологического факультета Российского университета дружбы народов, и.о. заместителя декана по международной деятельности на филологическом факультете, преподаватель английского языка в Институте переподготовки и повышения квалификации кадров Российского университета дружбы народов, координатор совместной магистерской программы «Россия—Европа: языки и культуры» (РУДН — Университет Бордо Монтень, Франция). *Сфера научных интересов*: миноритарные языки, языковые контакты, изучение новых социолингвистических пространств и вопросы языковой и этнической идентификации. *Контактная информация*: e-mail: enedopekina@gmail.com

For citation:

Nedopekina, E. International Conference “Approaches to Migration, Language and Identity”, Lausanne, 4—6 May 2017. *Russian Journal of Linguistics*, 21 (4), 947—950. DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-4-947-950.

Bio Note:

Ekaterina M. Nedopekina, PhD in Philology, PhD in Slavic Studies (Bordeaux Montaigne University, France), Assistant of the General and Russian Linguistics Department at Philological Faculty (Peoples' Friendship University of Russia); Deputy Dean for International Relationships at the Philology Faculty, English Language Teacher at the Institute of Retraining and Advanced Training of the Peoples' Friendship University of Russia, coordinator of the joint Master's program “Russia—Europe: Languages and Cultures” (PFUR — University of Bordeaux Montaigne, France). *Sphere of scientific interests*: minority languages, language contacts, study of new sociolinguistic spaces and issues of linguistic and ethnic identification. *Contact information*: e-mail: enedopekina@gmail.com

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

ЗИНАИДА ЯКОВЛЕВНА ТУРАЕВА. К 95-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ TRIBUTE TO ZINAIDA TURAEVA

В октябре исполнилось 95 лет нашему автору — известному российскому лингвисту, доктору филологических наук, профессору Зинаиде Яковлевне Тураевой, знакомой нашим читателям по многочисленным статьям и неоднократно переиздаваемым книгам «Категория времени. Время грамматическое и время художественное. На материале английского языка» и «Лингвистика текста. Текст: Структура и семантика».

Юбилеи, подобные этому, заставляют нас задуматься о физическом долголетии поколения, на долю которого выпали тяжелейшие испытания, уготованные нашей стране в 20-м веке. Но еще больше волнует наше воображение долголетие творческое. В чем его секрет? Таят ли его одни лишь гены или ему помогает интерес к окружающему миру, неутомимый поиск жизненных и научных истин, желание поделиться своими открытиями с другими и дружба с молодежью? Кажется, все эти качества помогли Зинаиде Яковлевне Тураевой прийти к внушительному юбилею.

Родившись в Москве, она в пять лет переехала с семьей в Ленинград. После школы поступила в Кораблестроительный институт, но после первого курса учебу прервала война. Потом была блокада, когда вместе с ровесниками она дежурила ночами на крыше дома, чтобы тушить бомбы-зажигалки. Ее семье посчастливилось выбраться по «Дороге жизни», проложенной по льду Ладожского озера из голодающего города на «Большую Землю». Лишь слегка оправившись, молодая девушка ушла добровольцем в Красную Армию. И здесь она оказалась в самых горячих точках: служила машинисткой авиационной дивизии на Волховском, Сталинградском и Воронежском фронтах. Судьба была к ней милостива, и она вернулась домой целой и невредимой; остались в живых и ее близкие. Пережитое за годы войны заставило поменять профессиональные ориентиры. Кораблестроению она изменила и остановила свой выбор на филологии, поняв, что гуманитарное знание помогает человеку осмысливать опыт прошлого и настоящего, учит ценить прекрасное в жизни, природе и искусстве и стимулирует рефлексии об окружающем мире.

Вся дальнейшая профессиональная жизнь З.Я. Тураевой связана с Российским педагогическим университетом им. А. И. Герцена, в котором она проработала около полувека. О многом в ее карьере скажут сухие цифры — 150 печатных трудов, среди которых научные издания, учебники и учебные пособия; 27 лет заведования

кафедрой английского языка, которая из единицы, созданной для преподавания практических языковых навыков, выросла в научно-педагогическое и исследовательское подразделение; руководство 30 аспирантами, многие из которых впоследствии возглавили кафедры в российских университетах. Кроме этого, было чтение лекций в разных уголках СССР и за рубежом, разработка программ международного обмена преподавателями и студентами и участие в деятельности Советского комитета защиты мира, члены которого помогали приподнять железный занавес, отделявший СССР от стран Запада.

З.Я. Тураева — преподаватель, который вдохновлял студентов своей увлеченностью, тонким пониманием литературы и поэзии, глубоким проникновением в жизнь языка, который отражает душу народа и его культуру. Об этом написали Зинаиде Яковлевне Тураевой ее коллеги, аспиранты и студенты, приславшие поздравления к юбилею. Связь с коллегами и учениками, ставшими ее друзьями, продолжается и приносит ей огромную радость.

С середины 1990-х З.Я. Тураева живет в Германии. Но «заслуженный отдых» — формула, которая не подходит ей по характеру. Она стала членом совета и председателем жюри международного поэтического турнира Ibykus и Коринфских (Истмийских) поэтических игр, который ежегодно проводится в Штуттгарте. Все эти годы она продолжает писать. Кроме научных статей, одна из которых вышла в нашем журнале в прошлом году, она опубликовала новую книгу — «От мастерства писателя к открытиям читателя» (2016 г. Москва: URSS). В Германии же З.Я. Тураева написала мемуары, которые были изданы в Санкт-Петербурге в 2004 г., а в 2015 г. по просьбе своих многочисленных друзей, не говорящих по-русски, опубликовала расширенный авторский вариант книги воспоминаний на английском языке “In Search of the Past”. И не случайно на титульном листе значится: St. Petersburg — Böblingen: родной город и все что в нем прожито всегда остаются с автором. Так же, как и в художественном тексте, границы времени и пространства в тексте жизни — не более чем условность, над которой возвышается богатство окружающего нас мира.

Пожелаем Зинаиде Яковлевне Тураевой крепкого здоровья, энергии и неисчерпаемого жизнелюбия!

Редколлегия журнала «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика»